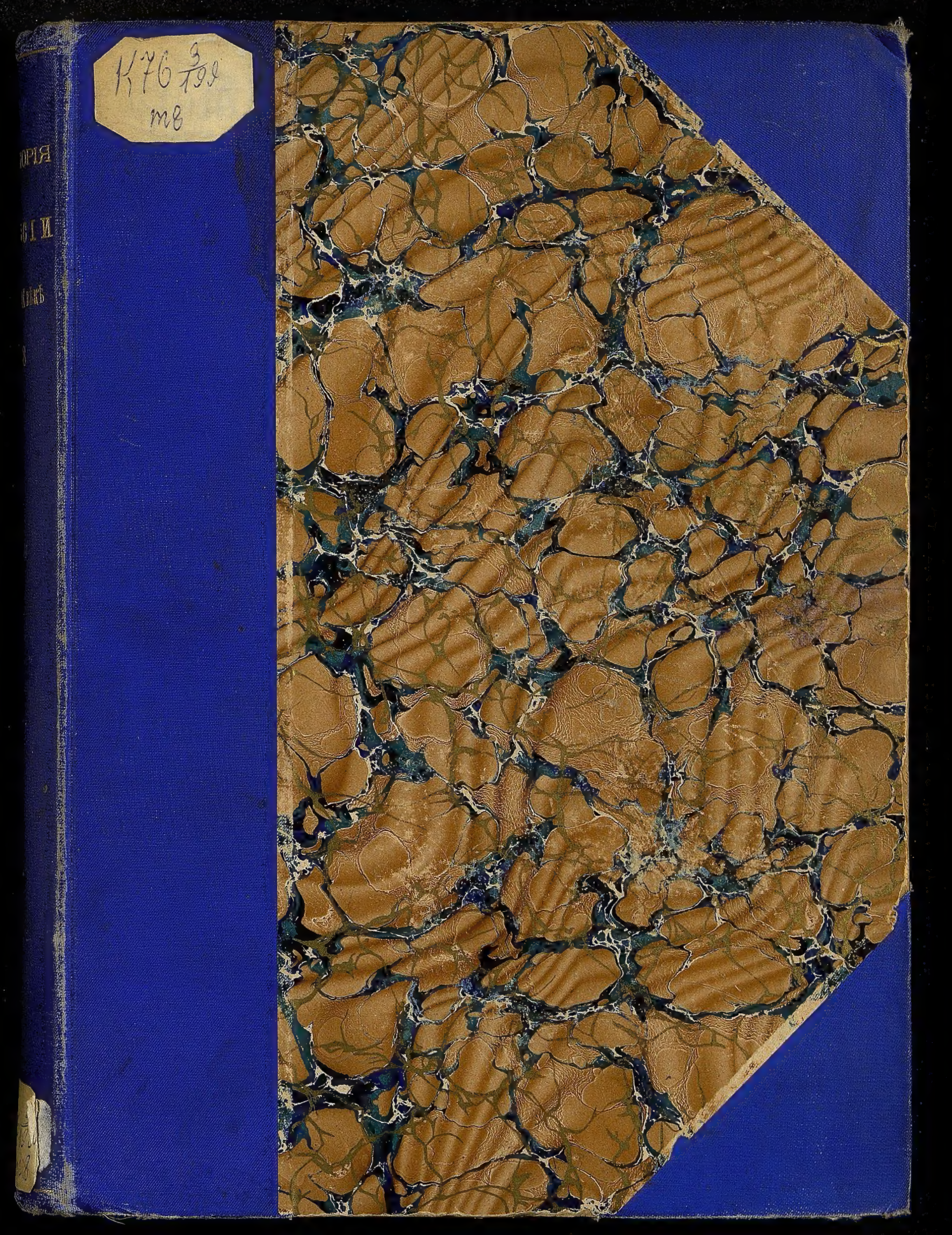
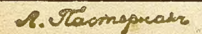

ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ

Томъ. № 8.

Изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

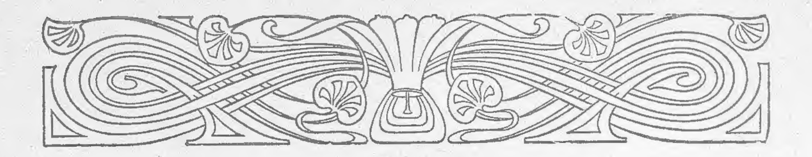

ТИПОГР. МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩ. (Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.)
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ФОНТАНКА, 117.

КОНЕЦЪ ВѢКА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

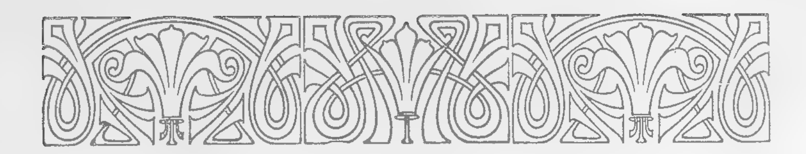

Оглавленіе VIII-го тома.

(Часть четвертая, отдѣлъ первый).

Подробное оглавленіе см. въ концѣ IV части (IX т.).

Снимки съ портретовъ, картинъ и скульптуръ, помѣщенные въ VIII томѣ.

илл вся

Объяснительный указатель художественныхъ приложеній см. въ концѣ IV части (IX т.).

ГЛАВА I.

Государственное хозяйство.

(1892—1903).

(М. И. Боголѣповъ.)

I.

Десятилѣтіе въ исторіи русскихъ финансовъ, захватившее конецъ XIX вѣка и начало XX-го, считается выдающимся періодомъ въ исторіи русскаго государственнаго хозяйства. Эти годы въ жизни Россіи составили эпоху крупнаго историческаго значенія. Въ короткій промежутокъ времени было сгущено много событій и фактовъ, оказавшихъ глубокое вліяніе на послѣдующія судьбы Россіи. Начало и конецъ этой эпохи были отграничены и вмѣстѣ съ тѣмъ омрачены огромными всенародными бѣдствіями: голодомъ 1891 года и русско-японской войной. Въ началѣ указанной эпохи передъ глазами всего міра была продемонстрирована внутренняя слабость Имперіи, гдѣ недородъ хлѣбовъ сопровождается ужасами голода, напоминающими мрачную и безпомощную эпоху далекаго средневѣковья. Въ концѣ періода тяжкому испытанію и унизительному осужденію подверглась внѣшняя мощь государства, игравшаго видную роль въ міровой политикѣ и всячески поддерживавшаго престижъ великой державы. Общимъ итогомъ и этихъ историческихъ демонстрацій и всей этой эпохи служатъ революціонныя смуты, охватившія своимъ пожаромъ всю Россію и поставившія государство и государственное хозяйство въ новыя условія и, можно думать, на новые рельсы...

Съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка русское государственное хозяйство начинаетъ быстро развиваться. Раскрѣпощеніе сельско-хозяйственнаго труда, съ финансовой точки зрѣнія, явилось замѣтнымъ умноженіемъ силъ и средствъ государства. Съ государственнаго хозяйства были сняты путы и узы крѣпостного строя народно-хозяйственной жизни; были произведены нѣкоторыя финансовыя реформы, отвѣчавшія новому укладу русской жизни. Для развитія государственныхъ

финансовъ были созданы болѣе нормальныя условія. Усиленное желѣзнодорожное строительство, связанное съ энергичнымъ привлеченіемъ въ Россію иностранныхъ капиталовъ, оказало вліяніе на несомнѣнный ростъ промышленныхъ силъ страны. Финансовая политика, расшатавшая выкупной операціей и постройкой жел. дорогъ устои натурально-крѣпостного строя, безусловно ускоряла внѣдреніе въ странѣ денежнаго хозяйства и капиталистическихъ способовъ производства. Все это вмѣстѣ взятое служило базой и источникомъ для развитія государственнаго хозяйства.

Въ ряду общихъ условій, благопріятно влiявшихъ на развитіе государственныхъ финансовъ, необходимо отмѣтить также и то, что съ 80-хъ годовъ Россія пользовалась внѣшнимъ миромъ. Правда, это былъ „вооруженный миръ", дорого обходившійся странѣ, но тѣмъ не менѣе около четверти вѣка Россія не знала крупныхъ войнъ, изнурявшихъ государство въ предшествовавшее время. Огромныя усилія и жертвы, которыя раньше вызывались веденіемъ частыхъ и изнурительныхъ войнъ, теперь затрачивались на достиженіе другихъ цѣлей и иныхъ задачъ. Для государственнаго хозяйства и финансовой политики важно было и то, что народное хозяйство развивалось безъ тѣхъ потрясеній и перерывовъ, которые прежде вызывались войнами. Въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ Россія пользовалась давно небывалымъ престижемъ, какъ огромное военное государство, имѣющее сильнаго, а, главное, богатаго союзника. И это обстоятельство было важно въ финансовомъ отношеніи: внѣшній престижъ доставилъ государству прочный и сравнительно дешевый кредитъ на иностранныхъ рынкахъ капитала, позволилъ, благодаря цѣлой серіи конверсій, сократить расходы по государственной задолженности и съ меньшими затратами привлечь въ страну большія количества иностранныхъ капиталовъ. Правда, внѣшній престижъ Россіи и ея видная роль въ европейской политикѣ заставляли бѣдную страну въ дѣлѣ военной обороны итти нога въ ногу съ передовыми промышленными и богатыми странами. Это обстоятельство не могло не наложить на русскіе финансы рѣзкаго отпечатка страшной натуги, напряженія. Само правительство въ концѣ 90-хъ годовъ, когда оно мечтало о сокращеніи военнныхъ расходовъ путемъ международныхъ соглашеній, признавало, что возрастаніе военнаго бюджета начинаетъ принимать „опасный оборотъ". Но это недугъ, свойственный всѣмъ современнымъ государствамъ; въ Россіи же онъ проявлялся ярче и нагляднѣе, благодаря народной бѣдности, стоявшей въ непримиримомъ противорѣчіи съ внѣшней политикой правительства...

Государство развивало широкую дѣятельность, что имѣло послѣдствіемъ быстрый ростъ имперскаго бюджета, увеличеніе и умноженіе налоговъ и возрастаніе задолженности. Съ конца 80-хъ годовъ изъ обыкновеннаго государственнаго бюджета исчезаетъ дефицитъ, который почти на протяженіи всего столѣтія разъѣдалъ организмъ государствен-

Н. Н. Ге. „Что есть истина?“

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“ Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“

наго хозяйства. Каждый годъ обыкновенные доходы государства давали теперь солидныя превышенія надъ обыкновенными же расходами. Въ рукахъ правительства искусственно скапливались колоссальныя суммы избыточныхъ средствъ, такъ называемая свободная наличность государственнаго казначейства, позволявшая правительственной власти проявить особенно энергичную дѣятельность...

Правда, лишь только въ государственномъ хозяйствѣ намѣчались первые признаки бюджетной устойчивости, что казалось неизмѣримымъ благополучіемъ по сравненію съ тѣмъ вѣчнымъ, хроническимъ недочетомъ, который царилъ въ недавнемъ прошломъ, какъ уже стали проявляться признаки непрочности достигнутыхъ успѣховъ, и эти признаки, замѣченные самимъ правительствомъ, вселяли въ него тревогу. Прежде всего давилъ огромный государственный долгъ, накопленный вслѣдствіе частыхъ войнъ; этотъ долгъ связывалъ руки правительства въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ привлеченіе иностранныхъ капиталовъ, удорожалъ кредитныя операціи и затруднялъ возможность частыхъ займовъ. Правительство же въ особенности нуждалось въ займахъ, такъ какъ въ государственномъ хозяйствѣ Россіи экстра-ординарный бюджетъ началъ играть весьма серьезную роль. Уже министръ Вышнеградскій вынужденъ былъ объявить смѣлую программу—покрывать чрезвычайные расходы обыкновенными доходами. Но осуществить эту программу выпало на долю его преемника. Правительственная политика предъявляла къ народному хозяйству весьма серьезныя требованія. Это было ясно и руководителямъ финансовой политики, имъ было видно, что въ своихъ запросахъ къ неокрѣпшему народному хозяйству государство заходитъ слишкомъ далеко, и уже министръ Бунге офиціально заявляетъ объ осторожности въ обложеніи, о необходимости щадить податныя силы страны. О „спасительной бережливости“ въ расходованіи государственныхъ средствъ говоритъ министръ Вышнеградскій, на котораго сильное впечатлѣніе произвелъ голодъ 1891 года, голодъ, который имѣлъ „самыя разнообразныя экономическія послѣдствія“ и замѣтно отразился на государственномъ бюджетѣ. Министръ считалъ, что усиленіе обложенія при такихъ условіяхъ „неминуемо должно замедлить естественное исправленіе послѣдствій испытанной невзгоды“.

Такимъ образомъ, къ началу 90-хъ годовъ выяснилось, что государство, слишкомъ торопливо воспользовавшееся плодами экономическаго и общественнаго оживленія послѣ „эпохи великихъ реформъ“, уже основательно исчерпало неглубокіе результаты недоконченныхъ преобразованій, и снова вставало лицомъ къ лицу съ неизбѣжнымъ стѣсненіемъ въ средствахъ, когда приходилось вспоминать и о „спасительной бережливости“, и объ осторожности въ обложеніи... Свѣжій и доказательный опытъ послѣднихъ трехъ десятилѣтій говорилъ о необходимости новыхъ реформъ, новыхъ толчковъ къ развитію народнаго хозяйства, полнаго раскрѣпо-

щенія все еще несвободныхъ общественныхъ силъ. Этотъ опытъ говорилъ о томъ, что реформы полезны не только народу, но и выгодны государству, такъ какъ даже послѣ слабыхъ и несовершенныхъ реформъ государственное хозяйство уже испытывало періодъ устойчивости и нормальнаго развитія. Къ началу 90-хъ годовъ интересы государственныхъ финансовъ снова выразительно подчеркивали необходимость дальнѣйшихъ реформъ.

Но, какъ извѣстно, политическія условія того времени совершенно исключали всякую возможность такихъ реформъ, которыя опирались бы на самодѣятельность общественныхъ классовъ, на политическое раскрѣпощеніе народныхъ массъ, на окончательную ликвидацію пережитковъ крѣпостной эпохи. Общественная жизнь Россіи стояла подъ знакомъ тяжелой реакціи, сознательно уничтожавшей даже тѣ немногія завоеванія, которыми общество владѣло съ эпохи 60-хъ годовъ. Правительство, избѣгая реформъ, въ которыхъ оно видѣло начало конца режима самовластья, предприняло смѣлый и рѣшительный шагъ: обойтись въ дѣлѣ государственнаго строительства не только безъ участія общества, всего народа, но наполнить бюрократической опекой всю жизнь Россіи, всякое движеніе и всякій шагъ общества поставить подъ контроль и управленіе государственной власти, насытить волею правительства всю атмосферу, въ которой жилъ огромный народъ. Правительство было охвачено пыломъ реакціоннаго реформаторства; оно въ интересахъ своего самосохраненія предприняло такой соціально-политическій опытъ, равнаго которому по размѣрамъ и средствамъ не знаетъ всемірная исторія человѣческихъ обществъ. Русская внутренняя политика пошла обратнымъ ходомъ, она свернула съ того пути, по которому раньше прошли западныя государства. Это реакціонное реформаторство выдвинуло крупную фигуру—С. Ю. Витте, который съ 1892 года получилъ въ свои руки портфель министра финансовъ и такую огромную власть, какой дотолѣ не пользовался ни одинъ министръ финансовъ. Взгляды, которыми руководился новый представитель офиціальной финансово-экономической политики, были изложены имъ въ извѣстной запискѣ о земствѣ и самодержавіи. Эти же взгляды проводились имъ и на страницахъ всеподданнѣйшихъ докладовъ о государственныхъ росписяхъ.

Въ своемъ докладѣ на 1893 годъ министръ говоритъ объ „особыхъ историческихъ условіяхъ государственнаго сложенія и развитія Россіи“, о томъ, что финансовое хозяйство Россіи не можетъ замкнуться въ строго опредѣленныхъ рамкахъ государственныхъ потребностей „въ общепринятомъ смыслѣ этого слова“: въ понятіяхъ русскаго народа, по мнѣнію министра, глубоко коренится исконное убѣжденіе, что царской власти принадлежитъ починъ во всемъ, до пользъ и нуждъ народныхъ касающемся.

Въ этихъ словахъ лежитъ цѣлая политическая программа, имѣвшая для государственнаго хозяйства огромное, опредѣляющее значеніе. Функціи государственной власти

расширялись безмѣрно, починъ правительственной организаціи долженъ былъ сдѣлаться единственнымъ факторомъ всяческаго развитія Россіи. Поэтому министру финансовъ и приходится говорить о томъ, что въ Россіи нельзя обходиться только съ одними государственными потребностями въ „общепринятомъ смыслѣ этого слова“, въ Россіи правительственная власть брала на себя тѣ задачи, которыя на Западѣ давнымъ-давно перешли въ вѣдѣніе органовъ мѣстнаго самоуправленія и самого общества. Государственная власть на Западѣ не обходилась безъ общества въ удовлетвореніи и такихъ потребностей, которыя являются „общепринятыми“, типичными для культурнаго государства. Въ Россіи же дѣло обстояло въ совершенно обратномъ порядкѣ, здѣсь общество было не только удалено отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ до крайнихъ и уродливыхъ предѣловъ была сужена компетенція мѣстнаго самоуправленія. Въ Англіи, напр., совокупность бюджетовъ органовъ мѣстнаго самоуправленія превосходитъ по своимъ размѣрамъ итогъ государственнаго бюджета. Въ Россіи даже и въ ничтожныхъ по своимъ размѣрамъ бюджетахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія львиная доля уходитъ на удовлетвореніе общегосударственныхъ потребностей подъ флагомъ такъ называемыхъ обязательныхъ расходовъ. Такимъ образомъ, расширеніе дѣятельности правительства, вызванное полнымъ недовѣріемъ къ обществу, направленное къ порабощенію этого общества, обусловило не только чрезмѣрное развитіе государственнаго хозяйства, но въ то же время тяжелымъ гнетомъ легло на органы мѣстнаго самоуправленія, въ конецъ исказивъ слабо просвѣчивавшую въ нихъ идею общественнаго самоуправленія.

Естественно, что такое направленіе внутренней политики, такъ ярко выраженное стремленіе правительственной власти не могло помириться ни съ „спасительной бережливостью“, ни съ „осторожностью въ обложеніи“. И, дѣйствительно, министръ, призванный къ управленію финансами въ 1892 году, т.-е. непосредственно послѣ вспышки страшнаго голода, обнаружившаго потрясающую бѣдность и нищету народныхъ массъ, этого основного ядра государства, заговорилъ совершенно другія рѣчи. Въ докладѣ по росписи на 1893 годъ формулируется одинъ изъ основныхъ принциповъ намѣчаемой финансовой политики: „не должно останавливаться даже передъ нѣкоторымъ временнымъ напряженіемъ платежныхъ силъ страны“. „Сдержанность (въ расходахъ) имѣетъ свои предѣлы, за которыми отклоненіе предъявляемыхъ требованій о разрѣшеніи расходовъ можетъ угрожать серьезными затрудненіями нормальному развитію гражданской и экономической жизни страны“. Годъ спустя, когда государственный бюджетъ вступилъ во второй милліардъ обыкновенныхъ доходовъ, такія рѣчи раздаются вновь. Министръ пишетъ, что послѣ 1888 года „для усиленія средствъ государственнаго казначейства приходилось прибѣгать къ изысканію новыхъ источниковъ дохода и къ нѣкоторому возвышенію

размѣровъ обложенія... Весьма возможно, что дальнѣйшее развитіе государственныхъ потребностей вызоветъ необходимость подобныхъ же мѣръ и въ будущемъ". Министръ снова подчеркиваетъ, что сдержанность въ государственныхъ расходахъ „является тормазомъ дальнѣйшаго развитія страны и въ значительной мѣрѣ затрудняетъ возрастаніе народнаго благосостоянія". Въ бюджетныхъ докладахъ настойчиво и по всякому поводу повторяется мысль, что средствами государственнаго хозяйства, т.-е. исключительно подъ ферулой центральной власти, будутъ умножаться „способы къ дальнѣйшему нарастанію и развитію силъ страны", будетъ поощряться „нормальное развитіе гражданской и экономической жизни", что новыя мѣропріятія „государственнаго благоустройства", обусловившія ростъ расходовъ, направлены „на пользу народному труду и промышленности", къ „развитію экономической жизни". Настойчивость этихъ фразъ, взятыхъ изъ разновременныхъ документовъ, фразъ, оправдывавшихъ возраставшія претензіи фиска, говоритъ все о той же тенденціи правительственной политики — дѣятельностью центральной власти замѣнить странѣ то, что нужно было бы дать ей путемъ реформъ, основанныхъ на довѣріи къ обществу. Старая, изжитая формула „общественное благо", которою съ давнихъ поръ прикрывалось абсолютистское полицейское государство, здѣсь, на порогѣ XX вѣка, получаетъ смыслъ и значеніе опредѣленной политической программы... При осуществленіи этой программы центральная власть практикуетъ пріемы, сродные патримоніальному строю государственныхъ отношеній и вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ себѣ на службу силы и средства техники и капитала, добытыя новѣйшими успѣхами человѣческихъ обществъ, жившихъ уже въ совершенно иныхъ политическихъ условіяхъ...

„Временное напряженіе" податныхъ силъ населенія началось въ томъ же 1892 году. Было проведено повышеніе налоговъ по всей линіи. Г. Витте съ изумительною быстротою и поспѣшностью выработалъ и представилъ въ государственный совѣтъ проекты возстановленія налога на соль, повышенія всѣхъ акцизовъ, т.-е., косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія (спиртъ, пиво, табакъ, сахаръ, керосинъ, спички), повышенія таможенной пошлины на хлопокъ, проектъ новаго налога на квартиры, новаго сбора съ лицъ, освобожденныхъ отъ воинской повинности, проекты повышенія сбора съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ и раскладочнаго промысловаго сбора. Отъ осуществленія всѣхъ этихъ проектовъ ожидалось ежегоднаго прибавочнаго дохода свыше 78 милл. р.; такимъ образомъ, было предположено налоговое бремя сразу повысить на 12%. Эта программа, за исключеніемъ налога на соль и налога на освобожденныхъ отъ воинской повинности, была осуществлена. Такимъ огульнымъ повышеніемъ налоговъ, главнымъ образомъ, косвенныхъ, былъ открытъ новый періодъ въ финансовой исторіи Россіи. Такимъ же безпощаднымъ взвинчиваніемъ податного пресса былъ

заключенъ этотъ же періодъ. Въ 1900 году были увеличены: акцизъ на спиртъ, съ пива, дополнительный акцизъ съ водочныхъ издѣлій; были повышены таможенныя пошлины на хлопокъ и на цѣлый рядъ другихъ привозныхъ товаровъ.

Эти энергичныя мѣры должны были, конечно, оказать свое дѣйствіе. Въ общей массѣ государственныхъ доходовъ въ 1891 г. 653,9 мил. руб. были получены черезъ посредство податей и налоговъ. Оговоримся: здѣсь подъ налогами разумѣются только такіе сборы, которые носятъ офиціально этотъ ярлыкъ; въ нашемъ же бюджетѣ многіе налоги скрыты въ другихъ источникахъ государственныхъ доходовъ, такъ что приведенную цифру нужно считать завѣдомо низкою въ сравненіи съ дѣйствительнымъ поступленіемъ отъ налоговъ и податей. Подъ давленіемъ повышенія податного бремени ростъ податного дохода постоянно увеличивался. Податной доходъ составлялъ въ

1892	году . . .	701,8	мил.	руб.
1893	„ . . .	761,2	„	„
1894	„ . . .	837,6	„	„
1895	„ . . .	858,8	„	„
1896	„ . . .	858,0	„	„
1897	„ . . .	860,2	„	„
1898	„ . . .	944,2	„	„
1899	„ . . .	1016,4	„	„
1900	„ . . .	1005,3	„	„
1901	„ . . .	1040,5	„	„

То-есть, податной доходъ за десять лѣтъ (1891—1901 гг.) увеличился на 60%. Увеличился ли въ такомъ же отношеніи народно-хозяйственный доходъ, удовлетворявшій повышенные запросы фиска?..

Въ общей сложности, при г. Витте, были повышены *всѣ* налоги, за исключеніемъ поземельнаго, нѣкоторые налоги повышались два раза, были введены новые налоги. Если обратиться къ даннымъ государственныхъ бюджетовъ, то нельзя сразу сказать, почему такъ безпощадно напрягались платежныя силы страны: каждый годъ обыкновенные государственные доходы и расходы балансировались не только безъ дефицитовъ, но и съ значительнымъ превышеніемъ доходовъ. Такія превышенія были введены въ систему съ 1888 года. Въ пятилѣтіе 1888—1892 гг. такія превышенія составили солидную сумму въ 306.029.936 руб. За періодъ съ 1893 г. по 1903 г. данныя, характеризующія новую систему бюджетныхъ исчисленій, рисуютъ изумительную картину: каждый годъ обыкновенные доходы давали весьма солидные излишки. За указанный періодъ времени эти превышенія дали 1.878.402.626 руб., т.-е. свыше 12% къ общей суммѣ доходовъ. По отдѣльнымъ бюджетамъ это отношеніе поднималось до 18% (1898 г.), спустившись ниже 10% только въ началѣ XX вѣка, когда правительство стало готовиться къ войнѣ съ Японіей и усилило обыкновенные расходы.

Связь между повышеніемъ налоговъ и превышеніемъ доходовъ очевидна. Ежегодное превышеніе доходовъ въ среднемъ составляло 12,2% по отношенію къ общей суммѣ дохода; мы видѣли, что въ началѣ своей дѣятельности г. Витте повысилъ размѣръ обложенія на 12%.

Возникаетъ вполнѣ естественный вопросъ: какую цѣль правительство

преслѣдовало такой системой? Зачѣмъ нужно было напрягать податныя силы страны, когда въ бюджетѣ совсѣмъ не было дефицитовъ, и каждый годъ получались громадные излишки обыкновенныхъ доходовъ?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и является тотъ фактъ, что съ нѣкотораго времени въ Россіи государственныя потребности перестали укладываться въ рамки потребности „въ общепринятомъ смыслѣ этого слова". Осуществленіе широкой программы реакціоннаго правительства наталкивалось на весьма серьезное препятствіе—недостатокъ средствъ. Текущіе государственные доходы покрывали текущіе же расходы по оборонѣ государства, по системѣ государственнаго кредита, внутреннему управленію и т. д. Правительственная же политика выходила далеко за предѣлы текущихъ функцій государственной власти. Ей нужно было предпринять рядъ такихъ дѣйствій, которыя были направлены къ „возможному устраненію неблагопріятныхъ условій, стѣсняющихъ экономическое развитіе страны", къ „возбужденію духа здоровой предпріимчивости". Это уже выходило за предѣлы обыкновенныхъ задачъ государственнаго финансоваго управленія. Если бы правительство въ достиженіи намѣченныхъ задачъ шло тѣмъ путемъ, по которому прошли западныя государства, то проведенныя реформы вызвали бы ростъ ординарныхъ расходовъ по поддержанію преобразованныхъ учрежденій, вообще по поддержанію всего дѣла реформъ. Тогда бы возросъ съ благими послѣдствіями обыкновенный бюджетъ государства, возрасли бы бюджеты органовъ мѣстнаго самоуправленія, такъ какъ масса функцій центральной власти могла бы быть передана общественнымъ учрежденіямъ, что было бы полезно и для государственнаго хозяйства, и для всего народа. Но разъ правительство „по особымъ историческимъ условіямъ государственнаго сложенія и развитія Россіи" пошло инымъ путемъ, то для него всталъ на первый планъ вопросъ о накопленіи такихъ запасовъ средствъ, которые во всякое время могли быть источникомъ чрезвычайныхъ расходовъ. Эти запасы, какъ мы видѣли, накапливались за счетъ косвеннаго обложенія. „Чрезвычайная" дѣятельность государственной власти обусловила развитіе въ русскомъ государственномъ бюджетѣ экстра-ординарнаго бюджета, занявшаго видную позицію въ системѣ государственныхъ финансовъ. Правительство не могло не предвидѣть, что осуществленіе его плановъ всею тяжестью будетъ падать на бюджетъ чрезвычайныхъ рессурсовъ, а потому въ 1894 году оно, расчищая поле для своей дѣятельности, разгружаетъ чрезвычайный бюджетъ, относя рядъ расходовъ, считавшихся доселѣ чрезвычайными, въ отдѣлъ обыкновенныхъ расходовъ. Сюда были отнесены расходы на перевооруженіе арміи, на заготовленіе спеціальныхъ резервовъ продовольствія, на портовыя сооруженія, на усиленіе и улучшеніе существующихъ желѣзныхъ дорогъ и разныя случайныя издержки по желѣзнодорожному хозяйству. Если бы всѣ эти расходы перенести

въ отдѣлъ обыкновенныхъ бюджетовъ *до* 1894 года, то сумма обыкновенныхъ расходовъ увеличилась бы[1])

въ	1888	г.	на	10.577.998	руб.
„	1889	„	„	14.564.126	„
„	1890	„	„	40.602.731	„
„	1891	„	„	52.773.363	„
„	1892	„	„	44.028.937	„
„	1893	„	„	55.852.474	„
„	1894	„	„	54.664.900	„

Такимъ образомъ, бюджеты 1888—1894 гг., давшіе значительныя превышенія обыкновенныхъ доходовъ, превратились бы въ дефицитные. Теперь же, при чрезмѣрномъ напряженіи податныхъ силъ, оказалось возможнымъ обыкновенными доходами покрывать часть бывшихъ чрезвычайныхъ расходовъ и ежегодно создавать огромныя превышенія.

Въ 1900 году состоялся новый переносъ части чрезвычайныхъ расходовъ на пріобрѣтеніе подвижного состава для желѣзныхъ дорогъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностей въ бюджетъ обыкновенныхъ расходовъ. Вслѣдствіе переносовъ по закону 1894 и 1900 гг. бюджетъ обыкновенныхъ расходовъ съ 1895 г. по 1901 г. былъ увеличенъ на 505.442.119 руб. Это—сумма, безусловно колоссальная... Если бы расходы по пріобрѣтенію подвижного состава и предшествующіе годы вносились въ отдѣлъ обыкновенныхъ расходовъ, то однородные результаты сведенія росписей представились бы въ слѣдующемъ видѣ [2]):

1903	г. . . .	+16.627.449	руб.
1902	„ . . .	+24.871.001	„
1901	„ . . .	+73.443.450	„
1900	„ . . .	—14.454.091	„
1899	„ . . .	—40.395.555	„
1898	„ . . .	—34.861.111	„
1897	„ . . .	— 2.100.364	„
1896	„ . . .	—21.605.474	„
1895	„ . . .	+ 9.007.411	„

т.-е. большинство бюджетовъ, вмѣсто превышеній дало бы дефициты...

Съ 1894 г. въ число чрезвычайныхъ бюджетовъ были отнесены расходы на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, на пріобрѣтеніе подвижного состава—(расходъ, перенесенный съ 1900 г. въ число обыкновенныхъ), расходы на веденіе войнъ, по борьбѣ съ народными бѣдствіями и досрочное погашеніе государственныхъ займовъ. Если мы обратимся къ статистикѣ чрезвычайныхъ расходовъ интересующаго насъ періода, то увидимъ, что общая сумма чрезвычайныхъ расходовъ за 1893—1903 гг. достигла огромныхъ размѣровъ: 2.979.303.619 р., не считая тѣхъ чрезвычайныхъ издержекъ, которыя были перенесены въ отдѣлъ обыкновенныхъ расходовъ. Изъ этой огромной массы было потрачено 1.647.413.111 руб. на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и выкупъ ихъ и усиленіе провозоспособности; 17.254.608 руб. израсходовано на сооруженіе и улучшеніе портовъ; 75.666.478 руб.—на вознагражденіе за право пропинаціи и усиленіе средствъ государственныхъ банковъ; 376.728.616 руб.—на погашеніе долговъ и операціонные расходы при погашеніи займовъ; 481.594.919 руб.—на возвратъ позаимствованій государственному банку; 295.880.698 руб. на военныя на-

[1]) *Кашкаровъ*. Главн. результаты госуд. денежн. хозяйства за послѣднее десятилѣтіе. Спб. 1895. Стр. 121.

[2]) *Кашкаровъ*. Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія. Спб. 1903. Стр. 16 и 53 (взяты подсчеты).

добности и 84.765.189 руб. на расходы по случаю неурожаевъ. За этотъ же періодъ времени всѣхъ чрезвычайныхъ доходовъ поступило лишь 1.342.878.502 руб., изъ этой суммы 1.217.282.582 руб. было добыто займами. Слѣдовательно, чрезвычайныхъ доходовъ далеко недоставало для покрытія всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ. Досрочное погашеніе государственныхъ займовъ и расчеты съ государственнымъ банкомъ за этотъ періодъ поглотили 991 мил. руб. Къ 1 января 1904 года значилось свободной наличности на 381 мил. руб. Эти цифры показываютъ, что суммы, добытыя займами, цѣликомъ ушли на погашеніе долговъ и отчасти на составленіе металлическаго запаса. Остальные крупнѣйшіе чрезвычайные расходы не находили соотвѣтствующихъ источниковъ въ чрезвычайныхъ доходахъ и были поэтому покрыты ежегодными превышеніями обыкновенныхъ доходовъ. Такимъ образомъ, новая система веденія государственнаго хозяйства сдѣлала то, что страна своими текущими доходами покрывала всѣ текущіе же расходы государства, серію чрезвычайныхъ расходовъ, объявленныхъ ad hoc обыкновенными и 56,6% всѣхъ огромныхъ чрезвычайныхъ расходовъ. Кромѣ того, на текущій же доходъ были возложены увеличенные расходы по новымъ государственнымъ займамъ, вызваннымъ тѣмъ, что 43,4% чрезвычайныхъ расходовъ были покрыты путемъ заключенія займовъ.

Таковы, въ общихъ чертахъ, результаты этого замѣчательнаго періода въ исторіи русскаго государственнаго хозяйства, когда все шло черезъ государство, когда реакціонная программа предъявила къ народному доходу небывалыя, чрезмѣрныя требованія и довела податной прессъ до точки высшаго давленія... Здѣсь интересно отмѣтить слѣдующій фактъ. Въ то время, когда русское правительство проводило смѣлую программу всяческаго ограниченія въ пользованіи займами и покрывало чрезвычайные расходы путемъ напряженія податныхъ силъ страны, на Западѣ почти во всѣхъ государствахъ нисколько не стѣснялись, при покрытіи чрезвычайныхъ расходовъ, обращаться къ займамъ. Въ западныхъ государствахъ только постепенно намѣчалась и проводилась программа ограниченія въ пользованіи займами и усиленія податного дохода. Эта программа на Западѣ въ значительной мѣрѣ была результатомъ роста и развитія податныхъ источниковъ. Въ Россіи же она явилась результатомъ стѣсненности публичнаго кредита. Поэтому новѣйшія тенденціи въ европейской финансовой политикѣ постепенно укрѣплялись, и въ Россіи онѣ по необходимости пришли къ своему логическому концу: истощенію платежныхъ силъ податныхъ классовъ, что заставило Россію прибѣгать къ ежегоднымъ займамъ на разорительныхъ условіяхъ для покрытія хроническаго дефицита. Бюджетныя превышенія доходовъ исчезли, концы съ концами оказалось возможнымъ сводить только при помощи займовъ. Повышеніе же податей и налоговъ перестало дѣйствовать, въ смыслѣ ожидаемыхъ результатовъ, въ полной мѣрѣ...

II.

Обсуждая этотъ фактъ, нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что за указанный же періодъ постоянно возрастали претензіи фиска и для покрытія государственныхъ потребностей, понимаемыхъ „въ общепринятомъ смыслѣ этого слова“, т.-е. все большія суммы расходовались и на обыкновенныя потребности государства. Россія принадлежитъ къ разряду такихъ странъ, гдѣ размѣры государственнаго бюджета растутъ особенно быстро. Съ 1892 г. по 1903 г. сумма обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ увеличилась съ 964.687.095 р. до 2.931.800.814 р., т.-е. на 110,6%. Правда, это чрезмѣрное возрастаніе отчасти объясняется чисто формальными причинами: государство построило за это время рядъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, выкупило въ свои руки рядъ частныхъ дорогъ, ввело винную монополію. Такъ какъ въ государственный бюджетъ были включены всѣ обороты этихъ предпріятій, то размѣры его не могли не распухнуть. Игнорировать такія оборотныя суммы нельзя, онѣ играютъ видную роль въ общей экономіи страны, но если мы выкинемъ эти оборотныя суммы и опредѣлимъ чистый доходный бюджетъ государства, то и въ такомъ случаѣ будетъ налицо напряженный ростъ государственнаго бюджета: чистый бюджетъ въ 1892 г. составилъ 701,1 м. руб., а въ 1900 г.—1114,2 мил. руб. Если бюджетъ 1892 года принять за 100%, то бюджетъ 1900 г. будетъ равенъ почти 159%.

Не нужно упускать изъ виду и того, что ростъ чистаго бюджета совершился почти исключительно за счетъ податного дохода. Выше были приведены данныя о ростѣ податного дохода; простое вычитаніе тѣхъ цифръ изъ только-что приведенныхъ характеризуетъ весьма наглядно господствующую роль въ русскомъ бюджетѣ налоговъ и податей и чрезвычайно скромную позицію всѣхъ остальныхъ доходовъ. Желѣзнодорожное хозяйство постоянно было убыточнымъ, такъ что эта отрасль государственной дѣятельности въ концѣ-концовъ сама опиралась на податной доходъ, требуя ежегодныхъ доплатъ. Казенная винная монополія, если изъ общей суммы ея доходности выкинуть оборотныя суммы, дастъ въ результатѣ доходъ отъ налога на спиртъ и, быть можетъ, незначительную монопольную прибыль, т.-е. опять-таки доходъ отъ монополіи по преимуществу будетъ доходомъ налогового характера. Въ 1892 г. доходы неподатныхъ источниковъ давали всего только 6% чистаго бюджета; въ 1900 г., когда государственныя предпріятія безмѣрно расширились, доходъ отъ нихъ составлялъ менѣе 10% чистаго бюджета. Отсюда уже видно, что въ Россіи ростъ государственнаго бюджета опирается, главнымъ образомъ, на податной доходъ, а этотъ доходъ увеличивается вслѣдствіе прироста народонаселенія и въ особенности отъ повышенія налоговъ и отъ введенія новыхъ налоговъ. А если мы примемъ во вниманіе, что въ Россіи налоги скрыты въ почтово-телеграф-

ныхъ таксахъ, во многихъ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, то должны будемъ придти къ заключенію, что русскій государственный бюджетъ питается въ подавляющей мѣрѣ податными источниками, т.-е. за счетъ текущаго народно-хозяйственнаго дохода. Поэтому ростъ государственнаго бюджета, если онъ не сопровождается такимъ же интенсивнымъ возрастаніемъ народно-хозяйственнаго дохода, означаетъ, что государственная власть съ каждымъ годомъ беретъ все большую часть этого дохода въ свое безконтрольное распоряженіе...

Ростъ государственныхъ доходовъ обусловленъ ростомъ расходовъ, такъ какъ въ современномъ публичномъ хозяйствѣ господствуетъ принципъ достаточности, т.-е. расходы опредѣляютъ доходы, а не наоборотъ. Въ 1892 г. сумма обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ составляла 910.684.299 руб., въ 1902 г.— 1.802.140.039 руб., т.-е. за указанный періодъ расходы возрасли почти на 100%. Если же взять бюджетъ въ обѣихъ его частяхъ, т.-е. ординарный и экстра-ординарный, то увидимъ, что онъ за этотъ же срокъ возросъ съ 1.125.456 тыс. руб. до 2.107.868 тыс. руб. Новый курсъ политики особенно наглядно проявился съ 1893 г., когда г. Витте взялъ въ свои руки бразды правленія. Чтобы оттѣнить значеніе этого курса, замѣтимъ слѣдующее: въ предществующее время бюджетъ возросъ на 118,9% съ 1867 по 1893 г. Теперь же возрастаніе на 100% совершилось въ гораздо болѣе короткій срокъ, и это, не смотря на то, что въ предшествующій періодъ были произведены крупнѣйшія русскія реформы; но тогда эти реформы носили другой характеръ и, принося пользу народному и государственному хозяйству, не вызывали такихъ огромныхъ расходовъ, какъ реформы реакціоннаго содержанія и характера...

Въ десятилѣтіе 1893—1903 гг. государственные расходы увеличились по отдѣльнымъ вѣдомствамъ въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Министерство путей сообщенія .	622%
Министерство финансовъ	278,4%
Вѣдомство святѣйшаго синода. .	247%
Государственный контроль . . .	181,9%
Государственное коннозаводство.	180,6%
Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ . . .	180%
Министерство народнаго просвѣщенія	169%
Министерство императорскаго двора	167%
Военное и морское министерства.	156,4%
Министерство внутреннихъ дѣлъ.	138,8%
Министерство юстиціи.	132%
Министерство иностранныхъ дѣлъ	128%
Высшія государственныя учрежденія	126%
Система государственнаго кредита.	115,6%

Общая сумма государственныхъ расходовъ возрасла до 197,4%. Эти расчеты сдѣланы при предположеніи, что сумма государственныхъ расходовъ въ 1893 г. равна 100 процентамъ.

Таблица, детализирующая возрастаніе государственныхъ расходовъ, не можетъ дать правильнаго представленія о системѣ расходнаго бюджета, такъ какъ распредѣленіе расходовъ по вѣдомствамъ, въ общемъ, очень мало говоритъ за то, на какія, именно, потребности тратятся государственныя средства. Чрезмѣрный

ростъ расходовъ по министерству путей сообщенія объясняется переходомъ въ руки государства частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Если расходы на военно-морское дѣло въ своемъ ростѣ отстали отъ расходовъ по министерству народнаго просвѣщенія, то это отнюдь не значитъ, что расходы на народное образованіе пользовались особыми симпатіями правительства. Въ 1892 г. расходы по министерству народнаго просвѣщенія составляли всего только 2,4% всѣхъ расходовъ, а расходы на оборону государства—26%. Черезъ 10 лѣтъ эти цифры измѣнились въ 2,04% и 18%. Бюджетное значеніе обѣихъ цифръ упало вслѣдствіе того, что ставки по нѣкоторымъ другимъ вѣдомствамъ страшно распухли вслѣдствіе включенія въ бюджетъ валовыхъ оборотовъ государственныхъ предпріятій. Это говоритъ за то, что съ бюджетными данными оперировать приходится въ высшей степени осторожно. Характеръ русскихъ государственныхъ расходовъ обнаруживается нагляднѣе всего при свѣтѣ сравнительныхъ данныхъ. По подсчетамъ иностраннаго статистика фонъ-Кауфмана, государственные и мѣстные расходы въ 1892 г. въ валовой формѣ распредѣлялись въ различныхъ государствахъ слѣдующимъ образомъ:

въ %-номъ отношеніи ко всѣмъ расходамъ:

	Россія.	Австрія.	Пруссія.	Италія.	Франція.	Англія.
Общее управленіе	13,26	9,28	6,90	6,87	4,65	3,21
Внутренняя безопасность, благотворительность и т. д.	6,56	7,65	8,44	8,91	5,37	15,32
Культъ	1,34	0,91	0,98	—	1,45	—
Образованіе, искусства и науки	3,99	6,32	8,34	5,13	7,01	7,62
Сношенія, исключая желѣзныхъ дорогъ и почты	2,95	4,32	4,35	9,82	8,42	5,06
Поощреніе промышленной жизни	1,62	3,82	1,66	0,55	1,18	1,02
Государственные долги	21,37	18,31	10,90	31,09	23,34	17,98
Оборона страны	31,58	13,59	14,82	16,16	21,22	20,24

Собственно говоря, опредѣлить точные размѣры расходовъ на удовлетвореніе опредѣленныхъ государственныхъ потребностей и точныя соотношенія этихъ данныхъ при хаотическомъ состояніи русскихъ финансовыхъ смѣтъ невозможно. Истинная физіономія расходнаго русскаго бюджета показалась лишь только тогда, когда правительство, собираясь представить государственную роспись народному представительству, немного привело документы въ порядокъ и, между прочимъ, вмѣсто распредѣленія расходовъ по отдѣльнымъ министерствамъ, факультативно ввело предметную классификацію государственныхъ расходовъ. Только при такомъ условіи удалось установить слѣдующее соотношеніе—для 1909 г.—государственныхъ расходовъ:

Оборона государства	32%
Платежи по займамъ	23,7%
Расходы управленія	23,1%
Расходы на производительныя потребности	12,6%
Пенсіи	6,2%
Гарантія доходовъ частныхъ жел. дорогъ	2,4%

Важно въ этой табличкѣ то, что она составлена по чистому бюджету расходовъ. Хотя эта таблица относится къ позднѣйшему времени, но можно смѣло сказать, что система государственныхъ расходовъ оставалась безъ всякихъ измѣненій съ давнихъ поръ и въ особенности прочно укрѣпилась какъ разъ въ разбираемый нами періодъ 1892—1903 гг.

Для финансовой политики чрезмѣрно быстрый ростъ государственныхъ расходовъ представляетъ большія неудобства. Хотя правительство и заявляло, что расходы эти чрезвычайно полезны народному хозяйству, хотя оно и пыталось данными экономической статистики поддержать свои завѣренія, однако, дѣйствительность говорила совершенно иное. И само правительство смущалось быстрымъ и непрерывнымъ приростомъ расходовъ, въ особенности такихъ, которые трудно отнести къ разряду производительныхъ. Русскій государственный бюджетъ исторически сложился такимъ образомъ, что онъ почти цѣликомъ раздѣленъ между двумя-тремя категоріями потребностей — расходы по государственному долгу, оборонѣ государства и содержанію огромнаго бюрократическаго аппарата. Ростъ ставокъ по этимъ категоріямъ расходовъ грозилъ поглотить остатки государственныхъ средствъ, которые направлялись на удовлетвореніе потребностей иного порядка. Правительство вело такъ неудачно казенныя предпріятія, что не только не получало съ нихъ дохода, но приходилось „доплачивать“: капиталъ, помѣщенный въ колоссальное желѣзнодорожное дѣло, не оправдывалъ себя. Особенностью русскаго бюджета съ давнихъ поръ было сдержанное удовлетвореніе такъ называемыхъ культурныхъ потребностей. Безпримѣрный ростъ бюджетныхъ размѣровъ для культурныхъ потребностей прошелъ почти безслѣдно. Не смотря на то, что каждый годъ получались колоссальныя превышенія доходовъ, правительство неизмѣнно урѣзывало удовлетвореніе культурныхъ потребностей. Если расходы на эти потребности и возрасли за время управленія финансами г-номъ Витте, то они представляются все-таки ничтожными по сравненію съ расходами на другія цѣли. Ростъ главнѣйшихъ расходовъ грозилъ нарушить бюджетное равновѣсіе. Финансовое благополучіе вообще было настолько зыбко, что правительство съ смущеніемъ взирало на постоянное увеличеніе государственныхъ расходовъ. Для правительства не могло оставаться тайной, что доходный бюджетъ растетъ далеко не естественнымъ ростомъ, что это явленіе всецѣло обусловлено напряженіемъ податного бремени. Вслѣдствіе этого правительство еще въ началѣ 90-хъ годовъ стремится къ возможному сокращенію расходовъ. Въ 1891 году на одномъ изъ докладовъ была положена резолюція императора: „настаивать на сокращеніи расходовъ необходимо“. Въ слѣдующемъ году это приказаніе повторяется,—и для сокращенія расходовъ, для этой финансовой вивисекціи, подлежащіе органы власти уполномочиваются не стѣсняться ни штатами, ни постановленіями, ни тѣмъ, что

расходы уже разрѣшены, предписывается разсматривать каждый расходъ по существу, т.-е. уничтожались тѣ препятствія, которыя впослѣдствіи затормозили дѣятельность Государственной Думы. Въ 1896 г. снова вырабатываются строгія правила для сокращенія расходовъ. Эта мѣра была вызвана разыгравшимися аппетитами отдѣльныхъ вѣдомствъ, требованія которыхъ „могли поставить государственное казначейство въ затруднительное положеніе даже при непрерывномъ возрастаніи его ресcурсовъ". Въ 1898 г. министръ финансовъ, забывая свою проповѣдь объ экономической невыгодѣ „сдержанности въ расходахъ", на страницахъ доклада подчеркиваетъ необходимость на время забытой спасительной бережливости и говоритъ о томъ, что нужно неуклонно стремиться къ бюджетному равновѣсію. „Задача эта не легка. Стремленіе расширить дѣятельность государства на пользу населенія, конечно, заслуживаетъ сочувствія и до нѣкоторой степени оправдывается положеніемъ дѣлъ въ нашей родинѣ—странѣ съ молодою сравнительно культурою и съ необычайно быстрымъ развитіемъ. Но если потребности безпредѣльны, то средства для ихъ удовлетворенія ограничены". Какъ видимъ, взгляды министра радикально перемѣнились. Въ томъ же году министръ получаетъ рескриптъ, въ которомъ снова подчеркивается необходимость сокращенія государственныхъ расходовъ.

Но всѣ эти мѣры и стремленія были безсильны остановить пущенный въ ходъ бюрократическій аппаратъ: на принципѣ самоограниченія безотвѣтственной власти невозможно строить финансовую политику. Въ томъ же 1898 г., когда шелъ разговоръ относительно сокращенія государственныхъ расходовъ, правительство увеличиваетъ размѣръ ежегодныхъ ассигнованій на кораблестроеніе и назначаетъ единовременно на ту же цѣль 90 милл. руб. Въ томъ же году, послѣ занятія Квантунскаго полуострова, скачкомъ возрастаютъ расходы на военное дѣло... Въ 1900 и 1901 гг. снова принимаются мѣры къ сокращенію расходовъ, министръ финансовъ свыше энергично поощряется къ развитію системы превышенія доходовъ, т.-е. правительство стремится къ тому, чтобы имѣть запасъ на черный день. Высочайшая резолюція на одномъ докладѣ гласила: „желательно, чтобы при составленіи росписи доходы исчислялись скромно, дабы имѣть по исполненіи бюджета серіозные остатки". Въ это время начались уже подготовленія къ предстоявшей войнѣ.

Стремленіе всячески сократить расходы захватываетъ даже область военныхъ расходовъ, что особенно наглядно проявилось въ два момента—въ 1895 и 1898 гг. Въ 1895 г. „увеличеніе требованій различныхъ вѣдомствъ и, въ особенности, возрастаніе расходовъ военнаго министерства на текущія его потребности, на сооруженіе стратегическихъ дорогъ, на перевооруженіе арміи и развитіе артиллеріи, на усиленіе обороны Пріамурскаго края, по Памирскому вопросу и т. д., начинало принимать опасный для нашего фи-

нансоваго положенія оборотъ. Почитая своею обязанностью строго оберегать бюджетное равновѣсіе, необходимое какъ для дальнѣйшаго развитія Россіи въ экономическомъ отношеніи, такъ и для сохраненія ея военнаго могущества, министръ финансовъ всеподданнѣйше докладывалъ государю императору, что дальнѣйшее возрастаніе военныхъ расходовъ можетъ, при малѣйшемъ проявленіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ, повести къ образованію въ нашихъ росписяхъ дефицитовъ, устраненіе которыхъ возможно было бы только при помощи крайне нежелательнаго установленія тяжелыхъ налоговъ". На этомъ докладѣ Е. И. В. угодно было начертать: „вполнѣ согласенъ съ высказанными вами соображеніями".

Въ 1898 г. по инициативѣ русскаго правительства созывается гагская конференція съ цѣлью ограниченія военныхъ расходовъ. Созывая эту конференцію, правительство, между прочимъ, писало: „колоссальные расходы (на войско), конечно, не могутъ быть производительными. Они истощаютъ источники доходовъ націй, содѣйствуютъ увеличенію налоговъ, парализуютъ дѣятельность финансовыхъ органовъ и задерживаютъ развитіе общаго благосостоянія". И, дѣйствительно, русскій народъ приносилъ богу войны тяжелыя жертвы. За пятилѣтіе 1888—1893 гг. расходы военнаго министерства по сравненію съ предшествующимъ годомъ возрасли на 1.085.613.000 руб. За это же время были одновременныя выдачи въ 30 и въ 80 милл. Слѣдовательно, за это пятилѣтіе военное вѣдомство истратило милліардъ 200 милл. На слѣдующее пятилѣтіе эта цифра повторяется и къ ней прибавляется еще 54.499.000 руб., затѣмъ снова „на усиленіе боевой готовности къ войнѣ" еще 182.786.000 руб. Второе пятилѣтіе, значитъ, обошлось уже въ полтора милліарда. Въ третьемъ пятилѣтіи (1899—1903) по военному вѣдомству повторяется полтора милліарда и къ этой суммѣ для усиленія боевой готовности прибавляется еще 243 милл. Та же самая исторія происходитъ и по морскому министерству, гдѣ, кромѣ высокихъ ежегодныхъ расходовъ, было затрачено на усиленіе боевой готовности флота около милліарда рублей...

При такомъ ростѣ непроизводительныхъ расходовъ дѣло не могло не принимать „опаснаго оборота"...

Чтобы уяснить себѣ причину, побудившую расточительное правительство забить тревогу по поводу слишкомъ быстраго роста расходовъ, нужно обратить вниманіе на состояніе тѣхъ источниковъ, которые питали бюджетъ.

Можно смѣло сказать, что съ 60-хъ годовъ XIX вѣка Россія не знала естественнаго роста государственныхъ доходовъ. Правда, еще въ 1896 г. министръ финансовъ споритъ съ общественнымъ мнѣніемъ, утверждавшимъ, что быстрый ростъ имперскаго бюджета не имѣетъ почвы въ условіяхъ народнаго хозяйства. Министръ пытается доказать обратное и установить полное соотвѣтствіе между ростомъ бюджета и народнаго благосостоянія, доказывая это тѣмъ, что насе-

В. Е. Маковскій. Вечеринка.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°"

2

леніе увеличиваетъ потребленіе продуктовъ, обложенныхъ акцизами и еще тѣмъ, что въ Россіи развивается капитализмъ: „никакого иного распространенія благосостоянія, кромѣ происходящаго на почвѣ этого капиталистическаго развитія, экономическая жизнь еще нигдѣ не знала“. Министръ при этомъ упустилъ изъ виду два обстоятельства. Развитіе въ Россіи капитализма, внѣдреніе денежнаго хозяйства перевернули народный бытъ, вслѣдствіе чего продукты, обложенные акцизами, перестали быть предметомъ относительной роскоши, превратившись въ необходимость. Во-вторыхъ, этотъ процессъ постепенно охватывалъ все болѣе широкія территоріи и глубже проникалъ въ народные слои. Поэтому судить по размѣрамъ роста косвеннаго обложенія о ростѣ народнаго благосостоянія по меньшей мѣрѣ рисковано. Съ другой стороны, такъ какъ ростъ народнаго благосостоянія, по словамъ министра, совершается на почвѣ развитія капитализма, то очевидно, что это благосостояніе и сосредоточивается въ карманахъ тѣхъ классовъ, которые при капиталистическомъ строѣ являются хозяевами жизни. Русская же податная система до сихъ поръ организована такимъ образомъ, что она не трогаетъ кармановъ тѣхъ классовъ, которые съ выгодою ощущали на себѣ ростъ капиталистическаго благосостоянія, но всею тяжестью обрушивалась на пасынковъ жизни, которые при развитіи капитализма усиленно освобождаются отъ всякихъ средствъ къ существованію. Финансовая система и явилась однимъ изъ факторовъ такого „освобожденія“. Не даромъ Нитти называетъ государство, какъ представителя самостоятельнаго хозяйства, величайшимъ экспропріаторомъ въ мірѣ. Но въ то же время, служа капитализму, русская финансовая система попадала въ опасное положеніе: глубокіе колодцы стали высыхать. Приходилось думать о сокращеніи государственныхъ расходовъ...

Попытки правительства сократить расходы не увѣнчались никакимъ успѣхомъ; попрежнему урѣзывались только расходы на культурныя потребности, но вѣдь не о такомъ „сокращеніи“ шла рѣчь. „Спасительную бережливость“ трудно привить въ той средѣ, гдѣ вся атмосфера располагаетъ безотвѣтственную и безконтрольную власть къ расточительности. Поэтому приходилось думать объ увеличеніи доходовъ, что въ русскихъ условіяхъ всегда было равнозначуще съ увеличеніемъ обложенія. Но взвинчиваніе податного пресса начало давать осѣчки и въ самый „блестящій“ періодъ русской финансовой исторіи. Эти осѣчки были прямымъ свидѣтельствомъ наступившей въ странѣ податной усталости, которая обычно проявляется въ слѣдующихъ формахъ: налоговой доходъ увеличивается, главнымъ образомъ, потому, что повышается размѣръ обложенія; повышеніе обложенія не приноситъ съ собой соотвѣтствующаго увеличенія податного дохода; накапливаются податныя недоимки. Изъ массы примѣровъ приведемъ два. Недоимки расли въ слѣдующей прогрессіи:

2[8]

Годы.	1882.	1893.	1899.
Губерніи.	По казеннымъ платежамъ съ окладной души.	По казеннымъ и мѣстнымъ платежамъ съ наличной души мужского пола.	
Воронежская	— р. 68 к.	6 р. 74 к.	18 р. 46 к.
Курская . .	— „ 11 „	3 „ 78 „	14 „ 31 „
Орловская .	2 „ 81 „	5 „ 81 „	21 „ 90 „
Пензенская .	— „ 37 „	8 „ 61 „	29 „ — „
Рязанская . .	1 „ 81 „	4 „ 15 „	14 „ 72 „

Такую колонну можно пополнить спискомъ почти всѣхъ россійскихъ губерній. Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе возраставшей недоимочности, нужно принять во вниманіе тотъ фактъ, что за этотъ періодъ прямое обложеніе почти не увеличивалось, что недоимки не разъ прощались, разсрочивались; слѣдовательно, относительная тяжесть прямого обложенія увеличивалась вслѣдствіе наступившей податной усталости, т.-е. по причинѣ пониженія народнаго благосостоянія. Въ среднемъ расчетѣ, въ черноземныхъ губерніяхъ, въ концѣ 90-хъ годовъ, недоимки достигали 152% оклада налога, въ отдѣльныхъ случаяхъ поднимаясь до болѣе высокихъ размѣровъ. Въ 1894 году въ 128 уѣздахъ недоимки въ среднемъ по уѣзду достигали годового оклада, даже превышали его; въ 29 уѣздахъ онѣ составили болѣе трехъ годовыхъ окладовъ; въ 3 уѣздахъ—до 6—7 окладовъ; въ одномъ уѣздѣ—до 984%...

Теперь возьмемъ примѣръ изъ области косвеннаго обложенія. Во всеподданнѣйшихъ докладахъ часто измѣрителемъ народнаго дохода и достатка выбираютъ, именно, косвенные налоги, и, между прочимъ, потребленіе водки. Какъ разъ проявленіе податной усталости можно наблюдать на примѣрѣ питейнаго налога. Питейный налогъ, доставившій русскому бюджету славу „пьянаго бюджета“, съ давнихъ поръ приносилъ государственному казначейству около трети всѣхъ доходовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ правительство смотрѣло за этимъ налогомъ очень внимательно и прибѣгало къ повышенію акциза на водку при всякихъ затрудненіяхъ въ средствахъ. Нельзя сказать, чтобы ростъ питейнаго дохода въ теченіе „блестящаго“ періода радовалъ правительство. Если поступленіе отъ этого источника въ 1892 г. мы примемъ за 100%, то въ 1901 году питейный доходъ доросъ лишь только до 116,29%. Въ 1891, 1897 и 1901 гг. питейный доходъ, вопреки усвоенной системѣ, далъ даже недоборъ противъ предположеній росписи. Ростъ питейнаго дохода можно приписать только тому, что повышался акцизъ и расло народонаселеніе. Душевое потребленіе спирта не только не увеличивалось, но даже обнаруживало тенденцію къ пониженію. Душевое потребленіе въ 1892 г. составило 20,2 градусовъ; въ 1901 г.—19,7 гр. Если же мы возьмемъ для сравненія болѣе продолжительный періодъ, то увидимъ, что паденіе потребленія было болѣе значительнымъ. Потребленіе спирта въ градусахъ на душу составляло въ губерніяхъ:

	Въ 1885 г.	Въ 1893 г.
Столичныя	71	62,7
Сѣверныя	19,8	14,3
Восточныя	20	13,8
Среднія промышленныя . .	27	22,6
Среднія черноземныя	25	17,3
Малороссійскія	29	19,2

	Въ 1885 г.	Въ 1893 г.
Прибалтійскія	25	20,2
Сѣверо-западныя	26	18
Юго-западныя	41	24,9
Южныя	32	27,6
Царство Польское	21	18,1
По всей Европ. Россіи	28	21,4

На пониженіе потребленія спирта оказали вліяніе многіе факторы. Потребленіе водки въ Россіи весьма сильно зависитъ отъ урожаевъ. Какъ извѣстно, съ 1891 года Россія вступила въ полосу недородовъ, вызывавшихъ спорадическія народныя голодовки. Это обстоятельство не могло остаться безъ вліянія на размѣры потребленія водки. Не безъ вліянія осталось и систематическое повышеніе акциза, который въ началѣ 60-хъ годовъ былъ установленъ въ 4 руб. съ ведра и къ началу XX вѣка доросъ до 11 руб., т.-е. выросъ на 275%. Введеніе винной монополіи было результатомъ явнаго ослабленія этого источника государственнаго дохода. Въ государственномъ совѣтѣ совершенно откровенно формулировали цѣль винной монополіи, замаскированную въ глазахъ широкихъ народныхъ массъ пресловутой борьбой съ пьянствомъ; въ совѣтѣ говорили: „только путемъ монополіи государство можетъ извлечь изъ налога на спиртъ необходимый ему и значительно большій, нежели нынѣ, доходъ, съ наименьшими стѣсненіями и неудобствами".

При разсмотрѣніи общаго процесса возрастанія государственныхъ доходовъ темныя пятна блестящаго періода разрастаются въ темный фонъ. Можно замѣтить, что среднее ежегодное возрастаніе доходовъ за указанный періодъ составляло 7,2%, колеблясь въ дѣйствительности отъ 11,9% до 1,8%. По интенсивности нарастанія этотъ періодъ дѣлится на двѣ части: 1892—1899 гг. и 1900—1903 гг. Въ первой части нарастаніе въ среднемъ ежегодно составляло 8,4% (на 1,2% выше средняго за весь періодъ), во второй—4,9% (менѣе средняго на 2,3%). Правительство не могло не реагировать на это явное разстройство финансоваго механизма и не могло не догадаться, что такое разстройство является результатомъ общаго экономическаго упадка. Министръ финансовъ пересталъ въ своихъ докладахъ побѣдоносно указывать на ростъ косвеннаго обложенія, онъ уже позабылъ свои рѣчи изъ 1896 г., когда возрастаніе народнаго благосостоянія доказывалось развитіемъ капитализма. Въ 1902 г. министръ о развитіи капитализма говоритъ совершенно другое; въ бюджетномъ докладѣ констатируется, что въ Россіи, на почвѣ развитія капитализма, совершается процессъ перераспредѣленія хозяйственныхъ благъ, что этотъ процессъ обостряется той быстротой, съ которой совершается переходъ отъ земледѣльческаго быта и системы натуральнаго хозяйства къ періоду промышленно-земледѣльческому и системѣ денежнаго хозяйства и что такая экономическая революція невыгодно отражается на положеніи отдѣльныхъ группъ населенія и цѣлыхъ мѣстностей.

Поздно сдѣланное правильное наблюденіе надъ сущностью экономическаго процесса не могло бы помѣшать сдѣлать изъ него правиль-

ные выводы въ томъ смыслѣ, что разъ есть группы населенія, которымъ невыгоденъ покровительствуемый капитализмъ, то, значитъ, нужно перемѣстить съ нихъ центръ податной тяжести на тѣхъ, кому совершающійся процессъ перераспредѣленія принесъ однѣ только выгоды. Такого вывода министръ, конечно, не сдѣлалъ и не констатировалъ того далеко не случайнаго факта, что группы населенія, подверженныя невыгодамъ капитализма, тождественны съ тѣми группами, на плечахъ которыхъ лежитъ вся тяжесть финансовой системы. Признавъ очевидный фактъ, отъ котораго министръ отвертывался раньше при своихъ экскурсіяхъ въ область экономическихъ отношеній, руководитель финансовой политики на этотъ разъ также отвернулся отъ тѣхъ выводовъ, которые сами напрашивались послѣ признанія наглядно разраставшагося факта...

Впрочемъ, если на страницахъ того доклада, гдѣ были констатированы невыгодныя стороны процесса перераспредѣленія хозяйственныхъ благъ, министръ воздержался отъ выводовъ, то все-таки на правительственную политику очевидный фактъ оказалъ свое дѣйствіе: въ ноябрѣ 1901 года учреждается извѣстная комиссія по вопросу объ оскудѣніи центра; во главѣ этой комиссіи поставили товарища министра финансовъ г. Коковцева. На слѣдующій годъ министръ перестаетъ въ своемъ докладѣ заниматься капитализмомъ, какъ источникомъ народнаго благосостоянія, и центральнымъ пунктомъ выдвигаетъ вопросъ объ урожаѣ; еще черезъ годъ учреждается особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, во главѣ котораго поставленъ уже самъ министръ финансовъ. Все это свидѣтельствуетъ о большой тревогѣ, обусловленной наступавшимъ финансовымъ разстройствомъ и подчеркнутой разразившимся промышленнымъ кризисомъ.

Комиссія объ оскудѣнія центрально-черноземнаго района ничего не сдѣлала; разсужденія министра объ урожаѣ не повысили плодородія обездоленной русской нивы; особое совѣщаніе, будучи по существу пленарнымъ засѣданіемъ столповъ бюрократіи, по необходимости должно было остаться безплоднымъ: не могло же оно осудить правительственную политику, приведшую не только къ оскудѣнію центра, но къ истощенію всей народной Россіи, къ превращенію податного домохозяина въ податного нищаго... Извѣстную роль въ освѣщеніи финансоваго вопроса сыграли сельско-хозяйственные мѣстные комитеты, хотя финансовый вопросъ и не былъ офиціально поставленъ въ программу для занятій этихъ комитетовъ. Вѣроятно, это было сдѣлано потому, что во главѣ дѣла стоялъ министръ финансовъ, которому не хотѣлось выслушать рядъ непріятныхъ истинъ. Помѣщичій элементъ, наполнившій мѣстные комитеты, жестоко осудилъ финансовую политику и выставилъ рядъ требованій, осуществленіе которыхъ обогатило бы помѣщиковъ и отчасти было бы полезно простому крестьянину.

Всѣ эти факты доказали одно положеніе г. Витте, что финансовое искусство—не магія. Эту мысль ми-

нистръ хотѣлъ доказать тѣмъ, что финансовый блескъ *долженъ отразиться* блескомъ въ народномъ хозяйствѣ. Жизнь показала, что не было блеска въ народномъ хозяйствѣ, не было его *поэтому* и въ государственномъ хозяйствѣ. Финансовое искусство—не магія, а поэтому блескъ гніющаго дерева всегда говоритъ только о процессѣ разложенія...

Нагрянувшая война осложнила естественное развитіе финансоваго кризиса и поставила передъ русской финансовой политикой болѣе сложныя проблемы, но въ основныхъ своихъ чертахъ финансовое разстройство послѣ войны тождественно съ разрухой, корни которой укрѣпились въ теченіе „блестящаго" періода въ русской финансовой исторіи...

III.

Финансы—не ариѳметика, финансы—политика.

Бюджетная политика ведется для достиженія опредѣленныхъ соціально-политическихъ цѣлей и задачъ. Съ этой точки зрѣнія государственное хозяйство будетъ соціальнымъ фактомъ. Соціальные мотивы составляютъ внутреннее содержаніе всѣхъ финансовыхъ отношеній. Правительство, какъ представитель государственнаго хозяйства, руководится и,—большею частью,—подчиняется соціальнымъ мотивамъ, т.-е. опредѣленнымъ общественнымъ интересамъ въ то время, когда оно озабочено сбираніемъ государственныхъ доходовъ, а также и въ то время, когда оно расходуетъ собранныя средства.

Для пониманія и оцѣнки финансовой политики правительства опредѣленіе этой внутренней стороны финансовыхъ отношеній представляется положительно необходимымъ. Съ этой точки зрѣнія нужно признать, что въ Россіи правительственная политика всегда твердо охраняла раздѣленіе населенія на податные и привилегированные классы. Тотъ фактъ, что въ Россіи соціальныя различія получили фискальную номенклатуру, говоритъ о важномъ значеніи въ общественной жизни страны податного фактора. Со времени паденія крѣпостного права юридическія основанія податной классификаціи населенія отчасти измѣнились, такъ какъ многомилліонная масса крестьянства была объявлена „свободною", но въ то же время уплата подушной подати, надолго пережившей крѣпостную зависимость, осталась живымъ и внушительнымъ свидѣтельствомъ сохранившей силу старой соціальной классификаціи. Съ развитіемъ новыхъ формъ общественныхъ отношеній и экономическаго быта, подушная подать превратилась, наконецъ, въ полный анахронизмъ, обременительный для населенія и невыгодный для государственнаго казначейства. Подушная подать была отмѣнена и замѣнена съ большими выгодами для государственнаго казначейства рядомъ косвенныхъ налоговъ. Въ этомъ фактѣ сказалось вліяніе новыхъ условій экономическаго развитія Россіи. Эти но-

выя условія не перемѣстили центръ податной тяжести, а только видоизмѣнили характеръ финансовой системы съ технической ея стороны.

Уничтоживъ подушную подать, правительство вычеркнуло изъ финансовой системы единственный личный, правда, весьма грубой формы налогъ. Для того, чтобы заполнить образовавшееся въ бюджетной системѣ пустое мѣсто, было бы очень цѣлесообразно ввести совершенную форму личнаго обложенія—подоходный налогъ, это придало бы русскому бюджету необходимую ему эластичность и логически довершило бы „эпоху великихъ реформъ". Но правительство пошло инымъ путемъ: уничтоживъ осколокъ крѣпостного строя, правительство замѣняетъ подушную подать косвенными налогами на предметы потребленія широкихъ народныхъ массъ, т.-е. тѣми же въ сущности подушными налогами, только введенными въ иныхъ формахъ, слѣдовательно, суть соціальной подоплеки въ налоговой системѣ осталась нетронутой. Подъ гнетомъ финансовыхъ тяжестей остался классъ крестьянства, изъ котораго постепенно образовывался рабочій классъ, но это новое соціальное наслоеніе часто и въ подавляющей массѣ сохраняло съ деревней не только формальную, но и чисто фактическую связь. Связь эта поддерживалась, между прочимъ, податной системой, вооруженной круговой порукой и паспортной системой, такъ какъ въ русскихъ условіяхъ паспортъ имѣлъ крупное податное значеніе. Вслѣдствіе этого, рабочій классъ подпадалъ подъ дѣйствіе двойного фискальнаго гнета: въ городѣ, и вообще на фабрикахъ и заводахъ, рабочая масса испытывала на себѣ давленіе постоянно повышаемаго косвеннаго обложенія, падавшаго на предметы необходимаго потребленія; крестьянское же происхожденіе рабочихъ обязывало ихъ нести спеціальные деревенскіе налоги и сборы. Гнетъ увеличенныхъ налоговъ истощалъ и деревню, такъ какъ развитіе товарно-денежнаго хозяйства перекраивало деревенскій бытъ, и товары, обложенные акцизами, при помощи желѣзныхъ дорогъ, сдѣлались предметами необходимости для широкихъ слоевъ крестьянства...

Въ началѣ 90-хъ гг. правительство опредѣленно заявило себя сторонникомъ косвеннаго обложенія, но въ то же время и въ области прямого обложенія не было допущено никакихъ послабленій для основного податного класса. Несмотря на то, что въ русскомъ государственномъ бюджетѣ прямое обложеніе играетъ весьма скромную роль, тѣмъ не менѣе прямая подать всегда производила въ деревнѣ опустошающее дѣйствіе. Тяжесть прямыхъ налоговъ увеличивалась, главнымъ образомъ, наличностью несоразмѣрно высокихъ выкупныхъ платежей, при посредствѣ которыхъ крестьянство ликвидировало свои крѣпостныя отношенія къ помѣщичьему хозяйству, но въ то же время создало для казначейства выгодный источникъ ежегодныхъ доходовъ. Несоразмѣрность крестьянскихъ налоговъ была подчеркнута мѣстными сельско-хозяйственными комитетами, которые приходили къ выводу, что „налоги изъ году въ годъ высасы-

ваютъ изъ крестьянскаго населенія огромную часть его дохода, не давая взамѣнъ ничего для улучшенія культуры, для увеличенія производительности народнаго труда". Между прочимъ, въ офиціальныхъ документахъ, не предназначавшихся къ опубликованію, констатировалась подобная же мысль: государственный контролеръ въ 1896 году заявилъ въ своемъ отчетѣ о томъ, что „платежныя силы сельскаго населенія находятся въ чрезмѣрномъ напряженіи"; высочайшая отмѣтка противъ этого мѣста гласила: „Мнѣ тоже кажется". Въ 1898 году министръ финансовъ отвѣчаетъ на это заявленіе контролера и пишетъ о непомѣрномъ ростѣ государственныхъ расходовъ вообще, который „несомнѣнно неблагопріятно отражается на экономическомъ положеніи страны"; министръ особенно останавливается на ростѣ военныхъ расходовъ: „ростъ военныхъ расходовъ, — говоритъ министръ, — представляетъ для народнаго хозяйства тяжесть въ двухъ отношеніяхъ: во-1-хъ, ложась бременемъ на средства государственнаго казначейства и заставляя изыскивать для покрытія ихъ новые источники, расходы эти не только не содѣйствуютъ развитію доходовъ, но, наоборотъ, до нѣкоторой степени затрудняютъ развитіе платежныхъ силъ населенія, ибо увеличивающійся численный составъ арміи отрываетъ все большее и большее число рабочихъ рукъ отъ производительнаго труда, а, во-2-хъ, они влекутъ за собою сокращеніе расходовъ по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ, т.-е. являются существеннымъ тормозомъ для выполненія тѣхъ требованій культурнаго развитія страны, удовлетвореніе коихъ, способствуя подъему платежныхъ силъ населенія, тѣмъ самымъ облегчаетъ государству возможность дальнѣйшаго отпуска средствъ на производительные расходы". Какъ извѣстно, въ офиціальныхъ документахъ, написанныхъ тѣмъ же министромъ и предназначавшихся къ опубликованію, говорилось совершенно другое...

Въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ для московской губерніи устанавливалось, что изъ чистаго дохода средняго семейнаго надѣла въ 45 р. семья уплачиваетъ ежегодно 22 р. 50 к. прямыхъ налоговъ и 44 руб. 21 коп.—косвенныхъ. Крестьянскіе налоги въ курской губерніи поглощали до 100% дохода крестьянъ. Подавляющая масса комитетовъ высказалась за немедленную отмѣну выкупныхъ платежей, такъ какъ выкупаемая земля давно уже была оплачена. О необходимости отмѣнить выкупные платежи говорило и само правительство, но оно боялось пустить эту мысль въ обращеніе, такъ какъ не видѣло, чѣмъ оно могло бы немедленно заполнить бюджетную брешь. Но уже самый фактъ сознанія необходимости отмѣны выкупныхъ платежей говорилъ за то, что и правительство видѣло и сознавало опасности односторонняго взвинчиванія податного пресса...

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при такомъ явно ненормальномъ соотношеніи крестьянскихъ платежей и крестьянскихъ доходовъ реальные налоги, юридически падающіе на землю, фактически превращались въ личные

налоги, т.-е. принимали подушный характеръ, и такіе налоги приходилось отрабатывать не только на землѣ, но и всякими другими способами; правительству же приходилось такія подати не только „собирать“, но и „выколачивать“... Извращеніе характера земельной подати, вслѣдствіе ея полнаго несоотвѣтствія съ земельнымъ доходомъ, особенно ясно сказывается въ пріемахъ разверстки налоговъ, когда опредѣляющую роль играетъ не доходность земли, а количество работниковъ въ семьѣ, количество душъ мужского пола, скота и т. д. Уже этотъ одинъ фактъ достаточно ясно показываетъ, что земельная подать не могла оправдываться прямымъ доходомъ земельныхъ участковъ. Непосильная же подать неизбѣжно вызываетъ тяжелыя, суровыя формы ея взиманія. Вплоть до 1903 года въ Россіи дѣйствовала система круговой поруки крестьянскихъ обществъ. Круговая порука была живымъ свидѣтельствомъ сохранившейся изъ крѣпостной эпохи податной классификаціи населенія страны. Въ новыхъ условіяхъ данный институтъ растерялъ свои крѣпостническіе элементы, но зато, какъ губка, впиталъ въ себя фискально-полицейскій элементъ. Отмѣна круговой поруки должна была бы совершиться одновременно съ отмѣной подушной подати. Еще въ 1885 г. министръ Бунге категорически заявлялъ въ государственномъ совѣтѣ, что круговая порука приводитъ къ „разоренію плательщиковъ“. Но правительство было глухо къ такимъ заявленіямъ, оно не уничтожило податной соціальной классификаціи, наоборотъ, даже подчеркнуло ее созданіемъ „близкой къ народу“ и „попечительной“ власти земскихъ начальниковъ и цѣлой пирамиды бюрократическихъ властей и учрежденій. Все это подчеркивало положеніе крестьянъ, какъ безправной и безличной массы податныхъ единицъ, спаянныхъ цементомъ круговой поруки. Круговая порука усиливалась воздѣйствіемъ полицейской власти, въ рукахъ которой находилось дѣло взиманія податей. Участіе полиціи въ такомъ дѣлѣ приводило къ тому, что даже въ государственномъ совѣтѣ заявляли, что „въ недоимочной деревнѣ стоитъ стонъ и плачъ“... Что же происходило въ дѣйствительности?... Произведенная впослѣдствіи реформа взиманія податей (1899 г.) не устранила зла въ корнѣ, такъ какъ полиція по-старому осталась активной участницей въ процессѣ взиманія податей, превращая это дѣло въ „выколачиваніе“. Вся атмосфера, окружавшая крестьянское царство, оставалась отравленной старымъ ядомъ крѣпостныхъ отношеній и подчеркнутымъ выдѣленіемъ безправнаго „податного сословія“...

Уже этотъ одинъ фактъ чрезмѣрнаго напряженія платежныхъ силъ деревни говоритъ за то, что въ данномъ случаѣ правительственная политика направлялась въ сторону наименьшаго сопротивленія, всею своею тяжестью обрушиваясь на совершенно незащищенный и задавленный классъ сельскаго крестьянства. Единственная защита этого класса заключалась въ его потрясающей бѣдности: взяли бы больше, да нечего было взять... Но вопію-

щая несправедливость по отношенію къ „податному сословію“ обрисуется еще ярче, если для сравненія взять отношеніе фискальной политики къ помѣщичьему классу. Изъ того факта, что крестьянское хозяйство было переобременено податями и сборами, еще не слѣдуетъ того, что все вообще сельское хозяйство было задавлено податнымъ гнетомъ. Передъ лицомъ правительственной политики всегда различалось сельское хозяйство крестьянъ и помѣщиковъ. Не нужно добавлять, въ чьихъ интересахъ проводилось это различеніе. Цифры офиціальнаго происхожденія говорятъ за то, что крестьянская десятина была во много разъ тяжелѣе обложена, чѣмъ десятина помѣщика, если даже не считать выкупныхъ платежей, которые въ конецъ добивали хозяйство крестьянина. Вотъ чрезвычайно интересная таблица [1]).

На одну десятину обложенной земли приходится копеекъ оклада сборовъ:

Районы.	Крестьянской земли.										Помѣщичьей земли.	
	Казенныхъ.		Земскихъ.		Мірскихъ.		Страховыхъ.		Всѣхъ сборовъ.		Казенныхъ и земскихъ.	
	1891	1899	1891	1899	1891	1899	1891	1899	1891	1899	1891	1899
Сѣверный	55	50	18	21	12	20	11	9	96	100	9	12
Восточный	46	45	13	18	7	15	5	5	71	83	9	11
Средне-промышленный	115	111	20	27	24	56	19	24	178	218	16	19
Средне-черноземный	148	139	25	31	30	51	20	18	223	239	34	34
Малороссійскій	100	90	31	42	29	30	17	18	168	180	40	47
Прибалтійскій	180	69	12	9	96	81	3	3	291	162	13	13
Сѣверо-западный	73	66	13	12	25	38	10	11	121	127	13	11
Юго-западный	129	123	15	17	90	57	9	9	193	206	35	18
Южный	74	77	18	26	21	61	4	6	117	170	26	29
Сѣверный Кавказъ	31	25	3	3	14	36,7	3	0,3	51	65	4	4
Всего	85	80	18	23	19	37	11	11	133	151	20	20

Копеекъ.

Врядъ ли эта таблица нуждается въ комментаріяхъ. Явно, что помѣщичье хозяйство находится въ чрезвычайно привилегированномъ положеніи; но и этого было мало для командующаго класса. Послѣ голода 1891 года, изнурившаго *крестьянское* хозяйство, правительство спѣшитъ притти на помощь *дворянскому* и вообще *помѣщичьему* землевладѣнію. Казалось бы, что логика отсутствуетъ между голодомъ крестьянъ и субсидированіемъ помѣщиковъ, но всегда логика молчитъ тамъ, гдѣ особенно сильно говорятъ интересы защищенныхъ классовъ... Послѣ голоднаго года правительство энергично выдвигаетъ на очередь вопросъ объ охранѣ сельскаго хозяйства и этимъ

[1]) *Кашкаровъ.* Финансовые итоги. Стр. 125 и 127.

отвѣчаетъ на потокъ дворянскихъ ходатайствъ. Всюду заговорили о сельско-хозяйственномъ кризисѣ, русскіе же помѣщики всю бѣду, настигавшую зерновое хозяйство, сваливали на освободительную реформу и, забывая о выкупной операціи, требовали компенсацій. Послѣдующія дѣйствія правительства наглядно доказали, что въ данномъ случаѣ подъ охраной сельскаго хозяйства разумѣлось субсидированіе дворянскаго землевладѣнія. Крестьянское хозяйство по-старому осталось безъ всякой защиты и покровительства. Если бы правительство серьезно занялось охраной крестьянскаго хозяйства, то въ первую голову ему пришлось бы отмѣнить выкупные платежи, но такая мѣра была не по плечу руководителямъ финансовой политики, сводившимъ всѣ свои мѣропріятія къ непрерывному повышенію податного бремени, лежащаго на плечахъ бѣднѣйшихъ слоевъ населенія...

Правительство тѣмъ скорѣе отвѣтило на домогательство класса помѣщиковъ, что кризисъ, дѣйствительно, затронулъ сельское хозяйство, упадокъ хлѣбнаго экспорта встревожилъ правящія сферы, гдѣ прекрасно понимали связь благопріятнаго торговаго баланса съ задолженностью и съ возможностью заключать новые займы. Но въ русскихъ условіяхъ борьба съ сельскохозяйственнымъ кризисомъ свелась къ расширенію привилегій крупнаго землевладѣнія.

Общей мѣрой, направленной къ поддержанію сельскаго хозяйства, было учрежденіе особаго министерства для спеціальной защиты сельскаго хозяйства. Но эта мѣра не принесла сельскому хозяйству положительныхъ выгодъ: во-первыхъ, на управленіе сельскимъ хозяйствомъ и государственными имуществами затрачивались ничтожныя суммы (въ 1892 г.—1,25% общаго итога обыкновенныхъ расходовъ, въ 1901 году—1,32%), во-вторыхъ, министерство и оставалось министерствомъ, т.-е. бюрократическимъ учрежденіемъ, лишеннымъ творческой иниціативы, болѣе способнымъ къ „дѣлопроизводству“, чѣмъ къ живому дѣлу.

Впрочемъ, само правительство и помѣщики не ждали особыхъ благъ отъ новаго министерства, иначе зачѣмъ было, вскорѣ послѣ учрежденія спеціальнаго министерства, спѣшно проводить рядъ мѣръ, создававшихъ особыя льготы помѣщикамъ... Одна изъ такихъ мѣръ заключалась въ томъ, что съ 1896 года государственный поземельный налогъ понижался на 10 лѣтъ въ размѣрѣ 50%, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ средній подесятинный окладъ превышалъ 10 коп., было установлено взимать налогъ въ размѣрѣ 5 коп. Нечего и говорить, что по отношенію къ помѣщикамъ такое пониженіе налога отнюдь не являлось дѣломъ необходимости, такъ какъ вышеприведенныя данныя говорятъ за то, что и безъ того помѣщичья земля была обложена слишкомъ легко по сравненію съ землею крестьянъ. Характеренъ слѣдующій фактъ: въ 1900 г. былъ изданъ указъ о льготахъ дворянамъ-землевладѣльцамъ закавказскаго края. До 1900 г. дворяне этого края не несли никакихъ прямыхъ налоговъ, за исключеніемъ незначи-

тельныхъ сборовъ по содержанію мировыхъ и крестьянскихъ учрежденій. Переложеніе подымнаго кавказскаго сбора въ поземельный налогъ затронуло и дворянъ, такъ какъ уравняло ихъ въ платежахъ съ остальнымъ населеніемъ края. Дѣйствіе этой мѣры немедленно было парализовано особымъ указомъ, въ значительной степени ослабившимъ податное уравненіе закавказскихъ дворянъ...

Частное землевладѣніе получало весьма существенныя льготы въ области крѣпостныхъ пошлинъ и наслѣдственнаго налога. Въ 1897 и 1900 гг. были установлены отсрочки и разсрочки по взиманію пошлинъ. Въ 1895 году были установлены еще болѣе важныя льготы по взиманію крѣпостныхъ пошлинъ и пошлинъ съ безмезднаго перехода имуществъ, т.-е. въ послѣднемъ случаѣ, главнымъ образомъ, налога съ наслѣдствъ. Эти мѣры офиціально были направлены къ поддержанію частнаго землевладѣнія, въ виду паденія цѣнъ на зерновые продукты. Земельныя имущества совершенно были освобождены отъ 1%-наго налога при безмездномъ переходѣ отъ одного супруга къ другому, къ родственникамъ въ прямой восходящей или нисходящей линіи, къ усыновленнымъ дѣтямъ и къ супругамъ дѣтей. Въ позднѣйшемъ правительственномъ законопроектѣ реформы наслѣдственнаго налога читаемъ: „огульныя изъятія, установленныя для имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ земельныхъ, представляютъ собою явленіе почти исключительное, неизвѣстное какому-либо западно-европейскому законодательству". Къ этому нужно добавить, что льготы, проведенныя въ области обложенія наслѣдства, должны считаться безусловно экстра-ординарными милостями по адресу землевладѣльцевъ, такъ какъ въ Россіи наслѣдственный налогъ, какъ и вообще всѣ налоги, настигающіе владѣющіе классы, ничтоженъ по своимъ размѣрамъ, и, кромѣ того, взиманіе его организовано такимъ образомъ, что для заинтересованной стороны создается масса лазеекъ.

Болѣе существенной льготой для помѣщиковъ явилось установленіе тѣмъ же закономъ 1895 года новаго порядка исчисленія крѣпостныхъ пошлинъ, взимаемыхъ при продажѣ имѣній. До изданія этого закона пошлины взимались съ общей цѣны продаваемаго имѣнія, независимо отъ лежавшихъ на немъ долговъ. Съ 1895 года законъ предписываетъ вычитать изъ продажной цѣны имѣнія его задолженность, и, такимъ образомъ, 4%-ная пошлина зачастую сводилась на нѣтъ. Рядъ однородныхъ льготъ было проведено по отношенію къ особо привилегированнымъ имѣніямъ потомственныхъ дворянъ — различныхъ майоратовъ, заповѣдныхъ и т. п. Здѣсь государство пошло уже на прямые расходы въ цѣляхъ спасти въ рукахъ дворянъ земельныя владѣнія, грозившія уплыть въ руки не-дворянъ-помѣщиковъ...

Помѣщичье хозяйство, получая подобныя льготы, и безъ того, какъ мы видѣли, находится въ привилегированномъ положеніи по отношенію къ прямому обложенію. Прямые налоги, падающіе на частное землевладѣніе, слагаются изъ двухъ ве-

личинъ: казенныхъ и земскихъ. Крестьянская же земля несетъ болѣе сложное бремя. Вотъ составъ крестьянской подати для

	1891 г.	1899 г.
платежей казенныхъ . .	64,2%	53,2%
„ земскихъ . . .	13,2 „	15,2 „
„ мірскихъ . . .	14,3 „	24,1 „
„ страховыхъ. .	8,2 „	7,5 „
	100%	100%

Законодательство наполовину уменьшило бремя казенныхъ платежей съ земли; такимъ образомъ, съ этой стороны частное землевладѣніе было вполнѣ гарантировано противъ возможности переобремененія платежами. Новую гарантію подобнаго же рода создалъ законъ 1900 года, установившій предѣльность земскаго обложенія. Слѣдовательно, въ отношеніи прямого обложенія частное землевладѣніе получило полную гарантію. Иначе обстояло дѣло въ крестьянскомъ хозяйствѣ, которое, кромѣ непомѣрныхъ казенныхъ платежей и обязательныхъ страховыхъ взносовъ, уплачивало также земскіе и мірскіе сборы. Въ виду того, что въ земскихъ учрежденіяхъ преобладающее вліяніе получилъ классъ помѣщиковъ, то тяжесть земскихъ сборовъ естественно упала на крестьянъ въ болѣе значительной пропорціи. Это ясно видно и изъ вышеприведенной таблицы и изъ слѣдующаго сопоставленія:

Годы.	Среднее обложеніе земскими сборами одной десятины земли всякаго рода крестьянской,	помѣщичьей,	удѣльной и казенной.
1871	7,5 коп.	10,6 коп.	5,3 коп.
1880	10,5 „	15,5 „	7,4 „
1889	12,8 „	17,3 „	9,7 „
1895	16,8 „	21,6 „	11,0 „

Мірскіе (сельскіе и волостные) сборы падаютъ только на крестьянскую землю, и въ общей массѣ прямыхъ податей, обременяющихъ крестьянскую землю, какъ это видно изъ приведенныхъ уже данныхъ, мірскіе сборы занимаютъ весьма значительное мѣсто: около четверти всѣхъ крестьянскихъ платежей въ 1899 году. Между тѣмъ, общественное хозяйство „міра“ обслуживаетъ интересы не только однихъ общинниковъ, но и всего населенія, слѣдовательно, и помѣщиковъ. До 75% всѣхъ волостныхъ средствъ расходуется на общегосударственныя цѣли, или, вѣрнѣе, общесословныя. Въ данномъ случаѣ частное землевладѣніе является въ буквальномъ смыслѣ слова мірскимъ захребетникомъ. Такое захребетничество проявляется еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что на крестьянствѣ же лежитъ вся масса натуральныхъ повинностей. По закону натуральныя повинности несетъ только податной классъ, т.-е. крестьяне и мѣщане, остальныя сословія освобождены отъ этихъ тяготъ. Есть только одно исключеніе которое корнями своими упирается въ крѣпостную эпоху. Тогда дорожная повинность отправлялась помѣщикомъ и крестьянами совмѣстно, при чемъ помѣщикъ отпускалъ лѣсъ, а крестьяне отдавали свой трудъ. Въ такомъ положеніи дѣло находится и до настоящаго времени. Но, переводя эту повинность на деньги, получаемъ слѣдующую картину: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ отбываніе натуральной дорожной повинности для крестьянской земли обходится въ 21,7 коп. на десятину, а для земли

помѣщика—въ 3 коп., или для крестьянской—въ 12,9 коп., для помѣщичьей—въ 0,8 коп. и т. д... Остальныя же повинности, какъ мы и говорили, лежатъ исключительно только на однихъ крестьянахъ. Такъ дорого обходится крестьянству его незащищенное положеніе. Оно не только несетъ на своихъ плечахъ несоразмѣрно высокое бремя общихъ государственныхъ и мѣстныхъ повинностей, но и своими же средствами окупаетъ привилегіи другихъ классовъ...

Слишкомъ внимательное отношеніе правительства къ интересамъ дворянскаго класса проглядывало и въ другихъ сферахъ государственно-хозяйственной дѣятельности. Въ Россіи государство до сихъ поръ является крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ. При наличности огромныхъ площадей казенныхъ земель правительство не можетъ не оказывать вліянія на аграрныя отношенія страны. Такое вліяніе представляется тѣмъ значительнѣе, что масса крестьянскаго населенія съ теченіемъ времени начала испытывать настоящій земельный голодъ. Казенная земельная политика ближе всего затронула интересы крестьянства въ арендномъ вопросѣ. Въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ указывалось на то, что въ Европейской Россіи изъ 69 милліоновъ крестьянскаго населенія въ арендованіи земли заинтересовано болѣе 30 милліоновъ, т.-е. около 42%, снимающихъ ежегодно площадь въ 50 милл. десятинъ, что должно составить около 30% надѣльныхъ земель. За такую аренду крестьянамъ ежегодно приходится выплачивать арендныхъ денегъ до 315 милл. р. Крупное значеніе аренды въ жизни сельскаго населенія весьма выгодно для помѣщичьяго хозяйства. Отдавая землю въ аренду, помѣщикъ получаетъ доходъ, не прилагая никакого труда къ обработкѣ полей, такъ какъ арендный доходъ вытекаетъ изъ голаго права собственности. Когда совершалось освобожденіе крестьянъ, то представители голаго права позаботились о томъ, чтобы крестьянинъ всегда ощущалъ потребность въ помѣщичьей землѣ. Скоро около земли развилась настоящая спекуляція, цѣны росли, и, несмотря на это, крестьяне были вынуждены арендовывать землю по какой угодно цѣнѣ. Въ 90-хъ годахъ помѣщикъ жилъ въ условіяхъ такого сельскаго хозяйства, которое переживало затяжной кризисъ, обработка земли не могла дать хорошихъ результатовъ. Право на земельную собственность не могло быть выгодно, какъ это было въ періодъ растущихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Помѣщики ухватились, какъ за якорь спасенія, за возросшую нужду крестьянъ въ землѣ. Аренда помѣщичьей земли создала для помѣщика желанный выходъ изъ затруднительнаго положенія. Но у помѣщика былъ естественный конкурентъ — государство, которое могло предложить крестьянамъ свои огромные запасы свободныхъ земель и, такимъ образомъ, ослабить спросъ на аренду помѣщичьихъ земель. И, дѣйствительно, съ 80-хъ годовъ въ Россіи начинаетъ развертываться первая страница демократическаго арендкаго законодательства. До сихъ поръ по условіямъ формальнаго

свойства крестьянамъ трудно было подойти къ казенной землѣ. Но съ 80-хъ годовъ создается рядъ условій, которыя облегчаютъ этотъ доступъ. Торги на снятіе казенныхъ земель въ аренду изъ губернскаго города переносятся въ волость, облегчаются условія залоговъ, наконецъ, издается законъ о сдачѣ крестьянамъ казенной земли безъ торговъ. Все это должно было бы содѣйствовать значительному пониженію арендныхъ цѣнъ на землю. Въ особенности важно было установленіе сдачи земли безъ торговъ. На торгахъ арендныя цѣны на землю взбивались самими крестьянами.

Такими мѣрами намѣчались только первые и робкіе шаги демократизаціи арендныхъ отношеній. Въ сравненіи съ ирландскимъ арендныхъ законодательствомъ русское законодательство представлялось дѣтскимъ лепетомъ, но помѣщики испугались и этого лепета, они забили тревогу. Въ особенности ихъ напугала сдача казенныхъ земель безъ торговъ, такъ какъ такой способъ могъ уронить арендныя цѣны. Конечно, были приняты соотвѣтствующія мѣры. Одна изъ такихъ мѣръ была дана въ руки помѣщиковъ самимъ закономъ. Крестьянское ходатайство о сдачѣ казенной земли безъ торговъ прежде всего направлялось къ земскому начальнику, который—или самъ помѣщикъ, или явный представитель помѣщичьихъ интересовъ. Земскій начальникъ направляетъ крестьянское ходатайство въ мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ, присоединяя сюда свое заключеніе о количествѣ земли, нужномъ для просителей, свѣдѣнія о мѣстныхъ арендныхъ цѣнахъ и свое мнѣніе о платежеспособности крестьянъ-просителей. Управленіе государственныхъ имуществъ утверждаетъ или отказываетъ въ ходатайствѣ, и такое свое заключеніе направляетъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Если въ этомъ присутствіи не будетъ единогласія между его членами и управляющимъ государственными имуществами, то все дѣло губернаторомъ направляется министру государственныхъ имуществъ, который и рѣшаетъ вопросъ окончательно по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Такая волокита поднимается, если крестьяне попробуютъ возбудить ходатайство о сдачѣ въ аренду казенной земли безъ торговъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ помѣщикамъ нечего бояться паденія арендныхъ цѣнъ. Но и этихъ гарантій оказалось мало для защиты интересовъ помѣщичьяго класса. Законъ объ арендѣ казенной земли былъ „разъясненъ“ министерскимъ циркуляромъ. Губернскимъ присутствіямъ былъ сдѣланъ выговоръ за то, что они иногда сдавали въ аренду казенную землю по низкимъ цѣнамъ. Циркуляръ объясняетъ, что казна сдаетъ свои земли отнюдь не въ цѣляхъ облегченія положенія крестьянъ, а въ видахъ извлеченія изъ земли возможно большаго дохода. Если помѣщики пользовались арендными отношеніями въ цѣляхъ поправки своихъ пошатнувшихся дѣлъ, то и правительство въ своей арендной политикѣ, независимо отъ изданныхъ законовъ, встало на этотъ же

самый путь. Государство не отказалось отъ своей старой роли помѣщика. Облегченіе доступа къ казенной землѣ крестьянамъ вызвало только большій наплывъ арендаторовъ, а это взвинтило арендныя цѣны еще больше. Не даромъ министру государственныхъ имуществъ въ одномъ изъ представленій въ комитетъ министровъ пришлось заявить, что непомѣрная наддача арендныхъ цѣнъ вовлекла крестьянъ въ аренду казенной земли по такимъ цѣнамъ, которыя не соотвѣтствовали ни доходности арендныхъ контрактовъ, ни цѣнности земель и далеко превосходили матеріальную отвѣтственность крестьянъ, что приводило ихъ къ разоренію. Добавимъ, что собираніе арендныхъ платъ совершалось не особенно мягко: казна и удѣлъ имѣютъ, напр., обычай секвестровать весь хлѣбъ на участкѣ, въ случаѣ неуплаты въ срокъ арендной платы хотя бы однимъ лицомъ изъ группы мелкихъ арендаторовъ, снявшихъ землю товариществомъ...

IV.

По отношенію къ государственному бюджету отдѣльныя группы налогоплательщиковъ, даже отдѣльные налогоплательщики, являются на положеніи партнеровъ: если одинъ выигрываетъ, то кто-нибудь обязательно долженъ проиграть. Въ публичномъ хозяйствѣ, какъ мы уже и говорили, господствуетъ принципъ достаточности, т.-е. сумма необходимыхъ доходовъ опредѣляется суммой необходимыхъ при данномъ строѣ расходовъ. Поэтому, если одна общественная группа почему-либо не доплачиваетъ или платитъ мало налоговъ, то государство такія недоплаты должно взыскать съ другихъ общественныхъ классовъ.

Въ Россіи прямое обложеніе за разсматриваемый періодъ давало очень мало въ пользу государственнаго казначейства. Огромный классъ крестьянства былъ отягченъ выплатой выкупныхъ платежей. При помощи этой финансовой операціи, ясно показавшей, какую огромную силу заключаетъ въ себѣ государственный кредитъ, какъ орудіе соціальной эксплоатаціи, правительство раздѣлило доходъ крестьянскаго хозяйства между государствомъ и бывшими душевладѣльцами, промѣнявшими крѣпостныя души на процентныя бумаги. На этомъ примѣрѣ ясно видно, какъ подъ давленіемъ общихъ экономическихъ условій мѣняется форма соціальныхъ отношеній... Кромѣ того, на плечахъ крестьянства лежала вся тяжесть волостныхъ и сельскихъ расходовъ, весь тяжелый грузъ натуральныхъ повинностей, бо́льшая часть земскихъ сборовъ и сдѣлавшіеся необходимыми расходы по арендѣ земли, по обязательному страхованію, по содержанію духовенства и т. п. При такихъ условіяхъ государственное казначейство, направлявшее свои требованія къ деревнѣ въ формѣ прямыхъ налоговъ, по необходимости встрѣчало массу конкурентовъ, и волей-неволей, должно было считаться съ этими параллельно дѣйствующими насосами.

Выше были приведены данныя, изъ которыхъ видно, что съ теченіемъ времени составъ крестьянской подати измѣнился въ томъ направленіи, что казенные платежи съ крестьянъ въ процентномъ отношеніи къ другимъ сборамъ съ тѣхъ же крестьянъ уменьшились: въ 1891 г. въ общемъ составѣ крестьянской подати казенные платежи составляли 64,2%, а въ 1899 г.—уже 53,2%.

Повышать прямую подать съ крестьянъ правительству не приходилось, такъ какъ подобныя повышенія приводили лишь къ росту недоимокъ; по отношенію же къ помѣщичьему хозяйству правительство практиковало систему пониженій и всяческихъ льготъ. Остальныя прямыя подати, падавшія на городскихъ домовладѣльцевъ и торгово-промышленный классъ, организованы такимъ образомъ, что онѣ далеко не достигаютъ дѣйствительнаго дохода этихъ группъ населенія, такъ какъ обложенію подвергается не дѣйствительный доходъ, а предполагаемый, оцѣнка котораго поставлена въ условія, явно не гарантирующія хотя бы приблизительную достовѣрность. Правительство и само сознавало несовершенство техники подомоваго и промысловаго налоговъ, создающее для заинтересованныхъ классовъ незаслуженныя преміи, а государственному казначейству—хроническій недоборъ въ доходахъ. Но правительство предпочитало покрывать такіе недоборы переборами съ другихъ классовъ общества и не обнаруживало серьезныхъ намѣреній разстаться съ архаической системой обложенія: неоднократно выдвигавшійся проектъ подоходнаго налога проваливался какъ разъ въ средѣ бюрократическихъ верховъ [1]).

При такихъ условіяхъ правительству не оставалось ничего другого, какъ опереть фискальную систему на доходъ незащищенныхъ классовъ. Правда, эти доходы были очень ничтожны по своимъ размѣрамъ; правда и то, что львиная часть этихъ доходовъ пожиралась всевозможными налогами и сборами и другими обязательными расходами. Но правительственная политика расчитывала на то, что изъ дохода крестьянина или рабочаго можно оторвать необходимое, а такъ какъ крестьянство и рабочій классъ составляютъ многомилліонную массу, то расчетъ правительства приносилъ казначейству вѣрные барыши. Здѣсь въ тысячу первый разъ повторился опытъ всѣхъ бѣдныхъ, нищенскихъ странъ: главная тяжесть бюджета выносится наиболѣе бѣдными, обездоленными массами. Сущность правительственной системы достаточно выпукло обрисовалась въ мотивахъ проекта налога на соль, составленнаго г-номъ Витте. Министръ доказывалъ, что налогъ на соль будетъ совершенно незамѣтенъ для народныхъ массъ; введя такой налогъ, правительство получитъ 18 милл. ежегоднаго дохода „буквально изъ ничего", такъ какъ населеніе покупаетъ соль небольшими количествами и никому не составитъ тяжесть переплатить на этой покупкѣ лишнюю копѣйку...

---

[1]) См. статью: „Соціальные мотивы для введенія подоходнаго налога въ Россіи" въ *моей книгѣ:* „Финансы, правительство и общественные интересы". Спб. 1907. Стр. 159—207.

В. В. Верещагинъ. Смертельно раненый.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°"

3

Проектъ налога на соль не получилъ силы закона, такъ какъ всѣмъ была очевидна жестокость такой мѣры въ странѣ, гдѣ населеніе въ большинствѣ случаевъ ведетъ по необходимости растительный режимъ, требующій большихъ количествъ соли; общественному мнѣнію, горячо напавшему на этотъ проектъ, было ясно также и то, что въ деревенской жизни копейка бываетъ дороже рубля... Но провалъ этого нелѣпаго проекта не измѣнилъ взглядовъ правительства на возможность изъ ничего создавать милліардный бюджетъ. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности министръ Витте такъ формулировалъ свою точку зрѣнія: „косвенные налоги имѣютъ существенное преимущество надъ прямыми въ виду того, что взиманіе ихъ гораздо легче, что оно не требуетъ никакихъ понудительныхъ мѣръ, всегда тяжелыхъ и нерѣдко убыточныхъ для плательщиковъ, и что уплата косвенныхъ налоговъ производится, по мѣрѣ потребленія обложенныхъ налогами продуктовъ, небольшими взносами и въ такое время, когда плательщикъ имѣетъ средства для этихъ покупокъ, а слѣдовательно, и для уплаты налога. Наконецъ, по самой природѣ косвеннаго обложенія, оно въ каждый данный моментъ обильнѣе оплачивается тою частью населенія, которая обладаетъ наибольшею покупною способностью, а слѣдовательно, и вообще распредѣляется между плательщиками въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ ихъ платежными силами"...

Безспорно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ „офиціальной" теоріей косвеннаго обложенія, подобной офиціальнымъ же теоріямъ винной монополіи, какъ средства борьбы съ народнымъ пьянствомъ, квартирнаго налога, какъ суррогата подоходнаго обложенія, теоріи роста косвеннаго обложенія, какъ показателя возросшаго народнаго благосостоянія и т. д. Эти теоріи существуютъ лишь только для офиціальнаго обихода, на практикѣ же имъ всегда соотвѣтствуетъ нѣчто другое. Такъ и въ данномъ случаѣ: русская финансовая система, конечно, не знаетъ такихъ косвенныхъ налоговъ, которые выплачиваются только изъ избыточныхъ доходовъ населенія. Наши косвенные налоги падаютъ на предметы необходимости. Въ XVIII вѣкѣ масса населенія могла не покупать тѣхъ продуктовъ, которые нынѣ всѣ обложены, а въ концѣ XIX-го вѣка избѣжать косвенныхъ налоговъ можно было только однимъ радикальнымъ средствомъ — смертью. Эти черты русскаго косвеннаго обложенія удачно были обрисованы въ характеристикѣ одного изъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ: „не хочешь спать зимой по 17 часовъ, а работать при огнѣ, плати акцизъ на спички и керосинъ; хочешь покурить—плати акцизъ за спички и табакъ; хочешь выпить рюмку водки—плати въ 15 разъ дороже дѣйствительной стоимости, а если водку желаешь замѣнить чаемъ, плати за чай и сахаръ втрое дороже, чѣмъ они стоятъ на самомъ дѣлѣ; хочешь пахать плугомъ—плати таможенную пошлину на желѣзо и т. д., и т. д. Вообще, куда не повернись сельскій обыватель, вездѣ онъ чувствуетъ,

что съ него берутъ, берутъ и берутъ"...

Нужно замѣтить, что въ трудахъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ и косвенные налоги и ихъ офиціальная идеологія подверглись жестокой критикѣ. Въ этой критикѣ важно то обстоятельство, что она не имѣетъ и тѣни родства съ „крайними" теоріями, которыя принципіально отрицаютъ косвенное обложеніе, какъ страшный бичъ бѣднѣйшихъ общественныхъ классовъ. Если сельско-хозяйственные комитеты подняли руку на косвенные налоги, то сдѣлали они это не изъ теоретическихъ побужденій, а на основаніи фактическаго наблюденія надъ печальной дѣйствительностью: на мѣстахъ слишкомъ бросалось въ глаза полное несоотвѣтствіе тяжелыхъ налоговъ и пошлинъ съ податными и вообще платежными силами населенія. Такое наблюденіе, конечно, въ особенности рѣзко подрываетъ офиціальную теорію. Въ комитетахъ указывали, что „вся тяжесть бремени косвенныхъ и таможенныхъ налоговъ ложится на неимущіе классы", что эти налоги „неравномѣрно обременяютъ массу земледѣльческаго населенія", „препятствуютъ надлежащему развитію нѣкоторыхъ важныхъ отраслей сельскаго хозяйства". Спеціально по адресу г. Витте, какъ автора офиціальной теоріи косвеннаго обложенія, указывали, что „ошибочно считать правильное поступленіе косвенныхъ налоговъ, взимаемыхъ, главнымъ образомъ, съ предметовъ, первѣйшей необходимости, за признакъ возрастающаго народнаго благосостоянія; въ лучшемъ случаѣ это могло бы служить лишь показателемъ того, что народное оскудѣніе еще не достигло той степени обнищанія, при которой населеніе должно было бы отказаться отъ того, чтобы вечеромъ засвѣтить лампу, выкурить привычную трубку табаку, изрѣдка побаловаться чаемъ или по случаю свадьбы, крестинъ или похоронъ угостить гостей водкой".

Масса подобныхъ отзывовъ бьетъ въ одну цѣль: косвенные налоги въ Россіи развиты до крайнихъ степеней возможнаго податного давленія. Возрастаніе же косвенныхъ налоговъ падаетъ, главнымъ образомъ, на „блестящій" періодъ въ исторіи государственнаго хозяйства, что доказывается слѣдующей короткою табличкою:

	На душу населенія приходилось копеекъ.	
	въ 1892 г.	въ 1901 г.
Питейнаго дохода . .	228,4	234,3
Акциза со спирта и вина	205,4	218,3
„ съ табака . . .	22,9	31
„ „ сахара . . .	23,4	53,4
„ „ керосина .	10,9	21,4
„ „ спичекъ . .	4,4	5,9

Къ этимъ краснорѣчивымъ даннымъ необходимо присоединить тѣ таможенные налоги, которые, главнымъ образомъ, преслѣдуютъ цѣли, однородныя съ цѣлями косвеннаго обложенія, т.-е. облагаютъ народное потребленіе. Наши таможенные налоги построены на преобладающемъ обложеніи нѣкоторыхъ немногихъ по числу товаровъ, обложеніе товаровъ этихъ категорій даетъ главную часть таможеннаго дохода. Покровительственныя пошлины не играютъ въ русскомъ бюджетѣ крупной

фискальной роли. Въ періодъ съ 1892 года по 1901 г. возрасли доходы отъ пошлины [1])

на чай	56,4%
„ хлопчатую бумагу-сырецъ	118,2%
„ машины и аппараты . . .	92,5%
„ желѣзо всякое	70,1%
„ шерсть всякую	189,5%
„ желѣзныя и стальныя издѣлія	98,5%
„ вина виноградныя всякія .	48,3%
„ рыбу всякую	76,1%
„ каменный уголь и торфъ .	69,9%
„ прочіе товары	74,7%
„ всѣ пошлины съ привозныхъ товаровъ	75,8%

Характеръ русскаго косвеннаго обложенія обрисуется нагляднѣе, если мы обратимъ вниманіе на роль и значеніе въ народной жизни такихъ распространенныхъ предметовъ потребленія, какъ водка, чай и сахаръ. Десятки милліоновъ ведеръ водки, десятки милліоновъ пудовъ сахара, милліоны пудовъ чая, введенные въ составъ народнаго потребленія, оказываютъ, конечно, несомнѣнное и выдающееся вліяніе на характеръ народнаго быта. А такъ какъ эти ингредіенты народнаго потребленія въ то же время являются объектами высокаго косвеннаго обложенія, то вмѣстѣ съ тѣмъ внѣдреніе ихъ въ народный обиходъ оказываетъ огромное вліяніе и на экономическія условія существованія народныхъ массъ. Съ перваго взгляда могло бы показаться, что развитіе народнаго потребленія только что названныхъ товаровъ должно служить показателемъ роста матеріальной культуры, увеличенія народнаго благосостоянія. Мы видѣли, что офиціальная идеологія косвеннаго обложенія и оперировала съ такимъ выводомъ. Но въ условіяхъ русской народной жизни такой выводъ является въ высшей степени фальшивымъ. Въ Россіи простой народъ, — широкія крестьянскія массы, рабочій классъ,— всегда жили и теперь живутъ на границѣ нищеты, на границѣ простого физіологическаго голода. Время отъ времени эта граница переходится, и народъ подпадаетъ подъ власть ужасныхъ голодовокъ. Многочисленныя наблюденія, сдѣланныя надъ народной жизнью людьми самыхъ разнообразныхъ положеній и взглядовъ, убѣждаютъ въ томъ, что постепенно матеріальное благосостояніе простого народа понижается, и такое пониженіе принимаетъ угрожающій характеръ. Какъ разъ это пониженіе и безъ того низкаго уровня народнаго благосостоянія совпадаетъ съ періодомъ расширенія потребленія предметовъ, обложенныхъ акцизами.

Вотъ, напр., одинъ изъ авторовъ, чрезвычайно скромныхъ по своимъ политическимъ воззрѣніямъ, такъ характеризуетъ картину деревенской жизни послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка: „было бы поучительно составить правдивую выставку, на которой мы бы увидѣли не диковинки, а обыкновенныхъ крестьянскихъ коровъ и лошадей и тѣ зерновыя сѣмена, какими деревня обсѣваетъ свои поля. На такой выставкѣ не было бы самообмана... Не мѣшаетъ къ такой выставкѣ присоединить приданое большинства крестьянскихъ невѣстъ и показать въ картинахъ избы безъ соломенныхъ

[1]) *Кашкаровъ, М.* Op. cit. Стр. 159 и 155.

крышъ, снятыхъ для корма скота въ концѣ зимы, равно изобразить кистью художника коровъ, поднимаемыхъ кольями отъ безсилія встать на ноги вслѣдствіе зимней безкормицы, и, наконецъ, заключить все это кладовой большинства нашихъ крестьянъ и содержащимся въ ней имуществомъ. При этомъ обнаружится, что имущество заключается единственно въ старыхъ тряпкахъ, кое-какихъ веревкахъ, оборванной сбруѣ и обвитыхъ берестой горшковъ". Другой изслѣдователь говоритъ въ томъ же тонѣ: „былая картина полнаго довольства крестьянъ хлѣбороднаго центра Россіи совершенно измѣнилась къ началу XX вѣка. Новѣйшая сельская картина такова: всего чаще маленькая, убогая хата, въ которой не живетъ, а прозябаетъ постепенно вырождающаяся отъ скуднѣйшей растительной пищи крестьянская семья, одѣтая въ ситцевыя фабричныя отребья... Отваръ воды съ ничтожнымъ количествомъ кислой капусты, картофель, пшенная каша и черный хлѣбъ, смоченный этимъ же отваромъ, — вотъ обычная пища крестьянъ центра. О мясѣ, салѣ, конопляномъ маслѣ нѣтъ помина,—эта роскошь доступна лишь 3—4 раза въ году, въ большіе праздники"...

О деревенскомъ оскудѣніи, о деревенской нищетѣ и хроническомъ недоѣданіи не мало матеріаловъ дали извѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности...

При такихъ условіяхъ, конечно, нѣтъ никакой возможности говорить о томъ, что распространеніе въ народной средѣ покупныхъ предметовъ, обложенныхъ акцизами, является показателемъ роста матеріальной культуры. Точныя цифры, говорятъ, напр., за то, что въ Россіи, начиная съ 60-хъ годовъ, постепенно понижается потребленіе водки: если на душу населенія въ началѣ 60-хъ годовъ приходилось полтора ведра сорокаградусной водки, то въ концѣ 90-хъ годовъ эта квота понижается до полведра. Если же мы раздѣлимъ потребленіе водки на сельское и городское, то увидимъ, что собственно деревенское потребленіе водки будетъ еще ниже только что указанной квоты, такъ какъ на городскую душу приходится вина въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ на деревенскую. Точно также обстоитъ дѣло и съ сахаромъ, который потребляется по преимуществу въ городахъ: въ городахъ на душу приходится нѣсколько болѣе 30 ф., а въ деревняхъ—только шесть фунтовъ. Чай въ городахъ потребляется въ расчетѣ на одну душу въ размѣрѣ отъ 2 до 3 фунтовъ, а въ деревнѣ—около четвертки фунта. Слѣдовательно, косвенные налоги сильно обрушились на городское населеніе. Но и сельское населеніе страдаетъ отъ этого же зла. Водка въ русскомъ сельскомъ быту—печальная, но, при данныхъ условіяхъ, неизбѣжная необходимость. Чай и сахаръ изъ предметовъ народной роскоши, народнаго комфорта, русской бѣдностью превращены въ элементы народнаго питанія. Въ одной изъ записокъ, представленныхъ въ сельско-хозяйственные комитеты, читаемъ: „хотя и наблюдается въ настоящее время сильное потребленіе въ народной

средѣ чая, но зато исчезъ совсѣмъ почти квасъ; горячія щи стали предметомъ роскоши, и самъ народъ называетъ себя „водянымъ“, — ослабѣвшимъ отъ употребленія, главнымъ образомъ, тепленькой чайной водицы“...

Но несмотря на такіе скрупулезные размѣры потребленія въ народной средѣ товаровъ, обложенныхъ акцизами, тѣмъ не менѣе высокіе размѣры обложенія этихъ товаровъ приводятъ русскую деревню и низшіе классы городского населенія къ разоренію. По даннымъ изслѣдованій оказывается, что средняя крестьянская семья въ центральномъ районѣ Россіи ежегодно тратитъ въ годъ 101 руб. 20 коп. на покупку товаровъ, обложенныхъ акцизами. Изъ этой суммы 77 р. 7 к. уходитъ на покупку водки чая и сахара. Уплачивая изъ этой суммы рыночную цѣну названныхъ предметовъ, крестьянская семья вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ однихъ налоговъ 38 руб. 40 коп. Названная сумма расхода въ 101 руб. заключаетъ въ себѣ налоговъ, скрытыхъ въ продажныхъ цѣнахъ товаровъ, 44 руб. 21 коп. (Присчитаны налоги на ситецъ, керосинъ, табакъ и спички). Выше мы уже приводили данныя о систематическомъ повышеніи налога на водку. Повышеніе этого налога безусловно преслѣдовало однѣ лишь фискальныя цѣли, хотя правительство, какъ правило, прикрывало эти свои дѣйствія ореоломъ борьбы съ народнымъ пьянствомъ. Пьянство осталось пьянствомъ, но подъ гнетомъ непомѣрно высокаго обложенія народъ сталъ не только напиваться, но и пропиваться. Размѣры душевого потребленія водки за послѣдніе полвѣка русской исторіи сильно сократились, но расходъ населенія на водку продолжалъ возрастать, истощая платежныя средства населенія. Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка на душу населенія приходилось одно ведро и 4 бутылки при налогѣ въ 4 руб., а въ 90-хъ годахъ—на душу приходилось только 10 бутылокъ, но при налогѣ въ 10 и даже 11 руб. Система казенной винной монополіи, смѣнившая систему питейнаго акциза, принесла дальнѣйшее повышеніи налога, теперь искусно замаскированнаго въ продажной цѣнѣ водки. Потребленіе водки стало совершенно стаціонарнымъ, не колеблясь изъ года въ годъ, но цѣны на водку неизмѣнно расли. Слѣдовательно, при наличности казенной монополіи питейный налогъ обнаружилъ тѣ же свои дѣйствія, которыми онъ отличался на всемъ протяженіи исторіи русскаго питейнаго дѣла...

Нигдѣ въ мірѣ налогъ на чай не достигаетъ такихъ высокихъ размѣровъ, какъ въ Россіи, и это въ такой странѣ, гдѣ чай—не только любимый напитокъ, но и суррогатъ ежедневнаго обѣда. Во Франціи налогъ на чай колеблется въ размѣрѣ отъ 32 к. до 16 к. на фунтъ, Австрія взимаетъ 27 к., Германія—13 к., въ Россіи же байховый чай обложенъ въ $82^1/_2$ к. и 56 к. и даже скверный кирпичный чай въ 28 к. Что особенно важно отмѣтить, байховый чай всякихъ сортовъ и всякихъ цѣнъ обложенъ налогомъ въ одинаковыхъ размѣрахъ, а вслѣдствіи этого получается, что чѣмъ хуже чай, тѣмъ большею тя-

гостью падаетъ на него налогъ. Если зажиточная публика пьетъ хорошій чай, то въ цѣнѣ чая она уплачиваетъ 100% налога, а потребитель дешеваго и сквернаго чая уплачиваетъ въ цѣнѣ чая 300% налога...

Та же самая картина обнаружится и при дальнѣйшемъ анализѣ русскихъ косвенныхъ налоговъ, падающихъ на предметы широкаго народнаго потребленія. Народное потребленіе окружено желѣзнымъ кольцомъ косвенныхъ налоговъ. Строй русской экономической жизни измѣнился уже настолько, что населеніе не можетъ обходиться безъ покупныхъ предметовъ. Покупая же эти предметы, сокращая вслѣдствіе общей бѣдности и чрезмѣрной высоты обложенія потребленіе предметовъ, обложенныхъ акцизами, населеніе истощаетъ свои платежныя силы. Правительство же на сокращеніе потребленія отвѣчаетъ дальнѣйшимъ повышеніемъ косвеннаго обложенія. Получается заколдованный кругъ, опасность котораго подчеркнута въ теченіе послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка. Съ этою опасностью Россія вступила въ XX вѣкъ.

Но фискальная цѣль не закрывала собой всецѣло другихъ цѣлей, которыя проводились правительствомъ при помощи финансовой системы вообще и косвенныхъ, а также таможенныхъ, налоговъ въ частности. Эти налоги въ рукахъ правительства явились сильными средствами для достиженія соціально-политическихъ цѣлей. Если въ области прямого обложенія правительство провело рядъ существенныхъ льготъ по адресу владѣющихъ классовъ, то тѣмъ больше было поводовъ и удобнѣе была почва для такой политики въ сферѣ косвеннаго и таможеннаго обложенія, такъ какъ эти категоріи налоговъ тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ производствомъ и торговлей. Здѣсь та или иная конструкція налога можетъ служить для одной общественной группы источникомъ незаслуженнаго обогащенія, для другой—разоренія и оскудѣнія. Техническая подробность налога можетъ быть орудіемъ соціальной политики. Это краснорѣчиво сказалось на исторіи русскаго косвеннаго обложенія.

Уже предшествующее изложеніе доказало, что помѣщичье хозяйство съ 90-хъ годовъ было объектомъ усиленныхъ правительственныхъ заботъ и попеченій. Между прочимъ, въ области косвеннаго обложенія помѣщики получили отъ центральной власти такой „даръ любви“, какъ винную монополію. Правительство, какъ мы и говорили, имѣло достаточное количество чисто фискальныхъ побужденій создать громоздкую монополію по сбыту спиртныхъ напитковъ, но въ данномъ случаѣ интересы фискальные совпали съ интересами сельскаго хозяйства средняго и крупнаго калибра. Наступившее паденіе цѣнъ зерновыхъ товаровъ заставило помѣщиковъ искать болѣе выгодныхъ способовъ реализаціи урожая. Продажа хлѣба въ формѣ спирта и была однимъ изъ такихъ способовъ. Но когда спиртъ сбывался въ частныя руки, то помѣщичье хозяйство рисковало испытывать на себѣ невыгодныя послѣдствія зависимости отъ

промышленнаго и торговаго капитала. Воздѣйствовать на частныхъ капиталистовъ трудно, тѣмъ болѣе, что сельско-хозяйственный рынокъ въ Россіи всегда находился въ состояніи полной дезорганизаціи. Частный капиталистъ не можетъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководиться соображеніями о нуждахъ помѣщичьяго хозяйства, и рядъ фактовъ доказывалъ, что при прежней системѣ продажи спирта помѣщичье хозяйство могло оставаться только въ проигрышѣ. Поэтому у сельскихъ хозяевъ съ давнихъ поръ рождалась мысль вмѣшать въ дѣло сбыта спирта государственную власть. Правительство легче поддается воздѣйствію вліятельныхъ общественныхъ классовъ, а, съ другой стороны, для правительственной власти легче пойти на прямые убытки, такъ какъ эти убытки можно переложить на другія общественныя группы. О винной монополіи поэтому помѣщичій классъ мечталъ еще задолго до ея введенія. Такъ, напримѣръ, саратовское уѣздное земское собраніе ожидало отъ монополіи поднятія хлѣбныхъ цѣнъ, орловское губернское земское собраніе въ 80-хъ годахъ составило проектъ винной монополіи, какъ средства поднятія сельскаго хозяйства; симбирское губернское земское собраніе, смоленское—равнымъ образомъ находили винную монополію удобной формой поддержки сельскаго хозяйства.

Введеніе въ началѣ 60-хъ годовъ акцизной системы, хотя и не было прямо расчитано на покровительство помѣщичьему землевладѣнію, тѣмъ не менѣе интересы дворянъ-помѣщиковъ имѣлись въ виду. Государственный совѣтъ опредѣленно формулировалъ тѣ причины, по которымъ онъ стоялъ за акцизную систему. Между прочимъ, въ своей формулировкѣ государственный совѣтъ прямо указывалъ, что законъ объ акцизѣ „охранитъ цѣнность дворянскихъ имѣній". Но организація акциза была такова, что она разорвала интимную связь винокуренной промышленности и сельскаго хозяйства. Вслѣдствіе закона объ обложеніи спирта по нормальнымъ выходамъ, съ учетомъ перекура и недокура, въ Россіи быстро развилось крупное промышленное винокуреніе. Винокуренная промышленность, какой бы характеръ она не имѣла, всегда, конечно, приноситъ сельскому хозяйству извѣстную дозу выгоды, разница въ характерѣ винокуренія сводится къ разницѣ въ размѣрахъ выгодъ, приносимыхъ этой промышленностью сельскому хозяйству. Такіе размѣры выгодности промышленнаго винокуренія при системѣ акцизовъ были не достаточно высоки, что, конечно, не могло нравиться помѣщикамъ. Правительство шло на очень крупныя жертвы для того, чтобы большее количество хлѣба было перекурено въ спиртъ. Россія захлебывалась отъ спирта. Правительство, не ограничивая размѣровъ производства путемъ его нормировки, какъ это было сдѣлано въ сахарной промышленности, организуетъ въ широкихъ размѣрахъ вывозъ спирта за границу, при чемъ на этой операціи оно несетъ крупныя потери. Вывозъ спирта, между прочимъ, достигъ наибольшей высоты въ 1887 году, и въ этомъ году на вывозныя пре-

ми и на утечку въ пути было отчислено 2.297.770 руб. Къ этому расходу нужно прибавить еще потери казны на перекурѣ съ вывезеннаго количества, тогда окажется, что вывозъ только одного года стоилъ государству 6.300.000 руб. Слѣдовательно, на каждое вывезенное за границу ведро спирта уходило казенныхъ средствъ почти рубль. Поощреніе вывозной спиртовой торговли обошлось за 1865—1893 гг. въ 58,6 мил. руб. Этотъ расходъ, конечно, создавалъ выгоды сельскому хозяйству, но эти выгоды были косвенными и не шли прямо въ карманъ помѣщика. Классъ помѣщиковъ прекрасно могъ учесть тотъ фактъ, что введенная система обложенія по нормальнымъ выходамъ спирта изъ заторныхъ чановъ и система перекура, усиленная безакцизными отчисленіями, что все это—слишкомъ выгодная вещь, которую полезно обратить непосредственно въ карманъ помѣщиковъ-заводчиковъ, не раздѣляя богатой добычи съ представителями промышленнаго, коммерческаго винокуренія. За первые 27 лѣтъ существованія акцизной системы въ пользу заводчиковъ было отчислено перекура не менѣе, какъ на 400 мил. руб. Въ концѣ 80-хъ годовъ такія отчисленія составляли не менѣе 1/3 всей валовой выручки отъ заводскаго производства.

Наличность такихъ отношеній и такихъ выгодъ соблазняла и правительство, а тѣмъ болѣе помѣщиковъ, обратить этотъ золотой источникъ цѣликомъ въ пользу помѣщиковъ, заставить акцизную систему съ ея отчисленіями и преміями непосредственно служить классу помѣщиковъ. Это и было сдѣлано закономъ 4 іюня 1890 года. Законъ 1890 года ввелъ особое покровительство *сельско-хозяйственному* винокуренію. Сущность новаго закона заключалась въ томъ, что при удержаніи основъ акцизной системы, льготы, которыя были привязаны къ ней, были перевернуты кверху ногами. До изданія закона 1900 года льготы шли по адресу крупныхъ, прекрасно оборудованныхъ заводовъ. Это породило систему промышленнаго винокуренія. Съ 1890 года льготы пошли къ наименѣе слабымъ заводамъ, расположеннымъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Всякія отчисленія собственно изъ перекура отмѣнялись и замѣнялись безакцизными отчисленіями въ пользу заводчика въ обратномъ отношеніи къ размѣру выкурки. Скала общихъ безакцизныхъ отчисленій представлена была въ слѣдующемъ видѣ:

на первый выкуренный въ періодъ винокуренія милліонъ градусовъ отчисляется	2%
на выкурку свыше 1 до 3 мил. град.	1,5%
„ „ „ 3 мил. град. . .	0,5%

на выкурку свыше 12 мил. град. и на спиртъ, выкуренный въ теченіе 120 дней лѣтняго періода, отчисленій не дѣлается.

Такія льготы были распространены на все винокуреніе, промышленное и сельско-хозяйственное, но, очевидно, что и эти общія льготы имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, сельско-хозяйственное отчисленіе. Но для послѣднихъ, кромѣ общаго отчисленія, было установлено еще и дополнительное, въ слѣдующихъ размѣрахъ:

на первый выкуренный въ періодъ
$^1/_2$ мил. град. 4%
на выкурку свыше $^1/_2$ до 1 мил. . . 2%
" " " 1 " 3 " . . 1,5%
" " " 3 " 6 " . . 0,5%

Для того, чтобы данный заводъ былъ объявленъ сельско-хозяйственнымъ, необходима наличность въ имѣніяхъ, къ которымъ заводы приписаны, не менѣе 50 десятинъ пахотной земли. Вслѣдствіе такого правила, законъ 1890 года направилъ покровительство по адресу почти что только крупныхъ помѣщиковъ, въ экономіяхъ которыхъ были открыты винокуренные заводы.

Естественно, что новый законъ въ значительной мѣрѣ приспособилъ питейно-акцизную систему къ интересамъ помѣщиковъ. Статистика заводскаго производства и количества заводовъ обнаружила въ самомъ скоромъ времени, что законъ 1890 года обнаружилъ полное свое дѣйствіе. Акцизная система стала питать помѣщичье хозяйство.

Нѣтъ сомнѣнія, что такія выдачи помѣщичьему хозяйству должны были играть роль живой воды; не нужно добавлять, что эта живая вода проливалась за счетъ общественныхъ классовъ, на плечахъ которыхъ лежала главная тяжесть бюджета...

Но такихъ поощреній и премій помѣщикамъ было мало, да и правительство обнаруживало готовность итти на дальнѣйшія жертвы. Новыя льготы для класса помѣщиковъ принесла съ собою винная монополія. Винная монополія представляетъ изъ себя колоссальное государственное предпріятіе съ многомилліоннымъ оборотомъ. Главную часть ежегодныхъ расходовъ по винной монополіи составляетъ пріобрѣтеніе казною спирта. Эта операція тѣснѣйшимъ образомъ связана съ покровительствомъ сельскому хозяйству, такъ какъ казна, пріобрѣтая спиртъ, непосредственно устанавливаемыми цѣнами и выборомъ заводовъ, можетъ оказать прямое вліяніе на производство спирта, т.-е. въ конечномъ счетѣ на сельское хозяйство. Законодательство, удержавъ и при монополіи систему безакцизныхъ отчисленій, организовало сбытъ заводами спирта на такихъ условіяхъ, что мелкіе и средніе заводы, т.-е. непосредственно связанные съ сельскимъ хозяйствомъ, обязательно поставляютъ весь свой спиртъ въ казну. Слѣдовательно, для заводовъ этой категоріи сбытъ спирта былъ цѣликомъ обезпеченъ. Остальное количество спирта казна распредѣляла между отдѣльными заводами пропорціонально ихъ годовой выкуркѣ. Небольшое количество спирта казна пріобрѣтала съ вольныхъ торговъ и очень немного заготовляла хозяйственнымъ способомъ. Въ концѣ-концовъ система разверстки спирта между отдѣльными заводами по цѣнамъ, назначеннымъ министерствомъ финансовъ, подъ вліяніемъ настойчивыхъ ходатайствъ заводчиковъ окончательно вытѣсняетъ пріобрѣтеніе съ торговъ. Такимъ образомъ, сбытъ спирта былъ регулированъ, а это, конечно, отражалось и на производствѣ. Одно время раздавались въ средѣ заводчиковъ голоса, требовавшіе, чтобы казна скупала въ свои руки все годовое производство спирта и за-

тѣмъ свободными остатками торговала бы за границей. Такое довѣріе заводчиковъ къ министерству объясняется тѣмъ, что цѣны, назначаемыя правительствомъ, всегда были выше рыночныхъ цѣнъ, слѣдовательно, здѣсь заводчики получали несомнѣнный барышъ. Затѣмъ разверстка спирта между заводами избавляла заводчиковъ отъ дорого стоившаго посредничества скупщиковъ-спекулянтовъ, отъ невыгодъ взаимной конкуренціи заводовъ,—словомъ, значительно повышала выгоды винокуренія. При разверсткѣ спирта казна по отношенію къ заводчикамъ брала на себя очень опредѣленныя обязательства, давала заводчикамъ различныя льготы, какъ, напримѣръ, выдача авансовъ, пріемъ остатковъ спирта, освобожденіе отъ залоговъ при передвиженіи спирта и т. д. Такая обезпеченность сбыта спирта и льготность условій поставки его, высокія цѣны,—все это было создано казенной монополіей на мѣсто прежнихъ кабальныхъ отношеній между заводчиками и частными капиталистами и спекулянтами. Выгоды заводчиковъ, конечно, не могли не сопровождаться невыгодами потребителя: акцизъ на спиртъ въ 1902 г. былъ повышенъ на 40% сравнительно съ акцизомъ до-монопольнаго года (1895 г.). „Казенныя цѣны,—говорили въ государственномъ совѣтѣ,—въ общемъ выше не только прежнихъ оптовыхъ цѣнъ, но отчасти и цѣнъ на вино въ раздробительной продажѣ“. Впослѣдствіи повышеніе продажныхъ цѣнъ сдѣлалось обычнымъ пріемомъ финансовой политики. Въ Россіи же потребленіе водки является бытовой необходимостью; слѣдовательно, повышеніе продажныхъ цѣнъ на водку повело къ тому, что народъ сталъ не только напиваться, какъ это было въ эпоху дешевыхъ цѣнъ, но и пропиваться... Такъ, выгода одной группы ведетъ за собой неизбѣжно невыгоды другихъ общественныхъ классовъ, хотя правительство и заявляло, что оно „не можетъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ интересами отдѣльныхъ группъ“...

Повышеніе питейнаго налога въ монопольный періодъ, замаскированное въ повышеніи продажныхъ цѣнъ казенной водки, большею частью уходитъ на оплату дорожающаго съ каждымъ годомъ спирта. Въ 1896 году цѣна на разверсточный спиртъ была установлена въ 59 коп., а въ 1904 году она уже доходитъ до 75 коп. Офиціально цѣны на спиртъ, которыя устанавливаетъ министръ финансовъ, базируются на изыскиваемой министерскими агентами себѣ стоимости спирта и плюсъ 6% предпринимательской прибыли. Но такой пріемъ, конечно, остается только въ области канцелярскихъ мечтаній. Въ дѣйствительности, цѣны на спиртъ обезпечиваютъ заводчикамъ гораздо большіе барыши. За это говоритъ систематическое взвинчиваніе разверсточныхъ цѣнъ. Когда министерство финансовъ отказалось отъ смѣшанной системы заготовки спирта, когда оно прикончило систему вольныхъ торговъ и хозяйственныхъ заготовокъ, то оно утеряло критерій для назначенія мало-мальски естественныхъ цѣнъ на разверсточный спиртъ. Министръ очутился въ по-

ложеніи человѣка, изо дня въ день осаждаемаго просьбами о повышеніи цѣнъ на спиртъ. Въ концѣ-концовъ дѣло дошло до роковыхъ предѣловъ, о чемъ сообщило само министерство финансовъ въ своемъ офиціальномъ органѣ. Заводчики прекрасно учли свое положеніе. Они поняли, что если они сами не могутъ обойтись безъ казны, какъ главнаго, если не единственнаго покупателя спирта, то вѣдь и казна точно такъ же не можетъ обойтись безъ заводчиковъ-винокуровъ. И на почвѣ такихъ отношеній заводчики стали вести общій, объединенный походъ на государственное казначейство, систематически заламывая цѣны на предварительныхъ соглашеніяхъ о разверсткѣ спирта. Министерство финансовъ очень вѣрно охарактеризовало образъ дѣйствій помѣщиковъ-винокуровъ, заявивъ, что такими пріемами заводчики стремятся получить на спиртѣ такіе барыши, которые будутъ финансировать не только винокуренную промышленность, но и все помѣщичье сельское хозяйство. Помѣщикъ терпитъ убытокъ вслѣдствіе плохого веденія дѣла въ своемъ имѣніи, или вслѣдствіе паденія хлѣбныхъ цѣнъ, или потому, что русская хлѣбная торговля находится въ состояніи полнѣйшей дезорганизаціи, и вотъ отвѣтчикомъ за всѣ эти убытки должна явиться казна, которая назначаетъ высокія, неестественныя цѣны на спиртъ. Таковъ логическій конецъ эпопеи поддержки помѣщичьяго хозяйства за счетъ рессурсовъ государственнаго казначейства...

Все казенное монопольно-водочное хозяйство насквозь пронизано стремленіемъ подѣлить барыши выгоднаго промысла съ частными промышленниками, главнымъ образомъ, съ заводчиками. Если мы возьмемъ ректификацію спирта, которую правительство оставило въ рукахъ частныхъ заводчиковъ, то увидимъ, что данныя отчетовъ неизмѣнно, изъ года въ годъ, свидѣтельствуютъ объ умышленныхъ переплатахъ казны на этой операціи. Ректификація сырого спирта, т.-е. очистка его отъ сивушнаго масла и другихъ вредныхъ примѣсей, довольно дорого ложится на стоимость водки. Въ Европейской Россіи за послѣднее время ректификація сырого спирта на частныхъ заводахъ обходилась отъ 15 коп. до 23 коп. на ведро спирта въ 40 градусовъ. Когда же казна сама на своемъ единственномъ ректификаціонномъ заводѣ и на нѣкоторыхъ казенныхъ складахъ пыталась произвести такую же самую ректификацію, то оказалось, что эта операція никогда не обходилась дороже 9 коп. Въ настоящее же время на нѣкоторыхъ заводахъ введены такіе аппараты, которые даютъ чистый спиртъ безъ добавочной ректификаціонной операціи. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ оплата ректификаціи даетъ почти одну чистую прибыль. Но казна систематически переплачиваетъ лишнія деньги за эту операцію и, такимъ образомъ, искусственно увеличиваетъ прибыли заводчиковъ и недоборы казны. Ректификація спирта самой казнѣ обходилась иногда въ 5 коп. съ ведра въ 40 градусовъ. Если мы предположимъ, что средняя оплата ректификаціи спирта на

частныхъ заводахъ будетъ 15 к.,— въ дѣйствительности выше, — а на казенныхъ заводахъ—9 коп., то получится, что за годъ казна переплатитъ заводчикамъ лишнихъ денегъ никакъ не менѣе трехъ милліоновъ рублей; на самомъ же дѣлѣ эти переплаты будутъ болѣе значительными... Точно такимъ же образомъ казна поступаетъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ поставщикамъ и подрядчикамъ, которые принадлежатъ къ покровительствуемымъ классамъ населенія. А вѣдь изъ русскаго двухмилліарднаго бюджета около 900 милл. руб. уходитъ на оплату подрядовъ... Часто такое „покровительство" превращается въ покровительство отдѣльнымъ лицамъ, часто оно является чрезвычайно сомнительнымъ съ законной точки зрѣнія, но фактъ остается фактомъ... Казенная же винная монополія, какъ одна изъ крупнѣйшихъ казенно-хозяйственныхъ операцій, является типичнымъ образчикомъ веденія казною своихъ дѣлъ и типичнымъ примѣромъ такого покровительства, гдѣ интересы общественной группы, стоящіе подъ знакомъ покровительства, замѣняются интересами отдѣльныхъ лицъ...

На границѣ покровительства помѣщичьему хозяйству и крупному промышленному капиталу стоитъ дѣятельность правительства въ области сахарнаго вопроса. По отношенію къ потребителю здѣсь правительство заявило себя высокимъ налогомъ, который составляетъ 38,8% предѣльной продажной цѣны. Вслѣдствіе такого высокаго налога обложеніе сахара даетъ государственному казначейству весьма солидный доходъ. Вслѣдствіе важнаго бюджетнаго значенія сахарнаго дохода правительство всегда ревниво оберегало интересы сахарозаводчиковъ и всегда въ ущербъ потребителямъ. Одно время въ цѣляхъ поддержанія высокихъ цѣнъ на сахаръ на внутреннемъ рынкѣ правительство выдавало значительныя вывозныя преміи на сахаръ, вслѣдствіе чего на заграничныхъ рынкахъ сахарозаводчикъ могъ продавать сахаръ по цѣнѣ ниже издержекъ производства. Впослѣдствіи правительство такую систему покровительства само признало „ошибкой", сдѣланной въ видѣ „уступки усиленнымъ ходатайствамъ заводчиковъ", „въ явный ущербъ интересамъ всего нашего потребленія". Правительство организовало сахарный налогъ такимъ образомъ, что сахарная промышленность неизбѣжно пришла къ необходимости синдицироваться. Затѣмъ, опять-таки охраняя интересы сахарозаводчиковъ и интересы казны, правительство беретъ сахарный синдикатъ въ свои руки, дѣлаетъ его обязательнымъ, вводя такъ называемую сахарную нормировку. Эта нормировка, сходная по своей обстановкѣ съ разверсткой спирта, привела къ тому, что сахарозаводчики были вполнѣ обезпечены высокими цѣнами, казна же получала опредѣленный и весьма высокій доходъ. Производство сахара было нормировано, излишки сахара выбрасывались на заграничные рынки. Придерживаясь системы тайныхъ вывозныхъ премій, правительство добилось того, что русскій, дорогой внутри страны, сахаръ на загранич-

ныхъ рынкахъ превращался въ самый дэшевый. Предѣльная цѣна на сахаръ внутри страны въ 1900 г. была установлена въ 4 руб. 60 коп., а вывозная цѣна въ 1 руб. 29 коп... Не въ интересахъ русскаго потребителя была организована и перевозка сахара по желѣзнымъ дорогамъ: если сахаръ перевозился по внутреннему сообщенію, то на протяженіи тысячи верстъ пудъ перевозился за 49,4 коп., а если сахаръ вывозился за границу, то за тысячу верстъ съ пуда брали только 23,7 коп. Сахарная промышленность была взята подъ самую бдительную опеку правительства, она вслѣдствіе полной обезпеченности сбыта и цѣнъ на долгое время была обречена на застой какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ расширенія сбыта сахара внутри страны, а поэтому народное потребленіе сахара остается мизернымъ. Ростъ же именно народнаго потребленія могъ бы доставить выгоду крестьянскому сельскому хозяйству, такъ какъ крестьянамъ юго-западнаго края былъ бы обезпеченъ широкій сбытъ свекловицы. (Но такія перспективы стоятъ внѣ поля зрѣнія правительства и солидарныхъ съ нимъ сахарозаводчиковъ, подѣлившихъ между собою карманы потребителей...)

Льготный, обставленный прямыми денежными поощреніями—преміями, сбытъ спирта и свекловицы, конечно, не могъ вполнѣ удовлетворить помѣщичьяго хозяйства. Внутренній рынокъ для спирта и сахара имѣлъ естественныя границы, суженныя высокимъ обложеніемъ этихъ товаровъ и общей бѣдностью населенія. Заграничный рынокъ обнаруживалъ неуклонную тенденцію къ сокращенію ввоза русскаго спирта и сахара. Вывозъ изъ Россіи спирта въ концѣ-концовъ свелся на нѣтъ. При такихъ условіяхъ зерновые товары играли въ жизни крупнаго сельскаго хозяйства значительную роль и естественно, что помѣщики были озабочены льготными условіями сбыта и этихъ продуктовъ своего хозяйства. Традиція и вѣра въ правительственное вниманіе къ нуждамъ дворянства и вообще класса помѣщиковъ заставили и на этотъ разъ сельскихъ хозяевъ обратиться къ правительству.

Въ области хлѣбной торговли мы наблюдаемъ снова рѣзкое различіе въ отношеніяхъ правительства къ крестьянскому и помѣщичьему хозяйству. Такъ какъ вывозъ хлѣба составляетъ важнѣйшую статью нашего экспорта, то неудивительно, что правительство съ давнихъ поръ всячески поощряетъ эту отрасль торговли, поддерживая такимъ поощреніемъ благопріятный торговый балансъ. Но мѣры поощренія рѣзко различаются, смотря по тому, относятся ли онѣ къ крестьянскому или помѣщичьему хозяйству. Давно уже была констатирована непосредственная связь между суровыми пріемами взысканія крестьянскихъ податей въ осеннюю пору, когда заканчивалась уборка хлѣба и когда хлѣбныя цѣны стояли очень низко, и стремленіемъ правительства выгнать на заграничные рынки возможно болѣе дешевый хлѣбъ, который, только благодаря своей дешевизнѣ, можетъ найти тамъ сбытъ. Такой пріемъ правительственной

политики неминуемо приводитъ крестьянское хозяйство къ самымъ печальнымъ результатамъ. Съ другой стороны, правительство всячески облегчаетъ помѣщичье хозяйство и спасаетъ его отъ необходимости продавать свой хлѣбъ по дешевымъ цѣнамъ. Правительство создаетъ условія, позволяющія помѣщичьему хозяйству выждать хлѣбныхъ цѣнъ. Обыкновенно дѣло происходитъ такъ: крестьянскій хлѣбъ устремляется на рынокъ, подъ давленіемъ податныхъ мѣръ, въ періодъ низкихъ цѣнъ. Этотъ дешевый хлѣбъ идетъ на заграничные рынки. Помѣщикъ ждетъ съ своимъ хлѣбомъ высокихъ цѣнъ, и по этимъ высокимъ цѣнамъ хлѣбъ зачастую сбывается тѣмъ же крестьянамъ съ конца зимы и особенно въ весенніе мѣсяцы. Для того, чтобы поддержать помѣщика и спасти его отъ тѣхъ тисковъ, въ которыхъ барахтается крестьянское хозяйство, правительство предприняло цѣлый рядъ мѣръ. Такъ, напр., въ государственномъ банкѣ, вопреки основнымъ задачамъ этого кредитнаго института, былъ организованъ соло-вексельный кредитъ для дворянъ-землевладѣльцевъ. Подъ дворянскій вексель государственный банкъ открываетъ помѣщику краткосрочный кредитъ, создающій средства для оборотныхъ расходовъ помѣщичьяго хозяйства. Самое открытіе такого кредита въ государственномъ банкѣ является экстраординарной милостью къ дворянамъ-землевладѣльцамъ. Но послѣдніе не были довольны этимъ и въ своихъ ходатайствахъ добивались того, чтобы соло-вексельный кредитъ былъ облегченъ имъ до самыхъ крайнихъ степеней. Правительство не задумалось удовлетворить и эти притязанія.

Затѣмъ, усиленное вниманіе правительства было привлечено къ желѣзнодорожнымъ тарифамъ на перевозку хлѣба. Въ этой области правительствомъ было сдѣлано все для того, чтобы всячески облегчить и удешевить перевозку хлѣба, въ прямой ущербъ доходности желѣзныхъ дорогъ. Хлѣбные тарифы понижались неоднократно. Не останавливаясь на подробностяхъ, замѣтимъ, что пониженіе тарифовъ въ 1899 году дало удешевленіе стоимости перевоза хлѣба на 1.700.000 руб. по расчету за перевозки, совершонныя въ этомъ году. Въ 1893 году предпринимается новое пониженіе хлѣбныхъ тарифовъ: это пониженіе за годъ дало сельскому хозяйству экономію въ 3.022.403 руб. Замѣтимъ, что пониженія касались, главнымъ образомъ, вывозного хлѣба, такъ какъ правительство усвоило систему двойныхъ тарифовъ: вывозныхъ и внутреннихъ. Слѣдовательно, названныя тарифныя реформы не принесли почти никакихъ облегченій для русскихъ покупателей хлѣба. Помѣщики прекрасно сознавали, что такія крупныя льготы въ сферѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ возможны лишь только въ томъ случаѣ, если убытки желѣзныхъ дорогъ отъ слишкомъ дешевыхъ провозныхъ платъ будутъ покрыты государственнымъ казначействомъ. Поэтому представители этого класса всегда стояли за переходъ желѣзнодорожнаго дѣла въ руки государства. Какъ видимъ,

надежды русскихъ аграріевъ на этотъ разъ вполнѣ оправдались.

Но этимъ далеко не исчерпывались милости по адресу крупнаго сельскаго хозяйства. Условія зернового хозяйства въ 90-хъ годахъ въ Россіи были таковы, что болѣе или менѣе значительный урожай приводилъ къ паденію хлѣбныхъ цѣнъ. Такой результатъ урожая, конечно, вредилъ интересамъ помѣщиковъ, и мы видимъ, что, напр., въ 1893 году правительство всячески старается снять съ рынка излишки хлѣба и тѣмъ ослабить паденіе хлѣбныхъ цѣнъ. Въ этихъ цѣляхъ губернаторамъ было предписано настойчиво заставлять крестьянъ возвращать хлѣбъ, взятый ранѣе въ продовольственную ссуду, пополнять общественные магазины обязательною засыпкою зерна, содѣйствовать переходу сельскихъ обществъ отъ денежныхъ продовольственныхъ капиталовъ и денежной повинности на составленіе ихъ къ натуральной продовольственной повинности, замѣнять крестьянскіе взносы овса или иного ярового хлѣба рожью. Земствамъ было дано разрѣшеніе взимать земскіе сборы рожью, а подъ собранную рожь выдавать ссуды изъ государственнаго банка. Мелькала мысль о томъ, чтобы и казенные денежные сборы замѣнить взносами ржи, но остановились передъ грандіозностью такой операціи и вѣроятною ея убыточностью. Предполагали временно совсѣмъ пріостановить сборъ казенныхъ платежей, такъ какъ именно эти платежи выталкиваютъ крестьянскій хлѣбъ на рынокъ, но побоялись, что несобранныя вó-время подати превратятся въ безнадежныя недоимки. Такъ какъ перечисленныя мѣры не могли все-таки поднять хлѣбныхъ цѣнъ, то государственный банкъ былъ уполномоченъ на особо льготныхъ условіяхъ выдавать ссуды подъ хлѣбъ, частные коммерческіе банки получили льготный кредитъ въ государственномъ банкѣ съ тѣмъ, чтобы на счетъ этого кредита частные банки выдавали ссуды подъ хлѣбъ. Такія же ссуды выдавались при содѣйствіи желѣзныхъ дорогъ. Насколько значительны были эти ссуды, можно судить по тому, что въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ 1893 года ссудъ подъ хлѣбъ было выдано на 27 милл. руб...

Яркое доказательство вниманія правительства къ дворянскому землевладѣнію можно найти въ интереснѣйшихъ лѣтописяхъ дворянскаго земельнаго банка, создавшаго для дворянъ исключительный по своей дешевизнѣ и льготности ипотечный кредитъ. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ, что дворянскій банкъ получилъ правительственную гарантію на свои закладные листы и, кромѣ того, совершенно экстраординарную привилегію: выпускъ займа съ выигрышами. Эта операція нанесла, между прочимъ, значительный ущербъ государственному кредиту. Отмѣтимъ также правительственную помощь „обществу поземельнаго кредита“, въ составѣ должниковъ котораго было до 70% дворянъ. Дѣла этого общества были крайне запутаны, и правительство не замедлило внести долги разстроеннаго учрежденія въ счетъ государственныхъ, выдавъ правительственную гарантію закладнымъ листамъ этого предпріятія. Вся фи-

нансовая-операція съ обществомъ поземельнаго кредита очень дорого обошлась государственному казначейству... Въ концѣ-концовъ это общество было превращено въ особый отдѣлъ дворянскаго банка, и на заемщиковъ этого отдѣла были распространены всѣ необыкновенныя и многочисленныя привилегіи дворянскаго банка.

На ряду съ покровительствомъ помѣщичьему хозяйству за этотъ же періодъ правительство энергично стремится создать въ Россіи крупную промышленность. Промышленность самымъ очевиднымъ образомъ поступаетъ на содержаніе къ государственному казначейству. Въ общей тенденціи 90-хъ годовъ поощрять промышленность не было ничего новаго по сравненію съ недавнимъ прошлымъ. Но въ теченіе „блестящаго" періода это покровительство принимаетъ чрезвычайные размѣры. Для этого у правительства были свои основанія. Помогая ссудами и заказами развитію крупнаго фабрично-заводскаго производства, правительство всей своей политикой въ то же время загоняло русскую экономическую политику въ опасный тупикъ. Промышленность держалась правительственными заказами. Внутренній рынокъ былъ весьма слабъ, такъ какъ всюду обнаруживалось крайнее обнищаніе народа, какъ потребителя. Въ развитіи промышленности постепенно наступало уже такое время, когда она не могла пробавляться одними только казенными заказами. Правда, въ 90-хъ годахъ правительство дѣлаетъ чрезвычайныя напряженія, чтобы всячески занять дѣломъ вызванные имъ къ жизни фабрики и заводы. Въ началѣ текущаго вѣка было, напр., установлено, что изъ 100% всего годового производства желѣза казна потребляла 48% всей добычи, 16% уходило на потребленіе фабриками и заводами, 16%—смѣшаннаго потребленія казною и частными лицами и только 14% уходило на народное потребленіе. Эти цифры ясно показываютъ, какую огромную роль играло въ жизни металлургической промышленности казенное потребленіе. Промышленность держится казенными заказами. Но это было бы половиною бѣды. Дѣло въ томъ, что и при наличности казенныхъ заказовъ промышленность требовала повышенныхъ цѣнъ. Вотъ, напр., примѣръ изъ постройки сибирской желѣзной дороги. Сначала по этой дорогѣ уложили легковѣсные рельсы, всего 20 милл. пудовъ. Въ среднемъ за пудъ казна платила по 1 руб. 20 коп., между тѣмъ красная цѣна этимъ рельсамъ была не выше 85 коп. за пудъ, а за границею 50—60 коп. Скоро опытъ показалъ, что только что уложенные рельсы никуда не годятся, пришлось ихъ замѣнить новыми, купленными опять-таки по повышеннымъ цѣнамъ. Громадныя переплаты были сдѣланы и на остальномъ оборудованіи дороги. Такія переплаты создавали заводамъ колоссальные барыши, а поэтому новые заводы расли, какъ грибы. Эти новые заводы въ большинствѣ случаевъ были простымъ грюндерствомъ, разсчитаннымъ на дорогіе казенные заказы. Ростъ числа заводовъ создалъ между ними конкуренцію, невыгоды которой пришлось устранять тому же прави-

Викторъ Михайловичъ Васнецовъ.

Съ портрета, писаннаго Н. Д. Кузнецовымъ. 1891 г.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°"

4

тельству. Министерство финансовъ, отвѣчая на ходатайства заводчичиковъ, назначило особое совѣщаніе, которому была поставлена задача—выработать мѣры къ повышенію цѣнъ, по которымъ правительство будетъ дѣлать заказы... Послѣ этого совѣщанія министерство назначаетъ повышенныя цѣны, казна теряетъ огромныя суммы. Министерство умышленно обходитъ своими заказами казенные заводы, которые брались работать по болѣе низкимъ цѣнамъ. Для того, чтобы распредѣлять заказы между отдѣльными заводами, былъ учрежденъ особый распредѣлительный комитетъ, который и устанавливаетъ твердыя цѣны для правительственныхъ заказовъ. По завѣдомо повышеннымъ цѣнамъ нѣкоторые заводы получаютъ колоссальные заказы. Напр., заводъ Юза получилъ заказъ въ $8^1/_2$ милл. пуд. рельсовъ по 1 руб. 23 коп., между тѣмъ самъ заводъ показалъ, что рельсы ему обходятся по 89 коп. Другимъ заводамъ, взявшимъ заказы по той же цѣнѣ, рельсы обходились по 79 или 77 коп., самая дорогая цѣна была 92 коп., правительство же выплачивало по 1 руб. 23 коп. По такимъ чрезмѣрнымъ цѣнамъ было заказано 42,8 милл. пуд. При такомъ огромномъ заказѣ лишне переплаченная на каждомъ пудѣ копѣйка составляетъ убытокъ для казны въ 420 тыс. руб. Переплачивались же не копѣйки, а поэтому терялись не сотни тысячъ, а милліоны. Переплаты по казеннымъ заказамъ, по подсчету проф. Мигулина [1]), составляли въ годъ не менѣе 15 милл., слѣд., за 10 лѣтъ это дастъ 150 милл., на которые можно было бы выстроить три тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ съ полнымъ оборудованіемъ.

Кромѣ заказовъ, которыми правительство особенно поддерживало крупную промышленность во время кризиса, открывшагося съ 1899 года, на службу той же промышленности были обращены средства государственнаго банка и государственнаго кредита. Въ нарушеніе устава банка правительство щедрой рукой раздавало промышленныя ссуды, тщательно скрывая отъ глазъ публики эту операцію, на которую, по подсчету государственнаго контроля, было потрачено до 100 милл. руб. На этой операціи государственный банкъ, какъ извѣстно, понесъ крупныя потери. Въ интересахъ той же промышленности правительство всячески напрягало силы и средства государства по постройкѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ. Эти желѣзныя дороги нужны были покровительствуемой промышленности не только какъ обильный источникъ заказовъ, но и какъ необходимое условіе развитія внутренняго рынка. Къ 1904 году, когда внѣшнія событія пріостановили строительную дѣятельность правительства, въ русскія желѣзныя дороги былъ уже вложенъ колоссальный капиталъ—около 6 милліардовъ. По абсолютному своему протяженію сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ заняла второе мѣсто во всемъ мірѣ, уступая только Соединеннымъ Штатамъ. Колоссальное расширеніе русской желѣзнодорожной сѣти произошло за какія-нибудь десять лѣтъ. Для страны, лишенной соб-

[1]) *Мигулинъ.* „Русскій госуд. кредитъ". Т. III. Харьковъ, 1901, стр. 763.

ственныхъ свободныхъ капиталовъ, для страны, національный доходъ которой относитъ ее въ разрядъ бѣднѣйшихъ государствъ Европы, такой приростъ желѣзныхъ дорогъ нельзя не считать поразительнымъ. Въ ряду государствъ, затратившихъ на желѣзныя дороги огромные капиталы, Россія заняла одно изъ первыхъ мѣстъ. Если же принять во вниманіе бѣдность нашей страны, то можно только удивляться той натугѣ, съ какою Россія покрывала себя сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Въ этой натугѣ, въ этой напряженности нельзя не видѣть одну изъ причинъ прогрессирующаго обѣднѣнія широкихъ народныхъ слоевъ. Желѣзныя дороги въ Россіи даютъ изъ года въ годъ возрастающій убытокъ, оплата же занятаго на постройку капитала, вслѣдствіе особенностей русской финансовой системы, падаетъ всею тяжестью на неимущіе классы.

Желѣзныя дороги безусловно содѣйствовали у насъ росту крупной промышленности и торговли, такъ какъ тарифы за пользованіе услугами желѣзныхъ дорогъ были организованы такимъ образомъ, что вся выгода доставалась на долю повагонныхъ отправокъ. Мелкому производителю желѣзная дорога ставила болѣе тяжелыя условія.

Въ сторону же развитія крупной промышленности дѣйствовала и налоговая система, подобно тому, какъ въ области сельскаго хозяйства налогъ ставилъ въ привилегированное положеніе только крупное и среднее хозяйство. Налогъ на спички, обложеніе пивоваренныхъ заводовъ, табачный налогъ были организованы такимъ образомъ, что мелкія предпріятія держались съ трудомъ и съ теченіемъ времени должны были вымереть, уступивъ мѣсто болѣе крупнымъ предпріятіямъ. Фискальная политика умышленно добивалась этой цѣли; не даромъ въ Россіи крупное производство привилось лучше, чѣмъ въ такой промышленной странѣ, какъ Германія.

Поддерживая промышленность мѣрами финансовой политики, государственнымъ кредитомъ, правительство въ то же время охраняетъ ее отъ внѣшей конкуренціи высокими таможенными пошлинами. Таможенное обложеніе въ Россіи было уже высоко къ началу 90-хъ годовъ, но въ самомъ началѣ „блестящаго" періода пошлины почти на всѣ предметы огульно повышаются на 20%. Когда въ 1893 году былъ заключенъ русско-германскій торговый договоръ, то правительству не удалось отстоять интересовъ сельскаго хозяйства. Ставки таможеннаго обложенія съ германской стороны возложили на нашъ сельско-хозяйственный экспортъ лишнее бремя въ $13^1/_2$ милл. руб. Проигравшее игру правительство не нашло иного выхода, какъ возмѣщеніе этого бремени путемъ простой разверстки его на привозимые товары. Такимъ образомъ, снова были повышены таможенныя пошлины на рядъ важнѣйшихъ привозныхъ товаровъ. По тщательному и весьма осторожному подсчету, который скорѣе грѣшитъ въ сторону пониженія, чѣмъ повышенія, оказывается, что въ 1900 г., вслѣдствіе высокихъ таможенныхъ пошлинъ, русскій потребитель переплатилъ въ пользу отечественной промышленности, не обложенной

акцизомъ, 237.692,2 тысячъ руб. Къ этой суммѣ нужно присоединить еще 149.663,2 тыс. руб., уплаченныхъ потребителемъ въ видѣ таможенныхъ пошлинъ. Приведенные расчеты касаются 13 группъ товаровъ [1]).

Благодаря таможеннымъ пошлинамъ, русскій потребитель платилъ за продукты отечественной промышленности въ среднемъ на 28% больше стоимости ихъ на міровомъ рынкѣ. Въ области же промышленности, обложенной акцизами, какъ мы уже видѣли, эти переплаты достигали большихъ размѣровъ.

Ходъ событій естественнымъ путемъ подготовлялъ неудачу русской правительственной политики, направленной на поддержаніе крупнаго капитала, занятаго въ сельскомъ хозяйствѣ и въ обрабатывающей промышленности. Промышленность вырастала до такихъ размѣровъ, когда она не могла уже довольствоваться казеннымъ потребленіемъ, она почувствовала нужду въ народномъ рынкѣ. Этотъ же рынокъ фискальной политикой былъ превращенъ въ пустыню. Тѣ средства, которыя въ рукахъ народа могли образовать его покупательную силу, были вычерпаны правительствомъ для поддержанія помѣщичьяго хозяйства и промышленности. Въ началѣ нашего очерка мы показали, что въ теченіе разбираемаго періода къ народному хозяйству были предъявлены колоссальныя требованія со стороны государственнаго казначейства; эти чрезмѣрныя напряженія платежныхъ силъ страны парализовали ея покупательную способность.

Правительство пыталось найти выходъ изъ затруднительнаго положенія тѣмъ, что обратилось за поисками внѣшнихъ рынковъ. Хива, Бухара, Персія, Средняя Азія сдѣлались объектами правительственной политики, тѣсно связанной съ огромными затратами казенныхъ денегъ, съ поощреніемъ вывоза продуктовъ русской промышленности въ эти страны. Въ Средней Азіи правительство проложило около $4^1/_2$ тыс. верстъ рельсовыхъ путей. Но въ этихъ мѣстахъ русская политика натыкалась на сильнаго конкурента — Англію. Хотя въ русскомъ обществѣ и разжигали вражду къ Англіи, подготовляя его къ войнѣ, но такъ какъ исходъ такой борьбы былъ болѣе чѣмъ сомнителенъ для русскихъ интересовъ, то обошлись безъ войны съ страшнымъ соперникомъ. Не надѣясь на просторъ въ Средней Азіи, правительство обращается на Дальній Востокъ, проламывая выходы къ Тихому океану. Здѣсь правительство снова приноситъ милліардныя гекатомбы въ жертву своей незадачливой политики, растрачивая милліарды рублей народныхъ денегъ. Это стремленіе къ далекому океану вызвало русско-японскую войну, которая своимъ несчастнымъ исходомъ показала всему міру разложеніе великой страны. Вмѣстѣ съ этой войной рухнули и тѣ надежды, которыя русская промышленность могла питать на внѣшніе рынки.

[1]) *Н. Саввинъ.* „Во что обходится покровительство крупной промышленности?“ „Русск. Экономистъ“. 1907, № 11—13.

V.

Такимъ образомъ, реакціонное реформаторство, предпринятое правительствомъ въ началѣ 90-хъ годовъ, закончилось полной неудачей. Смыслъ этого реформаторства заключался въ томъ, чтобы дѣйствіями правительства поддержать два общественныхъ класса, благополучіе которыхъ хотѣли опереть на счетъ широкихъ народныхъ массъ. Колоссальныя напряженія платежныхъ силъ населенія не увѣнчались желательными для правительства результатами. Нельзя сказать и того, чтобы и привилегированные классы, въ качествѣ соучастниковъ правительственной реакціи, получили много выгодъ: будущее и помѣщичьяго хозяйства и промышленности совсѣмъ не блещетъ розовыми красками. Смѣлая мысль—правительственной регламентаціей производства и сбыта замѣнить нормальныя основы современныхъ экономическихъ отношеній, привела русскую экономическую жизнь въ тупикъ. Стремленіе превратить государственное хозяйство въ факторъ процвѣтанія народнаго хозяйства окончилось неудачей. Жизнь показала, что народное хозяйство является источникомъ благосостоянія для государственнаго хозяйства, а не наоборотъ. Поэтому оскудѣніе народнаго хозяйства, обѣдненіе широкихъ народныхъ массъ привело къ затяжному финансовому разстройству, совладать съ которымъ будетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ дольше будетъ жить старая система экономической политики, развратившая и промышленную буржуазію и помѣстное землевладѣніе. Въ истощеніи народной Россіи лежитъ непреодолимое препятствіе и для продолженія реакціоннаго реформаторства, но въ то же время это истощеніе замедлитъ и оздоровленіе страны на новыхъ началахъ.

Истощая народные классы фискальной политикой, правительство думало, что исчерпанные источники будутъ заполнены приливомъ иностранныхъ капиталовъ. Чтобы облегчить этотъ приливъ, была введена золотая валюта, стоившая странѣ очень дорого.

Въ теченіе всего XIX-го вѣка Россія была вынуждена поддерживать свои финансы и отчасти народное хозяйство на счетъ капиталовъ, добытыхъ займами на иностранныхъ рынкахъ капитала. Въ послѣднія же десятилѣтія прошлаго вѣка привлеченіе иностраннаго капитала сдѣлалось лейтмотивомъ русской финансовой и экономической политики. Привлеченіе иностраннаго капитала въ Россію совершалось, главнымъ образомъ, при помощи государственныхъ займовъ. Иностранный капиталъ не обнаруживалъ тенденціи идти непосредственными путями въ русскую торговлю и промышленность. Въ русскихъ условіяхъ для помѣщенія капитала всегда былъ въ наличности значительный элементъ риска, отпугивавшій западно-европейскую денежную публику отъ непосредственныхъ дѣловыхъ сношеній съ страною неограниченныхъ возможностей. Помѣщеніе же капиталовъ въ государственные займы всегда представляется наиболѣе

безопаснымъ и прочнымъ. Но такая форма помѣщеній не представляетъ выгодъ для страны-заемщицы, такъ какъ она приводитъ къ необычайно быстрому росту государственной задолженности, что въ свою очередь разрушающимъ образомъ дѣйствуетъ на государственную кредитоспособность. Русское правительство усиленно добивалось возможности привлекать въ Россію иностранный капиталъ безъ непосредственнаго участія государственнаго хозяйства. Въ частой смѣнѣ системъ желѣзнодорожнаго строительства, въ быстрыхъ переходахъ отъ системы казеннаго строительства къ системѣ частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства сказывалась эта тенденція правительства найти способы заставить иностранный капиталъ идти въ Россію обычнымъ для Западной Европы путемъ, т. е. путемъ промышленныхъ займовъ и основанія торгово-промышленныхъ предпріятій. Но это желаніе правительства осталось безъ всякихъ результатовъ. Частная инціатива въ постройкѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ по необходимости выливалась въ форму гарантированныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ. Безъ правительственной гарантіи частныхъ займовъ иностранные рынки капиталовъ не обнаруживали желанія финансировать русскія предпріятія. Русское правительство щедро раздаетъ эти гарантіи, т. е. договорныя обѣщанія отвѣтить средствами государственнаго казначейства за весь рискъ капитала въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Интересно отмѣтить, что правительство не считало гарантированныхъ имъ займовъ казенными займами, хотя практика показала, что всегда, за исключеніемъ однаго только случая, ж.-д. гарантированные займы систематически вызывали необходимость доплатъ изъ общихъ бюджетныхъ ресурсовъ. Кромѣ того, договоры правительства съ частными желѣзнодорожными предпріятіями и долговые расчеты съ ними казны обнаруживали государственный характеръ гарантированныхъ займовъ; дороги обрекались на выкупъ ихъ въ руки казны, при чемъ въ цѣну выкупа нужно было засчитывать долги частныхъ обществъ, списывая, часть долговъ со счетовъ, и переводить акціонерный капиталъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ форму государственныхъ облигацій. Правительство же хотѣло разсматривать гарантированные займы въ качествѣ частныхъ. Это формально не увеличивало общихъ размѣровъ государственной задолженности. Впослѣдствіи гарантированные займы проявили свою истинную природу, и правительство стало вносить ихъ въ свои счета.

Такая политика маскированія роста государственной задолженности и попытокъ привлечь въ Россію иностранные капиталы путемъ частныхъ займовъ обошлась странѣ весьма дорого. Это была одна изъ самыхъ дорогихъ ошибокъ русской экономической политики. Правда, эта ошибка была обусловлена наличностью многихъ объективныхъ условій русской жизни. Общая политика государства въ этомъ случаѣ шла по совершенно ложному пути: она не создавала такихъ условій, которыя облегчали бы приливъ ино-

странныхъ капиталовъ. Взамѣнъ такого облегченія правительство предлагало иностранному капиталу только рядъ дорогихъ приманокъ, плохо соблазнявшихъ европейскихъ капиталистовъ.

При такихъ условіяхъ государственные займы должны были оставаться почти единственною формою привлеченія въ Россію иностранныхъ капиталовъ. Но и эта форма оказывалась слишкомъ дорогою и невыгодною. Въ томъ процентѣ, которымъ Россія оплачивала свои внѣшніе займы, въ значительной степени была скрыта такъ называемая страховая премія за рискъ помѣщенія капиталовъ въ странѣ, не пользующейся полнымъ довѣріемъ иностранныхъ рынковъ. Наличность такой страховой преміи значительно удорожала русскій государственный кредитъ. Иногда займы заключались на условіяхъ совершенно невыгодныхъ и оскорбительныхъ для достоинства великой державы. Процессъ внутренняго капиталообразованія совершался въ Россіи страшно медленно. Поэтому надежда развить систему внутреннихъ займовъ и на нее опереть русскіе государственные займы уплывала въ неопредѣленно далекое будущее. Внѣшній кредитъ государства оставался единственнымъ способомъ добыванія нужныхъ капиталовъ. Его удешевленіе и упроченіе должно было составить главную задачу финансовой политики.

Органическимъ дефектомъ русскаго государственнаго кредита было то, что онъ въ процессѣ своего развитія всегда опирался на слишкомъ рискованный и неустойчивый базисъ. Этотъ базисъ весьма наглядно обнаружился въ теченіе послѣдняго вѣка русской финансовой исторіи, когда была накоплена огромная задолженность. Въ поискахъ за кредитомъ Россія постепенно обошла всѣ главнѣйшіе европейскіе рынки капитала. Русскій кредитъ опирался то на одинъ рынокъ, то на другой. И вотъ въ этомъ переходѣ съ рынка на рынокъ и проявлялась основная черта русскаго государственнаго кредита.

Изстари Россія стояла передъ Западной Европой въ качествѣ огромнаго военнаго государства. Европа учитывала только русскую военную силу, которая была реальнымъ факторомъ въ сферѣ европейскихъ политическихъ отношеній. Русское народное хозяйство, русскія естественныя богатства не могли особенно импонировать Западной Европѣ: первое было слишкомъ слабо и казалось инертнымъ, вторыя стояли внѣ учета и представляли изъ себя мертвый капиталъ. Въ глазахъ Европы Россія цѣнилась, какъ военная держава, полезная въ качествѣ союзника и пособника въ различныхъ политическихъ комбинаціяхъ, На исторіи русскаго государственнаго кредита весьма ясно видно, что онъ, во-первыхъ, стоитъ въ самой тѣсной связи съ внѣшнимъ престижемъ государства и, во-вторыхъ, его опора мѣняется въ связи съ измѣнчивымъ курсомъ русской внѣшней политики.

Сначала передъ Россіей былъ открытъ одинъ изъ богатѣйшихъ рынковъ Западной Европы—лондонскій рынокъ капиталовъ. Цѣлый рядъ русскихъ займовъ размѣщается на

этомъ, именно, рынкѣ. Но затѣмъ русская внѣшняя политика принимаетъ угрожающее направленіе по отношенію къ Англіи, вслѣдствіе чего англійскій рынокъ наглухо закрываетъ свои двери для русскихъ займовъ. Русская кредитная политика начинаетъ опираться на нѣмецкій рынокъ: многіе русскіе желѣзнодорожные займы размѣщаются на рынкѣ Германіи. Въ это время и внѣшняя политика Россіи идетъ въ унисонъ съ желаніями Германіи. Но такъ какъ Германія въ своихъ стремленіяхъ подчинить нѣмецкому вліянію русскую внѣшнюю политику заходитъ слишкомъ далеко, то на этой почвѣ возникаетъ дипломатическій конфликтъ, имѣвшій весьма прискорбное значеніе для русскаго государственнаго кредита. Въ концѣ 80-хъ годовъ Бисмаркъ открываетъ цѣлый походъ противъ русскихъ фондовъ: послѣдніе изгоняются изъ предѣловъ Германіи. Нѣмецкимъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ запрещается имѣть дѣло съ русскими фондами; нѣмецкой публикѣ усиленно рекомендуется избавиться отъ русскихъ фондовъ и выбросить ихъ на рынокъ. Русскія цѣнности дѣйствительно, были выброшены на рынокъ въ огромномъ количествѣ; онѣ грозили ринуться въ Россію, которая не могла ихъ скупить за неимѣніемъ свободныхъ средствъ. Для русскаго государственнаго долга создавалось весьма отчаянное положеніе, которое не могло не отозваться весьма гибельно на кредитоспособности Россіи. Выходъ изъ такого положенія былъ найденъ опять-таки при помощи политической комбинаціи. Россія, отвергнутая Германіей, ищетъ союза съ богатой Франціей. Русско-французская дружба спасаетъ русскіе фонды, выброшенные Германіей; эти фонды, къ выгодѣ французовъ, по дешевымъ цѣнамъ, скупаются во Франціи, и послѣдующіе русскіе займы, какъ извѣстно, размѣщаются почти исключительно во Франціи. Двойственный союзъ имѣлъ для Россіи огромное финансовое значеніе. Онъ спасъ русскую кредитоспособность... [1])

Во всѣхъ государственныхъ займахъ любой страны въ значительной дозѣ имѣется политическій элементъ, но по отношенію къ русскимъ внѣшнимъ займамъ можно сказать, что они цѣликомъ базированы на этомъ неустойчивомъ элементѣ. Безусловно, что это обстоятельство въ значительной мѣрѣ удорожало русскій кредитъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что такая тѣсная связь между займами и внѣшней политикой стѣсняла дѣйствія русской дипломатіи. Но если Франція изъ-за политическихъ расчетовъ охотно принимала русскіе займы, то она не хотѣла все-таки быть въ убыткѣ и учитывала съ избыткомъ весь рискъ помѣщенія своихъ капиталовъ въ бумаги дружественной державы. Русскій кредитъ и при поддержкѣ Франціи оставался дорогимъ и неустойчивымъ. Напр., въ 1891 г. Франція, пораженная картиной голода, охватившаго огромныя пространства Россіи, отка-

[1]) См. мою статью: „Russland und der europäische Kapitalmarkt“, въ „Neuland“ 1908 г. Heft I. Berlin. Стр. 66—77. Здѣсь разсматривается этотъ вопросъ подробно.

зывается отъ русскаго займа. Нѣкоторые иностранные банки не прочь были финансировать заемъ 1891 г., но противъ займа была публика. Въ наше же время одни банкиры, безъ поддержки широкой публики, не могутъ провести маломальски крупный государственный заемъ. На улицахъ Парижа агенты банкировъ останавливали проходящую публику, соблазняя ее выгодами русскаго займа, предлагали записываться на этотъ заемъ по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ та, которая была объявлена въ офиціальныхъ проспектахъ. Но и эти оскорбительные для Россіи пріемы размѣщенія ея займовъ не могли помочь займу: онъ провалился. Этотъ случай наглядно показываетъ природу и качество русскаго государственнаго кредита... Но и тѣ русскіе займы, которые были съ успѣхомъ заключены во Франціи въ самый разгаръ франко-русской дружбы были выгодны только одной Франціи, дорого продававшей свой симпатіи и дешево покупавшей русскую поддержку во внѣшней политикѣ. [1])

Русское правительство не могло не смущаться подобнымъ положеніемъ Россіи на иностранныхъ рынкахъ капитала. Такъ какъ привлеченіе иностранныхъ капиталовъ составляло насущную и неотложную задачу времени, то неудивительно, что правительство начинаетъ заботиться о созданіи такихъ условій, которыя облегчили бы свободный приливъ боязливаго капитала. Еще въ 60-хъ годахъ эта мысль занимаетъ наше правительство. Желая разсѣять страхи иностранныхъ капиталистовъ, правительство рѣшается на серьезную мѣру: оно публикуетъ содержаніе русскаго государственнаго бюджета, издаетъ переводы русскихъ росписей на главныхъ европейскихъ языкахъ, издаетъ журналы, занимается подкупомъ наиболѣе вліятельныхъ органовъ европейской печати и журналистики, учреждаетъ спеціальныя финансовыя агентуры въ главныхъ европейскихъ городахъ и т. д. Но этихъ мѣръ оказывается далеко недостаточно для того, чтобы обезпечить свободный приливъ капитала въ Россію. Однимъ изъ существенныхъ препятствій для такого прилива была разстроенная русская бумажно-денежная валюта. Страны, экспортирующія капиталъ, всѣ давно уже жили въ условіяхъ прочной металлической валюты. Россія была островомъ бумажныхъ денегъ среди другихъ государствъ съ металлической валютой. Разстроенная бумажно—денежная валюта, съ постояннымъ колебаніемъ курса рубля, оказывала весьма гибельное вліяніе на многія стороны жизни Россіи. Колебаніе счетной основной единицы вредно отзывалось на бюджетномъ хозяйствѣ, создавая неустойчивость бюджетныхъ исчисленій и поступленій. Нѣкоторые государственные расходы приходилось поэтому производить въ металлической валютѣ, что было невыгодно для казначейства. Напримѣръ, при заключеніи внѣшнихъ займовъ кредиторы требовали, чтобы долговыя обязательства Россіи писались въ иностранной валютѣ и оплачивались по иностраннымъ паритетамъ. На та-

[1]) См. подробную оцѣнку: *Мигулинъ*. Op. cit II т., стр. 231 сл.

кихъ расчетахъ Россія переплатила не мало лишнихъ денегъ. Да и внутри страны колеблющаяся валюта причиняла сильныя затрудненія для правильнаго развитія государственнаго хозяйства. Вся торговопромышленная дѣятельность страны точно такъ же страдала отъ колебаній валюты, которая по самой своей природѣ не могла быть устойчивой. Интересы развивающейся промышленности и торговли требовали прочности въ системѣ денежнаго обращенія. Развитіе русскаго народнаго хозяйства безусловно нуждалось въ постоянномъ притокѣ иностранныхъ капиталовъ, но этотъ капиталъ не могъ отважиться идти въ русскую торговлю и промышленность прямымъ путемъ, путемъ непосредственнаго участія въ русскихъ предпріятіяхъ. Если этотъ капиталъ и отваживался на переселеніе въ Россію, то онъ избиралъ для этого путь государственныхъ займовъ, которые заключались въ иностранной валютѣ. Какъ бы ни былъ высокъ кредитъ государства, все-таки нельзя разсчитывать на то, чтобы только при помощи публичныхъ займовъ можно привлечь нужное количество иностранныхъ капиталовъ. Кромѣ того, привлеченіе капитала путемъ государственныхъ займовъ имѣетъ еще и ту отрицательную сторону, что средства, добытыя займами государства, распредѣляются въ странѣ весьма односторонне. Многія отрасли народнаго хозяйства при такой системѣ совсѣмъ не могли подкрѣпить себя приливомъ нужныхъ капиталовъ. Введеніе устойчивой валюты, что въ современныхъ условіяхъ означаетъ введеніе золотой валюты, сдѣлалось очередной задачей русской экономической валюты. Еще въ 70-хъ годахъ въ европейской литературѣ можно встрѣтить горячіе совѣты Россіи о введеніи золотой валюты. Введеніе въ той или другой странѣ прочнаго металлическаго денежнаго обращенія выгодно, въ современныхъ условіяхъ, не только странѣ, вводящей валюту, но и странамъ, имѣющимъ съ нею живыя коммерческія и другія отношенія. Въ первой половинѣ 90-хъ годовъ русское министерство финансовъ уже совершенно отчетливо сознаетъ, что привлеченіе иностраннаго капитала обусловлено приведеніемъ въ порядокъ денежнаго обращенія. Разрѣшеніе нѣкоторыхъ сдѣлокъ на золото, которое послѣдовало при Витте еще до введенія золотой валюты, официально было мотивировано желаніемъ привлечь иностранный капиталъ...

Собственно говоря, объ упроченіи системы денежнаго обращенія русское правительство начало заботиться съ 80-хъ годовъ, когда министръ Бунге впервые сталъ стягивать въ руки правительства золотые запасы, необходимые для валютной реформы. Его политику продолжалъ Вышнеградскій. Задачей правительства было скопить такое количество золота, которое было бы способно выдержать безпрепятственный размѣнъ на золотую монету кредитныхъ рублей. Долгое время оставался безъ разрѣшенія одинъ важный вопросъ: на какихъ условіяхъ возможно возстановить такой размѣнъ. При разрѣшеніи этого кардинальнаго вопроса можно было идти двоякимъ путемъ: можно было добивать-

ся доведенія курса бумажнаго рубля до его нарицательной стоимости и только при этомъ условіи открывать размѣнъ на золото, или можно было, отказавшись отъ попытки добиться такого подъема курса рубля, фиксировать наиболѣе твердый существующій курсъ рубля, хотя бы онъ далеко и не достигалъ паритета, и объявить размѣнъ на золото при такихъ условіяхъ. Послѣдній выходъ носитъ техническое названіе девалюаціи (девальваціи), т.-е. обезцѣненія основной счетной единицы. Русское правительство пошло вторымъ путемъ, въ значительной мѣрѣ облегчившимъ проведеніе валютной рефоры. „Государственная мудрость при подобныхъ преобразованіихъ заключается въ томъ, чтобы не считаться не съ доктринами и мечтаніями, но единственно съ реально существующими фактами". Такъ офиціозно правительство объясняло и извиняло свой шагъ въ сторону девалюаціи русскаго рубля.

При помощи займовъ правительство къ 1897 году скопило значительный по своимъ размѣрамъ золотой запасъ, который и долженъ былъ служить въ качествѣ размѣнного фонда при возстановленіи металлическаго денежнаго обращенія. Основные устои этой реформы были проведены указами 3 января 29 августа и 14 ноября 1897 года; этими указами счетной единицей устанавливался новы золотой рубль, который заключалъ въ себѣ 17, 4 24 долей чистаго золота. Этотъ новый рубль былъ приблизительно на $^1/_3$ легче и дешевле того рубля, представителями котораго были обезцѣненные кредитные билеты, и въ то же время новый рубль былъ равенъ фиксированному курсу кредитнаго рубля—66 $^2/_3$ коп. зол. Слѣд., основой новой валюты былъ совершенно новый рубль, созданный примѣнительно къ тому курсу кредитнаго рубля, который можно считать наиболѣе устойчивымъ для 90-хъ годовъ. Вмѣсто старыхъ ста копѣекъ золотомъ новый рубль имѣлъ этихъ старыхъ копѣекъ только 66 $^2/_3$; силою закона эти 66 коп. въ новомъ счетѣ превратились въ сто коп., т.-е. новая копѣйка равна старымъ 66, раздѣленнымъ на 100.

По законамъ о золотой валютѣ основной счетной единицей является новый золотой рубль, кредитные билеты, существующіе въ обращеніи, являются только представителями этого золотого рубля, и на госуд. банкъ была возложена обязанность безостановочно производить размѣнъ кредитокъ на золото. Въ силу этого размѣна кредитные билеты перестали быть бумажными деньгами. Такъ какъ ранѣе кредитные билеты выпускались для нуждъ правительства, на этомъ пути они и превращались въ бумажныя деньги, то законъ 1897 года устанавливаетъ новый и обязательный принципъ: полное запрещеніе выпускать кредитные билеты для нуждъ госуд. казначейства. Это было необходимой формальной гарантіей существованія золотой валюты. Но одной формальной гарантіи было далеко недостаточно: нужна была еще матеріальная гарантія, которая и была дана въ законѣ о покрытіи выпускаемыхъ кредитныхъ билетовъ. Первые 600 милл. кредитныхъ билетовъ должны быть обезпечены зо-

лотомъ на половину, т.-е.,300 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, обезпечиваются золотомъ рубль за рубль, а вторые 300 милл. выпускаются безъ всякаго обезпеченія. Но всѣ выпуски билетовъ, превышающіе норму въ 600 милл., должны быть обязательно обезпечены золотомъ рубль за рубль. Въ 1897 году, когда проводился этотъ законъ, кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи на 1,121 милл. руб., а размѣнный фондъ равнялся 900 милл. золотомъ, т.-е. всѣ кредитные билеты имѣли весьма высокое покрытіе золотомъ, какого даже не наблюдается въ Западной Европѣ. Такъ была проведена эта важнѣйшая реформа.

Золотая валюта вызвала обширную литературу, подробно выяснившую ея достоинства и недостатки [1]). Къ числу коренныхъ недостатковъ относятъ значительную роль въ русскомъ денежномъ обращеніи серебряной монеты, что лишаетъ нашу денежную систему строгаго стиля монометализма и относитъ ее въ разрядъ „хромающихъ". Это—безспорный недостатокъ, имѣющій тѣсную связь съ тѣмъ, что кредитные билеты въ качествѣ представителей золотыхъ рублей, выпускаются отъ имени государства, а не отъ имени банка. Когда правительство удерживаетъ въ своихъ рукахъ выпускъ кредитныхъ билетовъ, то всегда можно опасаться, что оно будетъ преслѣдовать цѣли, постороннія валютному дѣлу. Съ другой стороны, нельзя было передать выпускъ билетовъ и госуд. банку, такъ какъ при дѣйствовавшемъ уставѣ онъ былъ всецѣло кассой министра финансовъ и лишенъ всякой самостоятельности, а вслѣдствіе этого былъ бы плохимъ стражемъ и охранителемъ валютнаго дѣла. Уставъ банка нужно было преобразовать въ смыслѣ созданія самостоятельнаго эмиссіоннаго учрежденія, — все равно государственнаго или частнаго,—но такого, которое безъ всякихъ препятствій и стороннихъ условій могло бы руководиться исключительно закономъ и своимъ уставомъ. Въ условіяхъ русской жизни трудно было установить такую законность, а потому Россія и не имѣетъ наиболѣе технически совершенныхъ банковыхъ билетовъ. Эти несовершенства въ валютной организаціи и въ организаціи государственнаго банка и всего эмиссіоннаго дѣла не трудно объяснить основными тенденціями русской политики. Правительство хотѣло быть свободнымъ распорядителемъ всѣми сторонами русской жизни. Поддерживая классъ помѣщиковъ, которому валюта не приносила выгодъ, а скорѣе наносила ущербъ, правительство сдѣлало въ области валютнаго и эмиссіоннаго дѣла значительныя уступки интересамъ помѣщиковъ. Какъ разъ эти уступки и являются самыми слабыми сторонами русской золотой валюты.

Но главная угроза золотой валютѣ идетъ не со стороны помѣщиковъ, а отъ всего народнаго хозяйства. Когда правительство задумало проводить валюту, то министръ Витте писалъ: „возстановленіе золотого обращенія будетъ прочно и благотворно только тогда, когда наше экономическое положеніе окрѣпнетъ

[1]) См. детальный разборъ этой реформы, а отчасти и литературы вопроса у *проф. Мигулина*. „Русск. госуд. кредитъ". Т. III.

настолько, чтобы случайное неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ не могло его пошатнуть". Это—совершенно вѣрная мысль. Золотая валюта—достойный вѣнецъ развитой и развивающейся экономической жизни. Въ Россіи ее пришлось ввести искуственно, на счетъ иностранныхъ золотыхъ займовъ; валюта не укрѣпила русской экономической жизни, разрушавшейся другими факторами, а поэтому ее приходится оберегать сильными средствами, главнымъ образомъ, при помощи непрерывнаго заключенія новыхъ займовъ. Вслѣдствіе неблагопріятнаго разсчетнаго баланса золото имѣетъ тенденцію уплывать изъ страны за границу, а поэтому его приходится снова возвращать при помощи тѣхъ же внѣшнихъ займовъ. Это обходится весьма дорого. Валюта во время войны обнаружила свою силу, но наступившее послѣ войны сильное экономическое разстройство угрожаетъ этому пріобрѣтенію сильнѣе всякой войны.

Но не смотря на большія пожертвованія и дорого стоющія работы, золотая валюта нисколько не удешевила русскаго кредита за границей. Россія получаетъ иностранные капиталы по очень дорогой цѣнѣ. Несмотря на то, что въ Россіи деньги очень дороги, что промышленныя предпріятія даютъ часто чрезмѣрные барыши, иностранный капиталъ идетъ въ Россію съ большими оглядками; въ процентѣ, которымъ оплачивается русская задолженность и оцѣнивается русская кредитоспособность, заключается огромная страховая премія за рискъ помѣщенія капиталовъ въ странѣ неограниченныхъ возможностей. Правительство пыталось побѣдить недовѣріе иностраннаго капитала тѣмъ, что всячески одаривало его привилегіями, приманками. Но капиталъ плохо соблазняется русскими перспективами. Капиталъ довольствуется меньшимъ процентомъ, но и меньшимъ рискомъ. Вмѣсто приманокъ было бы полезнѣе устранить рискъ помѣщенія капитала улучшеніемъ общихъ условій русской жизни, устраненіемъ той политической неурядицы, которая превратилась въ факторъ экономическаго разоренія и финансоваго оскудѣнія всей страны. Ко времени открытія русско-японской войны уже окончательно назрѣлъ тотъ общій экономическій и финансовый кризисъ, который подготовлялся всей предшествующей политикой русскаго правительства. Если этотъ кризисъ имѣлъ одной изъ своихъ главныхъ причинъ ложно направленную правительственную финансово-экономическую политику, то вмѣстѣ съ тѣмъ не малую роль въ томъ же направленіи сыграла и общая правительственная система, какъ таковая. Оставаясь только въ предѣлахъ государственнаго хозяйства, мы увидимъ, какъ вредно дѣйствовала эта система безотчетнаго, безконтрольнаго веденія государственнаго хозяйства.

VI.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка правительство усиленно занялось постройкой желѣзныхъ дорогъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пу-

темъ поощренія частнаго желѣзнодорожнаго строительства, путемъ выкупа въ руки казны частныхъ желѣзныхъ дорогъ, правительство добивалось своей цѣли: покрыть всю Россію желѣзными дорогами. Въ это время какъ бы воскресла та вѣра въ желѣзныя дороги, которая такъ характерна для экономической политики Россіи послѣ крымской кампаніи. Какъ и тогда, теперь правительство лихорадочно расширяло сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ, полагая, что это—главное, чуть ли не единственное, средство для исцѣленія всѣхъ недуговъ народно-хозяйственной и государственной жизни. Не говоря уже о томъ, что такая вѣра является политическимъ суевѣріемъ, въ то же время правительство своими дѣйствіями уничтожало и ту пользу, которая могла быть принесена Россіи постройкой желѣзныхъ дорогъ. Если вся предшествующая исторія русскихъ желѣзныхъ дорогъ приводила страну и государственное хозяйство къ печальнымъ результатамъ, и такіе результаты нужно отнести на счетъ невозможныхъ политическихъ условій, то и въ 90-е годы политическія условія остались безъ измѣненій и оказали сильное вліяніе на послѣдующую исторію желѣзнодорожнаго хозяйства.

Колоссальный опытъ казеннаго желѣзнодорожнаго строительства въ видѣ сибирской желѣзной дороги во многихъ отношеніяхъ напомнилъ постройку николаевской жел. дороги. По проекту сибирская жел. дорога должна была обойтись въ $362^1/_2$ милл., но уже въ 1899 г. эта стоимость превысила $405^1/_2$ милл., хотя еще не были начаты смѣтныя работы по проведенію кругобайкальской дороги, а остальные участки не были докончены и оборудованы. Правительство само испугалось такого перерасхода. По мнѣнію государственнаго контроля, причинами такого перерасхода нужно считать, между прочимъ, нехозяйственность и нераспорядительность строителей. Нехозяйственность, по подсчету контроля, обошлась въ 4.200.500 р. Государственный контроль самъ признается, что онъ былъ безсиленъ устранить эти перерасходы, такъ какъ правительство награждало строителей широкими полномочіями по безконтрольному расходованію ассигнованныхъ суммъ. На этой почвѣ то и дѣло возникали крупныя растраты. Составленіе отчетовъ запаздывалось на три-четыре года. Такіе порядки сильно повысили строительную стоимость желѣзныхъ дорогъ. Строительная стоимость за послѣднія 20 лѣтъ передъ 1899 г. стояла на одномъ и томъ же уровнѣ—около 40 тысячъ верста. Затѣмъ она быстро повышается до 65 тыс., т.-е. на 62%. Въ Сибири строительная стоимость поднимается еще выше. По даннымъ государственнаго контроля такое повышеніе строительной стоимости желѣзныхъ дорогъ въ 90-е годы нельзя объяснить одними фактами удорожанія матеріаловъ и рабочихъ рукъ. Дѣло объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что на все русское желѣзнодорожное строительство повліяли порядки постройки сибирской желѣзной дороги, когда казенныхъ денегъ совсѣмъ не жалѣли. Эти пагубные порядки переко-

Русскій государственный бюджетъ за 1892—1903 гг.

Обыкновенные государственные доходы и расходы по даннымъ Государственнаго Контроля.

Въ тысячахъ рублей.

Годы	Доходы. Предположено по росписи.	Доходы. Дѣйствительно поступило	Доходы. Противъ росписи болѣе или менѣе.	Расходы. По росписи.	Расходы. Исполнено.	Расходы. Противъ росписи болѣе или менѣе.	Балансъ. Доходы въ сравненіи съ расходами.
1892	886.544	979.650	+93.106	911.668	928.037	+16 369	+51.613
1893	961.222	1.058.821	+97.599	947.690	965.791	+18.101	+93 030
1894	1.004.823	1.166.333	+161.510	981.223	1.009.923	+28.700	+156.410
1895	1.142.957	1.276.074	+133.117	1.120.095	1.137.810	+17.715	+138.264
1896	1.239.472	1.427.998	+188.526	1.231.088	1.229.044	—2.044	+198.954
1897	1.318.366	1.429.333	+110.967	1.284.859	1.299.649	+14.790	+129.684
1898	1.364 458	1.596.160	+231.702	1.350.085	1.358.275	+8.190	+237.885
1899	1.469.128	1.681.267	+212.139	1.462.659	1.463.572	+913	+217.695
1900	1.593.746	1.764.120	+170.374	1.564.442	1.555.428	—9.014	+208.692
1901	1.730.096	1.834.807	+104 711	1.656.653	1.664 887	+8 234	+169.920
1902	1.800.784	1.925.116	+124.332	1.775.913	1.802 140	+26.227	+122.976
1903	1.897.033	2.057.351	+160.318	1.880 405	1 883.026	+2.621	+174.325

Чрезвычайные доходы и расходы.

Въ тысячахъ рублей.

Годы	Доходы. Предположено по росписи.	Доходы. Дѣйствительно поступило	Доходы. Противъ росписи болѣе или менѣе.	Расходы. По росписи.	Расходы. Исполнено.	Расходы. Противъ росписи.	Балансъ. Доходы въ сравненіи съ расходами.
1892	4.491	200.600	+196.109	53.635	197 419	+143.784	+3.181
1893	79.236	180.965	+101.729	92 768	94.745	+1.977	+86 220
1894	19.765	81 016	+61.251	102.378	145 218	+42.840	—64.202
1895	2.000	167.401	+165.401	94.283	383.009	+288.726	—215.608
1896	2.200	46.310	+44.110	130.460	255.309	+124.849	—208.999
1897	3.809	43.143	+39.334	129.112	194.949	+65.837	—151.806
1898	3.300	93.599	+90.299	123.965	413.936	+289.971	—320.337
1899	4 000	187.950	+183.950	109.074	321.540	+212.466	—133.590
1900	3.000	36.619	+33.619	192.945	333.788	+140.843	—297.169
1901	1.500	184.374	+182.874	131.829	209.370	+77.541	—24 996
1902	1.800	212 956	+211.156	170.659	365.036	+194.377	—152.080
1903	2.500	177.979	+175.479	191.262	224.842	+33.580	—46.863

Общій сводъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ.

Въ тысячахъ рублей.

Годы	Доходы. Предположено по росписи.	Доходы. Дѣйствительно поступило.	Доходы. Противъ росписи.	Расходы. По росписи.	Расходы. Исполнено.	Расходы. Противъ росписи.	Балансъ. Доходы въ сравненіи съ расходами.
1892	891.035	1.180.250	+289 215	965.803	1.125.456	+160.153	+54.794
1893	1 040.458	1.239.786	+199.328	1.040.458	1.060.536	+20 678	+179.250
1894	1.024.588	1.247.349	+222.761	1.083.601	1.155.141	+71.540	+92.208
1895	1 144.957	1.443.475	+298.518	1.214.378	1.520.819	+306.441	—77.344
1896	1.241.672	1.474.308	+232.636	1.361.548	1.484.353	+122.805	—10.045
1897	1.322.175	1.472.476	+150.301	1.413.971	1.494.598	+80.627	—22 122
1898	1.367.758	1.689.759	+322.001	1.474.050	1.772.211	+298.161	—82.452
1899	1.473.128	1.869.217	+396.089	1.571.733	1.785.112	+213.379	+84.105
1900	1.596.746	1.800.739	+203.993	1 757.387	1.889 216	+131.829	—88 477
1901	1.731.596	2.019 181	+287.585	1.788 482	1.874.257	+85 775	+144.924
1902	1.802 584	2.138.072	+335.488	1.946.572	2.167.176	+220.604	—29.104
1903	1.899.533	2.235 330	+335.797	2.071.667	2.107.867	+36.201	+127.462

чевали и въ Европейскую Россію... Здѣсь можно было наблюдать такія картины: оцѣночная комиссія по отчужденію подъ дорогу земель назначаетъ частнымъ владѣльцамъ цѣну за землю выше, чѣмъ требовали сами землевладѣльцы: помѣщикъ проситъ 200 р., ему предлагаютъ 1.200 р...

Сибирская желѣзная дорога обошлась дороже, чѣмъ средне-азіатскія дороги, которыя проводились по сыпучимъ пескамъ, дороже такихъ линій, которыя велись по землямъ, подлежавшимъ выкупу; сибирская же дорога пролегла по землѣ, которую выкупать было незачѣмъ... Николаевская желѣзная дорога, открывшая эру казеннаго желѣзнодорожнаго строительства, обошлась чрезвычайно дорого, но зато здѣсь была выстроена первоклассная линія. Сибирская линія обошлась не дешевле, но зато здѣсь выстроили скверную во всѣхъ отношеніяхъ линію, которую съ перваго же года и до настоящаго времени передѣлываютъ и додѣлываютъ...

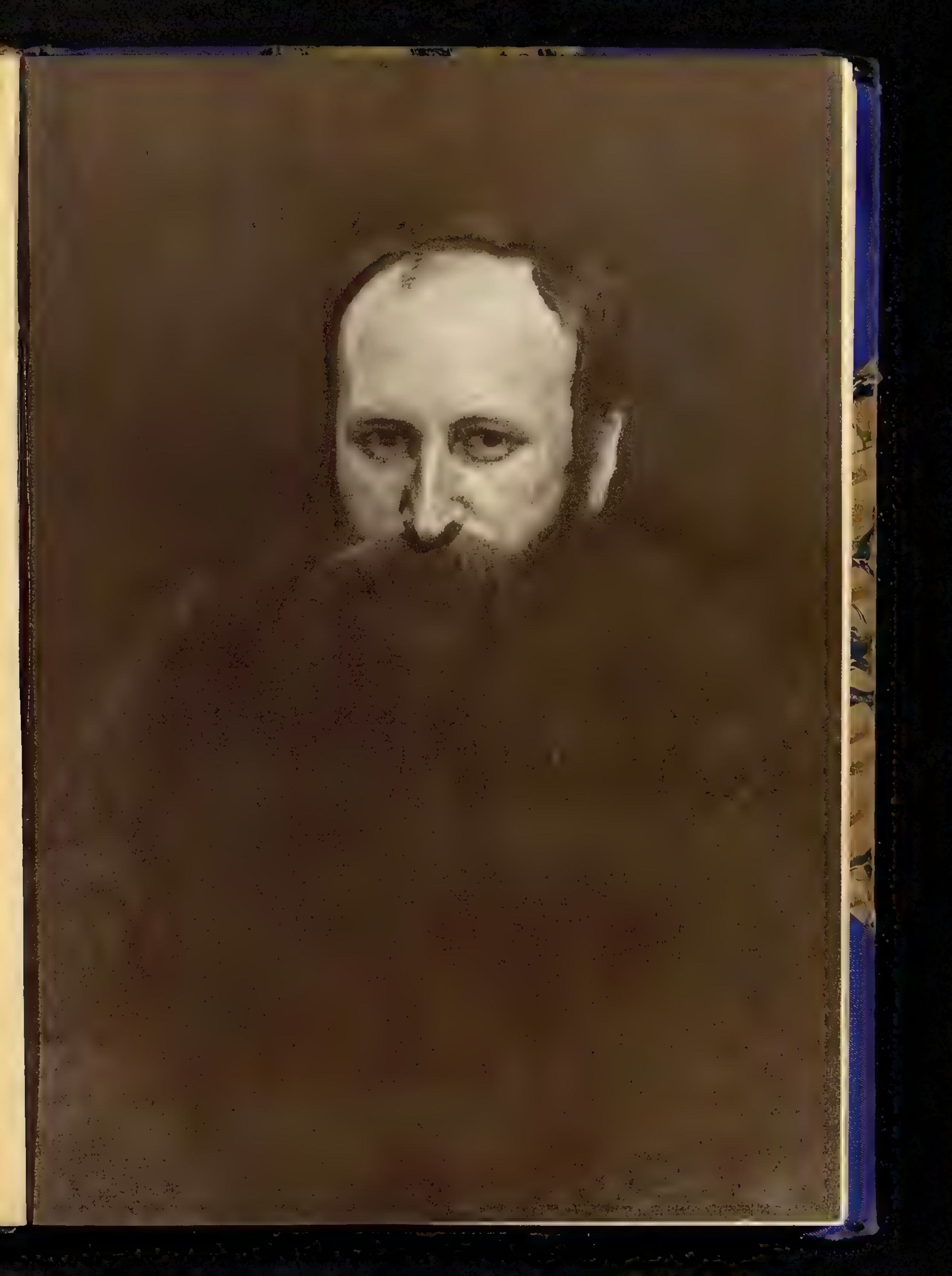
Участіе казны въ постройкѣ и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ обходится очень дорого, это участіе каждый годъ приноситъ государственному казначейству убытки въ сотню и болѣе милліоновъ рублей и является одной изъ главныхъ причинъ дефицитности русскаго государственнаго бюджета. По сдѣланнымъ въ литературѣ подсчетамъ перерасходы по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ 90-е годы достигли высоты въ полмилліарда рублей. Всѣ эти растраченныя деньги были или заняты по дорогой цѣнѣ или взысканы съ населенія въ формѣ тяжелыхъ налоговъ... И несмотря на такія пожертвованія, дорогами Россія оборудована слабо, а существующія дороги обставлены во всѣхъ отношеніяхъ скверно. По подсчетамъ самого правительства намъ нужно открыть не менѣе 185 тыс. верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, или въ теченіе 30 лѣтъ по 6 тыс. верстъ, для того, чтобы добиться такихъ условій, въ какихъ въ настоящее время находятся С.-А. Соединенные Штаты. За послѣднюю же эру оживленнаго желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи открывалось новыхъ линій не болѣе 2,300 верстъ. Оборудованіе же нашихъ желѣзныхъ дорогъ поставлено ниже всякой критики, а это причиняетъ огромный вредъ и народному и государственному хозяйству. Если мы возьмемъ абсолютныя цифры вагоновъ, паровозовъ, служащихъ и т. п., въ разсчетѣ на одну версту желѣзнодорожной сѣти, и сравнимъ эти данныя съ данными западныхъ государствъ, то замѣтимъ, что оборудованіе нашихъ дорогъ формально ничѣмъ не хуже, а часто даже лучше, чѣмъ въ государствахъ старой и высокой культуры. Но наше правительство и при такихъ условіяхъ сумѣло обезцѣнить сѣть желѣзныхъ дорогъ и отнять отъ нихъ ту степень пользы, которую онѣ должны приносить странѣ. Около милліарда рублей въ 90-ые годы было потрачено на улучшеніе пропускной способности и провозоспособности существующихъ дорогъ, однако, эта затрата не принесла никакихъ выгодъ странѣ: наоборотъ, съ каждымъ годомъ дороги

Василій Васильевичъ Верещагинъ.

Съ портрета, писаннаго И. Н. Крамскимъ. 1887
(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°",

5

приходили все въ большее разстройство.

Такіе факты какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ о томъ, что политическія условія, въ которыхъ развивалось русское государственное хозяйство въ концѣ XIX вѣка, были факторомъ разоренія народа и государственнаго хозяйства и сводили къ нулю колоссальныя затраты народныхъ средствъ и энергіи... Къ такимъ же печальнымъ результатамъ приводило участіе казны въ частномъ желѣзнодорожномъ строительствѣ: отвѣтчикомъ за все была казна, несшая колоссальные убытки и не приносившая пользы странѣ. При постройкѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ были перепробованы всѣ и всякія системы. Нѣкоторыя дороги строитъ казна, казна же и завѣдуетъ ихъ эксплоатаціей. Нѣкоторыя дороги строили и эксплоатировали частныя компаніи, только въ исключительныхъ случаяхъ не прибѣгавшія къ правительственной помощи. Затѣмъ, мы видимъ случаи, что казна передаетъ въ руки частныхъ лицъ лучшія казенныя линіи, и, наоборотъ,—линіи, выстроенныя частными лицами, отдаются, при помощи дорогихъ выкупныхъ операцій, въ руки казны. Были періоды, когда господствовалъ казенный способъ постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Эта система смѣнялась періодомъ покровительства частному желѣзнодорожному строительству. Затѣмъ, наступали такія времена, когда правительство само строило желѣзныя дороги, одновременно поручало постройку дорогъ частнымъ лицамъ и въ то же время выкупало старыя линіи изъ рукъ частныхъ лицъ. Словомъ, трудно найти такую другую страну, гдѣ можно было бы наблюдать такое разнообразіе пріемовъ и системъ. Но,—что всего удивительнѣе и печальнѣе,—при всемъ разнообразіи пріемовъ наблюдались одинаковые отрицательные результаты. Въ любой періодъ и при любой системѣ страдали интересы государства, наблюдалось въ большихъ размѣрахъ казнокрадство, всегда и во всемъ отвѣчала казна. На казну въ Россіи привыкли смотрѣть, какъ на вѣчную дойную корову. „Старый режимъ,—писалъ проф. И. Х. Озеровъ,—обратилъ Россію чуть ли не въ игорный домъ, создалъ неблагопріятную атмосферу и въ вопросахъ матеріальныхъ,—и мы, расходуя деньги, склонны забывать, откуда идутъ деньги: у насъ сложилось слишкомъ свободное отношеніе къ казенному сундуку, бѣлыя руки привыкли тянуться къ послѣднему“. Тотъ же авторъ говоритъ: „вліятельныя лица могли вовлекать у насъ государственное казначейство въ самыя разнообразныя операціи: въ невыгодныя постройки, въ убыточныя для казны поставки просто потому, что на казну легко воздѣйствовать... И государственное казначейство напоминаетъ у насъ игорный домъ, клубъ, куда стекаются авантюристы со всего свѣта, съ самыми разнообразными пріемами игры. Все это создавало въ Россіи особую атмосферу азарта, игры, авантюры“... [1]).

---

[1]) См. много интереснаго въ книгѣ *проф. Озерова*: „Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги?“ Москва. 1907. Есть второе изданіе.

Этимъ безобразнымъ матеріальнымъ отношеніямъ вполнѣ соотвѣтствовали и формальныя условія веденія государственнаго хозяйства. Ни государственная роспись, ни отчеты государственнаго контроля, ни другіе важные финансовые документы не давали правильнаго освѣщенія существующаго положенія вещей. Само правительство признало, что государственная роспись и финансовыя смѣты у насъ, въ Россіи, не имѣютъ характера *„точныхъ документовъ“*, что данныя о государственныхъ расходахъ часто находятся въ *„хаотическомъ состояніи“*. На ряду съ отчетами государственнаго контроля существуетъ тайный отчетъ государственнаго контролера; на ряду съ отчетомъ государственнаго банка существуютъ негласныя вѣдомости о противоуставныхъ ссудахъ. Никто въ Россіи—даже само правительство—не можетъ правильно разобраться въ вопросахъ о финансовыхъ результатахъ казенной винной монополіи, никто не можетъ подсчитать дѣйствительные результаты казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Даже въ отчетахъ о государственныхъ долгахъ существовали крупныя неправильности. Колоссальная выкупная крестьянская операція долгое время велась безъ правильной отчетности, что, между прочимъ, дорого обошлось крестьянамъ. Словомъ, любая сторона казеннаго хозяйства была полнымъ-полна и матеріальныхъ и формальныхъ неправильностей, неточностей. Безотчетность и безотвѣтственность власти совершенно исказили природу государственнаго хозяйства и превратили государственное хозяйство въ факторъ развращенія привилегированныхъ классовъ и въ факторъ разоренія обездоленныхъ классовъ. И можно думать, что „блестящій періодъ“ русской финансовой исторіи только по одной этой причинѣ долженъ былъ сдѣлаться періодомъ особенно интенсивнаго обѣдненія народной Россіи, что и случилось въ дѣйствительности. Безотрадное состояніе государственнаго и народнаго хозяйства Россіи XX-го вѣка было подготовлено въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка...

„Блестящій“ періодъ въ развитіи русскихъ государственныхъ финансовъ теперь канулъ въ исторію. Онъ отдѣленъ отъ текущей современности такими крупными событіями, какъ русско-японская война и революція. Но современная Россія живетъ и будетъ долго жить съ тѣмъ тяжелымъ наслѣдствомъ, которое осталось отъ этого періода: громадный государственный долгъ, затраченный или непроизводительно, или растраченный на достиженіе химерическихъ цѣлей; колоссальное государственное хозяйство, приносящее странѣ каждогодные убытки, требующіе податного покрытія; чрезмѣрное напряженіе податныхъ силъ; сельское хозяйство помѣщика, окруженное голоднымъ крестьянствомъ; фабрично-заводское производство, работающее на казну, переживающую затяжной кризисъ, и на истощенный внутренній рынокъ. Съ такимъ тяжелымъ наслѣдствомъ Россія должна пойти по новому пути, на который она вступаетъ слишкомъ поздно и послѣ очень дорогихъ экспериментовъ...

ГЛАВА II.

Развитіе промышленности и рабочее движеніе съ 1893 до 1903 г.

(Л. Мартова.)

1.

Кульминаціонный промышленный подъемъ и расцвѣтъ массоваго рабочаго движенія (1894—1899 гг.).

Съ 1893 года промышленное развитіе Россіи вступаетъ въ новую эру. Наступаетъ неслыханное промышленное оживленіе, соотвѣтствующее такому же оживленію на всемірномъ рынкѣ. За трехлѣтіе 1894—1896 гг. производство чугуна поднялось, по сравненію съ предыдущимъ трехлѣтіемъ, на 36% (съ 197 милл. пудовъ до 269 милл.). Добыча угля развивалась не менѣе энергично.

Промышленный подъемъ стимулировался усиленнымъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ. Въ 1891—1893 гг. выстроено новыхъ дорогъ 2.299 верстъ, въ 1894—96 гг.—6.228, въ 1897—99 гг.—9,951.

Особенно быстрый ростъ наблюдается въ горной промышленности юга Россіи. До 1887 года на югѣ было только 2 желѣзодѣлательныхъ завода (Юза и Пастухова). Къ 1899 году дѣйствовало 17 громадныхъ заводовъ и не менѣе 100 болѣе мелкихъ.

Періодъ промышленнаго подъема явился одновременно и эпохой общественно-политическаго пробужденія. Смѣна царствованія, бывшаго яркимъ выраженіемъ послѣдовательной политической, соціальной и идейной реакціи, дала толчокъ общественнымъ надеждамъ, а проявившееся въ голодномъ кризисѣ 1891—92 гг. экономическое безсиліе стараго режима подготовило общество къ мысли о возможности успѣшной борьбы съ послѣднимъ. Замѣчавшееся въ началѣ новаго царствованія колебаніе правительственной власти, хотя и продолжавшееся лишь очень короткое время, способствовало освобожденію умовъ отъ гипноза, навѣяннаго 13-ью годами неуклонного подавленія всякихъ проявленій общественности. Оживленіе журналистики, возрожденіе земской оппозиціи, волненія въ студенчествѣ и чрезвычайное развитіе культурно-просвѣтительной дѣятельности демократической интеллигенціи привели общественную мысль въ движеніе, которому уже не суждено было остановиться до конца вѣка.

Растущая индустріализація страны, очевидное оскудѣніе земледѣльческаго хозяйства и небывало быстрое развитіе рабочаго движенія способствовали тому, что въ центрѣ новаго идейнаго движенія русскаго общества и его интеллигенціи сталъ вопросъ о капиталистическомъ развитіи Россіи. Споры, происходившіе въ теченіе предыдущаго десятилѣтія въ подпольныхъ кружкахъ и эмигрантской литературѣ, теперь

заполнили легальную печать и всѣ сферы интеллигентнаго общества. Разоблаченная промышленнымъ развитіемъ несостоятельность народническихъ теорій дала возможность марксистамъ быстро разбить на голову представителей различныхъ оттѣнковъ мысли этого направленія, а проявляемая городскимъ рабочимъ классомъ активность и оппозиціонность перемѣстили въ сознаніи прогрессивныхъ элементовъ общества центръ его симпатій и надеждъ съ земледѣльческаго крестьянства на городской пролетаріатъ. Тѣмъ самымъ, съ одной стороны, обезпеченъ былъ усиленный притокъ идеалистически и революціонно настроенныхъ элементовъ интеллигентной молодежи въ соціалистическія группы, посвятившія свою дѣятельность рабочему классу; съ другой стороны, самое рабочее движеніе получало для своего развитія благопріятную атмосферу въ симпатіяхъ и прямой поддержкѣ оппозиціонно-настроенной части имущаго общества.

Появившаяся въ концѣ 1894 г. книга П. Б. Струве „Критическія замѣтки" знаменовала собою начало широкаго распространенія марксистскихъ идей въ русской интеллигенціи. За ней послѣдовала въ началѣ 1895 г. извѣстная книга Н. Бельтова (Г. Плеханова): „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію". Въ слѣдующемъ году возникаетъ первая легальная газета, пропагандировавшая марксистскіе взгляды на русскомъ языкѣ — „Самарскій Вѣстникъ" (П. Масловъ, А. Санинъ, В. Португаловъ, Циммерманъ - Гвоздевъ и т. д.). Въ 1897 году въ лицѣ журнала „Новое Слово", имѣвшаго громадный успѣхъ, марксисты получаютъ свой центральный теоретическій и публицистическій органъ. На латышскомъ языкѣ марксизмъ пропагандируется газетой „Deens Lapa" (въ Ригѣ), на грузинскомъ (позже)— газетой „Квали" (въ Тифлисѣ). Одновременно получаетъ сильное развитіе соціалъ-демократическая литература русскихъ эмигрантовъ.

Въ концѣ 1895 года петербургскіе соціалъ-демократы организуются, какъ „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса", и, какъ таковой, открыто обращаются къ рабочему классу и обществу. Аналогичные „союзы" возникаютъ въ слѣдующіе 2 года въ Москвѣ, Екатеринославѣ, Кіевѣ, и группы соціалъ-демократовъ, работавшія среди еврейскаго пролетаріата Западнаго края и Польши, въ концѣ 1897 г. объединяются въ довольно обширную организацію подъ именемъ „Еврейскій рабочій союзъ въ Россіи, Литвѣ и Польшѣ" (Бундъ). Наконецъ, въ мартѣ 1898 г. всѣ эти организаціи объединяются на тайномъ съѣздѣ въ Минскѣ въ „Россійскую соціалъ - демократическую рабочую партію", которая выпустила извѣстный „манифестъ" съ изложеніемъ общихъ политическихъ принциповъ дѣятельности русской соціалъ-демократіи.

Эта дѣятельность уже перестала носить характеръ замкнутой кружковой работы съ сильной примѣсью культурно - просвѣтительнаго элемента. Съ 1894 г. задачи агитаціи въ массахъ постепенно вытѣсняютъ задачи соціалистической пропаганды, а самая агитація ведется

преимущественно на почвѣ экономической борьбы рабочихъ съ предпринимателями: соціалъ-демократы стараются организовать эту борьбу, внести въ нее извѣстную планомѣрность и подготовленность, вырабатываютъ и формулируютъ предъявленныя рабочими требованія. Этотъ переходъ отъ пропаганды къ агитаціи, до извѣстной степени вызывавшійся накопленіемъ силъ соціалъ-демократическихъ кружковъ и потребностью выйти изъ тѣсной сферы, въ которую они были замкнуты до тѣхъ поръ, являлся результатомъ подъема самого стихійнаго рабочаго движенія, шедшаго параллельно съ подъемомъ промышленности. Такимъ образомъ, между развитіемъ соціалъ-демократіи, въ значительной мѣрѣ составлявшей, по своему соціальному составу, лишь крайнее лѣвое крыло демократической интеллигенціи (студенчество и представители либеральныхъ профессій), и развитіемъ массоваго рабочаго движенія устанавливается постоянное взаимодѣйствіе, поскольку оба процесса обусловливаются одною и той же основной причиной—быстрымъ развитіемъ промышленнаго капитализма въ обстановкѣ сильныхъ пережитковъ сословно-крѣпостническаго строя. Отнынѣ процессъ развитія рабочаго движенія нельзя разсматривать внѣ связи съ организованной и планомѣрной дѣятельностью соціалъ-демократіи.

Переходя къ разсмотрѣнію экономическаго движенія пролетаріата за разсматриваемый періодъ, мы прежде всего отмѣтимъ полную несостоятельность тѣхъ свѣдѣній, которыми располагаетъ официальная статистика. Согласно этимъ свѣдѣніямъ [1]), въ заведеніяхъ, подчиненныхъ фабричной инспекціи, участвовало въ стачкахъ:

Въ	1895 г.	31,195	рабоч.
„	1896 „	29,527	„
„	1897 „	59,870	„
„	1898 „	43,150	„
„	1899 „	97,498	„

Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ, которыя намъ удалось собрать по газетамъ и журналамъ того времени [2]), на заводахъ, фабрикахъ и рудникахъ въ стачкахъ участвовало (приблизительно въ круглыхъ цифрахъ):

Въ	1895 г.	48,000	рабоч.
„	1896 „	67,000	„
„	1897 „	102,000	„
„	1898 „	87,000	„
„	1899 „	130,000	„

По тѣмъ же нашимъ свѣдѣніямъ, число стачечниковъ въ 1894 году достигло 17,000. Слѣдовательно, общій итогъ за 6 лѣтъ 452,000 стачечниковъ, къ которымъ надо прибавить не менѣе 30,000 рабочихъ въ мелкихъ ремесленныхъ мастерскихъ. Главная масса стачечниковъ падаетъ на текстильное производство и обработку металла (177,000 и 107,000 по нашимъ свѣдѣніямъ). Горнорабочіе даютъ всего 19,000, табачныя фабрики—около 5.000. Согласно даннымъ официальнаго изслѣдованія, изъ числа всѣхъ стачекъ за десятилѣтіе 1895—1904 гг. приходилось:

---

1) „Статистическія свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за десятилѣтіе 1895—1904 гг.“. Изд. Отдѣла промышл. Спб. 1905.

2) Главнымъ образомъ, по заграничнымъ изданіямъ („Работникъ“, „Рабочее дѣло“, „Летучіе Листки“, „Наканунѣ“).

							въ %	
На заведенія	съ	числомъ	до		20 раб.		11	48
„	„	„	„	„ 21— 50	„		24	
„	„	„	„	„ 51— 100	„		13	
„	„	„	„	„ 100— 500	„		28	52
„	„	„	„	„ 501—1.000	„		12	
„	„	„	„	свыше 1.000	„		12	

Большая половина стачекъ приходится на крупныя промышленныя предпріятія; изъ числа подчиненныхъ фабричному надзору предпріятій за десятилѣтіе 1895—1904 гг. число предпріятій, затронутыхъ стачками, составляло по отношенію ко всему числу заведеній даннаго разряда:

Для предпріятій	съ	числомъ	до		20 раб. . . .	2,7%
„	„	„	„	„ 21— 50	„ . . .	7,5%
„	„	„	„	„ 51— 100	„ . . .	9,4%
„	„	„	„	„ 101— 500	„ . . .	21,5%
„	„	„	„	„ 501—1.000	„ . . .	49,9%
„	„	„	„	свыше 1.000	„ . . .	89,7%

Такимъ образомъ, наиболѣе крупныя промышленныя заведенія почти всѣ были затронуты стачечнымъ движеніемъ; напротивъ, наиболѣе мелкія въ громадномъ своемъ большинствѣ не были втянуты въ классовую борьбу пролетаріата. Этотъ выводъ, однако, нуждается въ серьезныхъ ограниченіяхъ ввиду указанной выше недостаточности офиціальныхъ свѣдѣній, особенно неполныхъ относительно мелкихъ предпріятій.

Перейдемъ къ ходу развитія стачечнаго движенія за 1894—1899 гг.

Въ 1894 году стачечная борьба наблюдается въ текстильной промышленности Польши (Сосновицы, Заверце) и Петербурга (фабр. Воронина). Борьба ведется за повышеніе платы, кончается пораженіемъ рабочихъ, благодаря рѣшительнымъ репрессивнымъ мѣрамъ властей. Среди отдѣльныхъ стачекъ въ производствѣ по обработкѣ металловъ выдаются продолжительная забастовка жел.-дор. мастерскихъ въ Ростовѣ-на-Д., кончающаяся удовлетвореніемъ главныхъ требованій рабочихъ о повышеніи платы и сокращеніи рабочаго дня, и въ концѣ года—бурные безпорядки на Невскомъ заводѣ въ Петербургѣ, вызванные невыдачей въ срокъ заработной платы. Затѣмъ, отдѣльныя стачки происходятъ въ шахтахъ Домброво, среди ремесленныхъ рабочихъ Вильны и на мелкихъ фабрикахъ Варшавы. Въ Ростовской стачкѣ и въ забастовкахъ польскихъ рабочихъ руководство принадлежитъ соціалистическимъ организаціямъ [1]).

Весна и лѣто 1895 г. видятъ рядъ бурныхъ столкновеній въ текстильномъ производствѣ центральнаго района, вспыхивающихъ совершен-

[1]) Стачка въ Ростовѣ вызвала арестъ до 200 лицъ, обвиненныхъ въ соціалъ-демократич. пропагандѣ, въ томъ числѣ П. А. Моисеенко, бывшаго руководителя „Морозовской" стачки 1885 года. Послѣдній былъ вновь (въ 3-й разъ) сосланъ въ вологодскую губернію.

но стихійно, а потому сопровождающихся въ большинствѣ случаевъ эксцессами. Главнымъ поводомъ стачекъ является борьба противъ пониженія расцѣнокъ или за ихъ повышеніе, а также за отмѣну штрафовъ. Въ селѣ Тейковѣ, шуйскаго уѣзда, стачка осложнилась кровавымъ инцидентомъ: директоръ фабрики Каретниковыхъ, англичанинъ Кроше, выстрѣлилъ въ толпу обступившихъ его стачечниковъ и убилъ одного изъ нихъ; разъяренная толпа растерзала его на клочки. Безпорядками сопровождались и стачки въ Москвѣ на мануфактурахъ Прохорова и Мазурина; болѣе спокойно прошли забастовки въ Иваново - Вознесенскѣ на фабрикахъ Гандурина и Бурылина. Въ Ярославлѣ въ апрѣлѣ забастовала громадная Большая мануфактура (до 10.000 рабочихъ), требуя отмѣны штрафовъ и повышенія платы. Рабочіе были настроены весьма мирно и посылали ходоковъ къ вел. князю Сергію, прося его вмѣшательства. Однако, администрація превратила эту мирную стачку въ „бунтъ“, арестовавъ нѣсколькихъ рабочихъ. Когда толпа потребовала ихъ освобожденія, Фанагорійскій полкъ стрѣлялъ и убилъ нѣсколькихъ человѣкъ, въ томъ числѣ женщину и ребенка. Этотъ эпизодъ въ связи съ благодарностью, которой удостоился полкъ, сыграли замѣтную агитаціонную роль въ движеніи того времени.

Всѣ эти стачки, въ общемъ, окончились неудачей, въ значительной мѣрѣ благодаря репрессіямъ властей. Однако, стачечное движеніе не стихло. Осенью оно началось почти одновременно въ трехъ районахъ текстильнаго производства. Въ Петербургѣ, гдѣ уже въ началѣ года начинались волненія на нѣкоторыхъ мануфактурахъ, произошли забастовки на суконной фабр. Торнтона (ноябрь) и джутовой Лебедева (дек.). Рабочіе требовали повышенія платы, систематически понижаемой фабрикантами. Участіе соціалъ-демократовъ („Союзъ борьбы“), начавшихъ переходить отъ пропаганды къ агитаціи, сыграло извѣстную роль въ этихъ стачкахъ, прошедшихъ болѣе или менѣе организованно. Однако, непосредственнаго успѣха рабочіе не добились. Въ Иваново-Вознесенскѣ забастовали 2.000 рабочихъ товарищества Ив.-Вознес. мануфактуры (октябрь), равнымъ образомъ, противъ пониженія расцѣнковъ. Хотя въ началѣ стачки мѣстные соціалъ-демократы опасались принять въ ней участіе, считая свою организацію слишкомъ еще слабой, тѣмъ не менѣе, стачка прошла весьма организованно и импонировала мѣстному населенію и рабочимъ другихъ фабрикъ. Спокойствіе стачечниковъ и ихъ спеціальныя заботы о томъ, чтобы порядокъ не былъ нарушенъ [1]), не избавили ихъ отъ столкновенія съ казаками, которые подвергли избіенію даже женщинъ. Послѣ 2-хъ недѣль забастовка кончилась формальной побѣдой фабрикантовъ, но подъ вліяніемъ стачки впослѣдствіи фабрика повысила плату.

Наконецъ, въ августѣ всѣ ткацкія фабрики и мастерскія Бѣлосто-

[1]) Напр., потребленіе водки было, по рѣшенію стачечниковъ, воспрещено.

ка бросили работу и въ теченіе 2-хъ недѣль слишкомъ бастовали, увлекши за собой фабрики и заводы другихъ производствъ. Формально стачка была вызвана нежеланіемъ рабочихъ допустить введеніе расчетныхъ книжекъ, на которомъ настаивала фабричная инспекція, въ цѣляхъ реальнаго контроля за исполненіемъ законовъ объ охранѣ труда. Но за этой внѣшностью таилась болѣе глубокая причина: живя—относительно—въ патріархальныхъ условіяхъ и опираясь на извѣстныя цеховыя традиціи мануфактуры, выросшей органически изъ ремесла, суконщики Бѣлостока впервые узнали изъ правилъ, напечатанныхъ въ расчетныхъ книжкахъ, о различныхъ карательныхъ законахъ, ставящихъ ихъ въ юридически-неравноправное положеніе съ хозяевами. До тѣхъ поръ мелкія стачки и столкновенія на фабрикахъ не вели за собой примѣненія этихъ законовъ, и рабочіе, борясь противъ введенія книжекъ, по существу дѣла, протестовали противъ самыхъ законовъ. Стачка распространилась на мелкіе фабричные пункты бѣлосток. района и охватила отъ 15 до 20 тыс. рабочихъ. Въ концѣ-концовъ, стачечники сдались и приняли книжки, получивъ, однако, кое-гдѣ частичныя экономическія уступки отъ хозяевъ. Прошедши при слабомъ участіи соціалистовъ, эта крупная стачка положила начало агитаціи и массовому стачечному движенію въ бѣлостокскомъ промышленномъ районѣ.

Въ металлургическомъ и механическомъ производствахъ годъ прошелъ тоже оживленно. Въ январѣ происходила крупная забастовка на заводѣ Новаго адмиралтейства въ Спб.: рабочіе боролись противъ увеличенія рабоч. дня и одержали побѣду. Въ теченіе всего лѣта происходили столкновенія и стачки на механическихъ заводахъ Москвы (Гужонъ, Добровъ и Набгольцъ, Бромлей, Вейхельтъ) изъ-за увеличенія рабоч. дня и за увеличеніе платы. Эти забастовки были вызваны агитаціей образовавшагося за годъ до того „Московскаго рабочаго союза"; онѣ сопровождались извѣстнымъ успѣхомъ; и московскіе рабочіе, высланные за участіе въ этихъ стачкахъ, явились затѣмъ въ Петербургѣ агитирующимъ элементомъ. Въ послѣднемъ городѣ лѣтомъ и осенью происходили на Путиловскомъ заводѣ частыя забастовки изъ-за пониженія расцѣнокъ, ставшаго общимъ явленіемъ на петербургскихъ заводахъ. Дѣло въ томъ, что съ началомъ промышленнаго подъема на заводахъ вводились различныя улучшенія, которыя при поштучной платѣ давали возможность искуснымъ рабочимъ, путемъ интенсификаціи своего труда, поднять заработокъ выше прежняго уровня. По истеченіи же нѣкотораго времени, когда новый способъ производства получалъ широкое распространеніе, заводы пропорціонально понижали расцѣнки, доводя заработокъ до прежней нормы. Выросшія на этой почвѣ стачки успѣха не имѣли. Въ провинціи можно отмѣтить забастовки въ жел.-дор. мастерскихъ Пинска и Минска. Въ Польшѣ и зап. краѣ въ теченіе всего года развивалась (особенно въ Варшавѣ, Минскѣ и Вильнѣ) борь-

ба еврейскихъ подмастерьевъ, главнымъ образомъ, за сокращеніе рабочаго дня. Въ Вильнѣ же въ августѣ 1895 г. въ теченіе 2-хъ недѣль бастовали рабочіе табачной фабрики. Стачка была вызвана введеніемъ новыхъ машинъ, позволявшихъ замѣщать обученныхъ рабочихъ-мужчинъ работницами. Подъ вліяніемъ соціалъ-демократовъ, рабочіе не выставили требованія отказа отъ новыхъ машинъ, но настаивали на сохраненіи прежняго уровня платы. Отличавшаяся своимъ упорствомъ и выдержкой, стачка была выиграна. Въ Петербургѣ на табачной фабрикѣ Лафермъ то же введеніе машинъ привело къ бурнымъ безпорядкамъ и короткой стачкѣ въ ноябрѣ; работницы были побѣждены при помощи полиціи.

1896 и 1897 гг. были временемъ небывалаго еще развитія рабочаго движенія. Даже по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, стачками было охвачено за эти 2 года 263 промышленныхъ заведенія, а число стачечниковъ равнялось 89.000. По свѣдѣніямъ, собраннымъ нами, число стачечниковъ за эти 2 года было не меньше 170 тысячъ. Движеніе этихъ лѣтъ оставило глубокій слѣдъ на рабочихъ массахъ Россіи, вызвало быстрое развитіе фабричнаго законодательства и оказало сильное вліяніе на настроеніе русскаго общества и русской интеллигенціи; оно же создало основаніе для развитія русской соціалъ-демократіи въ ту политическую силу, какою она явилась къ началу XX вѣка.

Рѣшающую роль въ этомъ движеніи играли рабочіе текстильнаго производства (по нашимъ свѣдѣніямъ — 54% всѣхъ стачечниковъ), впереди которыхъ шли рабочіе петербургскихъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ.

Съ самаго начала 1896 года въ Петербургѣ вспыхивали, хотя и быстро угасали, стачки на отдѣльныхъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ (Кенига, Воронина, Сампсоньевской и Калинкинской). Стачки возникали по поводу частыхъ злоупотребленій, но агитація „Союза борьбы“ отвлекла вниманіе рабочихъ отъ этихъ частностей въ сторону общихъ требованій: повышенія расцѣнокъ и сокращенія рабочаго времени. Періодъ промышленнаго подъема повсюду вызвалъ со стороны капиталистовъ тенденцію использовать каждую рабочую силу до конца интенсификаціей труда и удлиненіемъ рабочаго дня, а привычка встрѣчать со стороны рабочихъ лишь слабое противодѣйствіе побуждала фабрикантовъ, несмотря на высокіе барыши, экономить на заработной платѣ для того, чтобы возможно больше средствъ употреблять на расширеніе производства: отсюда пониженіе расцѣнокъ и прямыя злоупотребленія въ браковкѣ товара, въ подмѣнѣ одного сорта матеріала другимъ, въ штрафахъ и вычетахъ и т. п. методахъ увеличенія эксплоатаціи, вызывающихъ особенно сильное раздраженіе въ эксплоатируемыхъ.

14 мая 1896 г. происходила торжественная коронація Императора Николая II. Фабрики распустили рабочихъ на 3 дня, но не выдали имъ за эти дни платы, и это послужило той искрой, которая воспламенила накопившійся горючій ма-

теріалъ. 23-го мая рабочіе Калинкинской („Россійской“) мануфактуры потребовали уплаты за коронаціонные дни. Фабрика удовлетворила ихъ требованіе, но рабочіе на этомъ не успокоились и стали выдвигать новыя претензіи. На слѣдующій день фабрика стала. 27 мая стачка перешла на Екатерингофскую мануфактуру, а въ слѣдующіе дни остановились всѣ прядильни и ткацкія района Обводнаго канала и Лиговки (Кенигъ, Митрофановская, Тріумфальная, Кожевникова, Новая и Невская). Волненіе распространилось на другіе районы. Когда на фабрикахъ шлиссельбургскаго участка появилось рукописное воззваніе, сообщающее подробности о стачкѣ на Обводномъ каналѣ, работу немедленно бросили большія мануфактуры этого района (Максвеля и Паля). Среди стачечниковъ на первый планъ выступило требованіе сокращенія рабочаго дня, на которое усиленно обращали вниманіе воззванія, распространявшіяся до того „Союзомъ борьбы“. 28 или 29 мая въ Екатерингофскомъ паркѣ собрались представители забастовавшихъ фабрикъ, которые выработали общія требованія и обратились къ „Союзу борьбы“ съ просьбой ихъ отпечатать, что и было Союзомъ сдѣлано 30 мая. Требованія эти включали: 1) 12-ти час. раб. день (вмѣсто 14-ти и 15-ти час.) съ $1^1/_2$ час. обѣденнымъ отдыхомъ; 2) повышеніе расцѣнокъ „такъ, чтобы наши заработки не уменьшились“ (при сокращеніи рабочаго дня); 3) окончаніе работъ по субботамъ въ 2 часа; 4) уплата за коронаціонные дни; 5) правильная расплата 2 раза въ мѣсяцъ; 6) прекращеніе злоупотребленій въ видѣ пусканія машинъ раньше времени.

При посредствѣ агитаторовъ-соціалъ-демократовъ забастовка въ началѣ іюня распространилась на выборгскій, петербургскій и васильеостровскій районы. Одновременно волненія захватили крупные машиностроительные заводы, резиновую мануфактуру, одну писчебумажную фабрику и сахарный заводъ. Ожидалась всеобщая забастовка. Бастовавшіе, число которыхъ превышало 30.000, держались весьма спокойно, но устраивали постоянныя сходки, на которыхъ рабочими соціалъ-демократами велась непрерывная агитація. Послѣднюю поддерживалъ „Союзъ“ своими листками, которые онъ выпускалъ ежедневно, несмотря на энергичныя мѣры жандармовъ, арестовавшихъ сотни заподозрѣнныхъ лицъ. „Союзъ“ также обратился къ обществу съ воззваніемъ, въ которомъ, указывая на политическое значеніе пробужденія рабочаго класса, призывалъ къ матеріальной поддержкѣ стачки. Воззваніе имѣло извѣстный успѣхъ, но собранныхъ матеріальныхъ средствъ было совершенно недостаточно для поддержки 30.000 стачечниковъ и ихъ семействъ. Средства собирались также въ зап. Европѣ, особенно въ Англіи трэдъ-юніонами. Петербургская стачка произвела сильное впечатлѣніе на зап.-европейское общественное мнѣніе, и на происходившемъ вскорѣ затѣмъ международномъ рабочемъ конгрессѣ въ Лондонѣ извѣстіе о стачкѣ было встрѣчено съ энтузіазмомъ.

Первоначально власти вели себя

по отношенію къ забастовавшимъ рабочимъ сдержанно, принимая лишь мѣры къ огражденію уличнаго порядка и посылая фабричныхъ инспекторовъ и полицейскихъ чиновниковъ къ рабочимъ для увѣщанія. Повидимому, власти растерялись. Были устроены подъ предсѣдательствомъ мин. Витте совѣщанія фабрикантовъ, обсуждавшія вопросъ о возможныхъ уступкахъ. Сами петербургскіе фабриканты, согласно традиціи 70-хъ и 80-хъ годовъ, готовы были пойти на сокращеніе рабочаго дня, но требовали, чтобы это сокращеніе было проведено въ законодательномъ порядкѣ для всей Россіи. Правительство, зная отрицательное отношеніе къ такой реформѣ со стороны большинства московскихъ фабрикантовъ, колебалось. Вскорѣ градоначальникъ отказался отъ тактики выжиданія. Начались массовые аресты и высылки рабочихъ. Затѣмъ послѣдовали совершенно незаконныя попытки силой заставить стачечниковъ работать; полиція врывалась въ фабричныя казармы и насильно уводила рабочихъ на фабрики. Эти попытки разбились объ упорство рабочихъ. 10 іюня градоначальникъ вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ обѣщалъ стачечникамъ разсмотрѣніе ихъ требованій, какъ только они станутъ на работу. Вызваннымъ имъ же къ себѣ депутаціямъ отъ рабочихъ разныхъ фабрикъ онъ обѣщалъ, что правительство приметъ нѣкоторыя мѣры для улучшенія ихъ положенія. Въ свою очередь, фабриканты стали выражать согласіе устранить отдѣльныя злоупотребленія. Наконецъ, мин. финансовъ Витте рѣшился самъ обратиться къ рабочимъ съ воззваніемъ, чтобы увѣрить ихъ въ заботливости правительства и предостеречь отъ агитаціи соціалистовъ [1]. Однако, не заключая отвѣта по существу экономическихъ требованій рабочихъ, это воззваніе не могло усилить довѣрія къ правительству. Къ такимъ же результатамъ привело другое обращеніе правительства къ обществу. Правительство сочло необходимымъ сообщить обществу подробности стачки, о которой печати запрещено было давать какія-либо свѣдѣнія. Въ напечатанномъ 19 іюня правительственномъ сообщеніи тенденціозно уменьшено было вдвое число бастовавшихъ рабочихъ, и самая стачка приписывалась агитаціи „злонамѣренныхъ личностей“. Упоминая впервые въ правительственномъ документѣ о дѣятельности соціалъ-демократіи и изображая ее

[1] „Пусть рабочіе,—говорилось въ подписанномъ министромъ воззваніи,—не вѣрятъ тѣмъ, кто пишетъ подметные листки; не отъ добраго сердца подстрекаютъ они рабочихъ и не къ добру ихъ ведутъ, а пользуются ими, какъ орудіемъ для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей. Пусть разумные рабочіе не только не слушаютъ подстрекателей, но разъясняютъ своимъ молодымъ и неопытнымъ товарищамъ, что, только повинуясь закону, можно ожидать удовлетворенія справедливыхъ ходатайствъ; стачки же будутъ вести всегда къ несчастію и разоренію рабочихъ. Каждый обязанъ долгъ свой выполнить по закону и жить по правдѣ Божіей. Только такой человѣкъ можетъ быть полезенъ отечеству, и о немъ будетъ заботиться Царское Правительство. Всякій же нарушитель закона и порядка никогда не найдетъ поддержки у начальства, а, напротивъ, за свое беззаконіе понесетъ должное наказаніе“.

истинной виновницей движенія, власти достигали лишь того, что обращали вниманіе прогрессивныхъ элементовъ общества на растущую, въ лицѣ соціалъ-демократіи, серьезную политическую силу [1]).

Прекращая забастовку, ткачи полагались на обѣщанія и намеки фабричныхъ инспекторовъ и самихъ фабрикантовъ и ожидали, что къ осени или къ началу слѣдующаго года вопросъ о сокращеніи рабочаго дня будетъ рѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ. Дѣйствительно, при министерствѣ открылись совѣщанія съ участіемъ представителей промышленности. Правительство тѣмъ болѣе осваивалось съ мыслью о необходимости реформы, что петербургская забастовка вызвала рядъ движеній въ провинціи. Подъ вліяніемъ слуховъ о петербургской стачкѣ, въ Москвѣ лѣтомъ (съ іюня по августъ) произошелъ рядъ забастовокъ (на механическихъ заводахъ Прекуда и Гриссара и мастерскихъ курской и смоленской дорогъ).

Вопросъ объ уплатѣ за коронаціонные дни здѣсь тоже игралъ роль въ волненіяхъ рабочихъ; выдвигавшіяся, вмѣстѣ съ тѣмъ, требованія повышенія платы и сокращенія рабочаго дня быстро удовлетворялись. На заводѣ Гужона и на Измайловской мануфактурѣ администрація удовлетворила требованія рабочихъ, не дожидаясь стачки. Этими уступками была предотвращена всеобщая стачка въ Москвѣ, которая казалась весьма вѣроятной. Петербургскіе рабочіе крупныхъ заводовъ (Путиловскаго, Балтійскаго, Александровскаго, Варшавскихъ мастерскихъ) такъ же быстро добились уступокъ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ осенью рабочіе всѣхъ механическихъ заводовъ добились $10^1/_2$ час. раб. дня, не прибѣгая къ стачкѣ. Осенью же возобновились волненія на московскихъ механическихъ заводахъ (Ст. Бромлей, Гужонъ) и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ (ярославской и рязанской дорогъ); рабочіе требовали и добились сохраненія старыхъ расцѣнокъ и уничтоженія сверхъурочныхъ работъ.

Осенью показались симптомы вліянія петербургской забастовки на владимірскую и костромскую губерніи. Въ сентябрѣ, въ г. Костромѣ и въ ковровскомъ уѣздѣ произошли забастовки во имя замѣны 12-тичасов. смѣнъ 9-тичасовыми; обѣ стачки прошли съ успѣхомъ.

Наступленіе 1897 года, который не принесъ петербургскимъ ткачамъ ожидаемаго ими сокращенія рабочаго дня, ознаменовалось новой крупной забастовкой. Фабрика Максвеля начала борьбу, ея рабочіе отправили делегатовъ въ другіе районы съ приглашеніемъ присоединиться къ стачкѣ. Фабричная администрація всюду уговаривала рабочихъ не начинать стачки, ссылаясь на то, что законопроектъ о нормировкѣ рабочаго дня уже вырабатывается правительствомъ. Это, наконецъ, офиціально объявило само правительство 3 января.

Рабочіе на своихъ совѣщаніяхъ рѣшили начать общую забастовку съ 7 января. Въ этотъ день вновь

[1]) Въ изложеніи хода петербургской забастовки мы слѣдовали книгѣ Петербуржца „Очеркъ петерб. рабоч. движенія".

застрѣльщиками явились рабочіе Россійской мануфактуры. Забастовка распространилась еще на нѣсколько фабрикъ и заводовъ (Александровскій и др.); въ общемъ, бастовало около 15.000 человѣкъ. Кое-гдѣ немедленное введеніе сокращеннаго рабочаго дня, въ другихъ мѣстахъ — новыя обѣщанія не дали стачкѣ продлиться дольше 10 января. Важное послѣдствіе имѣла побѣда рабочихъ Александровскаго завода (мастерскія никол. ж. д.), такъ какъ, удовлетворивъ ихъ требованія о прекращеніи работы по субботамъ въ 2 часа, министръ путей сообщенія распространилъ эту мѣру на мастерскія всѣхъ казенныхъ дорогъ, что способствовало пробужденію духа борьбы въ этой категоріи пролетаріата и вызвало среди мастеровыхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ стремленіе добиться для себя той же льготы.

Январьская стачка петербургскихъ рабочихъ чрезвычайно популяризировала требованіе сокращенія рабочаго дня, направивъ главное русло рабочаго движенія въ эту сторону. Уже въ январѣ въ Петербургѣ ткачи шелковой фабрики добились десятидневной стачкой сокращенія рабочаго дня на 1 часъ; интересно для характеристики повысившагося самосознанія, вообще, довольно забитыхъ ткачей выставленное на этой фабрикѣ требованіе смѣнить фабричнаго инспектора, который грубо обошелся со стачечниками. Въ январѣ же произошла стачка нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ мануфактуры Коншина въ Серпуховѣ; въ числѣ требованій, рядомъ съ повышеніемъ расцѣнокъ, фигурировало сокращеніе работъ въ дни предпраздничные. Рабочіе вожди не смогли удержать массу отъ эксцессовъ; произошелъ разгромъ фабричныхъ лавокъ, и стачка была подавлена военной силой послѣ жестокой расправы, совершенной полиціей и казаками. Сокращенія рабочаго дня въ январѣ же добились, не всегда прибѣгая къ стачкамъ, рабочіе ряда московскихъ механическихъ заводовъ (Листа, Доброва и др.), чулочной фабрики, парфюмерной, экипажныхъ заведеній и другихъ мелкихъ фабрикъ. Тогда же въ Тулѣ произошелъ рядъ успѣшныхъ мелкихъ стачекъ самоварныхъ и мѣдныхъ заведеній.

Въ текстильномъ производствѣ центральнаго района массы тоже волновались. Весной произошла стачка на ткацкой фабрикѣ Шлихтермана въ Москвѣ изъ-за неправильныхъ расчетовъ при выдачѣ заработка; тогда же въ с. Горкахъ, ковров. уѣзда, 1.500 рабочихъ добились стачкой уничтоженія ночной работы.

Между тѣмъ, состояніе петербургскихъ ткачей оставалось напряженнымъ, и это напряженіе усиливалось по мѣрѣ приближенія дня 1 мая, котораго съ безпокойствомъ ожидали фабриканты и власти. 4 апрѣля ткачи Новой бумагопрядильни вновь забастовали, требуя немедленнаго исполненія обѣщанія о сокращеніи рабочаго дня. Власти, боясь распространенія стачки въ столь неудобное время, примѣнили крайнія репрессіи: рабочихъ нагайками и прикладами заставили вернуться на фабрику. Но за то петербургскіе текстильные фабрикан-

ты ускорили выработку своего соглашенія и съ 16 апрѣля всюду ввели на своихъ фабрикахъ $11^1/_2$ час. рабочій день, причемъ повысили расцѣнки на 7%. Этимъ они предотвратили въ Петербургѣ майскую демонстрацію, но этимъ же принудили правительство поспѣшить съ изданіемъ общаго для Россіи закона. 2 іюня 1897 г. изданъ, наконецъ, законъ, устанавливавшій $11^1/_2$-час. рабочій день.

Первымъ результатомъ закона 2 іюня было новое движеніе во владимірскомъ промышленномъ округѣ, гдѣ господствовала двухсмѣнная система работы. Запретивъ производство ночныхъ работъ, законъ 2 іюня далъ ткачамъ почву для отстаиванія системы 9-ти часовыхъ смѣнъ, которая въ началѣ десятилѣтія была принята уже наиболѣе крупными мануфактурами г. Иваново-Вознесенска. Теперь, по требованію рабочихъ, 9-тичасовой рабочій день былъ введенъ на всѣхъ фабрикахъ г. Шуи, при чемъ фабриканты согласились на увеличеніе расцѣнокъ на 25—40%, чтобы предотвратить сокращеніе заработка. Во имя того же требованія осенью 1897 г. бастовали ткачи въ Судогдѣ (фабр. Голубева), Юже близъ Вязниковъ, Колобовѣ ковров. уѣзда—вездѣ съ успѣхомъ, такъ какъ блестящее положеніе дѣлъ въ текстильной промышленности заставило фабрикантовъ избѣгать долгихъ перерывовъ въ производствѣ.

Однако, общая стачка рабочихъ 3-хъ крупныхъ фабрикъ вичугскаго округа (костром. губ.) съ тѣмъ же требованіемъ потерпѣла неудачу, и на костромскую губ. система 9-тичасовыхъ смѣнъ не распространилась.

Съ другой стороны, введеніе $11^1/_2$ ч. дня для рабочихъ наиболѣе отсталыхъ фабрикъ поставило на очередь вопросъ о повышеніи расцѣнокъ, ибо иначе при сдѣльной платѣ ихъ заработокъ падалъ до голоднаго уровня. Лѣтомъ и осенью произошли на этой почвѣ стачки въ Твери, Кохмѣ, Петербургѣ (Митрофаньевск. мануфактурѣ) и Орѣховѣ-Зуевѣ (у Викулы Морозова). Всѣ эти стачки кончились побѣдой рабочихъ, кромѣ послѣдней, которая сопровождалась „фабричнымъ бунтомъ“ съ разгромомъ фабричныхъ помѣщеній.

Успѣхи текстильныхъ рабочихъ въ столицахъ и центральномъ районѣ помогли рабочимъ шерстоткацкаго производства въ бѣлостокскомъ округѣ закрѣпить результаты своей собственной партизанской борьбы двухъ лѣтъ въ общемъ соглашеніи съ фабрикантами, которые въ августѣ 1896 г. ввели на своихъ фабрикахъ 10—$10^1/_2$-час. раб. день.

Эпилогомъ движенія текстильныхъ рабочихъ въ 1896—97 гг. явилась *всеобщая забастовка* въ Иваново-Вознесенскѣ, вспыхнувшая въ декабрѣ 1897 года. Она явилась отвѣтомъ на общее всему классу фабрикантовъ стремленіе компенсировать сокращеніе рабочаго времени уменьшеніемъ числа праздниковъ [1]).

Стачка началась 23 декабря на

---

1) Жалобами на большее въ Россіи, по сравненію съ другими странами, число праздниковъ издавна полна литература представителей капитализма и ихъ ходатайства передъ властями.

фабрикѣ Гарелиныхъ, когда рабочимъ было объявлено объ отмѣнѣ 3-хъ праздничныхъ дней въ году. Кромѣ возстановленія этихъ праздниковъ, рабочіе потребовали уменьшенія работы въ предпраздничные дни и установленія отпуска для рожениць въ 4 недѣли (2 до и 2 послѣ родовъ). Въ слѣдующіе дни забастовка охватила всѣ текстильныя фабрики города—до 20.000 рабочихъ—и закончилась лишь черезъ 3 недѣли побѣдой рабочихъ. Послѣдніе все время проявляли чрезвычайную выдержанность и спокойствіе, хотя стачка, въ отличіе отъ петербургскихъ, и проходила безъ непосредственнаго руководства соціалъ-демократовъ.

До сихъ поръ мы разсматривали преимущественно забастовочное движеніе въ сѣверномъ и центральномъ районахъ. Въ описываемое время оно получило также сильное развитіе на окраинахъ и прежде всего въ Польшѣ. Подъ вліяніемъ усиленной майской агитаціи соціалистовъ въ Домбровѣ въ теченіе лѣта 1896 г. произошло нѣсколько стачекъ углекоповъ, въ большинствѣ случаевъ успѣшныхъ. Процессъ стачечнаго движенія въ центрахъ Россіи далъ новый толчокъ польскому рабочему движенію. Съ начала 1897 г. и особенно лѣтомъ въ Варшавѣ происходитъ рядъ общихъ стачекъ отдѣльныхъ ремесленныхъ цеховъ, а также рабочихъ кожевенныхъ заводовъ, строительныхъ и мелкихъ фабрикъ; особенное развитіе движеніе получило среди рабочихъ-евреевъ. Это стачечное движеніе сопровождалось общимъ успѣхомъ: булочники добились 12-тичасоваго рабоч. дня, прочіе ремесленники—10-тичасоваго и повышенія платы. Сокращенія рабочаго дня достигли также рабочіе крупнаго машиностроительнаго завода Лильпопъ. Въ сентябрѣ же 1897 г. движеніе вновь разгорѣлось въ Домбровѣ, при чемъ въ этомъ центрѣ горной промышленности разыгрались кровавыя событія, произведшія сильное впечатлѣніе на рабочихъ по всей Россіи. На заводѣ „Гута-Банкова" вспыхнула стачка, направленная противъ злоупотребленій правленія въ распоряжени пенсіонной кассой горнорабочихъ. Рабочіе требовали упраздненія вычетовъ въ эту кассу и правильной постановки врачебной помощи. Власти наводнили Домброво войсками, и губернаторъ, вызвавъ черезъ 3 недѣли послѣ начала стачки рабочихъ для объясненій, заявилъ имъ о томъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго отказа ихъ отъ работы, всѣ они будутъ уволены. Когда негодующая толпа отказалась расходиться, былъ данъ войсками залпъ безъ всякаго предупрежденія. На мѣстѣ осталось 8 убитыхъ. Стачка черезъ нѣкоторое время кончилась, но событіе 29 сентября оказало крайнее революціонизирующее дѣйствіе на горнорабочихъ Польши.

Что касается лодзинскаго промышленнаго района, то въ разсматриваемый періодъ тамъ рабочіе еще не оправились отъ репрессій 1892—93 гг. и проявили слабые признаки движенія.

Въ сѣверо-западномъ краѣ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ успѣховъ рабочаго движенія въ коренной Россіи, стачечная борьба въ

1896—97 гг. достигла своего расцвѣта среди еврейскаго пролетаріата и стала захватывать рабочихъ литовскихъ. Въ виленской губерніи въ 1896 г. происходило (гл. обр., въ Сморгони) сильное движеніе чулочницъ (около 2.000 человѣкъ)— работницъ домашней промышленности, добивавшихся повышенія своей совершенно нищенской (5—6 р. въ мѣсяцъ) платы. Изъ ремесленниковъ въ этомъ году особенно часто бастовали сапожники; въ слѣдующемъ году столяры добивались и добились распространенія на нихъ закона 2-го іюля о рабочемъ времени. Борьба за рабочій день успѣшно велась каменщиками, трубочистами, разборщиками плотовъ, пильщиками и т. д. То же движеніе ремесленныхъ рабочихъ, главнымъ образомъ, въ пользу короткаго рабочаго дня, перенеслось въ Витебскъ, Слонимъ (столяры), Брестъ - Литовскъ, Ковно и продолжало развиваться въ Минскѣ и Бѣлостокѣ. Въ сувалкской и ковенской губерніяхъ развивались стачечная борьба и тайная профессіональная организація въ щетинномъ производствѣ, а въ виленской губерніи — въ кожевенномъ, гдѣ впервые наблюдается солидарная дѣятельность рабочихъ-евреевъ съ рабочими-христіанами. Движеніе ремесленныхъ подмастерьевъ, зародившееся въ сѣверо-западномъ краѣ среди еврейскаго пролетаріата подъ сильнымъ воздѣйствіемъ соціалъ-демократовъ, стало оказывать свое вліяніе на рабочихъ другихъ районовъ Россіи. Выходцы изъ городовъ Литвы, откуда идетъ постоянная еврейская эмиграція на югъ Россіи и въ Польшу, начали въ этихъ мѣстахъ ремесленное рабочее движеніе, являясь всюду иниціаторами образованія тайныхъ рабочихъ союзовъ. Мы это уже видѣли на движеніи 1897 г. въ Варшавѣ. Въ томъ же году начинаются стачки еврейскихъ ремесленниковъ-портныхъ и рабочихъ табачныхъ фабрикъ на югѣ Россіи: въ Одессѣ, въ Кіевѣ и Кременчугѣ, главнымъ образомъ, изъ-за сокращенія рабочаго дня.

Одновременно на югѣ начинаются проявленія стачечнаго движенія среди рабочихъ крупныхъ заводовъ. Положеніе послѣднихъ радикально отличалось отъ положенія заводскихъ рабочихъ Петербурга и Москвы. Быстро выросшая въ нѣсколько лѣтъ заводская индустрія южной Россіи должна была привлекать къ себѣ рабочихъ изъ другихъ мѣстъ высокими заработками, а обиліе капиталовъ (иностранныхъ) и выгодная промышленная конъюнктура въ эти годы промышленнаго расцвѣта, который особенно утилизировали металлургическіе заводы юга, позволяли имъ легко обезпечить рабочимъ эти высокіе заработки. При низкомъ уровнѣ потребностей рабочей массы она могла удовлетвориться такимъ положеніемъ. Поэтому возникшія въ 1895—97 гг. группы соціалъ-демократовъ въ Харьковѣ, Екатеринославѣ и Николаевѣ дольше, чѣмъ то было въ Петербургѣ и Москвѣ, не могли выйти въ своей дѣятельности за предѣлы кружковой пропаганды среди небольшого слоя интеллигентныхъ рабочихъ, и ихъ попытки агитаціи въ массахъ не имѣли успѣха. Тѣмъ не менѣе, общее оживленіе рабочаго

движенія въ Россіи отразилось и здѣсь, поскольку поведеніе заводчиковъ создавало на фонѣ относительнаго довольства поводы къ раздраженію рабочихъ. Въ 1897 году произошли мелкія стачки на большихъ заводахъ Харькова (Бельгійскомъ и Паровозо-строительномъ) изъ-за попытки понизить расцѣнки и въ Екатеринославѣ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ изъ-за злоупотребленій при расчетѣ. Въ Николаевѣ на Французскомъ заводѣ въ концѣ года угрозой стачки рабочіе добились отмѣны расчета 360 товарищей, а въ Екатеринославѣ рабочіе нѣсколькихъ цеховъ Брянскаго завода безъ стачки добились введенія 8-мичасовыхъ смѣнъ.

Въ 1896 году началось рабочее движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ октябрѣ этого года бастовали съ успѣхомъ портовые рабочіе Либавы (4.000 чел.), добивавшіеся повышенія платы. Въ слѣдующемъ году борьба за сокращеніе рабочаго дня и повышеніе платы велась на лѣсопильныхъ и механическихъ заводахъ Риги.

Наконецъ, въ 1897 году организованное рабочее движеніе началось и на Уралѣ, именно въ г. Златоустѣ, гдѣ дѣйствовала организованная группа рабочихъ-соціалистовъ (во главѣ съ умершимъ впослѣдствіи рабочимъ А. Тютевымъ). Въ теченіе цѣлаго года рабочіе Оружейнаго завода вели чрезвычайно стойкую и организованную борьбу съ заводоуправленіемъ за реформу существовавшаго по положенію 1861 года „горнозаводскаго товарищества", характеръ котораго, какъ почти вездѣ на Уралѣ, былъ совершенно искаженъ заводской администраціей, захватившей его въ свои руки. Рабочіе обращались къ различнымъ властямъ вплоть до министра, добивались присылки чиновниковъ изъ Петербурга и энергичнымъ отстаиваніемъ своихъ интересовъ поставили въ безвыходное положеніе заводскую администрацію, не имѣвшую возможности сбить протестантовъ съ ихъ легальной почвы. Параллельно съ этой борьбой, въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ одинъ цехъ этого завода (пудлинговый) бастовалъ, требуя замѣны сдѣльной платы поденной, и добился удовлетворенія своего требованія.

Въ 1898 году, какъ мы видѣли выше, волна стачечнаго движенія спала, чтобы опять подняться въ 1899 году. Промышленный подъемъ доживалъ свои послѣдніе дни, и въ концѣ 1898 г. уже кое-гдѣ (въ южной металлургической промышленности) начали сказываться симптомы застоя. Стачечное движеніе текстильщиковъ сѣвернаго и центральнаго районовъ и шедшихъ за ними петербургскихъ и московскихъ механическихъ заводовъ, развившееся на почвѣ оживленія промышленности и принявшее характеръ наступательнаго профессіональнаго движенія, свойственнаго періодамъ такого оживленія, — продолжало вплоть до конца 1899 года закрѣплять за собою сдѣланныя въ 1896—97 гг. завоеванія. Борьба за повышеніе расцѣнокъ, компенсирующее сокращеніе рабочаго дня по закону 2 іюля, играетъ здѣсь главную роль; тамъ, гдѣ рабочіе болѣе отстали, имъ приходилось бороться противъ попытокъ пониже-

нія самихъ расцѣнокъ, которымъ фабриканты думали возмѣстить себя за „убытки“ отъ сокращенія рабочаго дня. Въ январѣ 1898 г. на такой почвѣ происходятъ забастовки въ Москвѣ (Прохоровская м-ра, фабрика Гюбнера и др.), Вышнемъ-Волочкѣ, Ригѣ; въ февралѣ на Норской м-рѣ близъ Ярославля и въ с. Гусь меленковскаго уѣзда; въ маѣ—въ Новолокахъ, костромской губ.; въ сентябрѣ—въ Иваново-Вознесенскѣ (фабр. Маракушева); въ октябрѣ—въ Твери (Морозовская м-ра); въ декабрѣ—въ Петербургѣ (на фабрикахъ Максвеля и Паля). Въ 1899 г. такія же стачки имѣютъ мѣсто въ февралѣ и мартѣ въ Твери, въ Серпуховѣ (фаб. Коншина), въ маѣ—въ Ригѣ, осенью—въ Кинешмѣ, Костромѣ и с. Слободѣ муромскаго уѣзда. Въ большей части случаевъ стачки кончались побѣдой рабочихъ. Другой потокъ стачечной борьбы направился въ 1898 г. по руслу борьбы за сохраненіе праздниковъ, являясь продолженіемъ всеобщей Иваново-Вознесенской стачки. Эта борьба была почти вездѣ успѣшна. Въ С.-Петербургѣ въ теченіе 1898 г. стачки на этой почвѣ происходили на фабрикахъ Воронина, Максвеля, Кожевникова, Гольдарбейтера, Печаткина (писчебумажная), Гука, Чемера и Паля. Борьба за сокращеніе рабочаго дня велась въ Петербургѣ на газовомъ заводѣ (начало 1898 г.), на металлургическомъ заводѣ (февр. 1898 г.) и на адмиралтейскихъ казенныхъ заводахъ въ Колпинѣ (лѣтомъ 1898 г.). На тѣхъ же заводахъ, какъ и на другомъ казенномъ заводѣ—Новаго адмиралтейства,—велась борьба за регулярную расплату два раза въ мѣсяцъ.

Всѣ эти стачки въ сѣверномъ и центральномъ районахъ, по общему правилу, отличались еще болѣе мирнымъ характеромъ, чѣмъ въ предыдущіе годы. Никакихъ эксцессовъ со стороны рабочихъ не замѣчалось даже въ глухихъ фабричныхъ поселкахъ. Это не помѣшало тому, что властями были высылаемы противъ стачечниковъ военные отряды, и на этой почвѣ возникали рѣзкіе конфликты, принявшіе серьезный характеръ въ 2 случаяхъ. Въ селѣ Гусь, владимірской губерніи, рабочіе добивались отъ вице-губернатора освобожденія арестованныхъ руководителей стачки и грозили освободить ихъ силой. Несмотря на то, что эта угроза исполнена не была, 22 рабочихъ было предано суду за участіе въ скопищѣ и приговорено къ тюремному заключенію до 6 мѣсяцевъ. Суду же были преданы рабочіе фабрикъ Максвеля и Паля, забастовавшіе въ декабрѣ 1898 г. въ Петербургѣ. Стачечники, рядомъ съ требованіемъ повышенія расцѣнокъ, предъявили инспекціи два политическихъ требованія: свободы стачекъ и собраній. Возможно, что это проявленіе политической тенденціи въ стачкѣ обусловило примѣненіе петербургскими властями необычайной степени репрессій. Стачку старались подавить силой во что бы то ни стало. Это раздражало рабочихъ, и когда полиція вздумала ночью проникнуть въ одну изъ фабричныхъ казармъ, чтобы арестовать нѣсколькихъ стачечниковъ, рабочіе оказали ей рѣшительное сопротивленіе, продолжавшееся нѣсколько

часовъ, при чемъ полицейскимъ и казакамъ нанесены были пораненія досками, полѣньями, камнями и т. д. Послѣ того, какъ рабочіе въ концѣ-концовъ сдались, полиція подвергла ихъ жестокой расправѣ, которая была раскрыта во всѣхъ подробностяхъ защитой въ процессѣ объ этихъ безпорядкахъ въ петербургской судебной палатѣ. Многіе рабочіе и работницы были избиты до потери сознанія, нѣкоторые серьезно заболѣли, были случаи лишенія зрѣнія и слуха. Признанные главными виновниками стачки были впослѣдствіи присуждены къ суровымъ наказаніямъ.

Движеніе на сѣверѣ и въ центрѣ Россіи въ эти 2 года, по сравненію съ предыдущимъ временемъ, представляется вошедшимъ въ опредѣленное русло, и къ нему начинаютъ привыкать. Болѣе бурный и тревожный характеръ оно носитъ въ другихъ районахъ Россіи.

Прежде всего это надо сказать о Польшѣ. Уже въ началѣ 1898 года въ Варшавѣ возникаетъ серьезное движеніе, вызванное примѣненіемъ закона 2 іюля. Какъ извѣстно, рабочій день на польскихъ фабрикахъ былъ вездѣ значительно короче, чѣмъ на русскихъ, почему польскіе капиталисты всегда выступали сторонниками законодательной нормировки рабочаго времени. Когда же законъ 2 іюля вошелъ въ силу, они пытались удлинить рабочій день на своихъ заводахъ до „законной“ нормы. Эта попытка была отражена рабочими послѣ успѣшной стачки всѣхъ механическихъ заводовъ Варшавы. Лѣтомъ 1899 г., кромѣ вызванныхъ разными частными причинами забастовокъ въ Лодзи (на прядильняхъ Шейблера и Познанскаго), происходитъ грандіозное стачечное движеніе въ Варшавѣ на мелкихъ мануфактурахъ и среди ремесленныхъ мастерскихъ. Движеніе захватило также крупные и мелкіе механическіе заводы, типографіи [1]) и кожевенные заводы, равно и строительныхъ рабочихъ, принявъ характеръ всеобщей забастовки, въ которой участвовало свыше 30 тысячъ рабочихъ. Главными требованіями были сокращеніе рабочаго дня и повышеніе заработной платы; для значительнаго большинства стачки окончились успѣхомъ. Въ то же время начался рядъ крупныхъ забастовокъ въ шахтахъ домбровскаго района, кончившихся почти всеобщей забастовкой 12.000 рудокоповъ этого района (авг. 1899 г.). Стачечники требовали сокращенія рабочаго дня, увеличенія платы и отмѣны штрафовъ. Стачка длилась одну недѣлю и кончилась пораженіемъ рабочихъ.

То, что польскіе рабочіе переживали въ 1891—94 гг., а петербургскіе въ 1896—97 гг.—первый, до извѣстной степени романтическій, порывъ только что пробужденныхъ массъ къ немедленному боевому выступленію для завоеванія коренныхъ экономическихъ улучшеній и для манифестаціи классовой солидарности,—это въ 1899 году пережили рабочіе Прибалтійскаго края. Въ 1898 г. въ Ригѣ происходилъ рядъ незначительныхъ стачекъ въ разныхъ профессіяхъ; въ томъ же году

[1]) Первая общая стачка въ варшавскихъ типографіяхъ произошла еще въ мартѣ 1898 г. и завершилась увеличеніемъ заработной платы на 30%.

на крупной Цинтенгофской мануфактурѣ, въ лифляндской губерніи, шла забастовка изъ-за попытки пониженія расцѣнокъ. Въ 1899 году въ томъ же городѣ и въ Либавѣ произошли всеобщія забастовки. Въ Либавѣ толчокъ былъ данъ предмайской агитаціей соціалъ-демократовъ. Въ день 1 мая была проведена всеобщая забастовка. Ея впечатлѣніе было таково, что черезъ нѣсколько дней забастовали всѣ фабрики и заводы, портовые рабочіе, каменщики и плотники, выставляя повсюду требованія повышенія платы и сокращенія рабочаго дня на 1 часъ. Эти стачки, охватившія свыше 10.000 рабочихъ, окончились всюду успѣхомъ.

Другой характеръ носила всеобщая забастовка въ Ригѣ. Она началась частной стачкой работницъ Джутовой мануфактуры, направленной противъ пониженія платы. Работницы собрались въ городскомъ саду, но полиція ихъ тамъ оцѣпила, чтобы подвергнуть аресту, при чемъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, пустила противъ нихъ въ ходъ пожарную трубу, обливая ихъ водой. Извѣстія объ арестѣ и насиліяхъ, которымъ подверглись женщины-работницы, облетѣло городъ, и рабочіе находящагося вблизи завода „Фениксъ" бросились освобождать ихъ, что имъ и удалось. Между тѣмъ, рабочіе въ разныхъ мѣстахъ бросили работу и демонстрировали на улицахъ. Движеніе было совершенно стихійнымъ, въ немъ проявлялось лишь неопредѣленное возмущеніе и раздраженіе. Вскорѣ стачка стала всеобщей. Войска скоро стали примѣнять огнестрѣльное оружіе, рабочіе, въ свою очередь, нападали на патрули, стрѣляли изъ оконъ. Начался уличный бой, подобный бывшему въ Лодзи въ маѣ 1892 г. Черезъ нѣсколько дней движеніе утихло, оставивъ по себѣ нѣсколько десятковъ труповъ и слѣдъ глубокаго ожесточенія въ умахъ латышскихъ рабочихъ.

На югѣ въ металлургической промышленности движеніе 1898—99 гг. носило пестрый характеръ. Частью оно, подобно движенію на сѣверѣ и въ центрѣ, носило наступательный характеръ и было направлено къ достиженію повышенія платы (франко-русск. вагонныя мастерскія въ Екатеринославлѣ въ мартѣ 1898 года, вагоностроительный заводъ въ Нижнеднѣпровскѣ въ маѣ 1898 года, трубочный заводъ въ Екатеринославѣ лѣтомъ 1898 г., харьковскіе заводы Пильстрема, Тренке, Бельке и Бельгійскаго общества весною 1899 года, заводы Никополь-Маріупольскій и Провидансъ въ Маріуполѣ въ іюлѣ того же года). Являясь, какъ и на сѣверѣ, въ центрѣ и въ Польшѣ результатомъ частью промышленнаго оживленія, частью агитаціи соціалъ-демократовъ, это движеніе, сопровождавшееся извѣстнымъ успѣхомъ, вѣроятно, направилось бы по тому же пути, по какому пошла экономическая борьба въ указанныхъ районахъ, если бъ оно не наступило слишкомъ поздно. Надвигался промышленный кризисъ. Отдѣльные заводы уже испытывали затрудненія и старались „экономить" на заработной платѣ и другихъ условіяхъ труда. Среди рабочихъ поэтому нарастали глухое раздраженіе и недовольство при отсутствіи увѣренности въ возможность успѣш-

ной наступательной борьбы. Въ такой атмосферѣ лѣтомъ 1898 г. на громадномъ Брянскомъ заводѣ стихійно вспыхнули бурные безпорядки, вызванные убійствомъ рабочаго сторожемъ-черкесомъ. Безпорядки выразились въ разгромѣ фабричныхъ зданій, а затѣмъ и еврейскихъ лавокъ. Черезъ нѣкоторое время по совершенно аналогичному поводу [1]) вспыхнули такіе же безпорядки въ Бѣжицѣ, орловской губерніи, на заводѣ того же Брянскаго общества. Какъ часто бывало въ другихъ мѣстахъ, эта стихійная вспышка неосмысленнаго недовольства все же явилась исходнымъ пунктомъ болѣе сознательнаго и организованнаго движенія въ Бѣжицѣ: черезъ нѣсколько недѣль рабочіе начали правильную стачку, съ требованіемъ сокращенія рабочаго дня, а въ сентябрѣ снова забастовали, требуя сохраненія прежняго числа праздниковъ. Обѣ стачки кончились неуспѣшно. Въ іюнѣ 1899 г. во время стачки въ Екатеринославскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ изъ-за праздниковъ часть рабочихъ пыталась вылить свое недовольство въ анти-еврейскихъ безпорядкахъ, но рабочимъ-соціалистамъ удалось удержать ее отъ этого. Въ Николаевѣ (въ апрѣлѣ 1899 г.) соціалистамъ не удалось предотвратить еврейскій погромъ, начатый строительными рабочими, которыхъ обсчиталъ подрядчикъ-еврей.

Непрочное состояніе промышленности сказывается въ мотивахъ стачекъ, заполняющихъ послѣдніе мѣсяцы 1899 г. на югѣ. Въ ноябрѣ рабочимъ франко-русскихъ вагонныхъ мастерскихъ пришлось бороться противъ увольненія 250 товарищей; тогда же въ мастерскихъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Кіевѣ рабочіе безуспѣшно противились сокращенію числа рабочихъ часовъ; въ Николаевѣ на Черноморскомъ и Французскомъ заводахъ велась борьба противъ возрастающаго примѣненія штрафовъ.

Наступившій кризисъ, такимъ образомъ, остановилъ начинавшее развиваться и на югѣ Россіи наступательное экономическое движеніе рабочихъ крупной промышленности, направленное къ улучшенію условій труда. Что касается рабочихъ мелкихъ производствъ, то здѣсь—преимущественно среди еврейскихъ рабочихъ — движеніе развивалось: въ Кіевѣ, Одессѣ, Екатеринославѣ, Кременчугѣ, Полтавѣ и Харьковѣ происходили въ разныхъ цехахъ, на конфетныхъ, табачныхъ, гильзовыхъ фабрикахъ успѣшныя стачки, приведшія къ замѣтному сокращенію рабочаго времени и увеличенію платы.

Болѣе значительные размѣры движеніе ремесленныхъ рабочихъ имѣло въ сѣверо-западномъ краѣ. Въ Бѣлостокѣ, Вильнѣ, Гомелѣ, Гроднѣ, Витебскѣ, Двинскѣ, Бобруйскѣ, Вильковышкахъ, Ковнѣ, Оршѣ, Минскѣ стачки не прекращались, захватывая самыя различныя производства. Въ 1898—99 гг. ихъ цѣлью въ крупныхъ центрахъ края было повышеніе платы, въ мелкихъ—сокращеніе рабочаго дня. Въ неремесленныхъ производствахъ стачечное движеніе наблюдалось въ 1898 г. среди чулочницъ въ Вильнѣ (2.000 чел.), въ

[1]) Сторожъ убилъ мальчика.

1899 г. на механическихъ заводахъ Ковно (1.500 чел.), по поводу сокращенія числа праздниковъ, среди каменщиковъ и приказчиковъ въ Вильнѣ и, наконецъ, среди кожевниковъ въ Сморгони, гдѣ рабочіе въ теченіе 7 недѣль всеобщей стачкой добились сокращенія прежняго рабочаго времени. Въ непрерывной борьбѣ рабочихъ раздробленной шерстяной промышленности бѣлостокскаго района слѣдуетъ отмѣтить трехмѣсячную забастовку лѣтомъ 1889 г. всѣхъ ткачей, работающихъ у посредниковъ: стачечники добились повышенія платы, частью до уровня ея на фабрикахъ. Лозунгомъ стачки было уничтоженіе посредничества, какъ отсталой формы производства.

Что касается остальныхъ областей Россіи, то слѣдуетъ отмѣтить движеніе въ пользу установленія 8-мичасовыхъ смѣнъ на нѣкоторыхъ заводахъ Урала въ 1898 г. (въ Златоустѣ требованіе это было удовлетворено) и бурные безпорядки въ Сормовѣ, нижегородской губерніи (24 іюля 1899 г.), вызванные раздраженіемъ рабочихъ противъ злоупотребленій при расплатѣ. Безпорядки сопровождались разгромомъ заводской лавки и были подавлены военной силой.

Къ концу 1898 г. произошла первая крупная забастовка на Кавказѣ: рабочіе и служащіе закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ бастовали, требуя сохраненія льготъ, отнятыхъ у нихъ при переходѣ дороги въ казну. Стачка эта, при которой впервые въ Россіи остановилось желѣзнодорожное движеніе, продолжалась 3 дня и кончилась побѣдой рабочихъ.

2.

Экономическіе результаты стачечнаго движенія.

Рабочее движеніе 1894—99 гг. приняло впервые въ Россіи характеръ общеклассоваго движенія, направленнаго къ значительному измѣненію соціальныхъ условій положенія пролетаріата. Если въ громадномъ большинствѣ случаевъ борьба рабочихъ велась каждый разъ въ рамкахъ отдѣльной фабрики, завода или цеха; если немногочисленны были случаи одновременнаго выступленія рабочихъ цѣлаго производства въ одномъ промышленномъ центрѣ или районѣ и, вовсе отсутствовали столь частыя въ западной Европѣ одновременныя забастовки цѣлой отрасли во всей странѣ,—то, тѣмъ не менѣе, раздробленная по внѣшнимъ своимъ формамъ, борьба объединялась единообразной агитаціей соціалъ-демократовъ, которая способствовала распространенію во всемъ рабочемъ классѣ однихъ и тѣхъ же требованій и лозунговъ борьбы. Развившись на основѣ небывалаго еще въ Россіи промышленнаго подъема, борьба рабочихъ во второй половинѣ 90-хъ гг. могла по объективнымъ условіямъ расчитывать на значительный практическій успѣхъ тѣмъ болѣе, что капиталистическая буржуазія, застигнутая врасплохъ бурнымъ развитіемъ движенія, обнаружила передъ нимъ большую растерянность и не могла въ своемъ сопротивленіи опираться

на поддержку общественнаго мнѣнія сколько-нибудь широкихъ круговъ самихъ имущихъ классовъ. Напротивъ, общественное мнѣніе послѣднихъ было рѣшительно на сторонѣ рабочихъ, и такія событія, какъ петербургская забастовка 1896 г., воспринимались обществомъ съ живѣйшей симпатіей.

Каковы же были въ дѣйствительности экономическіе результаты забастовочнаго движенія?

Согласно официальнымъ свѣдѣніямъ [1]), относящимся къ десятилѣтнему періоду 1895—1904 гг., въ общемъ, изъ 100 стачекъ кончалось побѣдой рабочихъ 28,2, побѣдой хозяевъ—45,4 и взаимными уступками — 21,8 стачекъ (въ остальныхъ случаяхъ исходъ не извѣстенъ). При этомъ % выигранныхъ рабочими стачекъ выше всего и равняется 34,3% для стачекъ, вызванныхъ условіями внутренняго распорядка на фабрикахъ (въ частности, изъ стачекъ, вызванныхъ „условіями быта и довольствія" кончались успѣшно для рабочихъ даже 72%). Стачки, вызванныя борьбой изъ-за рабочаго времени, кончались успѣшно для рабочихъ въ 31,68% всѣхъ случаевъ. Напротивъ, стачки, имѣвшія предметомъ борьбы заработную плату, насчитываютъ всего 29,22% съ благополучнымъ для рабочихъ исходомъ.

Но и въ этихъ предѣлахъ неодинаково соотношеніе между удачными и неудачными забастовками для случаевъ наступательной и оборонительной борьбы пролетаріата.

Такъ, кончались:

	Въ пользу рабочихъ.	Въ пользу предприним.	Компромис.
Стачки изъ-за увел. зараб. платы . . .	18,16%	40,05%	31,43%
Сопротивленія ея сокращенію	46,87 „	29,08 „	23,43 „
Сокращ. раб. дня .	24,29 „	52,81 „	22,88 „
Сопротивленія его увеличенію	63,41 „	24,39 „	12,19 „

Мы видимъ, что изъ стачекъ, возникшихъ на почвѣ однородныхъ вопросовъ, % кончившихся удачей для рабочихъ въ $2^1/_2$ раза выше для случаевъ оборонительной борьбы, чѣмъ для случаевъ борьбы наступательной. Для послѣдней, велась ли она изъ-за заработной платы или изъ-за рабочаго дня, стачки, кончившіяся для рабочихъ успѣхомъ полнымъ или частичнымъ (компромиссомъ), составляютъ менѣе $^1/_2$ всего числа стачекъ. Напротивъ, для оборонительной борьбы такія стачки составляютъ 70 — 75%. Слѣдовательно, поскольку стачечное движеніе было, вообще, успѣшно, оно достигало не столько улучшенія условій труда, сколько препятствовало ихъ ухудшенію. Это подтверждается и данными о стачкахъ, вызванныхъ вопросами о штрафахъ и вычетахъ, и о дѣйствіяхъ фабричной администраціи. Въ борьбѣ на этой почвѣ, гдѣ затронуты не основы капиталистической эксплоатаціи, а производныя злоупотребленія, часто явно противозаконныя, стачки, по своимъ результатамъ, распредѣлялись такъ:

[1]) „Статистич. свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за десятилѣтіе 1895—1904 гг." Изд. Отдѣла Промышлен., Спб. 1905 г.

	Въ пользу рабочихъ.	Въ пользу предприним.	Компромис.
Стачки изъ-за штрафовъ и вычетовъ .	23,07%	69,23%	7,69%
Дѣйствія фабр. администраціи . . .	27,27 „	58,44 „	14,28 „

Слѣдовательно, абсолютное большинство такихъ стачекъ кончалось пораженіемъ рабочихъ. Сила ихъ наступательнаго движенія въ 60—70 случаяхъ изъ ста оказывалось недостаточной, чтобы устранить наиболѣе яркія проявленія капиталистическаго производства и наиболѣе вопіющіе эксцессы гнета фабричной администраціи.

Главныя побѣды стачечнаго движенія лежали въ сферѣ законодательнаго регулированія условій труда. Законъ 2 іюня 1897 г., означавшій прежде всего громадную моральную и политическую побѣду рабочаго класса, принудившаго законодательство преодолѣть тридцатилѣтнюю оппозицію привилегированной группы буржуазіи, въ то же время достигалъ замѣтнаго улучшенія условій труда для очень многочисленныхъ категорій рабочихъ, работавшихъ до изданія закона 12 и свыше часовъ. Законъ 2 іюня, кромѣ ограниченія рабочаго времени всѣхъ рабочихъ $11^{1}/_{2}$ час. въ сутки, опредѣлилъ максимальное рабочее время для ночныхъ работъ въ 10 часовъ и ограничилъ сверхурочную работу, допускаемую лишь съ согласія самихъ рабочихъ, 120 часами въ теченіе года. Мы увидимъ ниже, въ какой мѣрѣ эти постановленія закона были видоизмѣнены послѣдующей дѣятельностью правительства. Здѣсь ограничимся указаніемъ, что всѣ эти улучшенія, внесенныя закономъ 2 іюня, имѣли особое значеніе для производствъ и районовъ, наименѣе затронутыхъ стачечнымъ движеніемъ, гдѣ условія продолжительности и распредѣленія рабочаго времени были особенно неблагопріятны для рабочихъ [1]).

Съ другой стороны, почти повсемѣстное сокращеніе рабочаго времени, какъ бы оно ни было незначительно на практикѣ, само по себѣ создавало тенденцію къ увеличенію заработной платы, сокращая относительно предложеніе рабочихъ рукъ. Эта тенденція часто реализовалась помимо борьбы рабочихъ. Наконецъ, самый фактъ быстро распространившагося стачечнаго движенія, сопровождавшагося подъемомъ самосознанія и чувства собственнаго достоинства въ рабочихъ массахъ, заставлялъ хозяевъ и фабричную администрацію устранять множество мелкихъ, но чувствительныхъ для рабочихъ, стѣсненій и злоупотребленій, въ которыхъ издавна такъ ярко выступало такъ называемое „патріархальное" положеніе рабочаго класса въ Россіи.

[1]) По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ наиболѣе капиталистически-развитыхъ производствахъ: хлопчатобумажномъ и металлическомъ процентное отношеніе числа бастовавшихъ за десятилѣтіе рабочихъ къ числу всѣхъ рабочихъ производства было наиболѣе высоко, достигая 47,3 и 46,4%. Въ производствахъ съ наиболѣе примитивными условіями труда, напротивъ, % участвовавшихъ въ стачкахъ весьма низокъ (5,9 для обработки шелка, 7,7 для обработки питат. веществъ, 8,8—обработка дерева, 10,5—минераловъ, 11,7—писчебумажное, 18,1—химическія, 14,0—шерстяное, 19,7—обработка льна и пеньки).

И, тѣмъ не менѣе, если мы присмотримся къ положенію рабочихъ массъ въ Россіи въ началѣ XX вѣка, мы убѣдимся, что и послѣ разсмотрѣннаго періода оно должно быть признано крайне жалкимъ; что улучшенія, достигнутыя въ немъ фактически, далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ успѣхамъ, которые сдѣлало возможными развитіе промышленности, и что лишь очень небольшая часть золъ, противъ которыхъ рабочіе боролись въ 90-хъ гг., исчезла совершенно изъ жизни рабочаго класса.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно посмотрѣть на условія продолжительности рабочаго времени, каковыми они оказались въ началѣ XX вѣка — черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ введенія въ дѣйствіе закона, составившаго самую крупную побѣду рабочихъ.

Въ Кіевѣ и Одессѣ на гильзовыхъ фабрикахъ рабочій день продолжался 13 часовъ въ сутки. Въ кіевскомъ округѣ на сахарныхъ заводахъ вездѣ работали 12 часовъ (въ 1901 г.). Въ Двинскѣ на спичечныхъ фабрикахъ рабочій день достигалъ 15—16 часовъ [1]). Въ Сморгони на кожевенныхъ заводахъ 13—14 час. Въ с. Богородскомъ, нижегор. губ., кожевники работаютъ 15 час. Въ Херсонѣ на табачныхъ фабрикахъ работали 14 — 18 час. Въ Батумѣ на заводѣ Манташева 15 — 16 час. Въ каменноугольныхъ копяхъ, екатеринославской губ., въ 1902 году шахтеры работали подъ землей $12^1/_2$—13 час., на шахтахъ рязанской губ.—12 час. Въ Баку тартальщики также работаютъ 12—14 час. (Пажитновъ. Стр. 190).

Среди ремесленныхъ рабочихъ мы попрежнему наблюдаемъ крайне продолжительный рабочій день: въ Москвѣ булочники у Филиппова работаютъ съ 12 час. ночи до 1—2 дня (13—14 час.), при чемъ подростки работаютъ столько же, сколько и взрослые; въ Либавѣ рабочій день у дамскихъ портныхъ равенъ 13—15 ч.: въ Бердичевѣ заготовщики работаютъ 16 час.; въ Нѣжинѣ и Смоленскѣ еще въ 1902 г. ремесленники тщетно добиваются исполненія закона о 10-тичасовой работѣ; въ Кіевѣ портные въ магазинахъ готоваго платья заняты 18—19 час. въ сутки; слесаря—отъ 15 до 18 час.; екатеринославскіе ремесленники—14—17 ч.; въ Одессѣ работницы модныхъ мастерскихъ работаютъ отъ 13 до 17 часовъ. Какъ и въ Москвѣ у булочниковъ, такъ и въ Батумѣ на керосинныхъ заводахъ малолѣтніе и подростки работаютъ столько же, сколько взрослые: на работѣ въ 15 — 16 час. встрѣчаются 8-ми и 7-милѣтнія дѣти. Въ Кіевѣ „законъ 1-го іюня 1882 года, ограничивающій работу подростковъ 6—8 часами и безусловно воспрещающій работу малолѣтнихъ до 12 л. возроста, для гильзовыхъ фабрикъ не существуетъ“, а на табачныхъ фабрикахъ малолѣтніе работаютъ 12 часовъ. На Криворожскихъ и другихъ рудникахъ юга мальчики 11—13 лѣтъ работаютъ по 12 часовъ и болѣе за 10—12 р. въ мѣсяцъ.

Постановленіе закона 2-го іюня, ограничившее число сверхурочныхъ часовъ въ годъ 120-тью и разрѣшавшее ихъ лишь съ согласія са-

[1]) Пажитновъ. Стр. 229.

михъ рабочихъ, благодаря частью позднѣйшимъ мѣрамъ правительства, не привело къ замѣтному ослабленію этого зла, сводящаго на нѣтъ борьбу за сокращеніе рабочаго времени. „Отказаться отъ сверхурочныхъ работъ — это означаетъ въ глазахъ многихъ работодателей и мастеровъ протестъ, за что рабочій получаетъ выговоръ, и очень часто ему отказываютъ отъ мѣста" — эту характеристику положенія, данную г-ну Озерову однимъ московскимъ рабочимъ [1]), надо распространить на всю Россію. Въ Нерехтѣ, костромской губ., на ткацкой и льнопрядильной фабрикѣ Брюхатова, занимающей 800 чел., въ 1905 г. рабочій день былъ обязательными сверхурочными работами доведенъ до 13½ час. [2]). На крупныхъ табачныхъ фабрикахъ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1900 г. рабочихъ заставляли ежедневно работать 1 часъ сверхурочно за обычную часовую плату; также обязательны сверхурочныя работы и на механическихъ заводахъ Ростова-на-Дону. Параграфъ закона, устанавливающій 4 сутокъ мѣсячнаго отдыха для рабочихъ въ непрерывно дѣйствующихъ производствахъ, также сведенъ былъ на нѣтъ: для крупныхъ московскихъ булочныхъ это было достигнуто циркуляромъ Витте отъ 24 февраля 1898 г. Шахтеры въ Прохоровскомъ рудникѣ, екатеринославской губ., имѣютъ всего двое сутокъ мѣсячнаго отдыха. На писчебумажной фабрикѣ Панченко въ Ростовѣ-на-Дону, вопреки закону, рабочихъ

[1]) Цит. у Пажитнова. Стр. 143.
[2]) Ibid, стр. 145.

заставляютъ работать въ воскресенье, нанимая ихъ, яко бы, „поденно" и увольняя тѣхъ, кто отказывается отъ воскресной работы. На совѣщаніи чиновъ фабричной инспекціи кіевскаго округа въ 1904 г. „было высказано, что во всѣхъ губерніяхъ округа замѣчается несоблюденіе пункта б. ст. 13 правилъ о предоставленіи рабочимъ, занятымъ въ непрерывныхъ производствахъ, суточнаго отдыха 4 раза въ мѣсяцъ" [1]).

Переходимъ къ заработной платѣ. Энергичная борьба за ея повышеніе во многихъ областяхъ Россіи увѣнчалась на первыхъ порахъ значительнымъ успѣхомъ. М. И. Туганъ-Барановскій, ссылаясь на извѣстный трудъ Брандта („Иностранные капиталы"), указываетъ, что на заводѣ Юза съ 1885 по 1897 годъ низшая плата поднялась съ 35—40 к. въ день до 70 к., а высшая — съ 3 р. 70 к. до 6 р. [2]). Однако, критическій разборъ тѣхъ же данныхъ приводитъ Пажитнова [3]) къ выводу, что для сдѣльныхъ рабочихъ, которыхъ въ 1897 году было 2.866 (31% всего числа занятыхъ на заводѣ), средняя плата съ 1885 года упала съ 44 до 37 руб. въ мѣсяцъ; заработокъ же поденныхъ рабочихъ повысился лишь въ той мѣрѣ, въ какой увеличилось количество рабочихъ дней въ году.

Согласно даннымъ г. Шестакова [4]), на мануфактурѣ Э. Циндель въ Москвѣ за время съ 1895 г. по

[1]) Пажитновъ. Стр. 142.
[2]) Туганъ-Барановскій. l. c., стр. 441.
[3]) Пажитновъ. l. c., стр. 237.
[4]) Шестаковъ. Рабочіе м-ры Э. Циндель.

1899 г. средняя заработная плата поднялась на 15%. На 4 крупныхъ московскихъ мануфактурахъ за періодъ 1883—96 гг. увеличеніе заработной платы составляло для ткачей 9%, для прядильщиковъ—17%, для работницъ—18%. На 5 крупныхъ мануфактурахъ владимірской губ. за тотъ же періодъ увеличеніе платы составило у ткачей 11%, у прядильщиковъ—10%, у работницъ—18% [1]).

М. И. Туганъ-Барановскій дѣлаетъ изъ этихъ данныхъ тотъ выводъ, что, „въ общемъ, за новѣйшее время не только денежная, но и реальная плата повысилась“. Выводъ едва ли можетъ быть признанъ обоснованнымъ, если принять во вниманіе, что за время съ начала 80-хъ гг. по конецъ 90-хъ гг. хлѣбныя цѣны въ Россіи возросли почти вдвое. Пажитновъ, разсматривая положеніе горнорабочихъ на Уралѣ, пришелъ къ выводу, что при возрастающихъ цѣнахъ на жизненные продукты номинальная плата осталась почти неизмѣнной. То же и на рудникахъ Юза [2]).

Еще въ 1901 году рабочимъ въ Иваново-Вознесенскѣ приходилось бороться за сохраненіе заработной платы въ 11 р. въ мѣсяцъ, которая, по даннымъ м-ва финансовъ, была средней для этого района въ срединѣ 90-хъ гг. [3]). По офиціальнымъ же свѣдѣніямъ (отчетъ кіевскаго фабр. инспектора за 1901 г.) въ 1901 г. женщины на гильзовыхъ фабрикахъ вырабатывали 2—4 р. въ мѣсяцъ, а

[1]) Туганъ-Барановскій. Стр. 440, таблица.

[2]) Пажитновъ. Стр. 237 и 260—61.

[3]) „Продолжительность рабочаго дня и зараб. плата“. Изд. м-ва фин. Спб. 1896 г., стр. 33.

рабочіе сахарныхъ заводовъ — 4 р. 70 к. въ мѣсяцъ (на собственномъ содержаніи) [1]).

Ремесленнымъ рабочимъ удалось во многихъ цехахъ поднять свою заработную плату—иногда даже на 50—100%. Но и здѣсь послѣ наступленія промышленнаго застоя мы вновь встрѣчаемся съ совершенно „голодными“ заработками, которые, при поштучной платѣ, вынуждають самихъ рабочихъ отказаться отъ сдѣланныхъ раньше завоеваній въ области сокращенія рабочаго дня.

Даже такое зло русской фабричной жизни, какъ неправильная и неаккуратная выдача заработка, не было вовсе устранено въ годы промышленнаго подъема. Въ 1900 г. въ самой столицѣ на заводѣ, принадлежащемъ удѣльному вѣдомству—именно императорскомъ фарфоровомъ заводѣ—практиковалась, какъ общее правило, система произвольныхъ сбавокъ при расчетѣ съ уже выработанной платы: „Сбавляется по 10—15—20 р. по усмотрѣнію“. На Александро-Нарвинскомъ рудникѣ, екатеринослав. губ., расплата въ 1900 г. производилась не чаще 4 разъ въ годъ, при чемъ практиковалась расплата товарами. На фабрикѣ Рабенекъ близъ ст. Щелково (Московской губ.) рабочіе (въ 1900 г.) были обязаны брать продукты въ хозяйской лавкѣ, переплачивая при этомъ 15—20%. Въ Глуховской мануфактурѣ (около Богородска) такая же переплата составляла 30—35%.

Жилищныя условія измѣнились къ лучшему развѣ только въ гор-

[1]) Пажитновъ. Стр. 149—150.

номъ польскомъ округѣ [1]). На Богородско-Глуховской мануфактурѣ въ 1899 г., по требованію рабочихъ, было опредѣлено для рабочихъ казармъ кубическое содержаніе воздуха на 1 человѣка (1 кубич. сажень). Вскорѣ послѣ этого, 60 „недовольныхъ“ рабочихъ были расчитаны, и норма нарушена. Въ Орѣховѣ-Зуевѣ въ казармахъ С. Морозова, считавшихся „образцовыми“, комната въ 3 сажени длины и 5 арш. ширины служила жилищемъ для 3-хъ семействъ, изъ которыхъ одно помѣщалось на палатяхъ. Въ другихъ мѣстностяхъ казармы были гораздо хуже. Посѣтившій Вичугскій районъ, костром. губ., въ 1901 г. мин. внут. дѣлъ Сипягинъ заявилъ своей свитѣ по поводу видѣнныхъ имъ казармъ: „Я и мысли не могъ допустить, чтобы въ Россіи фабричные рабочіе жили въ такихъ помѣщеніяхъ“. Жилища горнорабочихъ екатеринославской губ. и нефтепромышленныхъ рабочихъ въ Баку были столько же плачевны [2]). Не лучше, благодаря жалкой заработной платѣ и соціально-реакціонной муниципальной политикѣ, складывались эти условія и для рабочихъ, жившихъ па „вольныхъ“ квартирахъ [3]).

Отвратительныя санитарныя условія самой фабричной работы, отсутствіе надлежащей охраны отъ несчастныхъ случаевъ и грубо казарменный режимъ остались характерными для большинства фабрикъ.

Такимъ образомъ, несмотря на громадныя его усилія, положеніе рабочаго класса, въ общемъ и цѣломъ, улучшилось лишь очень незначительно, и, главное, всѣ достигнутыя имъ улучшенія оказались очень непрочными. Какъ только подъемъ промышленности смѣнился неизбѣжнымъ застоемъ, условія жизни русскаго рабочаго стремятся вернуться къ прежнему уровню. Но это и неизбѣжно при томъ условіи, когда достигнутыя рабочими улучшенія въ моменты благопріятной экономической конъюнктуры, не закрѣпляются закономъ и не охраняются широкими и сильными рабочими организаціями. Между тѣмъ, то, что правительство давало рабочимъ подъ вліяніемъ рабочихъ волненій сегодня, отнималось у нихъ назавтра, какъ только проходили событія, вызвавшія уступку. Общее же направленіе внутренней политики, неуклонно преслѣдуя всякія попытки рабочихъ къ организаціи, достигало того, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ экономической борьбы рабочимъ удавалось отвоевать у капиталистовъ минимумъ того, что имъ позволяли получить условія промышленности.

3.

Правительство и рабочее движеніе во 2-й половинѣ 90-хъ годовъ.

Въ 1894 году лодзинское отдѣленіе общества для содѣйствія промышленности и торговли возбудило передъ правительствомъ ходатайство о законодательномъ запрещеніи ночной работы и ограниченіи рабочаго дня 10 часами для руд-

[1]) Пажитновъ. Стр. 219.
[2]) См. у Пажитнова. Стр. 202—204.
[3]) Тамъ же, стр. 129—132.

никовъ, 11—для металлическихъ заводовъ и 12—для всѣхъ остальныхъ промышленныхъ заведеній. Къ такому шагу фабрикантовъ лодзинскаго района принудило стачечное движеніе предыдущихъ лѣтъ, вынуждавшее ихъ къ уступкамъ, которыя ставили ихъ въ неблагопріятныя условія конкуренціи сравнительно съ русскими фабриками. Въ 1895 году московское отдѣленіе того же общества образовало для разсмотрѣнія этого вопроса особую комиссію и, послѣ доклада послѣдней, постановило ходатайствовать о запрещеніи ночныхъ работъ и введеніи 12-тичас. раб. дня для всѣхъ фабрикъ вообще и 11-тичасового для механическихъ прядиленъ и ткацкихъ. Такимъ образомъ, наиболѣе вліятельные крупные фабриканты московскаго района готовы были отказаться отъ традиціонной своей оппозиціи законодательному регулированію рабочаго времени.

Правительство опросило фабричныхъ инспекторовъ относительно этихъ проектовъ, и полученные имъ отвѣты сводились къ тому, что необходимое въ интересахъ здоровья рабочихъ ограниченіе рабочаго времени явится экономически выгоднымъ, поскольку благопріятно отразится на производительности труда.

Тѣмъ не менѣе, правительство медлило съ выработкой закона и, когда вспыхнула петербургская стачка 1896 года, оно прежде всего сосредоточило свое вниманіе на томъ, чтобы показать рабочимъ, что ихъ движеніе не окажетъ никакого вліянія на законодательство. Предложеніе владѣльцевъ петербургскихъ бумагопрядиленъ немедленно ввести $11^1/_2$ч. раб. день на своихъ фабрикахъ было отклонено министерствомъ финансовъ, а возвѣщенная во время лѣтней стачки выработка закона объ ограниченіи рабочаго дня грозила затянуться надолго.

Только повтореніе стачки въ январѣ 1897 г. измѣнило настроеніе правительства. 2-го іюня того же года послѣдовалъ извѣстный законъ о продолжительности рабочаго времени.

Главнымъ мотивомъ къ изданію новаго закона являлось стремленіе предотвратить повтореніе крупныхъ стачечныхъ движеній. На этой точкѣ зрѣнія особенно стояло министерство внутр. дѣлъ, представитель котораго, г. Щегловитовъ, въ особомъ совѣщаніи, обсуждавшемъ данный вопросъ, высказался даже за законодательное установленіе нормъ заработной платы.

Законъ 2-го іюня установилъ рабочій день для всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ $11^1/_2$ ч. въ сутки, не принявъ, такимъ образомъ, тѣхъ сокращенныхъ нормъ (11 и 10 час.), которыя для технически болѣе развитыхъ или болѣе тяжелыхъ производствъ предложены были московскими и лодзинскими капиталистами. Вопреки ходатайству тѣхъ и другихъ и давнему согласію петербургскихъ фабрикантовъ, работа ночью для взрослыхъ рабочихъ не была запрещена, а лишь ограничена 10 часами. Устанавливая дни обязательнаго отдыха, законъ ограничилъ ихъ 66-ю въ годъ, тогда какъ неприсутственныхъ дней числится 87. Какъ мы видѣли, этотъ пунктъ закона послужилъ пово-

домъ для фабрикантовъ повести борьбу за отнятіе у рабочихъ тѣхъ праздниковъ, которыми они пользовались согласно обычному праву. Сверхурочныя работы допускаются лишь по особому соглашенію между фабрикантами и рабочими и только для работъ, „необходимыхъ по техническимъ условіямъ производства".

Самой характерной чертой новаго закона было то, что онъ не установилъ никакихъ наказаній за нарушеніе фабрикантами его опредѣленій, допустивъ лишь ничтожный штрафъ (до 50 руб.).

Распространеніемъ правилъ 1886 года на всю Евр. Россію и часть Кавказа и увеличеніемъ штатовъ фабричной инспекціи ограничилось дальнѣйшее прогрессивное развитіе фабричнаго законодательства. Одновременно началось попятное шествіе.

„Правилами" 2 сент. 1897 г. и „инструкціей" инспекторамъ были установлены существенныя изъятія при примѣненіи закона 2 іюня (изъяты изъ-подъ его дѣйствія всѣ подрядныя работы; допущено увеличеніе числа сверхурочныхъ часовъ свыше 120 въ годъ; допущена „ломка смѣнъ" при непрерывной работѣ). Циркулярами 8 янв. и 14 марта 1898 года льготы по примѣненію сверхурочныхъ работъ еще болѣе расширены, а циркуляръ 28-го февраля того же года призналъ необязательнымъ освобожденіе отъ работъ не менѣе 3 разъ въ мѣсяцъ тѣхъ рабочихъ, которые при непрерывномъ производствѣ работаютъ 8-мичасовыми смѣнами.

Общая тенденція къ ухудшенію закона 2 іюня характерно сказалась въ томъ фактѣ, что правительство ни разу не воспользовалось предоставленнымъ ему этимъ закономъ правомъ издавать спеціальныя ограничительныя правила о рабочемъ времени въ особо вредныхъ для здоровья производствахъ.

Независимо отъ давленія промышленной буржуазіи, въ такой политикѣ сказывалось признаніе рабочаго движенія факторомъ, опаснымъ для существующаго строя. Преобладаніе охранительно - полицейской точки зрѣнія въ рабочемъ вопросѣ выразилось во второй половинѣ 90-хъ гг. въ стремленіи самое фабричную инспекцію сдѣлать прежде всего орудіемъ борьбы съ рабочимъ движеніемъ

Уже въ секретномъ циркулярѣ отъ 5 дек. 1895 года (за № 24252) начавшіяся стачки объясняются происками рабочихъ, которые „по своимъ нравственнымъ качествамъ не могли пріобрѣсти себѣ прочнаго положенія ни на одной изъ мануфактуръ", либо же людей, „стремящихся искусственно создать у насъ ту печальную рознь, которая возникла между фабрикантами и рабочими на Западѣ". Считая воззрѣнія такихъ людей „отвлеченными или ложными идеями, совершенно чуждыми народному духу и складу русской жизни", министръ рисуетъ розовыми красками „патріархальный складъ отношеній между хозяевами и рабочими" въ Россіи, преобладаніе со стороны хозяевъ побужденій, подсказанныхъ „нравственнымъ закономъ и христіанскими чувствами", и указываетъ, что при такой основѣ соціальныхъ отношеній „не приходится прибѣгать

къ примѣненію писаннаго и принужденія". Долгъ инспекторовъ — „разъяснять рабочимъ значеніе всего полезнаго и добраго, что для нихъ дѣлается не по обязанности, а по христіанскому побужденію и изъ благородныхъ помысловъ", и эта дѣятельность должна доставить инспекціи „большее нравственное удовлетвореніе, нежели одно лишь нелицепріятное и строгое исполненіе обязанностей формальныхъ блюстителей закона".

Рабочимъ же должно быть внушаемо, что „даже стремленіе къ осуществленію законныхъ правъ, но насильственнымъ или незаконнымъ путемъ" будетъ всячески подавляться, при чемъ правительство не допуститъ, чтобы фабриканты пошли на уступки.

Дѣйствительно, въ теченіе всего періода повторяются случаи прямого запрещенія властями, въ томъ числѣ и инспекціей, фабрикантамъ уступать бастующимъ рабочимъ.

Контрастъ между нарисованной въ циркулярѣ 1895 года картиной положенія дѣлъ на фабрикахъ и тѣмъ, что объ этомъ положеніи и причинахъ „безпорядковъ" говорилось въ правительственныхъ сферахъ за 10 лѣтъ до того, былъ настолько ярокъ, что для фабричной инспекціи не могло оставаться сомнѣнія въ томъ, какая роль возлагается на нихъ отнынѣ.

Въ 1897 г. министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило принять исключительныя полицейскія мѣры противъ растущаго стачечнаго движенія и соціалъ-демократической агитаціи. Циркуляръ отъ 12 августа 1897 г., давая любопытную картину развитія стачечнаго движенія и дѣятельности „Союзовъ борьбы", предписываетъ губернскимъ властямъ, въ случаѣ возникновенія стачекъ, объявлять рабочимъ расчетъ, высылая по этапу иногороднихъ и за границу иностранныхъ подданныхъ. Виновные въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ штрейкбрехеровъ должны высылаться въ сѣверныя губерніи, зачинщики и подстрекатели—арестовываться въ охранномъ порядкѣ. Вообще, рекомендуется вести дѣла о стачкахъ въ этомъ именно порядкѣ, ибо „судебное преслѣдованіе не всегда бываетъ возможнымъ въ виду весьма частаго отсутствія всѣхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1358 и посл. Улож. о Наказ." и въ виду необязательности заключенія подъ стражу лицъ, привлеченныхъ по этимъ статьямъ.

Проф. Озеровъ въ своей книгѣ [1]) называетъ этотъ циркуляръ „чудовищнымъ" и попирающимъ самыя элементарныя права личности. Особенно вопіющимъ нарушеніемъ закона являлось въ немъ распоряженіе высылать также и тѣхъ рабочихъ, которые прекратили работу съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ сроковъ. Министръ финансовъ на эту незаконность обратилъ вниманіе въ своемъ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 31 окт. 1897 г., но безуспѣшно, и этотъ пунктъ циркуляра остался въ силѣ [2]).

Министерство финансовъ очень ревниво отнеслось къ попыткѣ ми-

[1]) Озеровъ. „Политика по рабочему вопросу". Москва, 1906 г.

[2]) Озеровъ. Стр. 33.

нистерства внутреннихъ дѣлъ монополизировать полицейскую, по существу своему, функцію репрессивной борьбы съ рабочимъ движеніемъ. Въ только что упомянутомъ письмѣ къ Горемыкину С. Ю. Витте жаловался, что циркуляръ 12 авг. изданъ безъ предварительнаго сношенія съ нимъ. Въ циркулярѣ отъ 12 марта 1898 года министръ финансовъ отмѣчаетъ, что мѣстами чины полиціи производятъ разслѣдованіе о причинахъ волненій „не только безъ участія фабричной инспекціи, но и безъ ея вѣдома“. Министръ напоминаетъ инспекціи, что ея функціи ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть ею отчуждаемы въ пользу полиціи, роль которой, по закону, должна ограничиваться оказываніемъ содѣйствія чинамъ инспекціи. Это толкованіе закона было совершенно правильно, но оно шло въ разрѣзъ съ инструкціями, которыя самъ Витте давалъ инспекціи въ 1896 году.

И. Л. Горемыкинъ никакого вниманія на недовольство министра финансовъ не обращалъ и вскорѣ (цирк. отъ 5 апр. 1898 г.) вновь возложилъ на полицейскія власти заботу о предотвращеніи конфликтовъ на фабрикахъ.

Съ этого именно времени въ политикѣ обоихъ вѣдомствъ по отношенію къ рабочему вопросу начинаетъ обнаруживаться серьезный антагонизмъ. Начиная съ 1897 года, московскій оберъ-полицеймейстеръ Д. Ф. Треповъ, вдохновляемый начальникомъ охраннаго отдѣленія Зубатовымъ, проводитъ по отношенію къ стачечному движенію тактику улаживанія конфликтовъ мирнымъ путемъ, убѣждая фабрикантовъ идти на кое-какія уступки. Для московской полиціи эта тактика являлась продолженіемъ и развитіемъ методовъ, примѣнявшихся ею съ 1896 года въ борьбѣ съ соціалъ - демократической агитаціей. Развивъ до послѣднихъ предѣловъ примѣненіе системы агентовъ-провокаторовъ, Зубатовъ въ короткое время дезорганизовалъ совершенно соціалистическіе кружки рабочихъ и интеллигенціи: игравшій большую роль въ стачечномъ движеніи 1895–96 гг., соціалъ-демократическій „Рабочій союзъ“ почти сошелъ на нѣтъ. Система провокаціи не могла быть проводима одними средствами грубаго подкупа: на помощь ему шло улавливаніе отдѣльныхъ единицъ—особенно рабочихъ—путемъ убѣжденія ихъ въ возможности добиться терпимости правительства по отношенію къ рабочему движенію при условіи отказа рабочихъ отъ политически - революціонныхъ цѣлей и готовности ихъ ограничиться чисто профессіональнымъ движеніемъ. Поскольку эта система имѣла успѣхъ, она обязывала московскую полицію не примѣнять по отношенію къ стачкамъ рабочихъ того метода грубо-механическаго подавленія, который являлся обычнымъ по всей Россіи. Въ запискѣ, которую министръ финансовъ Коковцевъ представилъ въ 1905 году въ Царское Село, выражается жалоба на то, что въ Москвѣ уже съ 1898 года администрація стремится усилить воздѣйствіе полиціи въ области рабочаго вопроса, при чемъ, говоритъ министръ, „администрація отдавала въ боль-

шинствѣ случаевъ предпочтеніе рабочимъ, какъ болѣе слабымъ, и настаивала передъ промышленниками объ обязательномъ удовлетвореніи пожеланій рабочихъ“ [1]).

2 апр. 1898 г. фабричный ревизоръ доносилъ въ министерство финансовъ о томъ, что вмѣшательство московской полиціи въ фабричные конфликты „не содѣйствуетъ успокоенію рабочихъ, а, наоборотъ, возбуждаетъ вновь успокоившееся было броженіе: рабочіе, видя, что самыя неосновательныя претензіи ихъ принимаются во вниманіе и служатъ предметомъ разслѣдованія, приходятъ къ заключенію, что правительственныя власти поставлены не для того, чтобы наблюдать за правильнымъ примѣненіемъ закона, а для того, чтобы вступаться за интересы рабочихъ“. По его словамъ, въ московскомъ фабричномъ присутствіи дѣла обыкновенно проходятъ съ возвышеніемъ взысканій, наложенныхъ инспекторомъ на провинившихся фабрикантовъ, при чемъ самъ инспекторъ, вмѣстѣ съ представителями промышленниковъ, отстаиваетъ минимальный размѣръ, представители же прокуратуры и полиціи—наивысшій.

Къ тому же времени (8 апр. 1898 г.) относится документъ, въ которомъ наиболѣе рельефно вскрылись новыя тенденціи политической полиціи въ сферѣ рабочаго вопроса. Мы говоримъ о конфиденціальномъ докладѣ московскаго оберъ-полицеймейстера Трепова (написанномъ Зубатовымъ) московскому генералъ-губернатору.

[1]) Озеровъ. Стр. 184—5.

Изображая соціалъ-демократическую агитацію среди рабочихъ, какъ результатъ разочарованія интеллигенціи въ достаточности ея собственныхъ силъ для борьбы съ самодержавіемъ, докладъ констатируетъ значительный успѣхъ этой агитаціи, дѣйствующей по методамъ, выработаннымъ германской соціалъ-демократіей. Агитаціонная тактика, использующая недовольство рабочихъ фабричными условіями, „дала превосходные результаты“. Авторъ при этомъ замѣчаетъ: „рабочее движеніе, вызванное первоначально революціонерами, въ дальнѣйшемъ своемъ поступательномъ ходѣ направляется уже по инерціи, на почвѣ подражанія, и рабочіе, никогда не слыхавшіе о пропагандѣ и только по слухамъ знакомые съ практической стороной и благопріятными результатами какой-нибудь стачки, начинаютъ забастовывать“. Успѣхъ стачечнаго движенія докладъ объясняетъ неловкостью властей, не сумѣвшихъ предотвратить конфликтъ, а затѣмъ уже вынужденныхъ „санкціонировать основательность домогательствъ рабочихъ“. Между тѣмъ, рядъ побѣдъ вырабатываетъ въ рабочихъ „воспріимчивость къ принятію идей соціализма“.

„Чтобы обезоружить агитатора,— продолжаетъ Зубатовъ, — надо открыть и указать рабочему законный исходъ изъ затруднительныхъ случаевъ его положенія, имѣя въ виду, что за агитаторомъ пойдетъ лишь наиболѣе юная и энергичная часть толпы, а средній рабочій предпочтетъ всегда не столь блестящій, но болѣе покойный, закон-

ный исходъ. Расколотая, такимъ образомъ, толпа потеряетъ ту свою силу, на которую такъ надѣется и расчитываетъ агитаторъ".

„Чѣмъ занятъ революціонеръ, тѣмъ обязана интересоваться и полиція... Настоящій моментъ настолько тревоженъ, дѣятельность революціонеровъ настолько интенсивна, что для борьбы со зломъ требуется дружная совмѣстная работа всѣхъ сопричастныхъ движенію вѣдомствъ. Принципъ разногласія и разъединенія правительственныхъ органовъ въ то время, когда боевой лозунгъ революціонеровъ: объединеніе, сліяніе и солидарность („рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь") никоимъ образомъ не можетъ гарантировать безусловной и скорой побѣды надъ соціальной демократіей". За этими строками слѣдуетъ обличеніе м-ва финансовъ за отмѣченныя выше попытки обузданія соціалъ-реформаторскаго пыла полиціи.

Предложеніе противопоставить соціализму революціонному „соціализмъ" полицейскій пока еще не получило правительственной санкціи. Однако, въ томъ же 1898 году шефъ жандармовъ, ген. Пантелѣевъ, посѣтивъ ярославскую, костромскую и владимірскую губерніи, представилъ записку о рабочемъ вопросѣ, въ которой давалъ изображеніе положенія рабочихъ, прямо противоположное тому, которое рисовалъ Витте. По его словамъ, „фабриканты, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ рабочихъ, эксплоатируютъ ихъ трудъ въ свою пользу. Въ эксплоатаціи рабочихъ фабрикантами, когда послѣдніе, получая громадную прибыль, мало оплачиваютъ рабочій трудъ... кроются, главнымъ образомъ, причины волненій и забастовокъ... Сопоставляя трудъ рабочаго, отдающаго фабрикѣ всѣ свои жизненныя силы, съ тѣмъ, что даетъ ему фабрика, располагающая громадными капиталами и обязаная своимъ благосостояніемъ труду того же рабочаго, нельзя не придти къ заключенію, что на долю рабочаго выпадаетъ слишкомъ мало".

Послѣ этихъ краснорѣчивыхъ строкъ шефъ жандармовъ предлагаетъ озаботиться объ улучшеніи санитарныхъ условій производства и устройствѣ здоровыхъ рабочихъ казармъ; для усиленія же надзора за рабочими рекомендуетъ организовать особую фабричную полицію, содержимую частью на средства фабрикантовъ [1]).

Соціально - реформаторскіе проекты ген. Пантелѣева остались благими пожеланіями; проектъ же образованія фабричной полиціи, получивъ одобреніе министра финансовъ, уже 1 февраля 1899 г. сталъ закономъ.

Однако, новая полиція сразу заняла такое самовластное положеніе на фабрикахъ, что рижскіе и петербургскіе фабриканты немедленно возбудили ходатайство о томъ, чтобы чины ея не имѣли права доступа внутрь фабричныхъ помѣщеній. Рижскіе фабриканты заявляли: „вмѣшательство полиціи въ разногласія между фабрикантами и рабочими можетъ лишь вредно отразиться, а таковаго врядъ ли можно избѣжать при постоянномъ пребываніи полицейскаго на фабрикѣ".

---

[1]) Озеровъ. Стр. 148—151.

Въ свою очередь, петербургскіе фабриканты заявляютъ, что „всѣ главныя стороны жизни на фабрикѣ находятся подъ постояннымъ наблюденіемъ болѣе близко стоящаго къ фабричной жизни фабричнаго инспектора, и присуствіе полиціи можетъ быть нужнымъ только при нарушеніи тишины и порядка". Фабриканты продолжали считать фабричную инспекцію органомъ болѣе заслуживающимъ съ ихъ стороны довѣрія, чѣмъ полиція. Въ свою очередь, министръ финансовъ въ письмѣ къ министру внутр. дѣлъ отъ 11 апрѣля 1901 г. жаловался на „неудобство и невозможность положенія фабрикантовъ, вынужденныхъ вести занятія въ постоянномъ присутствіи и подъ надзоромъ полиціи", и вновь требовалъ, чтобы право входа въ фабричныя помѣщенія было у фабричной полиціи отнято.

Дѣйствительно, высшіе полицейскіе чины, слѣдуя методу Зубатова, въ своихъ инструкціяхъ фабричной полиціи возлагаютъ на нее не только шпіонскія обязанности, но и (въ инструкціи одесскаго градоначальника гр. Шувалова отъ 15 октября 1899 г.) миссію знакомиться съ образомъ жизни рабочихъ и пріобрѣтать вліяніе на болѣе выдающихся изъ нихъ. Петербургскій градоначальникъ требовалъ, чтобы чины фабричной полиціи „въ точности изучили производство той отрасли, гдѣ они находятся, и знали во всякое время, въ какомъ положеніи находится коммерческая сторона предпріятія" [1]).

Разумѣется, жалкій умственный уровень чиновъ фабричной полиціи превратилъ быстро въ смѣшную утопію надежду на то, что въ ея лицѣ правительство получитъ нѣчто большее, чѣмъ новое орудіе сыска и механическаго подавленія рабочаго движенія.

Между тѣмъ, въ роли такого орудія все болѣе энергично дѣйствовала фабричная инспекція. Въ 1896 г., во время стачки въ Ковровѣ, владимирскій инспекторъ доносилъ: „Я рѣшилъ дѣйствовать, поставивъ цѣлью отнюдь ни въ чемъ не уступать рабочимъ". Костромской инспекторъ въ донесеніи о стачкѣ въ с. Наволокахъ, костромск. губ., (1897 г.) жаловался на то, что „непринятіе энергичныхъ мѣръ" привело къ уступкамъ со стороны хозяина. Тотъ же инспекторъ жаловался на судебное вѣдомство, не нашедшее состава преступленія въ стачкѣ, направленной противъ явно-мошенническаго обмѣра. По словамъ московскаго инспектора, подавлявшаго стачку въ клинскомъ уѣздѣ въ 1895 г., свою задачу онъ понималъ такъ: „прежде всего отнять у толпы вѣру въ ея руководителей, выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ, доказать толпѣ, что въ случаѣ проигрыша ею дѣла, руководители ничѣмъ не вознаградять ее". Сообщая о подавленіи съ помощью военной силы стачки въ селѣ Гусь (въ 1898 г.), владимірскій фабричный инспекторъ пишетъ: „Управленіе систематически допустило цѣлый рядъ дѣйствій, составляющихъ или прямое нарушеніе закона или же, хотя закономъ не воспрещенныхъ, но идущихъ въ разрѣзъ съ его духомъ и смысломъ;

[1]) Озеровъ. 162—4.

но, не усматривая въ этомъ злого умысла и корыстныхъ побужденій (!), такъ какъ причина этого—въ невѣденіи русскаго закона, въ незнаніи русскаго языка, и частью въ преклонномъ возрастѣ завѣдующаго и (въ виду того, что) *привлеченіе, хотя и къ справедливой карѣ, но послѣ упорной стачки, завѣдующаго могло бы вселить въ средѣ рабочихъ убѣжденіе, что незаконнымъ путемъ они могутъ добиться своихъ домогательствъ, и на будущее время это уронило бы авторитетъ фабричнаго управленія,* я ограничился указаніемъ правонарушеній въ ревизіонной книгѣ и взялъ подписку къ устраненію ихъ".

По поводу стачки на джутовой фабрикѣ Лебедева въ Петербургѣ (дек. 1895 г.) инспекторъ сообщаетъ, что онъ, согласно требованію градоначальника, заявилъ рабочимъ: „если бы хозяинъ и захотѣлъ прибавить плату, то ни я, ни самъ градоначальникъ не допустимъ до этого". Совершенно то же о своихъ дѣйствіяхъ сообщаетъ фабр. инсп. петроковской губ. по поводу стачки на м-рѣ Мотъ (1894 г.). Гродненскій инспекторъ въ 1901 г. жаловался на уступчивость одного фабриканта: „Примѣръ столь быстраго удовлетворенія фабрикантомъ такъ незаконно предъявленныхъ требованій рабочихъ можетъ лишь поощрять рабочее населеніе города Бѣлостока къ повторенію подобныхъ же, остающихся безнаказанными, выходокъ". И т. д. и т. д. [1]).

Но этимъ дѣло не ограничивалось. По уговору старшаго фабрич. инспектора петербургской губерніи съ охраннымъ отдѣленіемъ, одинъ изъ подчиненныхъ ему инспекторовъ долженъ былъ въ 1899 г. явиться въ охранное отдѣленіе, чтобы черезъ особое отверстіе въ дверяхъ разсматривать дефилировавшихъ передъ ними рабочихъ Охтенской мануфактуры и указать тѣхъ изъ нихъ, которые съ нимъ объяснялись во время забастовки. Инспекторъ лифляндской губерніи 1897 г. обратился въ м-во финансовъ съ жалобой на „Рижскія полицейскія вѣдомости", сообщавшія объ одномъ рефератѣ въ Импер. техн. обществѣ въ Москвѣ, въ которомъ излагалось вредное дѣйствіе длиннаго рабочаго дня на здоровье ткачей. „Убѣдительно прошу,—писалъ инспекторъ, — путемъ сношеній съ мин. внутр. дѣлъ предотвратить возможность появленія такихъ статей. Завтра же я передамъ этотъ № губернатору, хотя и не ожидая отъ этого никакой пользы. Весьма, однако, желательно, чтобы не сообщалось, что этотъ № представленъ мной, такъ какъ тогда намъ еще труднѣе будетъ существовать". Этотъ же инспекторъ и въ томъ же смыслѣ сообщалъ о мѣстной прессѣ еще въ 1896 г. На вредъ газетныхъ статей о нормировкѣ рабочаго дня указывалъ старшій инспекторъ петроковской губерніи въ 1899 г. Нижегородскій старшій фабричный инспекторъ въ 1901 г. доносилъ на профессора, объявившаго о намѣреніи прочесть публичную лекцію на тему: „Итоги экономическаго развитія", а въ 1902 г. подалъ рядъ доносовъ на жандармское управленіе, которое освобождаетъ

[1]) Озеровъ. Стр. 38, 41, 43, 48, 50, 54, 57, 59,

рабочихъ, арестованныхъ за пѣніе революціонныхъ пѣсенъ и клики противъ монархіи. „Фабричная инспекція, — писалъ онъ, — безсильна предупредить волненія на почвѣ революціонной пропаганды, особенно *когда дѣятели ея пользуются покровительствомъ жандармской полиціи*" [1]).

Въ 1899 г. старшій инспекторъ петерб. губ. С. А. Лебедевъ обратился къ фабрикантамъ съ предложеніемъ прислать ему списки „неблагонадежныхъ" рабочихъ [2]). Въ корреспонденціи одного заграничнаго органа за 1899 г. [3]) разсказывается, какъ въ Бѣлостокѣ во время стачки кожевниковъ старшій фабричный инспекторъ принялъ пришедшихъ къ нему рабочихъ—кожевниковъ, жаловавшихся на попытку фабрикантовъ удлинить рабочій день. „Съ такими дураками, которые хотятъ работать только отъ 8 до 8 ч. я не хочу совсѣмъ разговаривать". Во время стачки щетинщиковъ въ Волковишкахъ весной 1897 г. инспекторъ „заставилъ фабрикантовъ разорвать условія", которыя они уже подписали съ рабочими на основѣ компромисса [4]).

Прибавимъ, что за періодъ, прошедшій съ середины 1900 г. по конецъ 1902 г., фабричная инспекція составила протоколы всего въ 5,7% всего числа обнаруженныхъ ею правонарушеній, со стороны предпринимателей [5]), т.-е. въ 94 случаяхъ изъ 100 эти правонарушенія, согласно офиціальнымъ же даннымъ, прошли для предпринимателей безслѣдно. Если къ этому прибавить, что, по офиціальнымъ же свѣдѣніямъ, за десятилѣтіе 1895 — 1904 гг. аресты и высылки имѣли мѣсто въ 164 стачкахъ, судебныя преслѣдованія — въ 31, а призывъ войскъ—въ 269 стачкахъ, тогда какъ за все это время со стороны самихъ стачечниковъ наблюдалось лишь 44 случая эксцессовъ всякаго рода [1]), то намъ не останется ничего прибавить для характеристики роли правительства въ стачечномъ движеніи 90-хъ годовъ.

Въ возникшемъ рабочемъ движеніи правительство прежде всего видѣло проявленіе общественной самодѣятельности въ народныхъ массахъ и сближеніе послѣднихъ на этой почвѣ съ революціонными элементами интеллигенціи. Одно это вызывало въ немъ стремленіе во чтобы то ни стало подавить движеніе, не останавливаясь ни передъ какимъ насиліемъ. Это стремленіе было общимъ одинаково для представителей обоихъ теченій, нашедшихъ свое выраженіе въ различныхъ тактикахъ С. Витте и Д. Трепова. Самое же различіе этихъ тактикъ обусловливалось вліяніемъ различныхъ соціальныхъ интересовъ на отдѣльные органы бюрократическаго правительства.

Съ начала 90-хъ гг. интересы капиталистической промышленности тѣсно сплетаются съ политикой м-ва финансовъ. Однако, послѣднее не

1) Озеровъ. Стр. 113, 117—121.
2) „Раб. Д.", № 6.
3) „Раб. Дѣло", № 2—3.
4) „Листокъ Работника", № 6. 1897 г.
5) Прокоповичъ, l. c. стр. 114.

1) „Стат. свѣдѣнія о стачкахъ" Спб. 1905 г. Изд. Отд. промышлен.

перестаетъ, благодаря этому, цѣликомъ стоять на почвѣ бюрократическаго абсолютизма. Цѣль политики Витте заключалась въ томъ, чтобы спаять торгово-промышленную буржуазію съ самодержавіемъ, не давая ей никакихъ политическихъ правъ, но ограждая всѣ ея интересы такъ, чтобы примирить ее вполнѣ съ ея политически-безправнымъ положеніемъ. Рабочее движеніе, предъявлявшее опредѣленныя требованія улучшенія экономическаго положенія, грозило разрушить эту гармонію, заставляя правительство принимать мѣры къ огражденію рабочихъ отъ эксплоатаціи и тѣмъ самымъ вызывая въ буржуазіи естественное стремленіе требовать отъ правительства, возлагающаго на нее извѣстныя обязательства, признанія за нею соотвѣтствующихъ правъ. Поэтому, когда С. Ю. Витте писалъ въ своемъ циркулярѣ 1895 г. о необходимости поддерживать „патріархальныя" отношенія, яко бы существовавшія въ Россіи между рабочими и капиталистами, то онъ, безсознательно для себя, выражалъ лишь свое стремленіе сохранить ту „патріархальность" отношеній, которая существовала между буржуазіей и самимъ правительствомъ на основѣ нерегулированной правовыми нормами дружеской и заботливой правительственной опеки. Удовлетвореніе требованій рабочаго движенія неминуемо привело бы къ усиленію стремленія къ организованной самодѣятельности среди буржуазіи, а это означало бы фіаско всей той политики, которую воплотилъ Витте, и которая въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ въ соотвѣтственный моментъ капиталистическаго развитія, являлась единственно-возможной формой историческаго сожительства двухъ обществъ—буржуазнаго и сословнаго.

На этомъ пути, при условіи все растущаго обостренія рабочаго движенія, правительство, руководимое Витте, должно было придти къ тому откровенно враждебному отношенію къ рабочему классу, примѣры котораго мы выше видѣли, и которое пропитало собой дѣятельность даже такихъ органовъ, какъ фабричная инспекція. На этомъ пути правительство, какъ мы видѣли, иногда забѣгало далеко впередъ желаній самихъ русскихъ капиталистовъ, отнюдь не склонныхъ къ сантиментальности и уступчивости, и правительство въ этихъ случаяхъ не впадало въ противорѣчіе съ самимъ собою: возставая противъ „добродушія" отдѣльныхъ фабрикантовъ, оно защищало всю систему въ цѣломъ, тяготѣвшую надъ рабочимъ классомъ. Но оно впадало въ противорѣчіе съ интересами дѣйствительнаго промышленнаго развитія, ибо послѣднее требовало безусловно улучшенія экономическаго положенія рабочихъ массъ, какъ необходимой предпосылки прогресса производительности труда: вотъ почему правительственная политика всего менѣе удовлетворяла представителей наиболѣе развитыхъ отраслей производствъ и наиболѣе передовыхъ промышленныхъ районовъ. Развитіе рабочаго движенія, обостряя существовавшія въ скрытомъ видѣ противорѣчія русской общественности, ускоряло банкротство

промышленной политики абсолютизма.

Оно достигало этого тѣмъ вѣрнѣе, что неизбѣжно вызывало къ жизни въ правящей средѣ другія тенденціи, прямо противоположныя тѣмъ, носителемъ которыхъ являлось министерство Витте.

Интересы земельнаго дворянства систематически приносились въ жертву финансовой и экономической политикѣ 90-хъ годовъ: благодаря этому, земельное дворянство къ концу десятилѣтія почти цѣликомъ находилось въ оппозиціи, образуя въ своей некультурной и пропитанной сословными предразсудками части реакціонную фронду (Шараповъ и др.), а въ своихъ культурныхъ слояхъ создавая благопріятную почву для прогрессивной оппозиціи земскаго либерализма. Та и другая оппозиція субъективно относились враждебно къ протежируемому правительствомъ капитализму; но тогда какъ земскій либерализмъ объективно стоялъ на почвѣ прогрессивнаго экономическаго развитія, предполагавшаго дальнѣйшую индустріализацію экономическихъ отношеній, — сословно-дворянская фронда и объективно была враждебна успѣхамъ капиталистической промышленности, разлагающей экономическія и соціальныя основы сословнаго строя.

Но фрондирующее и временами сталкивающееся съ органами правительства земельное дворянство въ то же время было привиллегированной группой, имѣющей прочныя связи съ верхами бюрократіи, которая рекрутируется преимущественно изъ ея среды. Какъ только развитіе рабочаго движенія поставило передъ бюрократіей новый сложный вопросъ, въ ней должно было сказаться вліяніе этихъ дворянско-сословныхъ и фрондирующихъ по отношенію къ капиталу элементовъ, и подъ этимъ вліяніемъ, идущимъ параллельно съ вліяніемъ противоположныхъ тенденцій буржуазнаго протекціонизма, политика правительства должна была раздвоиться.

Выразителемъ этихъ тенденцій, враждебныхъ капиталу, и явилось м-во внутр. дѣлъ. Но и эти тенденціи, какъ и противоположныя имъ, правящая бюрократія, достигшая въ 90-хъ годахъ апогея своего господства надъ обществомъ, выражала въ специфически свойственной ей формѣ, стремясь всегда и вездѣ всѣ соціальные интересы подчинить интересамъ своего собственнаго господства, превращая каждый общественный вопросъ прежде всего въ вопросъ политической полиціи.

Въ своемъ прошломъ эта часть бюрократіи могла опереться на соотвѣтственныя традиціи ея политики по рабочему вопросу. Именно она, а не Витте и его послѣдователи, опиралась дѣйствительно на традицію „патріархальности“ въ области отношеній труда и капитала, на традицію всесторонней полицейской опеки, яркимъ носителемъ которой былъ еще Закревскій. Въ новѣйшее время эта традиція въ своей современно-либеральной формѣ нашла выраженіе въ цитированной нами тирадѣ тверского губернатора эпохи великихъ реформъ, гр. Баранова; въ своей полицейско-реакціонной формѣ она въ 80-хъ годахъ

воскресла въ заботахъ гр. Д. Толстого и Плеве остановить развитіе рабочаго движенія такимъ вмѣшательствомъ правительства во взаимныя отношенія между рабочими и предпринимателями, которое, сурово подавляя всякія попытки классовой борьбы, въ то же время ограждало бы рабочихъ отъ слишкомъ безцеремонной эксплоатаціи. Въ совѣщаніи по выработкѣ закона 1 іюня г. Щегловитовъ выражалъ ту мысль, что рабочій классъ долженъ видѣть въ правительствѣ силу, готовую всегда поддержать его справедливыя требованія и сдѣлать ненужными его собственныя усилія.

Однако, быстрое развитіе классовой борьбы дѣлало къ концу 90-хъ гг., уже недостаточнымъ простое примѣненіе „государственнаго соціализма“ въ томъ видѣ, какъ его готовъ былъ заимствовать у Бисмарка гр. Д. Толстой. Несомнѣнной заслугой Зубатова и поддерживавшихъ его лицъ было то, что они поняли этотъ фактъ и попытались найти новую, болѣе современную, форму полицейскаго вмѣшательства въ рабочій вопросъ, которая оставляла бы извѣстный просторъ для классовой самодѣятельности рабочихъ и основывала бы господство абсолютизма не на устраненіи классовой борьбы, а на ея демагогическомъ использованіи и полицейскомъ регулированіи. Но на этотъ путь, имѣвшій историческій прецедентъ во французскомъ бонапартизмѣ, полицейское вѣдомство вступило, двигаемое логикой событій, лишь въ позднѣйшій періодъ. Въ данную эпоху оно еще не шло дальше готовности, въ интересахъ сохраненія за абсолютизмомъ симпатій рабочихъ, выступать противъ фабрикантовъ.

Поскольку въ этомъ раздвоеніи правительственной политики не выступали открыто сознательныя стремленія двухъ различныхъ общественныхъ классовъ—дворянства и буржуазіи; поскольку и представители политики буржуазнаго протекціонизма, и сторонники полицейской борьбы съ эксцессами капитализма одинаково ставили на первый планъ интересы правительственнаго режима, какъ такового,—постольку борьба описанныхъ выше тенденцій превращалась въ мелочную борьбу между вѣдомствами и не оказывала какого-нибудь замѣтнаго идейнаго вліянія на жизнь общества; постольку же поверхъ мелочныхъ и подчасъ злобныхъ треній выплывалъ на практикѣ пріемлемый для обѣихъ сторонъ компромиссъ по той линіи, на которой сходились обѣ политическія тенденціи. Полицейскіе бонапартисты и просвѣщенные покровители капитализма, парализуя усилія другъ друга въ одной области, сходились, въ концѣ-концовъ, въ другой—въ сферѣ усиленія жандармско-полицейской борьбы съ активными элементами рабочаго класса и соціалистической интеллигенціей. Одни защищали—„общественный порядокъ“, другіе—„свободу договора“, но и тѣ и другіе сходились на защитѣ мѣрами суровой репрессіи. Стачечники высылались поэтому безъ суда, согласно циркуляру 12 авг. 1897 г., цѣлыми сотнями, военная сила примѣнялась все чаще и чаще. Вѣдомства спорили между собой о срествахъ остановить революціонное броженіе въ

рабочихъ массахъ, но и то и другое неуклонно подливали масло въ занявшееся пламя. Чѣмъ чаще вспыхивала элементарная стачечная борьба, тѣмъ чаще передъ темными рабочими массами правительство и его органы выступали откровенно въ роли защитниковъ абсолютизма фабрикантовъ. Изъ самаго центра Треповской политики чуждые всякой политики ткачи села Гусь получили въ отвѣтъ на мольбу объ удовлетвореніи ихъ законныхъ экономическихъ требованій лаконическій отвѣтъ: „Это меня мало касается“ [1]. Власти прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы раздѣлить рабочую массу отъ ея соціалистическихъ элементовъ и въ то же время не только своими дѣйствіями, не всегда понятными массамъ, но и своими официальными заявленіями (о томъ, что фабрикантамъ не будетъ позволено уступать; что законодательнаго регулированія рабочаго времени никогда не будетъ и т. п.) подтверждаютъ массамъ справедливость того, что пишется въ прокламаціяхъ о связи между печальнымъ экономическимъ положеніемъ рабочихъ и политическимъ режимомъ. Въ этомъ фактѣ полной безпомощности передъ сравнительно-элементарными еще формами классовой борьбы лишь ярко сказалась безнадежная отсталость режима, абсолютно несовмѣстимаго съ соціальными отношеніями, которыя онъ самъ же помогъ вызвать къ жизни. Самымъ фактомъ своего развитія рабочее движеніе обнажало эту анахроничность режима и, разлагая его органы управленія, вызывая въ нихъ внутреннія противорѣчія, приводило къ дискредитированію режима въ самыхъ широкихъ кругахъ.

Параллельно съ этимъ, въ самихъ рабочихъ массахъ наростало политическое недовольство, которое, постепенно оформляясь, начинало окрашивать собою и самую экономическую борьбу.

4.

Проявленія политической борьбы въ рабочемъ движеніи 2-ой половины 90-хъ гг.

Мы уже видѣли, что въ Польшѣ съ самаго начала 90-хъ годовъ въ массовомъ движеніи пролетаріата одинаково сильно звучатъ моменты какъ экономической, такъ и политической борьбы. Возникшія къ срединѣ десятилѣтія соціалистическія партіи съ самаго начала обращаются непосредственно къ рабочимъ массамъ съ крайними политическими лозунгами. Въ частности, онѣ широко пропагандируютъ идею первомайской соціалистической манифестаціи. Въ разсматриваемый періодъ дѣятельность польскихъ соціалистовъ, (которые за время 94—99 гг. имѣли лишь одну правильно функціонирующую организацію — Польскую соціалистическую партію [1]) развивается въ томъ же направле-

[1]) Озеровъ. Стр. 52.

[1]) Возникшая въ 1893 году подъ руководствомъ Розы Люксембургъ „Соціалъ-демократія Царства Польскаго“ на время сошла со сцены.

ніи, используя для себя какъ специфическій національный гнетъ, испытывавшійся всѣмъ польскимъ народомъ, такъ и политику крайнихъ репрессій правительства въ рабочемъ вопросѣ—политику, которая въ Польшѣ не знала и тѣхъ отступленій, какія мы видѣли иногда въ Москвѣ и другихъ пунктахъ Россіи. Такія событія, какъ стрѣльба въ рабочихъ въ 1897 году въ Домбровѣ и систематическое запрещеніе со стороны властей дѣлать какія-либо уступки стачечникамъ, способствовали тому, что и въ періодъ рѣзкаго промышленнаго подъема рабочія массы не только не погружались всецѣло въ заботы объ улучшеніи своего экономическаго положенія, но все болѣе усваивали себѣ конечныя соціалистическія и ближайшія демократическія требованія, выдвигавшіяся въ партійной агитаціи.

Открытыя проявленія политическаго протеста со стороны рабочихъ массъ выражались, главнымъ образомъ, въ демонстративномъ чествованіи перваго мая. Въ 1894 г. ни одна фабрика не работала 1-го мая въ Ченстоховѣ, до 3.000 рабочихъ бастовало въ Домбровѣ, гдѣ также бастовали многія ремесленныя мастерскія [1]). Въ 1896-мъ году въ день 1-го мая бастовали рабочіе одной изъ шахтъ въ Домбровѣ [2]). Въ 1898 году въ день 1-го мая „Польск. соц. партія" пыталась организовать впервые открытыя уличныя демонстраціи, что ей и удалось въ Варшавѣ, Сосновицахъ, Домбровѣ и

[1]) Кульчицкій. l. c., стр. 133.
[2]) Кульчицкій. Стр. 166.

Сельцѣ [1]). Демонстраціи, въ которыхъ участвовало небольшое число рабочихъ (по словамъ Кульчицкаго, до 2.000), прошли мирно. Въ 1899 году такія же демонстраціи произошли по поводу 1-мая въ Варшавѣ и Домбровѣ; въ обоихъ мѣстахъ часть рабочихъ бастовала въ день 1-мая [2]).

Изъ другихъ манифестацій слѣдуетъ отмѣтить произведенную рабочими Домброва 1 октября 1899 г. на могилахъ убитыхъ въ 1897 г. во время стачки на „Гутѣ Банковой", демонстраціи на похоронахъ одного изъ организаторовъ „Союза польскихъ рабочихъ", Я. Танскаго, рабочаго Игнатія Милявскаго и рабочаго Я. Ледера (въ началѣ 1899 г. въ Варшавѣ) и манифестацію въ декабрѣ 1898 г. по поводу открытія памятника А. Мицкевичу [3]). Къ этому надо прибавить чрезвычайно энергичную политическую агитацію польскихъ соціалистовъ, которая велась преимущественно распространеніемъ воззваній и особенно регулярно выходившей нелегальной газеты „Работникъ". Массовыхъ собраній соц. еще не могли устраивать.

Въ Литвѣ и Бѣлоруссіи майская агитація также являлась главнымъ средствомъ пробужденія вниманія рабочихъ къ вопросамъ политическимъ. Въ 1894—95 гг. при этомъ с.-д-ты не выходили изъ рамокъ очень тѣсныхъ тайныхъ собраній,

[1]) Кульчицкій. Стр. 175; „Рев. движеніе въ Россіи въ докладахъ м-ра Муравьева". К-во „Лѣтописецъ". Спб., 1907 Стр. 163.
[2]) „Раб. Дѣло", № 2—3.
[3]) „Рабочее Дѣло", № 4—5; „Рев. движеніе въ Россіи", стр. 163—4; Кульчицкій. Стр. 175—176.

организованныхъ въ кассы еврейскихъ и литовскихъ рабочихъ, на которыхъ произносились агитаціонныя рѣчи. Въ 1896 году въ Бѣлостокѣ впервые распространено среди еврейскихъ рабочихъ воззваніе, посвященное дню 1-го мая; съ этого времени эта форма майской агитаціи все болѣе распространяется.

Въ іюнѣ 1897 г. и февралѣ 1899 г. толпы рабочихъ демонстрировали на улицахъ Вильны при проводахъ ссылаемыхъ въ восточную Сибирь с.-дем-товъ. Въ 1899 г. произошелъ, кромѣ того, рядъ другихъ уличныхъ манифестацій: въ Витебскѣ и Невелѣ (витебской губ.) при отправкѣ новобранцевъ были антимилитаристическія манифестаціи; демонстраціи устраивались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при похоронахъ вліятельныхъ рабочихъ; наконецъ, въ Витебскѣ въ ноябрѣ 1899 года толпой рабочихъ былъ разрушенъ домъ, въ которомъ обиталъ сыщикъ; этотъ сыщикъ донесъ на одного рабочаго, который, будучи арестованъ, былъ затѣмъ найденъ въ участкѣ мертвымъ. Дѣятельность „Бунда“ въ средѣ еврейскихъ рабочихъ, стачечной борьбой которыхъ онъ энергично руководилъ, доставила ему громадное вліяніе на рабочія массы, и уже въ 1900 г. въ своемъ докладѣ на Парижскомъ конгрессѣ „Бундъ“ насчитывалъ 3.000 рабочихъ, организованныхъ имъ политически въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ западнаго края [1]).

Въ внутренней Россіи дѣятельность с.-д-товъ, какъ указывалось выше, лишь въ 1894—95 гг. выходить изъ тѣсной кружковой пропаганды. Въ 1894 и 1895 гг. въ Одессѣ дѣлались с.-д-тами попытки менѣе замкнутой пропаганды въ артеляхъ строительныхъ рабочихъ и въ трактирахъ, служащихъ мѣстомъ собранія ихъ. Въ 1895 г. въ Одессѣ с.-д. издавали время отъ времени рукописный журналъ, обсуждавшій злободневные политическіе вопросы и распространявшійся за предѣлы организованныхъ въ кружки рабочихъ-соціалистовъ. Въ 1895 же году въ Петербургѣ и Москвѣ стали появляться прокламаціи, посвященныя вопросамъ экономической борьбы; въ Москвѣ дѣлались лѣтомъ попытки собирать многочисленныя собранія рабочихъ. Съ осени 1895 года прокламаціи въ обоихъ центрахъ стали выпускаться съ большой регулярностью, и вліяніе с.-д. начало распространятся непосредственно на широкія массы. Въ 1896 г. впервые въ Петербургѣ „Союзъ борьбы“ обратился къ рабочимъ съ воззваніемъ по поводу 1-го мая. Рядомъ съ воззваніями, посвященными вопросамъ экономической борьбы, появляются такія, которыя освѣщаютъ роль правительства въ этой борьбѣ и пропагандируютъ идеи политической свободы. Съ 1897 г. постоянный выпускъ прокламацій начинается въ Екатеринославѣ и Кіевѣ, въ слѣдующемъ году—въ Ростовѣ-на-Дону, Харьковѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Саратовѣ, въ 1899 году—въ Одессѣ, Николаевѣ. Въ разныхъ мѣстахъ появляются нелегальныя рабочія газеты.

Открытыя проявленія политическаго недовольства со стороны массъ

---

[1]) Докладъ на Парижскомъ конгрессѣ. 1900.

не имѣли мѣста до конца 1898 г. Въ стачечныхъ движеніяхъ, въ томъ числѣ и въ петербургскихъ стачкахъ 1896—97 гг. рабочія массы держались по отношенію къ политическому режиму чрезвычайно лойально. Онѣ относились къ политическимъ рѣчамъ агитаторовъ и прокламаціямъ безъ вражды, но сами политическихъ требованій не выставляли. Во время студенческихъ волненій по поводу смерти М. Вѣтровой въ Петропавловской крѣпости (1 марта 1897 г.) была сдѣлана попытка группой с.-р. въ Кіевѣ привлечь рабочихъ къ участію въ демонстраціи, но мѣстная с.-д. группа обратилась съ „письмомъ къ рабочимъ“, въ которомъ предлагала имъ воздержаться отъ такого выступленія, несоотвѣтствующаго слабости ихъ организованныхъ силъ: группа указывала, что начатое при условіи такой слабости движеніе можетъ, на почвѣ безсознательности и темноты массъ, выродиться въ анти-еврейскій погромъ.

Въ день 1-го мая 1898 года въ Петербургѣ уже наблюдалось значительное волненіе въ рабочихъ массахъ. На Сѣверной мануфактурѣ Гука рабочіе требовали прекращенія работъ, и для ткацкаго отдѣленія это требованіе было удовлетворено [1]). Часть рабочихъ бросила также работу на Ижорскомъ адмиралтейскомъ заводѣ въ Колпинѣ; они пытались остановить работы на всемъ заводѣ. Это, повидимому, былъ первый случай майской забастовки въ собственной Россіи. Волновались также рабочіе Александровскаго чугуннаго завода и петербургскаго порта, но до забастовки дѣло не дошло.

Въ декабрѣ того же года, во время извѣстной забастовки на фабрикахъ Максвеля и Паля, въ Петербургѣ стачечники-ткачи, въ числѣ другихъ требованій, предъявили властямъ требованіе о свободѣ собраній и стачекъ.

Вспыхнувшіе въ февралѣ 1899 г. студенческіе безпорядки, принявшіе небывало крупные размѣры и вызвавшіе большое оживленіе въ обществѣ, отразились и на настроеніи рабочихъ, среди которыхъ мѣстами проявлялось стремленіе демонстрировать открыто сочувствіе студентамъ. Въ Харьковѣ и Казани имъ удалось это сдѣлать въ небольшихъ манифестаціяхъ.

1 мая 1899 г. отказались отъ работы рабочіе нѣкоторыхъ цеховъ Екатеринославскаго брянскаго завода. Въ этотъ же день бросили работу въ Либавѣ грузовщики въ порту, рабочіе спичечной фабрики, а затѣмъ и большая часть крупныхъ заводовъ и фабрикъ. Эта забастовка затѣмъ превратилась въ всеобщую стачку съ непосредственными экономическими требованіями.

Такимъ образомъ, проявленія прямого политическаго возмущенія со стороны рабочихъ оставались въ теченіе даннаго періода единичными фактами, и, хотя число ихъ, подъ вліяніемъ правительственныхъ репрессій, росло изъ года въ годъ, все же, въ общемъ и цѣломъ, рабочій классъ въ непосредственной своей борьбѣ не выходилъ за предѣлы требованій экономическихъ.

[1]) Приложеніе къ книгѣ петербуржца: „Очеркъ петерб. рабоч. движенія 90-хъ гг.“, 1902.

Даже въ Польшѣ условія промышленнаго подъема налагали на движеніе массъ такой отпечатокъ, хотя здѣсь, во всякомъ случаѣ, какъ и въ Литвѣ, эти массы не относились индиферентно къ политической агитаціи соціалистовъ. Въ Россіи въ интенсивную экономическую борьбу рабочія массы втягивались, обладая извѣстнымъ довѣріемъ къ правительству и слабымъ интересомъ къ вопросамъ политики. Достигаемые, благодаря экономическому подъему, непосредственные успѣхи парализовали впечатлѣніе, оказываемое полилитической репрессіей и защитой интересовъ капиталистовъ. Недовольство нарастало, но оно не являлось ни достаточно глубокимъ, ни тѣмъ болѣе достаточно сознательнымъ, чтобы въ условіяхъ общаго спокойствія въ странѣ вылиться въ широкое политическое движеніе.

Русскіе с.-д. считались съ этимъ фактомъ и не пытались увлечь рабочія массы на путь открытаго политическаго движенія, на который за ними послѣдовали бы лишь нѣкоторыя, слабыя, численно, группы. Болѣе того: они — особенно съ 1897 года—стали склоняться къ недооцѣнкѣ существовавшаго уже въ массахъ политическаго недовольства и чрезмѣрно преувеличивать политическую косность этихъ массъ. Сложилось представленіе о томъ, что на сравнительно-долгій періодъ рабочее движеніе и не можетъ выйти за предѣлы чисто - профессіональнаго движенія. Въ значительной степени здѣсь сказывалось увлеченіе первыми непосредственными успѣхами экономической борьбы: среди нѣкоторыхъ круговъ с.-д. господствовала даже увѣренность въ томъ, что рабочій классъ фактомъ своего непрекращающагося экономическаго движенія добьется отъ правительства узаконенія права стачекъ и коалиціи, какъ онъ добился уже закона о нормировкѣ рабочаго времени.

Вопреки „Манифесту“ 1898 г., въ рядахъ с.-д., такимъ образомъ, задачи политической борьбы рѣшительно оттѣснялись на задній планъ для ближайшаго будущаго, и лишь прекращеніе эпохи промышленнаго подъема и политическое оживленіе въ не-пролетарскихъ классахъ создали условія для борьбы съ этимъ „экономизмомъ“.

5.

Экономическій кризисъ послѣднихъ лѣтъ XIX столѣтія и переломъ въ рабочемъ движеніи.

Промышленный подъемъ 90-хъ гг. долженъ былъ завершиться кризисомъ. Осенью 1899 г. этотъ промышленный кризисъ, предвѣстникомъ котораго былъ въ предыдущіе годы кризисъ биржевой, началъ ощущаться во всѣхъ концахъ Россіи.

Съ осени 1899 года цѣны на желѣзо начинаютъ падать. Въ Лодзи многія фабрики закрываются. Еврейское благотворительное общество зарегистровало 2.000 семейныхъ рабочихъ, оставшихся безъ заработка. На улицахъ подбираютъ истощенныхъ отъ голода рабочихъ (до 5

случаевъ въ день). Въ Бѣлостокѣ прекращаетъ работу большинство фабрикъ. Въ иваново-вознесенскомъ районѣ съ осени наблюдается застой въ торговлѣ. Съ 1 окт. 1899 г. фабрики сокращаютъ штаты рабочихъ и уменьшаютъ расцѣнки. На фабрикѣ Иван.-Вознесенской мануфактуры останавливаютъ почти половину ватерныхъ машинъ. Плата ткачамъ понижается съ 11 до 9 и 6 руб. въ мѣсяцъ. Въ январѣ 1900 г. вновь распускается часть рабочихъ. Съ осени же 1899 г. сокращеніе штатовъ на механич. заводахъ г. Нижняго-Новгорода, на пароходныхъ верфяхъ тамъ же, въ Сормовѣ. Въ Петербургѣ сбавляютъ расцѣнки на Путиловскомъ и Обуховскомъ заводахъ, на фабрикѣ Торнтона.

Въ донецкомъ районѣ съ сентября 1899 г. по мартъ 1900 г. прекращаютъ платежи 18 бельгійскихъ предпріятій. Въ началѣ 1900 г. прекращаются работы на маріупольскихъ заводахъ; безработные въ этомъ городѣ насчитываются тысячами.

Въ Баку уже въ ноябрѣ 1899 г. множество безработныхъ среди слесарей и токарей. Рядъ фирмъ банкротится. Въ кіевскомъ районѣ прекращаютъ платежи нѣсколько крупныхъ заводовъ. Въ Тулѣ съ весны 1900 г. пріостанавливается или сокращается производство на фабрикахъ и заводахъ.

За 1900 г. въ ткацкомъ производствѣ Бѣлостока заработная плата сократилась почти на половину; въ то же время рабочій день увеличился до 14—15 часовъ. Въ Иваново-Вознесенскѣ осенью 1900 г. расцѣнки вновь сокращены на 20% и одновременно вводится усиленная система штрафовъ.

Съ началомъ 1901 года разражается нефтяной кризисъ въ Баку, и мѣстный губернаторъ телеграфируетъ астраханскому о пріостановкѣ движенія безработныхъ, направляющихся на промыслы. Въ теченіе 1901 года число занятыхъ на нефтяныхъ промыслахъ рабочихъ упало съ 33 тыс. до $27^1/_2$, а заработки мастеровыхъ въ Баку сократились на 20—25%. Безработица одновремевно свирѣпствуетъ въ Петербургѣ, Кинешмѣ, Костромѣ, Москвѣ, Лодзи, Харьковѣ, Екатеринославѣ, въ каменноугольномъ производствѣ Донецкаго бассейна, въ портовыхъ городахъ Чернаго моря. Въ Тулѣ въ теченіе первой четверти 1901 г. на оружейномъ заводѣ уволено свыше 600 рабочихъ, а рабочій день удлиненъ. Въ Харьковѣ Бельгійскій заводъ сократилъ число рабочихъ съ 700 до 150. Въ Москвѣ на механич. заводахъ расцѣнки сильно падаютъ: такъ, на заводѣ Бромлей литейщики за 2 недѣли вырабатываютъ всего 7—8 руб. Съ осени 1901 г. на заводахъ Риги сильно сокращено число рабочихъ, и они заняты всего по 8 ч. въ сутки. На московскихъ ткацкихъ фабрикахъ сбавляютъ расцѣнки, то же въ Кинешмѣ, въ жел. дор. мастерскихъ Саратова (50%), въ Твери и Ярославлѣ. Въ Польшѣ къ концу 1901 г. на многихъ фабрикахъ работаютъ всего 3—4 дня въ недѣлю. Въ Батумѣ за 1900—1901 гг. поденная плата на заводахъ упала съ 2—3 руб. до 60 коп.

Въ началѣ 1902 г. о пониженіи расцѣнокъ сообщаютъ изъ Брянска,

Борисоглѣбска, Твери, Вышняго-Волочка. Въ Варшавѣ громадное количество безработныхъ. Въ Вильнѣ—строительный кризисъ, однихъ столяровъ безъ работы 100 человѣкъ; рабочіе голодаютъ. Въ Батумѣ въ февралѣ изъ 900 рабочихъ завода Ротшильда, за сокращеніемъ спроса на керосинъ, увольняютъ 389 чел. Въ Москвѣ Прохоровская мануфактура сокращаетъ число рабочихъ на 900 человѣкъ, Реутовская—на 1.200, многія мелкія фабрики послѣ Пасхи вовсе не возобновляютъ работъ. Въ цементномъ производствѣ московской губерніи разражается кризисъ, многіе заводы закрываются, Подольскій заводъ разсчиталъ 2.000 рабочихъ. На механическихъ заводахъ Москвы сокращеніе работъ повсемѣстно. На Путиловскомъ заводѣ въ Петербургѣ, рядомъ съ пониженіемъ расцѣнокъ, идутъ ежемѣсячно расчеты по 150 чел. Къ концу года число рабочихъ на заводѣ, равнявшееся въ 1898 г. 12 тысячамъ, упало до 8.000. Въ Златоустовскомъ заводѣ уволено 500 рабочихъ. На шахтахъ Донецкаго бассейна сокращаются работы, увеличивается интенсивность труда; плата на Чулковск. заводѣ упала на 20—30%; для глейщиковъ за время кризиса она уменьшилась съ 30—40 коп. до 17—20 к. Лѣтомъ 1902 г. кризисъ чувствуется въ лѣсопильной промышленности Вильны (изъ 400 занятыхъ выгрузкой бревенъ 60 чел. безъ работы), въ Ковнѣ, среди ремесленниковъ въ Кіевѣ, на заводахъ и фабрикахъ рязанской губ. (на игольной фабрикѣ въ Колѣнцахъ число рабочихъ сократилось съ 500 чел. до 200; Истьинскій заводъ пронскаго уѣзда совсѣмъ закрылся), на механическихъ заводахъ Саратова, среди столяровъ и другихъ ремесленниковъ Екатеринослава; въ Керчи закрылся механическій заводъ. Съ мая сокращаютъ расцѣнки въ жел. дор. мастерскихъ Ростова-на-Дону.

Осенью прекращаютъ производство Шиповскіе заводы въ нижегородской губерніи, два завода съ 800 рабочими въ Двинскѣ. Безработица приняла массовой характеръ въ Ригѣ, Ковнѣ, Минскѣ, Астрахани, на заводахъ Урала и Южной Россіи. На Голубовскихъ рудникахъ (екатериносл. губ.) въ литейномъ цехѣ къ концу года расчитано 1.000 рабочихъ. Въ Маріуполѣ два крупныхъ завода расчитали нѣсколько тысячъ человѣкъ. Въ Екатеринославѣ на заводѣ Гандтке сокращено производство (работаютъ вмѣсто 12 час. 9), понижены расцѣнки и увеличена интенсивность труда. Работы сокращены къ концу года на машиностроительномъ заводѣ Струве въ Коломнѣ, на Обуховскомъ заводѣ въ Петербургѣ; также и на ниточной фабр. Штиглица сильно сокращены расцѣнки.

Съ началомъ 1903 г. понижаются расцѣнки на заводахъ Екатеринослава; въ бессемеровскомъ цехѣ Брянскаго завода число рабочихъ сокращаютъ съ 600 до 300; въ рельсопрокатномъ рабочіе работаютъ лишь половину времени. Въ Харьковѣ паровозостроительный заводъ въ мартѣ расчитываетъ 400 человѣкъ. Въ Луганскѣ понижаютъ расцѣнки (за два года плата слесарей упала съ 80—90 р. до 35—40 руб. въ мѣсяцъ). Въ Саратовѣ число

безработныхъ растетъ. Въ Сормовѣ рабочіе работаютъ черезъ мѣсяцъ. Въ Петербургѣ весной понижены расцѣнки на Обухов. заводѣ, въ варшавскихъ жел. дор. мастерскихъ, на фабрикѣ механич. производства обуви; на Уралѣ—въ Мотовилихинскомъ заводѣ въ г. Перми. На Бѣлорѣцкомъ заводѣ, оренбург. губерніи, закрывается рядъ цеховъ. Вильскій листопрокатный заводъ нижегород. губ. закрылся вовсе; на сосѣднемъ Выксунскомъ заводѣ сокращеніе работъ.

Одновременно сильно понижались расцѣнки въ районѣ хлопчатобум. производства: въ Костромѣ, Александровѣ, Озерахъ, Твери. Лѣтомъ въ Шуѣ громадное количество безработныхъ; села рязанской губ., изъ которой происходитъ отходъ на фабрики владимірскаго района, переполнены безработными.

Однако, въ 1903 году уже замѣтны признаки прекращенія застоя. Въ бакинскомъ районѣ уже съ начала года замѣтно оживленіе нефтяной промышленности. Въ екатеринославскомъ районѣ къ лѣту заводы начинаютъ получать заказы.

Затяжной кризисъ 1899—1903 гг., съ одной стороны, прерывался полосами оживленія въ отдѣльныхъ производствахъ и районахъ (напр., въ Бѣлостокѣ весной 1901 г.), съ другой стороны, осложнялся дѣйствіемъ аграрнаго кризиса, поскольку голодовки въ деревнѣ, выбрасывая массы безработныхъ на городской рабочій рынокъ, угнетающе давили на послѣдній.

Явившійся частью мірового промышленнаго кризиса, наступившаго вслѣдъ за оживленіемъ средины 90-хъ годовъ, русскій кризисъ внесъ, благодаря специфическимъ соціальнымъ условіямъ Россіи, въ ея экономическую жизнь величайшее разстройство, вскрывъ и доведя до крайней остроты то противорѣчіе между соціально-политическими отношеніями и развивающимися производительными силами, которое назрѣвало въ теченіе всей пореформенной эпохи. Показавъ наглядно, что русская экономическая жизнь уже всецѣло подчиняется законамъ капиталистическаго производства съ его неизбѣжными колебаніями, промышленный кризисъ въ то же время обнаружилъ слабость и узость того экономическаго основанія, на которомъ въ теченіе 90-хъ гг. развивалась крупная индустрія. „У насъ,— говорится въ отчетѣ государственнаго контроля за 1902 годъ,—обширную обрабатывающую промышленность можно создать лишь, подготовивъ внутренній рынокъ, который можетъ быть основанъ только на цвѣтущемъ земледѣліи“. Въ самомъ дѣлѣ, вскрывшійся, вмѣстѣ съ промышленнымъ кризисомъ, кризисъ аграрный, обостряя бѣдствія перваго, затруднялъ процессъ исцѣленія экономической жизни отъ его послѣдствій.

Разстройство хозяйственной жизни, наступившее послѣ ряда лѣтъ, въ теченіе которыхъ бурно и быстро развивалось рабочее движеніе, должно было оказать сильное вліяніе на настроеніе всѣхъ классовъ населенія, затронутыхъ кризисомъ. И, дѣйствительно, первые годы XX вѣка видятъ политическое пробужденіе одного слоя населенія за другимъ. Въ теченіе всего 1900 года идетъ

глухое броженіе въ студенчествѣ. Въ концѣ 1900 г., благодаря отдачѣ 183 студентовъ въ солдаты, это броженіе разражается всеобщими безпорядками въ учебныхъ заведеніяхъ, переходитъ въ уличныя демонстраціи и вызываетъ, съ одной стороны, террористическіе акты (Карповичъ, Лаговскій), съ другой — открытые протесты интеллигенціи и либеральной части имущихъ слоевъ города. Зимой 1901—1902 гг. поднимаетъ голову земское оппозиціонное движеніе (сельско-хозяйственнные комитеты), усиливается броженіе въ средѣ „третьяго элемента", закладываются основы нелегальной либеральной партіи („Освобожденіе") и начинаетъ возрождаться революціонное народничество. Въ то же время волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не прекращаются и переходятъ уже въ среднюю школу. Весной 1902 г. бурно вспыхиваютъ крестьянскіе безпорядки на югѣ и востокѣ Россіи и съ тѣхъ поръ крестьянское движеніе уже не сходитъ съ поверхности.

Въ то же время начинается первая энергичная мобилизація контръ-революціонныхъ силъ. Весной 1903 г. происходитъ анти-еврейскій погромъ въ Кишиневѣ, за которымъ слѣдуетъ погромъ въ Гомелѣ.

Наконецъ, въ теченіе всего разсматриваемаго періода совершается могучее общественное движеніе въ Финляндіи, борющейся за свою конституцію, а въ срединѣ 1903 года вспыхиваетъ армянское національное движеніе на Кавказѣ, какъ отвѣтъ на политику угнетенія В. К. Плеве.

Въ атмосферѣ этого оппозиціоннаго и революціоннаго броженія, охватывавшаго всѣ слои населенія, рабочій классъ, угнетаемый бѣдствіями кризиса, отнимавшаго у него всѣ завоеванія предыдущаго періода, быстро переживаетъ рѣзкій переломъ въ своемъ настроеніи. Лойальныя чувства по отношенію къ государственной власти и надежды на экономическую борьбу начинаютъ исчезать, а вмѣсто исключительнаго вниманія къ противостоящимъ ему въ экономической сферѣ капиталистамъ въ немъ замѣчается все болѣе сильный интересъ къ общеполитическимъ вопросамъ, вокругъ которыхъ ведется борьба другихъ классовъ. Продолжающаяся стачечно-экономическая борьба все тѣснѣе сплетается съ борьбой политической и все болѣе растутъ симпатіи рабочихъ массъ къ нелегальнымъ партіямъ, ведущимъ энергичную атаку противъ всего существующаго строя.

Офиціальныя данныя указываютъ для разсматриваемаго періода слѣдующія цифры стачечниковъ:

1900 г.	29.389	(125 предпріятій).
1901 „	32.218	(164 предпріятія).
1902 „	36.871	(123 предпріятія).
1903 „	86.832	(550 предпріятій).

Какъ и относительно предыдущихъ годовъ, эти данныя далеки отъ точности; но они могутъ служить показателемъ роста и ослабленія стачечнаго движенія. Напомнимъ, что въ 1899 г., по этимъ же даннымъ, бастовало 97.948. 1900 годъ показываетъ уменьшеніе числа стачечниковъ болѣе, чѣмъ втрое,—до нормы, достигнутой уже въ 1896 г. И, дѣйствительно, въ теченіе всего 1900 года въ цѣломъ рядѣ районовъ: петербургскій, прибалтійскій, варшавскій, петроковскій, ива-

ново-вознесенскій, вовсе или почти вовсе не слышно о стачкахъ, по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ предпріятіяхъ.

Въ началѣ года изъ болѣе значительныхъ стачекъ можно отмѣтить происшедшую въ г. Трубчевскѣ (орловской губ.) на пенько-трепальныхъ фабрикахъ (1.000 чел.), гдѣ рабочіе успѣшно боролись противъ пониженія расцѣнокъ; на Вознесенской фабрикѣ подъ Москвой, гдѣ стачка, вызванная той же причиной, была подавлена примѣненіемъ казацкихъ нагаекъ, и на Витимскихъ золотыхъ пріискахъ якутской области, гдѣ впервые пріисковые сибирскіе рабочіе мирной стачкой завоевали себѣ нѣкоторое улучшеніе условій труда. Передъ 1 мая 1900 г. вспыхнула забастовка на ткацкой фабрикѣ Паля въ Петербургѣ, вызванная борьбой противъ пониженія расцѣнокъ. Стачка длилась 2 недѣли и была побѣждена усиліями полиціи.

Предмайская агитація уже къ этомъ году нашла гораздо болѣе широкій откликъ въ массахъ, чѣмъ въ предшествовавшіе годы; агитація разъяснила значеніе промышленнаго кризиса, какъ явленія, вытекающаго изъ противорѣчій капиталистическаго строя.

Въ день 1-го мая нов. ст. (19-го апрѣля) произошли уличныя демонстраціи въ Варшавѣ, Домбровѣ, Вильнѣ, Минскѣ и Креславкѣ, витебской губ.; въ гор. Витебскѣ нигдѣ не работали. Въ Варшавѣ громадная толпа выдержала уличную схватку съ казаками, въ которой многіе были ранены. До 2.000 чел. было арестовано.

Въ день 1-го мая по русскому стилю въ Харьковѣ забастовали всѣ крупные и мелкіе механическіе заводы, канатная фабрика, желѣзнодорожныя мастерскія, типографскіе рабочіе и многія ремесленныя мастерскія (заготовщики, булочники, портные, столяры и т. д.). Произошла уличная демонстрація. Рабочіе всюду предъявляли требованія 8-ми часового рабочаго дня, свободы собраній, союзовъ, стачекъ и печати. Такъ какъ въ этотъ день свыше 50 человѣкъ было арестовано, то на слѣдующій день на многихъ заводахъ рабочіе отказывались приступать къ работамъ до ихъ освобожденія. Въ то же время по отдѣльнымъ заводамъ рабочіе предъявили мѣстныя требованія и, не получая удовлетворенія, вновь забастовывали. Требовали повышенія расцѣнокъ, сокращенія рабочаго дня и участія представителей отъ рабочихъ при пріемкѣ работы. Въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ эта стачка длилась 2 недѣли, на отдѣльныхъ заводахъ— по нѣсколько дней; часть требованій рабочихъ была удовлетворена.

Являясь по своему типу сходной съ лодзинскимъ движеніемъ 1892 г. и либавскимъ 1899 г. (смѣшеніе элементовъ майской демонстраціи и профессіональной борьбы), харьковская стачка, подобно имъ, характеризовалась сравнительно рѣзко выраженнымъ политическимъ направленіемъ; а, такъ какъ это было первое крупное проявленіе политическаго протеста рабочихъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ въ коренной Россіи, то она оказала сильное впечатлѣніе на мѣстное общество и интеллигенцію всей Россіи. Очень

сильно было также ея вліяніе на рабочія массы Юга, особенно благодаря высылкѣ въ разныя мѣста арестованныхъ участниковъ движенія.

День 1-го мая (по стар. ст.) праздновали также забастовкой нѣкоторые цехи механическихъ заводовъ въ г. Николаевѣ.

Вслѣдъ затѣмъ начался рядъ стачечныхъ движеній въ разныхъ городахъ, толчокъ къ которымъ, несомнѣнно, подала майская агитація. Въ Вильнѣ и Ковнѣ были стачки всѣхъ сапожниковъ (въ Вильнѣ—1.200 чел.), въ Двинскѣ—каменщиковъ, столяровъ и маляровъ (до 1.000 челов.), которые добились 10 час. дня, въ Тифлисѣ—на табачной фабрикѣ, на механическихъ заводахъ и нѣкоторыхъ мелкихъ фабрикахъ (на заводахъ добились 10 час., на фабрикахъ—11 час. рабоч. дня) и въ отдѣльныхъ цехахъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ (изъ-за сверхурочныхъ работъ). Въ Красноярскѣ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ была успѣшная забастовка противъ увеличенія работы въ предпраздничные дни; въ Тулѣ рабочимъ патроннаго завода удалось устранить нѣкоторыя злоупотребленія.

Въ Кіевѣ выдѣлилась своей организованностью и выдержанностью общая забастовка булочниковъ, длившаяся 3 недѣли и захватившая 1.000 человѣкъ. Рабочіе требовали и, въ большинствѣ случаевъ, добились 10 час. рабочаго дня, повышенія заработной платы, установленія воскреснаго отдыха и оздоровленія помѣщеній.

Въ теченіе лѣта стачка булочниковъ вновь повторилась и въ Кіевѣ, а также въ Одессѣ, Лодзи и Варшавѣ. Лѣтомъ же и осенью были забастовки различныхъ ремесленниковъ въ Витебскѣ и Шавляхъ, кожевниковъ въ Сморгони и Крынкахъ, лѣсопильщиковъ въ Двинскѣ, переплетчиковъ въ Могилевѣ, портныхъ въ Борисовѣ, приказчиковъ, шапочниковъ и красильщиковъ въ Вильнѣ, портныхъ и ткачей на мелкихъ фабрикахъ въ Лодзи и щетинщиковъ въ Вержболовѣ, Креславкѣ и другихъ пунктахъ этого производства. Стачки эти велись на почвѣ борьбы какъ за рабочій день, такъ и за заработную плату. Кромѣ того, происходили мелкія забастовки въ Екатеринбургѣ (типографщики, ткачи), московской губ., Одессѣ (механич. заводы).

Крупные размѣры имѣла стачка въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ Тифлисѣ, начавшаяся 1-го августа и поддержанная частными механическими заводами. Рабочіе требовали установленія 8-мичасового рабочаго дня, увеличенія платы и отмѣны сверхурочной работы. Стачка длилась 2 недѣли и закончилась назначеніемъ правительственной комиссіи для пересмотра условій труда въ мастерскихъ.

Конецъ года ознаменовался лишь рядомъ стачекъ ремесленныхъ рабочихъ въ Гроднѣ и Бѣлостокѣ и въ щетинномъ районѣ сувалкск. губерніи. Въ Трубчевскѣ начались вновь стачки изъ-за новыхъ попытокъ понизить расцѣнки на пенькотрепальныхъ (дѣвушки стали вырабатывать по 10 коп. въ день): стачки потерпѣли неудачу. Столь же неудачно прошла сопровождавшаяся бурными безпорядками стачка шахтеровъ на Прохоровскихъ рудни-

кахъ (Донецк. бассейна) въ октябрѣ 1900 г., требовавшихъ повышенія платы. Стачка была усмирена военной силой, послѣ чего полиція подвергла стачечниковъ тѣлесному наказанію.

За исключеніемъ литовско-бѣлорусскаго района, гдѣ стачки, частью, происходили во имя возвращенія тѣхъ уступокъ, которыя разъ были даны, но послѣ вновь отобраны хозяевами, частью же, знаменовали собой распространеніе движенія на новые, болѣе глухіе, пункты, мы въ теченіе 1900 года видимъ стачечное движеніе, главнымъ образомъ, въ районахъ и городахъ, свободныхъ отъ него въ предыдущій періодъ (Тифлисъ, Харьковъ, Кіевъ, Одесса, Екатеринбургъ, Тула, Красноярскъ). Этимъ объясняется и значительная успѣшность стачекъ въ этихъ мѣстахъ, гдѣ, какъ это было и въ началѣ десятилѣтія въ крупныхъ центрахъ, побѣды рабочихъ часто достигались легко, благодаря неожиданности стачекъ и неподготовленности предпринимателей къ борьбѣ.

Въ главныхъ же центрахъ рабочаго движенія въ теченіе всего года господствуетъ затишье, и въ этомъ сказывается громадный прогрессъ сознательности рабочихъ. Они воздерживаются отъ борьбы, сознавая невыгодность экономической коньюнктуры.

Среди менѣе сознательныхъ массъ сдерживаемое недовольство прорвалось въ Одессѣ въ безпорядкахъ, устроенныхъ въ іюнѣ рабочими порта. Поводомъ къ нимъ послужило зафрахтованіе казной всѣхъ пароходовъ Добровольнаго флота для нуждъ начавшейся Китайской экспедиціи. Такъ какъ всѣ работы по нагрузкѣ исполнялись солдатами, то тысячи грузчиковъ остались безъ хлѣба. Послѣ тщетныхъ просьбъ они произвели разгромъ магазиновъ. Безпорядки носили отчасти антисемитскій характеръ и были настолько серьезны, что для ихъ прекращенія властямъ пришлось арестовать 1.041 человѣка.

Въ то время, какъ массы, въ общемъ, сохраняли напряженное спокойствіе, экономическій кризисъ, война на Дальнемъ Востокѣ, глухая борьба въ студенчествѣ сильно волновали интеллигенцію. Прежняя тактика преимущественно экономической борьбы съ осторожными и умѣренными лозунгами переставала удовлетворять какъ ее, такъ и соц. круги пролетаріата. Направленіе „Рабочей Мысли" и „Рабочаго Дѣла" стали вызывать недовольство. Борьба, которую въ эмиграціи вела Группа освобожденія труда противъ „Рабочаго Дѣла",—между прочимъ, во имя болѣе рѣшительной постановки политическихъ задачъ,—начала вызывать къ себѣ симпатіи въ Россіи. Образовалась группа, поставившая себѣ цѣлью изданіемъ новаго органа поднять партію надъ тѣмъ уровнемъ мелкой будничной почти профессіональной агитаціи, которой она держалась въ предыдущіе годы. Къ концу года это изданіе осуществилось подъ именемъ „Искры", которая оказала сильное вліяніе на все дальнѣйшее направленіе дѣятельности с.-д.

Но еще прежде, чѣмъ это изданіе осуществилось, возникалъ въ теченіе 1900 года рядъ группъ, въ иной формѣ, чѣмъ „Искра", отразившихъ

наราставшую потрѣбность въ иной постановкѣ политическихъ задачъ. Ближе другихъ къ „Искрѣ“ стояла группа „Южнаго Рабочаго“, выпустившая подъ этимъ названіемъ 1-ый № газеты еще въ 1899 году. Въ ея литературной дѣятельности отразилось возбужденное состояніе рабочихъ, пострадавшихъ отъ кризиса, юга Россіи. Въ Петербургѣ недовольные „Рабочей Мыслью“ и, частью, вообще, неудовлетворявшіеся марксистской с.-д-тіей, элементы образовали группы „Соціалистъ“, „Рабочая библіотека“ и „Рабочее знамя“; послѣдняя имѣла отдѣлы и въ Литвѣ. Тамъ же образовалась „Рабочая партія политическаго освобожденія Россіи“ — группа, въ которую вошли еврейскіе рабочіе, недовольные экономическимъ характеромъ рабочаго движенія, рядомъ съ нѣкоторыми представителями народнической интеллигенціи; въ ея тактическую программу входилъ и политич. терроръ. Съ подобными же тактическими тенденціями выступилъ и „Союзъ с.-р.“, объединившій кружки рев. народниковъ на Волгѣ и въ Петербургѣ; напротивъ, южная группа с.-р., выступившая, какъ „Партія с.-р.“, держалась и въ постановкѣ тактическихъ задачъ, и въ программѣ ближе къ с.-д.. выдвигая на первый планъ политическую агитацію среди рабочихъ. Наконецъ, и въ Польшѣ изъ рядовъ Польск. соц. партіи выдѣлилась группа, усвоившая себѣ имя стараго „Пролетаріата“ и призывавшая къ террор. борьбѣ.

Это идейное броженіе оказало уже замѣтное вліяніе на умонастроеніе затронутаго предыдущей борьбой слоя рабочихъ, когда въ началѣ 1901 года разразились студенческіе безпорядки.

Убійство министра Н. П. Боголѣпова, совершонное 14 февр. 1901 г. бывшимъ студентомъ Карповичемъ, дало толчокъ къ выходу студенческаго движенія на улицу. 19-го февраля въ Петербургѣ и Харьковѣ студенты пытались организовать демонстраціи, пріуроченныя къ годовщинѣ освобожденія крестьянъ. Въ Харьковѣ рабочіе, узнавъ объ арестѣ 60 студентовъ-демонстрантовъ, вышли по окончаніи работъ на улицы и демонстрировали до ночи, нѣсколько разъ избиваемые и разгоняемые казаками.

24-го февраля московскіе студенты устраивали процессіи по городу; въ нихъ приняли участіе рабочіе ремесленныхъ мастерскихъ и городскихъ заводовъ. Когда среди рабочихъ разнеслась вѣсть о бывшихъ въ этотъ день случаяхъ избіенія демонстрантовъ, они 25-го февраля возобновили демонстраціи, при чемъ число участниковъ уже достигало десятковъ тысячъ, и полиція не успѣвала ихъ разсѣивать. Демонстранты устраивали изъ скамеекъ баррикады, затруднявшія движеніе казаковъ. На слѣдующій день демонстраціи также повторились.

Извѣстное избіеніе студентовъ-демонстрантовъ 4-го марта на Казанской площади въ Петербургѣ дало поводъ къ новымъ демонстраціямъ, на этотъ разъ организованнымъ с.-д. 11 марта эти демонстраціи произошли въ Кіевѣ и Казани.

Вылившееся въ демонстраціяхъ возбужденіе дало толчокъ и стачечной борьбѣ. Въ Москвѣ, непосред-

ственно подъ вліяніемъ уличныхъ демонстрацій, произошли волненія на мануфактурахъ Цинделя, Прохоровской и Даниловской. Въ Ярославлѣ рабочіе Норской мануфактуры пытались бороться противъ пониженія расцѣнокъ, но потерпѣли пораженіе. То же было на Добрянскомъ заводѣ пермской губерніи. Въ Казани булочники, участвовавшіе въ демонстраціи 11 марта, забастовали и добились введенія 10-час. раб. дня. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ юго-восточныхъ дорогъ (Воронежъ, Лугансвъ, Орелъ, Козловъ и Борисоглѣбскъ) стачками добились полученія отмѣненныхъ праздничныхъ наградъ. Въ Кіевѣ, подъ вліяніемъ демонстраціи, власти обратили вниманіе на броженіе среди служащихъ городского трамвая и удовлетворили часть ихъ требованій. Въ Николаевѣ грузчикамъ въ порту удалось добиться стачкой значительнаго повышенія заработной платы.

На почвѣ кризиса и безработицы волненіе, вызванное демонстраціями, передаваясь темнымъ слоямъ городского пролетаріата, вылилось около Пасхи безпорядочнымъ движеніемъ въ рядѣ городовъ. Въ Кишиневѣ и Екатеринославлѣ толпы народа, послѣ столкновеній съ полиціей, разгромили еврейскія лавки. Въ Кіевѣ произошло нападеніе толпы на полицію, вызванное грубыми дѣйствіями военной охраны. Такое же нападеніе на полицію имѣло мѣсто въ Таганрогѣ. Въ Сочи безработные русскіе произвели разгромъ жилищъ турецкихъ и имеретинскихъ рабочихъ. Въ Горловкѣ шахтеры, не получая безплатныхъ билетовъ для проѣзда на родину, громили магазины. Въ Одессѣ подобные же безпорядки были предотвращены тѣмъ, что полиція на все время Пасхи оцѣпила ночлежные дома, арестовавъ ихъ обитателей.

Политическія демонстраціи въ февралѣ и мартѣ, вызванныя непосредственно симпатіей къ студентамъ, не носили опредѣленнаго классоваго характера, и участіе, которое имущіе классы приняли въ студентахъ, тѣмъ болѣе закрѣпляло за этимъ движеніемъ характеръ обще-демократическій. Самые лозунги рабочихъ-демонстрантовъ не шли дальше протеста противъ опредѣленныхъ дѣйствій даннаго правительства.

Но тотъ резонансъ, который студенческое движеніе нашло въ рабочихъ массахъ, объяснялся обостреніемъ, благодаря кризису, соціальной нищеты въ этихъ послѣднихъ. И такъ какъ увлекшее за собою рабочихъ оппозиціонное движеніе студентовъ и либеральнаго общества стихло въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ вслѣдъ за назначеніемъ ген. Ванновскаго, рескриптомъ о „сердечномъ попеченіи“ и амнистированіемъ сданныхъ въ солдаты студентовъ, то рабочія массы, далеко не удовлетворенныя, продолжали проявлять свое недовольство уже подъ знаменемъ своихъ классовыхъ требованій. Обычная агитація передъ днемъ перваго мая подхватила настроеніе, поднятое февральскими и мартовскими событіями.

Въ воскресенье передъ 1-мъ мая по новому стилю (15 апрѣля) про-

изошли двѣ значительныя уличныя демонстраціи въ Варшавѣ и одна въ Лодзи. Полиція въ этомъ году не прибѣгала къ тѣмъ насиліямъ, которыя имѣли мѣсто въ предыдущемъ. Наканунѣ нѣсколько сотъ еврейскихъ рабочихъ демонстрировали въ Вильнѣ. Въ самый день 2-го мая нов. ст. произошли демонстраціи снова въ Вильнѣ, въ Сморгони, Ковнѣ, Гомелѣ, Креславкѣ, Вильковышкахъ и въ Красноярскѣ (рабочіе желѣзнодор. мастерскихъ). Самая крупная демонстрація въ этотъ день произошла въ Двинскѣ; въ ней участвовало до 4.000 чел., была произнесена рѣчь. Рабочіе во всѣхъ этихъ городахъ въ этотъ день не работали. Общимъ для этихъ демонстрацій было провозглашеніе требованія политической свободы. Въ слѣдующее воскресенье (22 апр. ст. ст.) были неудачныя попытки уличныхъ демонстрацій въ Кіевѣ и Петербургѣ; въ Тифлисѣ же рабочіе табачныхъ фабрикъ, къ которымъ примкнули рабочіе желѣзнодор. мастерскихъ, собрались на базарной площади и подняли знамя съ портретами Маркса, Энгельса и Лассаля. Была сдѣлана попытка сказать рѣчь, но въ это время на демонстрантовъ бросились солдаты, полиція и казаки, вскорѣ очистившіе площадь.

Въ день 1 мая по русскому стилю не работали сапожныя и портняжныя мастерскія въ Харьковѣ и нѣсколько тысячъ рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону. Въ этотъ день была уличная манифестація въ Харьковѣ. Въ Петербургѣ же на Выборгской сторонѣ забастовали рабочіе ткацкой фабрики Чешера и, предъявивъ требованіе 8-ми час. раб. дня, направились къ другимъ фабрикамъ и заводамъ района, снимая рабочихъ. Забастовали заводъ Леснера, фабрики Воронина, Сампсоніевская и др., выставляя свои требованія; на нѣкоторыхъ фабрикахъ забастовки длились недѣлю. Кромѣ того, въ день 1 мая бастовали Невскій заводъ и часть рабочихъ Обуховскаго и Путиловскаго заводовъ.

4 мая забастовщики Выборгской стороны пытались пройти въ центръ города для демонстраціи. У Сампсоніевскаго моста ихъ встрѣтила полиція. Рабочіе пытались прорваться насильно, пускали въ ходъ камни и ножи. Въ происшедшей свалкѣ было ранено много рабочихъ.

7 мая администрація Обуховскаго завода стала расчитывать рабочихъ, не работавшихъ въ день 1 мая. Это вызвало стачку всего завода. Рабочіе предъявили администраціи рядъ требованій (возвращеніе уволенныхъ, увольненіе помощника директора, 8-мичасовой рабочій день, отмѣна ночныхъ работъ и штрафовъ, повышеніе расцѣнокъ и вѣжливое обращеніе). Значительная толпа рабочихъ собралась на тракту, къ ней присоединились рабочіе сосѣдняго Александровскаго (чугуннаго) завода и работницы карточной фабрики. Предполагалось устроить демонстративное шествіе. Между тѣмъ, прибылъ отрядъ пѣшей и конной полиціи, пытавшейся разсѣять рабочихъ. Натискъ толпы смялъ полицію; подоспѣвшій воинскій отрядъ вытѣснилъ рабочихъ съ тракта, но, когда онъ затѣмъ пытался входить въ дома и дворы, чтобы арестовать отступившихъ рабочихъ,

послѣдніе оказали чрезвычайно упорное сопротивленіе, въ которомъ принимали участіе женщины и дѣти. Нѣсколько полицейскихъ и одинъ офицеръ были легко ранены: воинская команда стала стрѣлять. По офиціальнымъ даннымъ, было убито трое рабочихъ; раненыхъ было очень много; тысячи рабочихъ были арестованы и на баржахъ отправлены въ городъ. „Обуховская оборона"—первый едва ли не съ декабристскаго возстанія случай воинской стрѣльбы на улицахъ столицы — произвела потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ. Вернувшійся изъ отпуска директоръ завода Власьевъ примирительными дѣйствіями успокаивалъ рабочихъ, немедленно удовлетворивъ часть требованій (отмѣна ночныхъ работъ, возвращеніе уволенныхъ, повышеніе расцѣнокъ); прочія требованія (въ томъ числѣ и вновь выдвинутое требованіе — признанія дня 1 мая праздникомъ) было обѣщано подвергнуть разсмотрѣнію высшихъ властей. На Невскомъ заводѣ рабочіе выставили такія же требованія и добились аналогичныхъ результатовъ. Между тѣмъ, выхваченные на удачу 37 участниковъ событій 7 мая были преданы суду петерб. палаты, состоявшемуся осенью 1901 г. Судъ оправдалъ 8 человѣкъ, изъ остальныхъ приговорилъ 2—къ каторгѣ (на 6 и 5 л.), 14—къ арест. ротамъ (отъ 3 до 5 л.) и 13 къ тюремному заключенію (отъ $1^1/_2$ до 3 лѣтъ). Столь суровыхъ судебныхъ приговоровъ по дѣламъ о рабочихъ безпорядкахъ русская практика еще не знала.

Въ теченіе майскихъ дней произошла еще небольшая уличная демонстрація въ Симферополѣ (5 мая) и новая неудавшаяся демонстрація въ Кіевѣ (6 мая, по почину с.-р.).

Въ теченіе лѣта 1901 года происходилъ рядъ стачечныхъ движеній въ Петербургѣ, московск. губ. (на Раменской мануфактурѣ), Иваново-Вознесенскѣ, Вичугѣ, Серпуховѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Вильнѣ, Витебскѣ, Саратовѣ, Полтавѣ, Одессѣ, Тифлисѣ, на Уралѣ, въ Тамбовѣ, Смоленскѣ, Курскѣ, Астрахани, Кишеневѣ. Изъ движеній въ пользу сокращенія рабочаго дня надо отмѣтить стачки на городскихъ трамваяхъ въ Курскѣ и Тифлисѣ; рабочій день былъ сокращенъ. На Раменской мануфактурѣ удалось добиться сокращенія рабочаго дня съ $11^1/_2$ до 9 час. Въ мастерскихъ николаевской ж. д. въ Петербургѣ рабочіе выдвинули странное требованіе—введенія отмѣненныхъ сверхурочныхъ работъ, какъ подспорья къ очень сократившемуся заработку. Разумѣется, администрація охотно пошла имъ навстрѣчу. Что касается борьбы за заработную плату, то на механическомъ заводѣ Калашникова (Ив.-Вознес.) и на пристаняхъ Астрахани рабочіе достигли ея повышенія; напротивъ, ткачи фабрики Гука въ Петербургѣ, рабочіе табачныхъ фабрикъ Тифлиса и механ. зав. Саратова не добились повышенія платы, а рабочіе Усть-Катовскаго завода, уфимской губ., и мануфактуры Коншина въ Серпуховѣ тщетно боролись противъ пониженія расцѣнокъ.

Въ Петербургѣ лѣтнее стачечное движеніе (въ іюнѣ), не имѣвшее непосредственнаго успѣха, захватило

значительную часть заводскихъ рабочихъ. Во главѣ шли рабочіе казенныхъ Невскаго и Балтійскаго заводовъ. Въ числѣ требованій, кромѣ повышенія платы (рабочіе Нев. завода требовали минимальной поденной платы для чернорабочихъ въ 90 коп.) и сокращенія рабочаго дня (до $9^1/_2$ ч.), значились: правильная организація медицинской помощи, гарантія отъ произвольныхъ увольненій, контроль выборныхъ отъ рабочихъ за пріемкой работы. Рабочіе Невскаго завода, между прочимъ, потребовали учрежденія ссудосберегательной кассы и помощи правленія для организаціи потребительнаго общества [1]).

Съ наступленіемъ осени демонстраціи возобновились какъ со стороны студентовъ, такъ и рабочихъ. Между тѣмъ, возобновились и студенческіе безпорядки. Рабочіе приняли нѣкоторое участіе въ студенческой демонстраціи въ Харьковѣ 29 ноября, завершившейся избіеніемъ студентовъ казаками. 2-го декабря въ уличныхъ демонстраціяхъ рабочіе участвовали въ болѣе значительномъ числѣ. Сильное избіеніе было произведено полиціей и казаками при разсѣяніи рабочихъ паровозостроительнаго завода, двигавшихся на мѣсто демонстраціи.

15 декабря, по иниціативѣ с.-д. комитета, екатеринославскіе рабочіе, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, демонстрировали противъ избіеній рабочихъ и студентовъ въ Харьковѣ. Толпа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ ремесленныхъ рабочихъ, дважды прошла по бульвару съ пѣніемъ и возгласами. На слѣдующій день въ предмѣстьѣ города Чечеловкѣ—демонстрація повторилась; на этотъ разъ участвовали рабочіе заводовъ.

Въ связи съ студенческимъ же движеніемъ Кіевскій с.-д. комитетъ организовалъ демонстрацію рабочихъ 2-го февраля 1902 г. которая повторилась 3-го числа. Въ Москвѣ рабочіе пытались проникнуть 9-го февраля въ университетъ на митингъ студентовъ, но войска заблаговременно оцѣпили фабрики и ихъ не пустили. Въ февралѣ и мартѣ произошли менѣе крупныя демонстраціи въ Ростовѣ-на-Дону, Екатеринославѣ, Одессѣ, Полтавѣ, Рославлѣ, Креславкѣ, Минскѣ. Въ Бѣлостокѣ 21 марта толпа рабочихъ пыталась отбить у полиціи арестованнаго агитатора. 11 марта въ Петербургѣ на невскомъ просп. произошла рабочая демонстрація, организованная с. д. комитетомъ. Въ апрѣлѣ въ Уфѣ желѣзнодорожные рабочіе устроили овацію пересылавшимся въ Сибирь студентамъ.

Въ области стачечнаго движенія, за время съ осени 1901 г. до весны 1902 г., слѣдуетъ отмѣтить продолжавшееся затишье въ Польшѣ (лишь зимой были стачки на мелкихъ ткацкихъ и чулочныхъ фабрикахъ Лодзи изъ-за заработной платы) и начавшійся застой въ стачечномъ движеніи въ Петербургѣ. Въ южномъ горнозаводскомъ районѣ стачекъ также почти не было. Въ Та-

[1]) Относительно перваго требованія рабочіе ссылались на Харьковское общество взаимопомощи; популяризація легальныхъ потребительныхъ обществъ среди петерб. рабочихъ является въ извѣстной мѣрѣ заслугой „Рабочей мысли“.

ганрогѣ въ началѣ 1902 г. рабочіе металлургич. завода отстояли стачкой старые расцѣнки; такая же попытка рабочихъ завода Пастухова въ Сулинѣ(Донской обл.), сопровождавшаяся разгромомъ заводскихъ зданій (въ день 19 февраля), потерпѣла неудачу. Напротивъ, въ центральномъ промышленномъ районѣ съ весны 1902 г. начался рядъ стачекъ въ Твери, (фабр. Залогина и вагоностроительнаго зав.), Москвѣ, Серпуховѣ и др. мѣстахъ. Стачки велись, главнымъ образомъ, изъ-за заработной платы и потерпѣли пораженіе. Въ Москвѣ, сверхъ того, дѣйствовала агитація рабочихъ обществъ, основанныхъ Зубатовымъ (о нихъ ниже), которымъ удалось добиться устраненія кое-какихъ частныхъ злоупотребленій. Въ рязанской губерніи была въ декабрѣ 1901 г. стачка 1.500 углекоповъ, равнымъ образомъ, противъ пониженія расцѣнокъ, и также неудачно. Въ Брянскѣ, напротивъ, борьба противъ такого пониженія велась успѣшно въ разныхъ цехахъ Брянскаго завода (февр.—мартъ 1902 г.). На Хлудовской мануфактурѣ смоленской губ. (апрѣль) борьба велась противъ расчета части рабочихъ.

Бурное движеніе разлилось на Кавказѣ. Въ октябрѣ 1901 г. рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Тифлиса вновь бастовали въ теченіе 2 нед., требуя повышенія заработной платы. Они были разбиты. Послѣ того начались стачки ремесленныхъ рабочихъ въ Тифлисѣ и Баку за сокращеніе раб. дня; онѣ увѣнчались успѣхомъ. Въ январѣ 1902 г. началось стачечное движеніе въ Батумѣ на заводѣ Манташева (изъ-за увольненія части рабочихъ); въ февралѣ на заводахъ Ротшильда и Хачатурова рабочіе требовали сокращенія рабочаго дня и увеличенія платы. Въ мартѣ тѣ же требованія выставилъ опять заводъ Манташева. 9-го марта толпа рабочихъ требовала освобожденія арестованныхъ за стачку товарищей; произошло столкновеніе, во время котораго войска стрѣляли и убили 11 человѣкъ. Въ концѣ-концовъ, послѣ упорной борьбы, стачечники побѣдили. Въ мартѣ же отмѣчается первая забастовка на нефтяныхъ промыслахъ въ Баку (промыселъ „Ароматъ"); рабочіе добивались повышенія платы. Въ февралѣ 1902 г. впервые произошли забастовки въ Екатеринодарѣ (табачн. фабр. и механическ. зав.) изъ-за повышенія платы. 21 марта 1902 г. крайне бурное по формѣ движеніе разыгралось на Уралѣ, на Воткинскомъ казенномъ заводѣ (вятск. губ.). Требуя повышенія платы и введенія 8-ми час. дня, рабочіе проявляли стремленіе перейти къ агрессивнымъ дѣйствіямъ. Это судорожное движеніе, въ которомъ вылилось возмущеніе уральскихъ рабочихъ растущей безработицей и паденіемъ заработковъ, было вскорѣ же подавлено военной силой, причемъ губернаторъ подвергъ десятки рабочихъ наказанію розгами.

На сѣверо-западѣ, въ юго-западномъ краѣ и прибалтійскихъ губерніяхъ въ теченіе всего этого времени происходили обычныя стачечныя движенія ремесленныхъ (главн. обр., еврейскихъ) рабочихъ. Такія стачки имѣли мѣсто въ Кіевѣ, Бер-

дичевѣ, Житомирѣ, Камен.-Подольскѣ, Кишиневѣ, Елизаветградѣ, Одессѣ, Симферополѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Александріи, Витебскѣ, Вильнѣ, Ковнѣ, Двинскѣ, Шавляхъ, Гомелѣ, Могилевѣ, Либавѣ, Ригѣ, Смоленскѣ и т. д. Въ Сморгони 4 недѣли длилась закончившаяся пораженіемъ 1.300 участниковъ стачка на кожевенныхъ заводахъ, боровшихся за сокращеніе рабочаго дня (конецъ 1901 г.). Увеличенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня добились трамвайщики въ Бѣлостокѣ. Въ Черкасахъ рабочіе сахарн. завода потерпѣли въ ноябрѣ 1901 г. пораженіе въ забастовкѣ съ требованіемъ платы.

Стачечное движеніе попрежнему въ значительной своей части развивалось внѣ главныхъ центровъ промышленности.

Майскія демонстраціи состоялись въ 1902 году въ Варшавѣ, Домбровѣ, Вильнѣ, Двинскѣ, Ковнѣ, Минскѣ, Екатеринославѣ, Кременчугѣ, Ростовѣ-на-Дону, Тифлисѣ, Баку, Нижнемъ-Новгородѣ, Сормовѣ, Саратовѣ, Красноярскѣ. Въ Харьковѣ на паровозостроительномъ заводѣ рабочіе пытались бросить работу; произошло столкновеніе съ полиціей. Наиболѣе нашумѣла демонстрація въ Вильнѣ, гдѣ полиція, по распоряженію губернатора фонъ-Валя, подвергла наказанію розгами всѣхъ арестованныхъ демонстрантовъ (то же затѣмъ имѣло мѣсто и въ Минскѣ, Кременчугѣ и Екатеринославѣ). Какъ извѣстно, актъ фонъ-Валя имѣлъ послѣдствіемъ покушеніе на его жизнь со стороны сапожника Гирша Лекерта, казненнаго по приговору военнаго суда. Въ Сормовѣ часть забастовавшихъ 1 мая рабочихъ произвела разгромъ потребительной лавки, но с.-д., во главѣ съ рабочимъ Заломовымъ, удалось удержать массу отъ дальнѣйшихъ эксцессовъ и организовать многолюдную политическую демонстрацію. Въ Саратовѣ толпа демонстрантовъ подверглась избіенію со стороны полиціи и мобилизованныхъ ею мѣщанъ и хулигановъ. Демонстранты Сормова, Нижняго-Новгорода и Саратова были затѣмъ преданы суду и наказаны имъ чрезвычайно сурово—около 20 человѣкъ было лишено всѣхъ правъ и сослано въ Сибирь на поселеніе.

Въ началѣ же мая произошло событіе, пріобрѣвшее политическое значеніе, благодаря сенсаціи, вызванной имъ во всѣхъ общественныхъ сферахъ. Рабочіе желѣзнодор. мастерскихъ станицы Тихорѣцкой (кубан. обл.) произвели демонстрацію по поводу загадочной смерти Татьяны Золотовой, арестованной въ вагонѣ судебнымъ слѣдователемъ. Молва приписывала смерть казачьей полиціи, подвергшей Золотову изнасилованію. Рабочіе заставили вырыть трупъ Золотовой для разслѣдованія и разгромили станичное правленіе. Дѣло Золотовой, благодаря этимъ безпорядкамъ, было вырвано изъ области канцелярской тайны, и послужило предметомъ оживленнаго обсужденія въ печати и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно подняло въ глазахъ общества престижъ рабочихъ.

Изъ стачекъ за лѣто и осень 1902 г. можно отмѣтить въ центральномъ районѣ всего три (на м.-рѣ Морозовыхъ въ Твери въ іюнѣ,

на Устьинскихъ заводахъ, рязанской губ., тогда же и на Мещеринской мануф. въ Москвѣ). Тверскіе стачечники добивались повышенія платы и были побѣждены. На югѣ, кромѣ продолжавшаго разгораться стачечнаго движенія ремесленниковъ, имѣли мѣсто забастовки табачныхъ фабрикъ (Одесса, Херсонъ, Симферополь), кирпичныхъ заводовъ (Ѳеодосія), фабрикъ механическаго производства обуви (Херсонъ, Тифлисъ), на мельницахъ (Кишиневъ), на Чулковскомъ рудникѣ Донецк. бассейна, среди грузчиковъ на пристаняхъ (Азовъ). Въ западномъ краѣ происходили многочисленныя мелкія стачки. Въ Астрахани имѣла мѣсто стачка бондарей. Рядъ забастовокъ произошелъ по линіи Сибирской желѣзной дороги (Омскѣ, Еланская, Красноярскѣ, Иркутскѣ); поводомъ къ этимъ стачкамъ, непосредственно руководимымъ с.-д., явилось лишеніе рабочихъ разныхъ служебныхъ льготъ.

Въ началѣ іюня имѣло мѣсто первое серьезное движеніе сельскихъ рабочихъ, явившееся отголоскомъ, частью, городского рабочаго движенія, частью же, аграрныхъ безпорядковъ весны 1902 г. Движеніе это, носившее стихійный характеръ, разыгралось въ кубанской области, захватило, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, до 10 тысячъ рабочихъ и выразилось преимущественно въ уничтоженіи косилокъ, сноповязалокъ и другихъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, введеніе которыхъ въ капиталистическомъ земледѣліи сѣвернаго Кавказа вызвало сокращеніе спроса на рабочія руки.

Въ ноябрѣ 1902 года разразилась стачка въ Ростовѣ-на-Дону, которая пріобрѣла политическое значеніе и, открывъ собою политическую кампанію 1902—3 гг., оказала сильное вліяніе на развитіе рабочаго движенія вообще.

Броженіе началось въ субботу, 2-го ноября, въ котельномъ цехѣ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. По какому-то мелкому поводу котельщики бросили работу. Подготовленный свѣдѣніями о настроеніи рабочихъ къ ожиданію крупнаго движенія, Донской комитетъ с.-д. выпустилъ 4 ноября воззваніе, въ которомъ приглашалъ всѣхъ рабочихъ этихъ мастерскихъ бросить работу и формулировалъ требованія, выработанныя организованными рабочими-с.-д. Главными изъ этихъ требованій были: 1) 9-час. раб. день; 2) окончаніе работъ передъ праздниками въ 2 часа; 3) повышеніе зараб. платы на 20%; 4) отмѣна штрафовъ; 5) удаленіе 2 мастеровъ; 6) вѣжливое обращеніе и 7) учрежденіе школы для дѣтей рабочихъ. Собравшіеся въ понедѣльникъ, 4-го ноября, въ мастерскихъ рабочіе, по сигналу передовой группы, бросили работу, столпились во дворѣ, выслушали выступившихъ передъ ними ораторовъ и одобрили формулированныя въ воззваніи требованія. На слѣдующій день къ стачкѣ примкнули рабочіе желѣзнодор. депо. 6 ноября забастовалъ механич. заводъ Пастухова. Съ этого дня бастующіе рабочіе начали собираться за городомъ, въ долинѣ рѣки Темерника, устраивая тамъ грандіозные митинги. На митингахъ выступали ораторы Донскаго комитета,

главнымъ образомъ, интеллигентъ Брагинъ и рабочій Ставскій, изъ которыхъ особенно первый своими рѣчами пріобрѣлъ громадное вліяніе на слушателей. Ораторы касались преимущественно политическихъ темъ. Слушать ораторовъ собирались, кромѣ забастовщиковъ и ихъ женъ, тысячи рабочихъ, домашняя прислуга, мелкая и средняя буржуазія; многіе пріѣзжали на собственныхъ лошадяхъ. Весь городъ жилъ этими митингами и событіями стачечной борьбы; сочувствіе къ рабочимъ, благодаря политической окраскѣ ихъ движенія, было полнымъ. Даже нѣкоторыя фабриканты жертвовали деньги въ кассу с.-д. комитета для поддержки бастующихъ.

Этотъ взрывъ общественнаго сочувствія совершенно парализовалъ энергію мѣстныхъ властей, которыя въ первые дни не дѣлали вовсе попытокъ воспрепятствовать митингамъ силой. Митинги происходили въ присутствіи полицейскихъ властей, отрядовъ полиціи и казаковъ. На совѣщаніяхъ съ предпринимателями власти, напротивъ, держались далеко не примирительно, настаивая на томъ, чтобы рабочимъ не давались никакія уступки.

Между тѣмъ, стачка разгоралась и пріобрѣтала характеръ всеобщей, захвативъ механическіе заводы, табачныя фабрики, хлѣбопекарни и рядъ другихъ заведеній. Рабочіе вездѣ выставляли требованія, сходныя съ требованіями желѣзнодорожниковъ; въ общемъ, они не старались конкретизировать эти требованія, и въ ихъ присоединеніи къ стачкѣ главную роль играло стремленіе принять участіе въ ежедневныхъ политическихъ митингахъ. Только на механическомъ заводѣ Токарева рабочіе опредѣленно потребовали ряда реформъ и добились ихъ немедленно.

Выйдя изъ своего первоначальнаго оцѣпененія и стянувъ въ Ростовъ войска изъ окрестныхъ пунктовъ, власти, по инструкціи изъ Петербурга, рѣшили дѣйствовать болѣе энергично. 11-го ноября митингъ былъ разогнанъ военной силой послѣ упорнаго сопротивленія рабочихъ. Послѣдніе уже разсѣялись, когда по запоздалымъ кучкамъ былъ данъ казаками залпъ, убившій шестерыхъ и ранившій 12 рабочихъ. Вслѣдъ за тѣмъ начались аресты. Брагинъ, потрясенный зрѣлищемъ кровавой расправы, самъ отдался въ руки полиціи, нѣкоторымъ другимъ руководителямъ вскорѣ пришлось скрыться. Тѣмъ не менѣе, 12-го и 14-го ноября рабочимъ удалось еще устраивать митинги. Дальнѣйшему ихъ продолженію полиція и войска помѣшали. Стачка длилась еще 2 недѣли, и лишь 24 ноября рабочіе жел.-дор. мастерскихъ вернулись къ работамъ, получивъ обѣщаніе объ удовлетвореніи части требованій. На частныхъ заводахъ и фабрикахъ стачка тоже прекратилась.

Вѣсть о ростовскихъ событіяхъ вызвала движеніе на ближайшемъ участкѣ Владикавказской желѣзной дороги. 15-го ноября забастовали жел.-дор. рабочіе ст. Тихорѣцкой. 17 ноября полицейскія власти, окруживъ стачечниковъ военной силой, пытались принудить ихъ возобновить работу. Когда это не удалось, были пущены въ ходъ сначала на-

гайки, а затѣмъ ружейные залпы. Пятеро рабочихъ было убито, многіе ранены. Стачка была подавлена.

17 ноября забастовали жел.-дор. рабочіе въ Новороссійскѣ. Они увлекли за собой мелкіе механическіе заводы, элеваторы, портовыхъ рабочихъ, цементные заводы. Здѣсь тоже происходили массовыя собранія рабочихъ, хотя и не велось организованной агитаціи по образцу Ростова. Извѣстія о томъ, что въ послѣднемъ городѣ стачка прекратилась, пріостановили движеніе, и 20 ноября работы возобновились.

Въ теченіе зимняго сезона 1902—1903 гг. произошелъ рядъ политическихъ демонстрацій рабочихъ въ Тифлисѣ (ноябрь 1902 г.), Варшавѣ, Сувалкахъ, Бѣлостокѣ, Одессѣ (янв. 1903 г.), Томскѣ, Тифлисѣ и Вильнѣ (февраль), Ростовѣ-на-Дону, Батумѣ и Баку (мартъ 1903 г.). Наиболѣе крупными были февральскія и мартовскія демонстраціи на Кавказѣ и въ Ростовѣ-на-Дону. Въ Тифлисѣ 20 февраля демонстрировало нѣсколько тысячъ рабочихъ, въ Батумѣ демонстрація, организованная въ годовщину прошлогоднихъ убійствъ 9 марта, была также очень многолюдной. Въ Баку 2-го марта собралось на площади 2.000 рабочихъ, агитаторами произносились рѣчи. Въ Ростовѣ-на-Д. въ тотъ же день с.-д. комитетъ организовалъ многолюдную демонстрацію. Во время свалки съ подоспѣвшей къ концу ея полиціей былъ смертельно раненъ приставъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, В. К. Плеве впервые примѣнилъ къ уличной демонстраціи пріемъ преданія военному суду случайно выхваченныхъ участниковъ, изъ которыхъ трое — рабочіе Куксинъ и Колосковъ и интеллигентъ А. Браиловскій—были приговорены къ смертной казни и, по смягченіи приговора, отправлены на каторгу вмѣстѣ съ нѣсколькими другими рабочими.

Въ то же время стало замѣтно усиливаться и стачечное движеніе. Въ Петербургѣ въ январѣ происходили безуспѣшныя стачки, направленныя противъ пониженія расцѣнокъ, на Невской мануфактурѣ, фабрикѣ механ. производства обуви и въ Варшавскихъ ж.-дор. мастерскихъ. Въ центральномъ районѣ были стачки на ткацкой фабрикѣ Кашина въ Костромѣ, Сенькова въ Вязникахъ и на ковровой фабр. въ тверской губ. Въ Польшѣ бастовала одна ткац. фабрика въ Ченстоховѣ. Въ сѣверо-запад. краѣ были крупныя стачки кожевниковъ въ Сморгони (1.200 чел. въ февралѣ 1903 г. изъ-за раб. дня); чулочницъ (до 2.000 чел. въ Двинскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Гомелѣ и др. мѣстахъ въ мартѣ того же года по той же причинѣ); на кирпичныхъ заводахъ Копыся, минской губ. (въ февралѣ); въ жел.-дор. мастерскихъ Гомеля и Вѣтки (въ апрѣлѣ противъ пониженія расцѣнокъ), на табачныхъ фабрикахъ въ Гродно и Вильно и различныхъ фабрикахъ Бѣлостока. Большая стачка чулочницъ и стачка жел.-дор. рабочихъ Гомеля увѣнчались успѣхомъ. На югѣ были болѣе крупныя забастовки на сахарныхъ заводахъ въ Одессѣ и кіевск. губ. (Александровскій заводъ), на механич. заводахъ въ Одессѣ, Таганрогѣ и Маріуполѣ, на

бумажныхъ фабрикахъ Ростова-на-Д., на табачной фабрикѣ въ Кременчугѣ, въ шахтахъ около Луганска. На Кавказѣ были забастовки въ Новороссійскѣ (цемент. заводъ), Батумѣ (заводъ Ротшильда), въ Баку (ткацкая и табачная фабрики, нефтяной промыселъ), Тифлисѣ (механическій заводъ), въ станицѣ Крымской, кубанской обл. (шахтеры). Въ Сибири была забастовка желѣзнод. мастерскихъ въ Читѣ (декабрь 1902 г.). На Уралѣ, въ февралѣ 1903 г., на пушечномъ заводѣ въ Мотовилихѣ близъ Перми рабочіе бастовали противъ пониженія расцѣнокъ и потерпѣли пораженіе; въ мартѣ такая же борьба велась на Михайловскомъ сталелитейномъ заводѣ екатеринбургскаго уѣзда. Въ мартѣ же произошла трагедія въ Златоустѣ, по своимъ размѣрамъ и характеру затмившая всѣ прежніе драматическіе эпизоды стачечнаго движенія въ Россіи.

Рабочіе казеннаго завода въ Златоустѣ забастовали по той самой причинѣ, которая вызвала всеобщую стачку въ Бѣлостокѣ 1895 года— они отказались принять новыя расчетныя книжки, въ которыхъ заключалось, между прочимъ, перечисленіе карательныхъ статей, направленныхъ противъ стачекъ, и табель всевозможныхъ штрафовъ и вычетовъ. Одинъ этотъ фактъ свидѣтельствовалъ о сравнительно-отсталомъ характерѣ этого движенія, которое, дѣйствительно, было менѣе организованнымъ и сознательнымъ, чѣмъ движеніе 1897 г. въ томъ же городѣ, когда борьбой рабочихъ руководилъ организованный кружокъ. Теперь соціалистическихъ организацій въ городѣ не было, и никакой политическій элементъ въ стачку не входилъ. Между тѣмъ, прибывшій въ городъ уфимскій губернаторъ Богдановичъ арестовалъ делегатовъ рабочихъ и, когда возбужденная толпа осадила его жилище, онъ, не подвергаясь серьезной опасности, скомандовалъ войскамъ стрѣлять въ упоръ въ скучившуюся пятитысячную толпу. Въ результатѣ—на мѣстѣ легло 69 чел. убитыхъ, въ томъ числѣ малолѣтніе; раненыхъ было свыше 100. Въ рабочей средѣ событіе 13-го марта произвело глубокое впечатлѣніе.

Ремесленное стачечное движеніе за эту зиму, продолжая развиваться въ сѣв.-западномъ краѣ, захватываетъ новые пункты на югѣ (Бѣлая Церковь, Ялта, Нѣжинъ, Черниговъ, Городня, Тульчинъ), въ Польшѣ (Сувалки, Полоцкъ, Ченстохово), на Волгѣ (Самара), въ Сибири (Томскъ). Замѣчается во многихъ мѣстахъ стачечное движеніе среди типографскихъ рабочихъ, усиливается движеніе среди приказчиковъ, возникаетъ среди фармацевтовъ.

Празднованіе 1-го мая въ 1903 г. носило болѣе значительный характеръ, чѣмъ въ предыдущемъ. Во многихъ городахъ не работало значительное число рабочихъ: въ Николаевѣ (наиболѣе крупные заводы), Одессѣ, Читѣ, Иркутскѣ, Харбинѣ, Бѣлостокѣ, Гроднѣ, Гомелѣ, Поневѣжѣ, Сувалкахъ и т. д. демонстраціи въ Варшавѣ, Ростовѣ-на-Дону, Ѳеодосіи, Таганрогѣ, Баку, Балаханахъ, Тифлисѣ, въ селахъ Гуріи, въ Томскѣ, Читѣ, Харбинѣ. Въ Томскѣ въ демонстраціи участвова-

ло нѣсколько тысячъ человѣкъ, въ Балаханахъ при столкновеніи демонстрантовъ съ войсками во время демонстраціи 27 апрѣля былъ убитъ одинъ и ранено нѣсколько рабочихъ.

6.

Новый подъемъ стачечнаго движенія и всеобщія забастовки на югѣ.

Какъ нами уже указывалось, съ началомъ 1903 года стали замѣчаться признаки промышленнаго оживленія. Россія, казалось, вступала въ полосу новаго экомическаго подъема, Но наступившая въ началѣ 1904 г. русско-японская война вызвала новый общій застой въ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, короткаго и пебольшого оживленія оказалось достаточно, чтобы въ массахъ, раздраженныхъ нѣсколькими годами кризиса и возбужденныхъ политической борьбой, вызвать стремленіе къ обратному завоеванію отобранныхъ капиталистами позицій. Конецъ весны и лѣто 1903 года характеризуются рядомъ стачечныхъ движеній, продолжающихъ дѣло ростовской ноябрьской стачки.

Въ Петербургѣ, Костромѣ, Вышнемъ-Волочкѣ, Николаевѣ эти движенія возникли подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ майской агитаціи. Въ Петербургѣ ткачи боролись у Воронина и Лебедева за сокращеніе предпраздничной работы, у Максвеля—за повышеніе платы, у Паля—противъ увеличенія рабочаго дня. Вездѣ, кромѣ фабрики Воронина, рабочіе побѣдили. Въ Николаевѣ въ срединѣ мая съ успѣхомъ бастовали Французскій заводъ противъ неправильной расплаты, Черноморскій — противъ системы штрафовъ. Въ Вышнемъ-Волочкѣ майскія воззванія с.-д. вызвали броженіе, вылившееся въ забастовку трехъ крупнымъ мануфактуръ. Рабочіе требовали девятичасовыхъ смѣнъ, увеличенія расцѣнокъ на 20%, учрежденія библіотекъ и отчета въ штрафныхъ капиталахъ. Стачка кончилась компромиссомъ: обѣщано увеличеніе расцѣнокъ на 5—15%, при чемъ впослѣдствіи на фабр. Прохорова эта уступка вновь была взята обратно.

Наиболѣе бурнымъ было костромское движеніе. Новое пониженіе очень скудной платы вызвало 5 мая забастовку рабочихъ крупной мануфактуры Бельгійскаго общества. Они потребовали повышенія расцѣнокъ. Черезъ нѣсколько дней стачечники произвели уличную демонстрацію. Начались столкновенія съ полиціей и казаками; было много раненыхъ съ обѣихъ сторонъ. Проявляя чрезвычайное воодушевленіе, стачечники держались 3 недѣли, но должны были уступить подъ давленіемъ мѣстной администраціи. Волненіе передалось на фабрику Зотова, гдѣ рабочіе добились увеличенія платы.

Повышенія платы удалось также добиться стачками рабочихъ фабрики Моргунова (Озеры, коломенск. у.), московскихъ механическихъ заводовъ Бромлея и Листа и многихъ мелкихъ ткацкихъ фабр. Лодзи. На

Ѳ. Ѳ. Каменскій. Первый шагъ.

(Русскій Музей Имп. Александра III въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

6

Барановской мануфактурѣ (Александровъ, владим. г.) рабочіе отстояли заработную плату отъ пониженія. Борьба за сокращеніе рабочаго дня была успѣшна для судовыхъ командъ г. Поти, строительныхъ рабочихъ Лодзи и ряда ремеслъ и мелкихъ фабрикъ Варшавы. Напротивъ, потерпѣли пораженіе рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ ст. Инокентьевской (иркутской губ.) и гор. Борисоглѣбска, выставившіе требованіе: первые—8-мичасов., а послѣдніе—9-час. раб. дня. Кромѣ этихъ стачечныхъ движеній, въ теченіе мая и іюня 1903 г., происходили стачки среди ткачей въ кинешемскомъ уѣздѣ., на фортепьянной фабрикѣ въ Петербургѣ и на механическихъ заводахъ Шуи, Иванова-Вознесенска и бердянскаго уѣзда таврической губ.

Въ бѣлозерскомъ уѣздѣ, новгородской губ., и сквирскомъ у., кіевской, происходили мирныя и организованныя забастовки *сельскихъ рабочихъ*, приведшія къ повышенію платы. Такія же забастовки въ могилевской губ. (близъ Шклова) были проведены крестьянками-работницами. Слѣдуетъ отмѣтить демонстрацію нѣсколькихъ тысячъ еврейскихъ рабочихъ въ Лодзи, протестовавшихъ противъ систематическихъ насилій мѣстной полиціи. Много демонстрантовъ было ранено.

Начавшіяся въ іюлѣ всеобщія забастовки своимъ исходнымъ пунктомъ имѣли стачечное движеніе среди рабочихъ нефтяныхъ промысловъ въ Баку и рабочихъ, занятыхъ въ Одесскомъ портѣ. И въ нефтяной промышленности, и въ морскомъ транспортѣ уже сказалось довольно сильно наступленіе промышленнаго оживленія, и рабочіе спѣшили учесть его въ свою пользу. Соотвѣтственно этому, въ обоихъ названныхъ пунктахъ стачечники стремились сохранить за движеніемъ чисто - профессіональный характеръ, не примѣшивая къ нему политическаго элемента. Но начатыя ими стачки вызвали среди рабочихъ самыхъ различныхъ категорій бурный приливъ классоваго возмущенія, въ которомъ сплетались и непосредственное стремленіе къ экономическимъ улучшеніямъ, и стремленіе выразить общеклассовую солидарность, и долго накоплявшаяся жажда формулировать протестъ противъ политическаго и гражданскаго безправія. Этотъ стихійный приливъ политической волны захлестнулъ чисто-профессіональныя движенія и поставилъ во главѣ всеобщихъ забастовокъ с.-д., оттѣснивъ на задній планъ первоначальныхъ иниціаторовъ движенія.

Общая картина движенія рисуется такъ.

Въ Баку 29 іюля забастовали рабочіе промысла Биби-эйбатскаго т-ва. На 2-й день стачки ихъ мелкія требованія были удовлетворены, но на слѣдующій день—1 іюля—забастовка распространилась на нѣкоторые другіе промыслы. 2 іюля стали типографіи. 4-го и 5-го забастовали всѣ промыслы въ районѣ Баку. Затѣмъ бастуютъ желѣзнодорожныя мастерскія и депо, машинисты и ихъ помощники, кондуктора жел. дороги, трамвай, пароходы, всѣ заводы и фабрики, ремесленныя мастерскія, ресторанная прислуга, строительные рабочіе, мостовщики,

команды наливныхъ шкунъ, амбалы (носильщики), ассенизаторы и мусорщики, рабочіе электрической станціи, сотрудники газетъ, дворники и даже часть городовыхъ. Не бастовали лишь приказчики и булочники. Число забастовщиковъ дошло до 50 тысячъ.

Рабочіе нефтяныхъ промысловъ приняли формулировку требованій, выработанную стачечнымъ комитетомъ, во главѣ котораго стояли с.-д. Требовали 8-ми часового раб. дня, устройства школъ народныхъ театровъ и больницъ на средства заводчиковъ, увеличенія платы на 20%. Аналогичныя требованія выставлялись рабочими другихъ категорій. Въ теченіе всей забастовки происходили за городомъ открытыя собранія стачечниковъ, на которыхъ велась и политическая агитація, но послѣдняя не всегда встрѣчалась сочувственно сѣрыми массами промысловыхъ рабочихъ: особенно въ балаханскомъ районѣ явно преобладало желаніе ограничиться чисто-экономической борьбой. Рабочая масса держалась весьма мирно и сама брала на себя охрану промысловъ. Симпатіи населенія были на сторонѣ рабочихъ и, считаясь съ ними, совѣтъ нефтепромышленниковъ, въ отвѣтъ на требованія стачечниковъ, объявилъ, что принципіально признаетъ за рабочими право стачекъ и право на коллективный договоръ. Во время стачки серьезныхъ столкновеній съ властями не было: войскъ въ городѣ было очень немного и они дѣйствовали сдержанно. Все же имъ удалось открыть желѣзнодорожное и трамвайное движеніе силами желѣзнодорожнаго батальона, и съ этого момента забастовка стала падать. Къ 17—18 іюля она закончилась.

Въ Тифлисѣ извѣстіе о бакинской стачкѣ пришло черезъ нѣсколько дней послѣ громадной демонстраціи (до 10 тыс. чел.), устроенной рабочими при проводахъ 4 с.-д., ссылавшихся въ Сибирь. На демонстраціи полиція стрѣляла изъ револьверовъ и убила одного рабочаго. Въ городѣ царило возбужденіе, еще болѣе усилившееся послѣ того, какъ 2-го іюля до 2.000 приказчиковъ „захватнымъ путемъ" добились сокращенія торговаго времени съ 16-ти до 14-ти часовъ. Начались стачки портныхъ, мѣдно-литейщиковъ и сапожниковъ, которые добились 12-тичас. раб. дня. 11-го іюля забастовали мясники, 12-го—типографщики и пекаря. Власти стали принимать репрессивныя мѣры, подвергая забастовщиковъ избіенію. Тогда с.-д. комитетъ объявилъ всеобщую забастовку. Она началась 14-го іюля, захвативъ, кромѣ заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ, желѣзную дорогу (до Батума). Бастовали также офиціанты. 18-го іюля желѣзнодорож. рабочіе у станціи Михайлово пытались остановить поѣздъ. Войска стрѣляли и убили, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, 11 рабочихъ. 20-го стачка прекратилась. Вызванное ею волненіе отозвалось въ уѣздномъ гор. тифлисской губерніи, Гори, политической демонстраціей.

Въ Батумѣ стачкѣ также предшествовала политическая демонстрація на похоронахъ рабочаго, убитаго провокаторомъ. 17-го іюля, по призыву с.-д. комитета, началась

всеобщая забастовка. Кромѣ заводовъ и желѣзной дороги, бастовали пекаря, носильщики, строительные рабочіе, конторщики, приказчики. Происходили ежедневно митинги. Во время одного изъ нихъ 18-го іюля произошло столкновеніе съ войсками, которые стрѣляли и убили нѣсколько человѣкъ. Начиная съ 20 іюля, стачка прекращается. Съ 18 іюля бастовало нѣсколько тысячъ рабочихъ марганцевыхъ рудниковъ въ Чіатурахъ, кутаисской губ.

Въ общемъ, на Кавказѣ бастовало около 80.000 рабочихъ.

Въ Одессѣ съ весны шло броженіе между тѣми рабочими, которыхъ удалось организовать такъ называемымъ „независимымъ", проводившимъ идеи чисто—экономической борьбы и лойяльности по отношенію къ правительству. Рабочіе требовали отъ своихъ руководителей, съ Шаевичемъ во главѣ, исполненія данныхъ имъ обѣщаній завоевать улучшеніе условій труда. Послѣ стачекъ на небольшихъ заводахъ заволновались 1-го іюля желѣзнодорожныя мастерскія: рабочіе котельнаго цеха потребовали возвращенія уволеннаго товарища. 2-го іюля мастерскія забастовали, требуя 9-тичасоваго рабочаго дня, увеличенія платы и т. д. На собраніи стачечниковъ началась борьба между „независимыми" и соціалъ-демократами: первые требовали устраненія всякаго политическаго элемента и умѣренности въ экономическихъ требованіяхъ. Эта борьба дезорганизовала стачечниковъ, и на слѣдующій день часть рабочихъ вернулась къ работамъ.

4-го іюля бросили работу портовые рабочіе, требуя удвоенія заработной платы, достигавшей 1 руб. 10 к. въ день. Черезъ нѣсколько дней они было согласились удовлетвориться платой въ 1 руб. 50 к., когда бросили работу матросы и кочегары на судахъ. Ихъ требованіемъ было также повышеніе платы. Одновременно стали бастовать заводы, фабрики, мастерскія, пекарни, трамвай, винные склады, водопроводъ, скотобойни; прекратились работы на постройкахъ; близъ Одессы забастовали рабочіе въ каменоломняхъ; узнавъ о событіяхъ въ Баку, вновь бросили работу въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Бастовало нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Общія требованія формулировалъ с.-д. комитетъ: 8-мичасовой рабочій день, увеличеніе платы на $^1/_3$, помощь больнымъ рабочимъ на счетъ хозяевъ, отмѣна сдѣльной платы. На нѣкоторыхъ фабрикахъ рабочіе требовали введенія выборной фабричной администраціи.

Съ 17-го іюля стали устраиваться многолюдные митинги. Ихъ пытались разгонять казаки, но не всегда успѣшно. По улицамъ ходили процессіи съ красными флагами и революціонными пѣснями, что вызывало смущеніе въ части рабочихъ. Пользуясь ихъ недовольствомъ, „независимые" на митингѣ 18-го іюля въ Рубовомъ саду вели агитацію противъ с.-д., мѣшали имъ говорить, кричали „долой переодѣтыхъ студентовъ" и требовали устраненія политическихъ вопросовъ. Былъ случай избіенія с.-д. оратора. Но уже на слѣдующій день с.-д., проникнувъ на собраніе „независимыхъ", убѣдили ихъ, вопреки сопротивленію

руководителей, принять требованіе 8-мичасового рабочаго дня.

Между тѣмъ, власти, начавъ репрессіи, не щадили и „независимыхъ“. 19-го іюля была произведена полиціей расправа надъ арестованными кучерами и кондукторами конки. Это раздражило „независимыхъ“ и толкало массы къ с.-д. Тѣмъ не менѣе, репрессіи ускорили окончаніе забастовки. 21—22 іюля работы возобновились.

Къ этому времени забастовка началась въ Николаевѣ. 21-го іюля рабочіе Французскаго завода забастовали, требуя 8-мичасового рабочаго дня и примѣненія незадолго до того изданнаго закона о фабричныхъ старостахъ. Рабочіе громадной толпой пошли съ пѣснями по городу „снимать“ другіе заводы. При попыткѣ присоединить къ стачкѣ работницъ спиртоочистительнаго склада произошло столкновеніе съ солдатами; было ранено нѣсколько рабочихъ. Работа была остановлена во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ и элеваторахъ; остановилась и конка. 23-го числа во время митинга солдаты стрѣляли, убивъ одного прохожаго. Стачка прекратилась послѣ того, какъ на Французскомъ заводѣ объявленъ расчетъ всѣмъ рабочимъ.

Въ Елизаветградѣ стачечное движеніе начиналось дважды: 11—12-го іюля бастовали и добились сокращенія рабочаго дня на 1 часъ и увеличенія платы рабочіе нѣкоторыхъ заводовъ сельско-хозяйственныхъ орудій; 28-го іюля, частью подъ вліяніемъ перебравшихся изъ Одессы „независимыхъ“, забастовали каменщики, плотники и маляры, за которыми пошли ремесленники и рабочіе мельницъ, приказчики и биндюжники. Стачка длилась 3 дня и во время процессіи рабочихъ сопровождалась столкновеніемъ съ полиціей.

Въ Кіевѣ стачка началась по призыву с.-д. комитета, предложившаго требовать 8-мичасов. рабочаго дня и увеличенія расцѣнокъ на 40—50%. Забастовали желѣзнодорожныя мастерскія, депо, механическіе заводы. 22-го присоединились типографщики, 23—трамвай, 24—всѣ фабрики и заводы, затѣмъ, пароходы, мельницы, пекарни, извозчики. Уже 22-го іюля, при попыткѣ остановить поѣзда, рабочіе были обстрѣлены войсками, при чемъ послѣ долгой схватки было убито нѣсколько человѣкъ. 24-го іюля, при попыткѣ „снять“ рабочихъ нѣкоторыхъ заводовъ, на Галицкомъ базарѣ было новое столкновеніе, многіе получили штыковыя раны. 25-го іюля такое же столкновеніе на Подолѣ снова закончилось стрѣльбой солдатъ и стоило рабочимъ нѣсколькихъ жизней.

Кіевское движеніе особенно ярко выдѣлялось рѣзкой политической тенденціей. На многихъ заводахъ рабочіе вовсе не выставляли требованій, подчеркивая, что цѣль забастовки прежде всего политическая. Черезъ недѣлю стачка закончилась.

Теперь она перенеслась въ Екатеринославъ. Здѣсь с.-р. пытались ее вызвать уже 4-го августа, но с.-д. сдерживали массу, и 5-го августа забастовали лишь булочники. 6-го августа многіе изъ нихъ были арестованы, и стачка ихъ стала угасать. Но 7-го с.-д. комитетъ призвалъ къ

всеобщей забастовкѣ, охватившей всѣ заводы, желѣзнодорожныя мастерскія, конку и ремесленниковъ. Требовали 8-мичасового рабочаго дня и повышенія платы. 7-го августа солдаты стрѣляли въ толпу рабочихъ, не желавшихъ расходиться, убили 11 человѣкъ и тяжело ранили 13, изъ которыхъ трое вскорѣ умерло. Похороны убитыхъ обратились въ демонстрацію. Стачка длилась недѣлю и закончилась 15 августа.

26-го іюля въ Александровскѣ, екатеринославской губерніи, забастовали всѣ ремесленныя заведенія; мѣрами полиціи предотвращено присоединеніе къ стачкѣ заводскихъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Наоборотъ, въ Конотопѣ произошла забастовка въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ. Въ Ѳеодосіи 24-го августа бастовали портовые рабочіе. Въ Керчи 8-го сентября забастовали пароходныя команды съ требованіемъ повышенія платы. 12-го стачка стала всеобщей. 13-го, при попыткѣ рабочихъ проникнуть въ портъ, войска стрѣляли, убивъ одного человѣка. Стачка закончилась 14-го сентября.

Экономическіе результаты этого движенія представляются въ такомъ видѣ: въ Баку нефтепромышленники дали рабочимъ нѣкоторыя мелкія уступки; на нѣкоторыхъ промыслахъ повысили поденную плату. По свидѣтельству изданнаго совѣтомъ нефтепромышленниковъ очерка стачечнаго движенія [1]), изъ 37 фирмъ 3 удовлетворили требованія рабочихъ полностью, 15—частично, 19—вовсе не удовлетворили; но при этомъ 31 фирма уплатила рабочимъ за стачечные дни. Въ Тифлисѣ добились удовлетворенія своихъ требованій приказчики, ремесленники и офиціанты. Въ Одессѣ матросы добились увеличенія столовыхъ денегъ и организаціи медицинской помощи; плата портовыхъ рабочихъ поднялась до 1 р. 60 к. въ день. Въ Кіевѣ даны уступки служащимъ трамвая, сокращенъ рабочій день и увеличена плата въ типографіяхъ. На заводахъ, напротивъ, условія труда не улучшились. Въ Екатеринославѣ экономическихъ уступокъ добились лишь ремесленные рабочіе, въ Керчи—портовые, въ Елизаветградѣ—рабочіе на заводахъ сельско-хозяйственныхъ орудій, въ Ѳеодосіи—судовыя команды.

Въ общемъ, забастовки подняли положеніе наиболѣе отсталыхъ и наихуже оплачиваемыхъ рабочихъ массъ. Но не этимъ опредѣляется главное значеніе всеобщей забастовки 1903 г. Она вовлекла въ классовую борьбу громадныя массы пролетаріата, стоявшія до этого времени въ сторонѣ отъ нея, расширивъ, такимъ образомъ, значительно русло рабочаго движенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она втянула въ сферу политическихъ интересовъ весь пролетаріатъ Юга, обострила политическое раздраженіе и уничтожила всякое вліяніе „независимыхъ". Утрата вліянія этимъ направленіемъ получила яркое подтвержденіе въ событіяхъ, происшедшихъ въ сентябрѣ въ Москвѣ, являвшейся съ 1901 г. сосредоточіемъ „зубатовщины".

Московскіе типографскіе рабочіе

---

[1]) Составлено подъ ред. В. И. Фролова. 1907 г.

стояли внѣ русла того рабочаго движенія, которое было руководимо с.-д. Подъ вліяніемъ „зубатовской“ пропаганды чистаго профессіонализма, хотя, повидимому, и внѣ организаціонной связи съ „зубатовцами“, они въ 1903 г. стали готовиться къ борьбѣ. Южныя стачки оказали на нихъ свое дѣйствіе. Съ 7-го сентября они стали собираться на сходки по 300—500 чел., включавшія представителей всѣхъ типографій. На сходкахъ были выработаны общія требованія: 1) 9-тичасовой рабочій день (8 часовъ въ ночной смѣнѣ); 2) повышеніе мѣсячной платы на 20% и увеличеніе тарифа до 22 коп. съ 1.000 буквъ (вмѣсто прежнихъ 17); 3) установленіе медицинской помощи; 4) введеніе фабричныхъ старостъ; 5) общіе для всѣхъ типографскіе тарифы и коллективный договоръ.

Выставленіе послѣдняго требованія особенно характерно для этого движенія. Мы выше видѣли, что тотъ же вопросъ выдвинулся въ нефтяныхъ промыслахъ во время всеобщей стачки въ Баку. Какъ типографы, такъ и промысловые рабочіе въ 1903 году только еще начинали свою стачечную борьбу, и это, выдвинутое ими и характерное для развитого профессіональнаго движенія, требованіе впослѣдствіи приблизилось къ осуществленію всего болѣе именно въ этихъ двухъ отрасляхъ производства.

9-го сентября всѣ московскія типографіи, литографіи и переплетныя забастовали. Число забастовщиковъ достигло 10 тысячъ. Предприниматели сейчасъ же предложили рабочимъ компромиссъ: 10-тичасовой рабочій день и 18 к. съ тысячи буквъ. Уступка была принята наборщиками, работающими сдѣльно, и 13 сентября они стали на работу. Остальные бастовали до 23-го, когда хозяева согласились повысить мѣсячную плату въ требуемомъ размѣрѣ. Все время стачки полиція арестовывала и высылала стачечниковъ.

Для московскаго рабочаго движенія эта стачка означала конецъ „зубатовскаго“ періода и начало новаго сближенія съ общимъ потокомъ рабочаго движенія въ Россіи.

Сентябрьской стачкой собственно заканчивается полоса движеній, непосредственно связанныхъ съ развитіемъ пролетарской борьбы въ XIX вѣкѣ. Съ появленіемъ на политическомъ горизонтѣ дальневосточнаго кризиса, вся русская общественная жизнь, а съ нею и рабочее движеніе, вступаетъ въ новую фазу историческаго развитія.

7.

Правительство и рабочій вопросъ въ началѣ 1900-хъ гг. — Попытки легальной организаціи рабочихъ.

Выходъ рабочаго класса на арену политической борьбы заставилъ правительство значительно измѣнить свою тактику по отношенію къ рабочему движенію. Политика репрессій не была оставлена; напротивъ, именно за этотъ періодъ она примѣняется во все болѣе суровыхъ формахъ. Въ 1901 году въ одномъ случаѣ примѣнено дѣйствіе огне-

стрѣльнымъ оружіемъ противъ рабочихъ демонстрантовъ, въ 1902 г. оно примѣняется уже 3 раза, въ 1903 году—10 разъ. Въ 1900 году правительственныя власти впервые съ 70-хъ годовъ для расправы со стачечниками прибѣгаютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ (на Прохоровскихъ рудникахъ); въ 1902 году — эта мѣра примѣняется уже 4 раза по отношенію къ „бунтующимъ" въ той или иной формѣ рабочимъ. Въ 1902 году обычная для соціалистовъ и участниковъ рабочаго движенія административная ссылка смѣняется преданіемъ суду сословныхъ представителей и тяжелыми приговорами на поселеніе за участіе въ демонстраціяхъ или простое распространеніе воззваній (дѣла саратовскихъ, нижегородскихъ, сормовскихъ, бакинскихъ демонстрантовъ; дѣло Денисова въ Саратовѣ, Фролова въ Екатеринославлѣ, Соснюка въ Елизаветградѣ, соц.-дем. типографіи въ Кишиневѣ и др.). Въ 1903 году уже переходятъ къ военному суду (дѣло ростовскихъ демонстрантовъ) и къ 15-тилѣтней каторгѣ для агитаторовъ (дѣло рабочихъ Киселева и Кабакова на Уралѣ).

Рядомъ съ этой прежней тенденціей, въ дѣятельности правительства все опредѣленнѣе сказывается другая, представителями которой въ предыдущіе годы явились Треповъ и Зубатовъ. По мѣрѣ того, какъ разгоралось общественное движеніе въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, въ правительствѣ устанавливалась все болѣе рѣзко выраженная гегемонія полицейскаго вѣдомства надъ другими органами управленія. Съ вступленіемъ въ должность министра внутреннихъ дѣлъ Плеве (1902 г.) эта гегемонія окончательно укрѣпилась, и безъ большого успѣха боролся противъ нея прежде всемогущій Витте. Послѣднему еще удалось воспрепятствовать проекту передачи всей фабричной инспекціи въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ, но эту побѣду онъ одержалъ лишь тѣмъ, что въ циркулярахъ строго предписывалъ инспекціи сообразовать свою дѣятельность съ видами мѣстныхъ губернаторовъ; указомъ же, изданнымъ въ началѣ 1903 года, инспекція поставлена и въ формальную зависимость отъ губернаторовъ, которымъ дано право утверждать инспекторовъ въ должности, смѣщать и контролировать.

Въ то же время глубокій промышленный кризисъ выбилъ почву изъ-подъ ногъ той правительственной политики, которая строилась на гармоніи между бюрократіей и крупной промышленностью. Вмѣсто того, чтобы быть источникомъ растущаго могущества бюрократическаго государства, промышленность сама нуждалась теперь въ жертвахъ съ его стороны, чтобы устоять противъ кризиса. Правительство вынуждалось обратить вниманіе на совершенно игнорировавшіяся имъ въ моментъ подъема области народнаго хозяйства и задуматься объ „оскудѣніи центра" и положеніи земледѣлія. Аграрный вопросъ (образованіе сельско-хозяйственныхъ комитетовъ) выдвигается на первый планъ, и общественному мнѣнію дается возможность вести во имя интересовъ страны атаку противъ односторонняго промышленнаго протекціониз-

ма 90-хъ годовъ. Если во главѣ этой политической кампаніи идетъ либерализмъ, преслѣдующій цѣли освобожденія экономическаго развитія отъ путъ, наложенныхъ сословно-крѣпостническимъ режимомъ, то за нимъ въ земствахъ и сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, въ печати и въ бюрократическихъ учрежденіяхъ выступаютъ аграріи, стремящіеся использовать въ своихъ интересахъ государственную машину, до сихъ поръ работавшую преимущественно для городского капитала. Тѣмъ самымъ уже создавалась въ правительственныхъ кругахъ благопріятная почва для игнорированія интересовъ капиталистическаго класса тамъ, гдѣ они сталкивались съ соображеніями бюрократіи о нѣкоторомъ успокоеніи высоко вздымавшихся волнъ рабочаго движенія.

Но для расцвѣта „зубатовщины" имѣлось еще одно основаніе. Политическое движеніе, въ которое начинали втягиваться рабочія массы, объединяло ихъ съ демократической интеллигенціей, которая первоначально стояла въ центрѣ политической борьбы и за которой виднѣлись ряды либеральной буржуазной и помѣщичьей оппозиціи. Для реакціонныхъ дворянско-бюрократическихъ круговъ отвлеченіе рабочихъ отъ с.-д.-тіи становилось, поэтому, средствомъ ихъ мобилизаціи противъ оппозиціоннаго движенія: опираясь на темный классовый инстинктъ, реакціонеры надѣялись организовать „черносотенное" движеніе народныхъ массъ, во имя союза монархіи съ пролетаріатомъ, противъ либеральной буржуазіи и демократической интеллигенціи. Такимъ образомъ, первоначальная задача, поставленная зубатовщиной — отвлечь пролетаріатъ отъ соціалъ-демократіи — расширялась до задачи рѣзко столкнуть его со всѣмъ общественнымъ оппозиціоннымъ движеніемъ. Для этой цѣли приходилось уже пускать въ ходъ болѣе крупныя тактическія средства, чѣмъ тѣ, съ помощью которыхъ пытались оперировать въ Москвѣ въ 1899 году Зубатовъ и Треповъ. И прежде всего приходилось ограничить принципъ благожелательной полицейской опеки, допустивъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ и въ извѣстномъ направленіи, развитіе самодѣятельности самихъ рабочихъ массъ.

Высшіе представители правительственной власти въ своихъ соображеніяхъ по рабочему вопросу, относящихся къ 1901 г., еще цѣликомъ проникнуты чисто-охранительными соображеніями объ огражденіи на фабрикахъ общественнаго порядка. Такъ, шефъ жандармовъ, кн. Святополкъ-Мирскій, признавая [1]), что „въ самой жизни рабочихъ есть не мало условій, облегчающихъ пропагандистамъ ихъ разрушительную дѣятельность" и что, благодаря этому, „поставивъ себѣ цѣлью создать изъ рабочихъ организованныя массы для борьбы съ правительствомъ, пропагандисты, къ сожалѣнію, значительно успѣли въ этомъ",—приходитъ къ выводу объ отдачѣ подъ усиленный надзоръ воскресныхъ школъ, о созданіи „правильно организованныхъ библіотекъ для рабо-

[1]) Записка по поводу безпорядковъ на Обуховскомъ и др. заводахъ. См. у Озерова. l. c., стр. 131—2.

чихъ", объ изданіи правительственнаго органа, который бы вытѣснилъ изъ обращенія подпольные листки. Святополкъ-Мирскій согласенъ предоставить рабочимъ право имѣть довѣренныхъ для переговоровъ съ капиталистами, такъ какъ „просьбы и заявленія, облеченныя въ законную форму, уже не имѣли бы тогда характера протеста, опаснаго для спокойствія". Но, рядомъ съ этой реформой, онъ предлагаетъ устройство фабричныхъ помѣщеній не только для того, чтобы „заставить рабочихъ болѣе дорожить своимъ положеніемъ", но и чтобы „облегчить надзоръ за ихъ настроеніемъ и попытками внѣшняго воздѣйствія". Въ 1901 году это было слишкомъ полицейски ограниченно даже и для высшей бюрократіи. Святополкъ-Мирскій безконечно отсталъ и отъ варшавскаго генералъ-губернатора, князя Имеретинскаго, и отъ одесскаго градоначальника, графа Шувалова, которые за 2 года до него излагали свои соображенія по рабочему вопросу. Гр. Шуваловъ, напр., уже додумался до необходимости „открыть пути для образованія, облегчить устройство чтеній и библіотекъ, возможно широко распространять среди рабочихъ дешевыя книги, даже безплатно,...—книги, которыя откроютъ пытливому уму рабочаго несравненно болѣе широкіе горизонты, чѣмъ тѣ, которые указываются въ подпольной литературѣ"; до необходимости сократить рабочее время и нежелательности бороться съ рабочими путемъ административныхъ высылокъ [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 133—4.

Министръ Сипягинъ послѣ объѣзда 4-хъ губерній центральнаго района предлагалъ въ своей запискѣ „поступательное развитіе" фабричнаго законодательства и созданіе „среди самихъ рабочихъ устойчиваго и консервативнаго элемента, который являлся бы опорой существующаго общественнаго строя не въ силу однихъ лишь смутныхъ чувствъ и привычекъ, имѣющихъ безсознательный корень въ прошломъ народной жизни, а сознательно, въ силу ясно понимаемой и ощущаемой связи повседневныхъ личныхъ интересовъ съ интересами порядка и спокойствія". Для этой цѣли предлагаются: участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятій и пріобрѣтеніе усадебной осѣдлости. Сверхъ того, Сипягинъ намѣчаетъ усиленіе правительственной регламентаціи на фабрикѣ вплоть до регулированія заработной платы и до запрещенія законодательнымъ путемъ предпринимателямъ вносить во время стачекъ измѣненія въ условія найма безъ согласія фабричной инспекціи. Понятно, что при такой общей тенденціи у Сипягина нѣтъ и намека на возможность свободы коалицій и желательность какихъ бы то ни было рабочихъ организацій [1]).

Въ то время, какъ высшая власть топталась на одномъ мѣстѣ, московская полиція сдѣлала смѣлый экспериментъ, шедшій далеко впереди самыхъ крайнихъ ея мечтаній о прирученіи рабочаго движенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ экспериментъ могъ быть продѣланъ на

[1]) Тамъ же, стр. 135—141.

виду у проникнутаго бюрократической рутиной правительства, лишь благодаря исключительному авантюризму начальника московскаго охраннаго отдѣленія, Зубатова.

Бывшій революціонеръ, предавшій (въ 80-хъ гг.) своихъ товарищей, Зубатовъ, ставъ сначала провокаторомъ, въ серединѣ 90-хъ годовъ былъ назначенъ начальникомъ охраннаго отдѣленія и въ этой должности проявилъ большое умѣніе въ дѣлѣ организаціи сыска. Развивъ до небывалыхъ со временъ Судейкина (1881—83 гг.) размѣровъ систему провокаціи и наводнивъ своими агентами революціонную среду Москвы, онъ достигъ того, что очень сильная въ 94—96 гг. с.-д. организація въ этомъ городѣ была почти совершенно уничтожена въ слѣдующіе годы, и въ то время, какъ въ остальныхъ крупныхъ центрахъ возникали на мѣсто разгромленныхъ новыя организаціи съ болѣе широкимъ размахомъ агитаціи, въ Москвѣ къ концу десятилѣтія царилъ въ революціонной средѣ полный хаосъ, въ которомъ люди боялись приступать къ коллективной работѣ, чтобы не пасть жертвою полицейской ловушки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развращая и подкупая подходящихъ для того революціонеровъ, Зубатовъ, въ ожиданіи утвержденія правительствомъ своихъ широкихъ плановъ соціальной демагогіи, не ограничивался превращеніемъ своихъ жертвъ въ простыхъ шпіоновъ, но дѣлалъ ихъ пропагандистами „легализаціи" рабочаго движенія путемъ его сближенія съ монархіей.

Получивъ въ 1898 г. порученіе организовать надзоръ за „Бундомъ" въ западномъ краѣ и искусно выслѣдивъ эту организацію, многіе члены которой были арестованы имъ въ срединѣ этого года, Зубатовъ и здѣсь вступилъ въ переговоры съ рядомъ арестованныхъ соціалъ-демократовъ, чтобы найти среди нихъ адептовъ своей политики. Въ 1900 г. выпущенный имъ изъ тюрьмы рабочій Шахновичъ сталъ пропагандировать въ Минскѣ и другихъ городахъ западнаго края, а затѣмъ въ Екатеринославѣ, необходимость коренного измѣненія направленія рабочаго движенія въ сторону отказа отъ революціонно-политическихъ задачъ и сближенія съ правительствомъ на почвѣ мирной культурно-профессіональной работы. Шахновичъ ссылался при этомъ на свои бесѣды съ Зубатовымъ и обѣщанія, данныя ему послѣднимъ о готовности правительства терпѣть и даже поддерживать направленное въ такую сторону рабочее движеніе.

Въ концѣ того же года одна московская учительница, г-жа Дмитріева, вмѣстѣ съ группой рабочихъ выработала и представила властямъ на утвержденіе уставъ общества взаимопощи рабочихъ механическаго производства.

Стремленіе къ образованію такихъ обществъ, чуждыхъ боевыхъ задачъ и ставящихъ цѣлью самопомощь и обслуживаніе нѣкоторыхъ культурныхъ нуждъ, продолжало сказываться въ рабочемъ классѣ по мѣрѣ роста его экономической борьбы и пробужденія самодѣятельности въ такихъ его группахъ, которыя, въ силу ли большей матеріальной обезпеченности, въ силу ли болѣе зрѣ-

лаго возраста или въ силу консервативнаго настроенія, чуждались участія въ подпольныхъ кассахъ и организаціяхъ, охватывавшихъ преимущественно весьма революціонно настроенную рабочую молодежь. По мѣрѣ погруженія самихъ с.-д. комитетовъ въ сферу профессіональной агитаціи, въ ихъ собственной средѣ являлись партизаны разныхъ видовъ мирной рабочей организаціи, и на нихъ, наприм., часто обращала вниманіе петербургская „Рабочая Мысль". Въ рядахъ организованныхъ с.-д. передовыхъ рабочихъ появлялись единицы, принципіально не враждебныя классовой борьбѣ въ ея формѣ профессіональной борьбы, но находившія темпъ, принятый этой борьбой въ Россіи, слишкомъ ускореннымъ и недовольныя одностороннимъ развитіемъ экономической агитаціи въ ширь въ то время, какъ не дѣлалось попытокъ крѣпко сплотить и организовать болѣе культурные элементы пролетаріата. Кружокъ рабочихъ такого направленія сгруппировался въ концѣ 90-хъ гг. въ Иваново-Вознесенскѣ вокругъ техника Кондратьева и переплетчика Евдокимова. Считая себя с.-д., члены этого кружка держались въ сторонѣ отъ стачечнаго движенія и искали болѣе мирныхъ и легальныхъ путей экономической самодѣятельности.

Возникшее въ концѣ же 90-хъ гг. бернштейніанское или ревизіонистское теченіе среди соціалистической интеллигенціи, пропагандировавшее смягченіе классовой борьбы и настаивавшее на важности мирныхъ формъ рабочаго движенія, усилило эти тенденціи. Съ наступленіемъ промышленнаго кризиса и затрудненіемъ условій экономической борьбы, идея рабочей организаціи для цѣлей простой взаимопомощи должна была пустить болѣе глубокіе корни. Въ 1898 г. въ Харьковѣ основалось „общество взаимопомощи лицъ, занимающихся ремесленнымъ трудомъ", явившееся, по сравненію съ обществами болѣе давняго происхожденія, наиболѣе близкимъ къ западно-европейскимъ рабочимъ организаціямъ не-боевого типа. Это общество имѣло значительный успѣхъ, образовывало секціи въ другихъ центрахъ юга и, съ развитіемъ рабочаго движенія въ Харьковѣ, пріобрѣтало замѣтное вліяніе на менѣе увлеченные политикой и болѣе умѣренные по настроенію слои заводскихъ рабочихъ. Большое вліяніе на самое общество оказывали переселившіеся въ Харьковъ представители упомянутаго выше „иваново-вознесенскаго толка". Къ 1 янв. 1902 года харьковское общество насчитывало 593 члена, къ 1 янв. 1903—877. Выступая нерѣдко противъ революціонныхъ стремленій с.-д., харьковскіе „экономисты", тѣмъ не менѣе, держались вполнѣ независимо по отношенію къ правительству и были всегда политически - прогрессивны; поэтому, само общество нерѣдко подвергалось преслѣдованіямъ администраціи, а послѣ майскихъ событій 1900 года его предсѣдатель былъ арестованъ.

Въ другихъ городахъ тоже проявлялось стремленіе организоваться легально въ общества взаимопомощи. Въ 1899—1901 гг. такихъ обществъ основано 5 (въ Петербургѣ

два, 2 въ Бѣлостокѣ и его уѣздѣ и 1 въ Москвѣ [1]).

Такимъ образомъ, упомянутая выше попытка кружка московскихъ рабочихъ не заключала въ себѣ ничего исключительнаго. Но, идя навстрѣчу политическимъ планамъ Зубатова, она сыграла своеобразную роль въ исторіи рабочаго движенія.

Агенты Зубатова—на первыхъ порахъ преимущественно Афанасьевъ, рабочій изъ бывшихъ с-д.—пріобрѣли вліяніе на кружокъ иниціаторовъ и придали его дѣятельности необычный характеръ.

Какъ и всѣ подобные кружки стоявшихъ внѣ с-д-тіи, но затронутыхъ классовымъ движеніемъ рабочихъ, члены московскаго кружка были настроены въ общественномъ смыслѣ прогрессивно. Образованіе обществъ взаимопомощи они связывали съ удовлетвореніемъ своихъ культурныхъ интересовъ. На этой почвѣ у нихъ возникла мысль объ устройствѣ собесѣдованій по рабочему вопросу между рабочими и благонадежными въ полицейскомъ отношеніи, но прогрессивными интеллигентами. Паника, которую вызвало въ мѣстной администраціи бурное участіе московскихъ рабочихъ массъ въ февральскихъ демонстраціяхъ 1901 г., заставила ее допустить устройство такихъ собесѣдованій, чтобы попытаться отвлечь рабочихъ отъ общенія съ с.-д. интеллигенціей и студенчествомъ.

По разсказу виднаго участника этихъ событій, проф. Озерова, рабочіе прежде всего обратились къ академику Янжулу, прося о содѣйствіи осуществленію ихъ кассы взаимопомощи. Послѣдній ихъ направилъ къ проф. Озерову, а Левъ Толстой, съ которымъ они также совѣтовались,—къ пр.-доц. В. Э. Дэну. Самый фактъ обращенія къ Л. Толстому, только что передъ тѣмъ отлученному синодомъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что иниціаторы попытки не были сознательно одушевлены реакціонными стремленіями. Переговоры рабочихъ съ проф. Озеровымъ и Дэномъ и привели къ упомянутымъ бесѣдамъ, изъ которыхъ первая была устроена въ помѣщеніи общества народныхъ развлеченій въ маѣ 1901 г. и была посвящена вопросу объ обществахъ взаимопомощи.

Въ этомъ и слѣдующихъ собесѣдованіяхъ, происходившихъ вплоть до ноября и собиравшихъ по нѣсколько сотъ рабочихъ, участвовали, въ качествѣ руководителей, гг. Дэнъ, Анофріевъ, Озеровъ, Мануиловъ, Езерскій, Вормсъ и нѣкоторые другіе—все люди, принадлежащіе къ прогрессивному лагерю. Собесѣдованія посвящались вопросамъ о кассахъ взаимопомощи, потребительныхъ обществахъ, биржахъ труда, квартирной нуждѣ, продолжительности рабочаго дня, коллективномъ договорѣ и т. д. Программа ихъ заранѣе утверждалась оберъ-полицеймейстеромъ, и самыя бесѣды происходили подъ контролемъ чиновниковъ полиціи.

Необычайность таких собраній въ то время, когда правительство не разрѣшало никакого обсужденія общественныхъ вопросовъ, покро-

[1]) См. Прокоповичъ. „Къ рабочему вопросу“. Стр. 38 и сл.

вительство имъ со стороны московской полиціи и связь всего предпріятія съ агитаціей зубатовцевъ— все это заставило с.-д. и радикальную интеллигенцію Москвы отнестись въ высшей степени подозрительно къ этому дѣлу, тѣмъ болѣе, что уже скоро среди рабочихъ стали говорить о случаяхъ, когда выступленіе на собраніяхъ рабочихъ-соціалистовъ вело къ ихъ аресту. Сами бесѣды профессоровъ не только отличались чрезвычайной и весьма понятной осторожностью, но и носили на себѣ явную печать недоговоренности и умолчанія о такихъ сторонахъ разбираемыхъ вопросовъ, которыя сколько-нибудь затрогивали интересы правительства. Достаточно упомянуть, что, напр., проф. Озеровъ прославлялъ введенную Витте винную монополію, какъ средство борьбы съ алкоголизмомъ, и восхвалялъ дѣятельность „попечительствъ о народной трезвости“ въ то время, какъ самая умѣренная часть прогрессивной прессы отмѣчала ихъ реакціонный характеръ.

Съ осени 1901 года нѣкоторые руководители собраній стали раздавать рабочимъ анкетные листки для полученія свѣдѣній о продолжительности рабочаго времени и другихъ условіяхъ труда. Для выработки отвѣтовъ на заданные вопросы стали устраиваться районные собранія рабочихъ въ разныхъ трактирахъ подъ руководствомъ болѣе вліятельныхъ организаторовъ кассы взаимопомощи. На нѣкоторыхъ районныхъ собраніяхъ присутствовало по 200—400 человѣкъ. Руководители районныхъ собраній собирались регулярно для согласованія своей дѣятельности, и изъ ихъ совѣщаній возникъ такъ называемый „Совѣтъ рабочихъ механическаго производства г. Москвы“. Рабочіе отнеслись къ этому Совѣту, какъ къ естественной формѣ своего профессіональнаго представительства и стали обращаться къ нему со всякаго рода жалобами и за указаніями, а Совѣтъ пытался выступать въ роли посредника передъ капиталистами и властями.

По изображенію проф. Озерова, районныя собранія были посвящены профессіональнымъ интересамъ рабочихъ. На самомъ дѣлѣ, съ возобновленіемъ осенью 1901 г. студенческаго движенія и уличныхъ демонстрацій, руководители районныхъ собраній, являвшіеся видными „зубатовцами“ (Красивскій, Афанасьевъ, Соколовъ, Слѣповъ и др.) и получившіе соотвѣтственныя инструкціи, стали все чаще ставить на обсужденіе вопросы политическіе. Они знакомили слушателей съ исторіей политическихъ движеній и программами партій, ведя при этомъ демагогическую агитацію противъ конституціоннаго движенія, какъ движенія буржуазіи, желающей стать у власти, чтобы поработить рабочихъ. Особенно старались возбудить рабочихъ противъ студенческаго движенія и укрѣпить въ нихъ представленіе о самодержавіи, опирающемся на рабочій классъ и защищающемъ ихъ интересы противъ капитала. Отдѣльные рабочіе пытались бороться съ этой демагогіей, противопоставляя ей с-д-тическую критику. Но здѣсь, внѣ наблюденія профессоровъ, съ оппонентами расправлялись еще болѣе безцеремонно,

чѣмъ на общихъ собраніяхъ. Самъ г. Озеровъ, идеализирующій московское предпріятіе, разсказываетъ, что на одномъ изъ собраній полицейскій приставъ отобралъ у рабочихъ № „Русской Мысли“, который они читали, и обругалъ ихъ. Въ Совѣтѣ противъ Афанасьева и Слѣпова также поднялась оппозиція, настаивавшая на устраненіи политики изъ его дѣятельности; но зубатовцы, дѣйствуя въ высшей степени авторитарно, постепенно вытѣснили всѣ независимые элементы, и вскорѣ Совѣтъ сталъ вполнѣ сознательнымъ проводникомъ зубатовско-полицейской политики.

Агитація с.-д., клеймившихъ дѣятельность либеральныхъ дѣятелей, которые протянули руку полицейскимъ интриганамъ и демагогамъ, не могла остаться безъ слѣда. Правда, благодаря вышеотмѣченной слабости с.-д-тической рабочей организаціи въ Москвѣ, со стороны рабочихъ никакой серьезной борьбы противъ происковъ зубатовцевъ не проявилось, и наиболѣе радикальные элементы послѣ ареста лицъ, выступавшихъ на собраніяхъ, большею частью старались держаться въ сторонѣ отъ зубатовцевъ. Но въ разгоряченной политическими волненіями средѣ интеллигенціи агитація с.-д. вызвала негодованіе противъ гг. Озерова и другихъ, и къ осени 1901 г. В. Э. Дэнъ отстранился отъ собесѣдованій, а чрезъ нѣкоторое время и остальные лекторы обратились къ проф. П. Г. Виноградову и В. Ю. Скалону съ просьбой разсмотрѣть вопросъ о желательности продолженія ихъ участія въ собесѣдованіяхъ. 7 декабря гг. Виноградовъ и Скалонъ вынесли свой вердиктъ, который призналъ извѣстную полезность даннаго дѣла, нашелъ неубѣдительными доводы его критиковъ, но, тѣмъ не менѣе, указалъ, что его продолженіе желательно лишь при соблюденіи извѣстныхъ гарантій „успѣшности и чистоты дѣла“. Въ числѣ такихъ гарантій были указаны: 1) самостоятельность и коллегіальность веденія бесѣдъ лекторами, которымъ рекомендовалось „примкнуть къ какому-нибудь авторитетному обществу, напр., къ россійскому техническому“; 2) отстраненіе лекторовъ отъ всякой „опеки“ надъ совѣтомъ, районными собраніями, кассой взаимопомощи и т. д.

Смыслъ вердикта былъ совершенно ясенъ: лекторамъ предлагалось поставить свою дѣятельность подъ контроль надежной прогрессивной группы и отстраниться отъ той сферы практическаго руководства рабочими, гдѣ они приходили въ двусмысленное соприкосновеніе съ зубатовцами. Но такъ какъ эти условія были явно непріемлемы для Трепова и Зубатова, то дѣло сводилось къ прекращенію бесѣдъ. Такъ оно и было въ дѣйствительности. Зубатовское предпріятіе вступило во второй фазисъ своего развитія: отказавшись отъ попытки прикрываться именемъ представителей либеральной науки, зубатовцы окончательно вступили на путь открытой реакціонной политики. Слѣповъ и его коллеги вступили въ непосредственную связь съ редакціей „Московскихъ Вѣдомостей“, и этотъ органъ взялъ ихъ подъ свое покровительство.

Дѣятельность зубатовцевъ расширялась: рядомъ съ рабочими механическаго производства, они начали организовывать ткачей, которые также ходатайствовали объ утвержденіи общества взаимопомощи. Далѣе намѣчались организаціи пуговичниковъ, табачниковъ, булочниковъ. Переходя къ открытой контръ-революціонной агитаціи, зубатовцы уже не дорожили болѣе культурными металлистами, передъ которыми имъ приходилось фигурировать въ роли сторонниковъ ученій Зомбарта и даже Э. Бернштейна, и начали спускаться къ болѣе темнымъ слоямъ рабочаго населенія. Контръ-революціонная агитація велась все громче, и среди отсталой части рабочихъ въ началѣ 1902 г. стала ходить легенда о предстоящемъ отобраніи фабрикъ въ вѣдѣніе самого монарха. На фабрикахъ въ началѣ 1902 г. начало происходить броженіе; кое-гдѣ вспыхивали стачки.

Передъ зубатовцами стояла опредѣленная ближайшая задача, и они ее осуществили. 19-го февраля 1902 г. имъ удалось устроить громадную патріотическую рабочую демонстрацію передъ памятникомъ Александра II въ присутствіи великаго князя Сергія, который говорилъ рабочимъ рѣчь и послѣ принялъ депутацію зубатовцевъ. Такая демонстрація, организованная въ моментъ, когда по всей Россіи происходили манифестаціи революціонныя, знаменовала значительный успѣхъ, который опьянилъ зубатовцевъ. Они рѣшительнѣе прежняго стали дѣйствовать въ роли представителей рабочихъ передъ капиталистами и обѣщать возбужденнымъ рабочимъ массамъ немедленное осуществленіе ихъ пожеланій.

По словамъ совѣщанія, образованнаго впослѣдствіи министромъ финансовъ для выясненія положенія на московскихъ фабрикахъ [1]), „число забастовокъ въ настоящемъ году въ значительной степени превышаетъ обычную норму, наблюдается огромное, небывалое количество коллективныхъ заявленій о неудовольствіяхъ, число коихъ съ теченіемъ времени увеличивается все болѣе. При этомъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ январѣ и февралѣ 1902 года недовольство выражали почти исключительно рабочіе московскихъ городскихъ фабрикъ, въ мартѣ же изъ общаго числа 60 слишкомъ заявленій уже около трети исходитъ изъ фабрикъ, расположенныхъ въ уѣздахъ, что съ очевидностью указываетъ на процессъ распространенія московскаго движенія... Въ умахъ рабочихъ создалось непоколебимое убѣжденіе, что эти организаціи созданы съ исключительной цѣлью защиты интересовъ рабочихъ противъ фабрикантовъ, вслѣдствіе чего всѣ разъясненія и обѣщанія, исходящія отъ главныхъ дѣятелей сихъ органовъ, принимаются рабочими съ слѣпой вѣрой въ ихъ правильность и осуществимость, несмотря на явную иногда ихъ нелѣпость". Въ примѣръ приводятся интересныя постановленія московскихъ ткачей: коллективный договоръ, заключаемый обществомъ ткачей, обязательство не поступать на фабрики,

---

1) Озеровъ. Стр. 234.

не принявшія условій организаціи, и не доставлять работы тѣмъ рабочимъ, которые не примкнутъ къ организаціи (при пріемѣ на фабрику неорганизованныхъ, организованные должны объявить расчетъ).

Инспекція владимірск. губ. писала, что московское движеніе волнуетъ механическихъ рабочихъ въ Ковровѣ; рязанская,—что „если не будетъ парализована дѣятельность московскаго союза рабочихъ механическаго производства, она крайне печально можетъ отразиться на настроеніи рабочихъ". То же писали изъ ярославской и даже пермской губ., гдѣ шла рѣчь о созданіи союза по образцу московскаго.

Такое распространеніе зубатовщины совершалось не безъ прямого участія чиновъ администраціи. Не говоря уже о западномъ краѣ, гдѣ велась самостоятельная работа зубатовцевъ, есть свѣдѣнія о дѣятельности въ этомъ направленіи фабричнаго испектора въ Екатеринославѣ (подъ его вліяніемъ создалось общество взаимопомощи печатниковъ), полицейскихъ властей въ Костромѣ и Николаевѣ, саратовскаго губернатора Энгельгарда въ Царицынѣ, полицеймейстера въ Бердичевѣ, жандармскихъ полковниковъ Новицкаго въ Кіевѣ (содѣйствіе образованію производительной артели портныхъ, рѣчь на ея открытіи) и Потоцкаго въ Житомірѣ. Въ Ярцевѣ, смоленск. губ., на извѣстной фабрикѣ Хлудова образовано въ 1902 г. при участіи полиціи, духовенства и фабричной администраціи „братство" рабочихъ съ цѣлями „борьбы съ крамолой".

Съ другой стороны, въ тревожныхъ донесеніяхъ фабричныхъ испекторовъ, дѣйствовавшихъ въ полной солидарности съ капиталистами, проглядывало настроеніе этихъ послѣднихъ. Они уже раньше косились на дѣятельность зубатовцевъ, и еще лѣтомъ 1901 г. на заводѣ Винтера былъ случай увольненія 10 рабочихъ за распространеніе воззванія, приглашающаго записываться въ потребительное общество. 21-го февраля 1902 г. произошла забастовка на шелковой фабрикѣ Мусси и у Гужона; рабочіе, руководимые Слѣповымъ и К°, требовали не только возвышенія платы, но и возвращенія неправильныхъ вычетовъ за рядъ лѣтъ. Гужонъ жаловался Трепову на дѣйствія агентовъ охраны, выступавшихъ въ роли подстрекателей. Треповъ отвѣчалъ угрозами и сталъ донимать фабрику санитарными протоколами. Гужонъ, въ качествѣ французскаго гражданина, обратился къ своему консулу, а московскій биржевой комитетъ отправилъ депутацію къ Витте. Аналогичные эпизоды повторились на Прохоровской мануфактурѣ и на фабрикѣ Бѣляева. Прохорову охрана, въ случаѣ неуступчивости, грозила высылкой изъ Москвы.

Группа крупныхъ промышленниковъ обратилась въ министерство финансовъ съ запиской [1]), въ которой жаловалась на зубатовскую агитацію. „Объединеніе принадлежащихъ къ различнымъ фабрикамъ рабочихъ является крайне опаснымъ, въ особенности въ томъ настроеніи, когда они задаются уже разборомъ вопросовъ общегосудар-

---

[1]) Озеровъ. Стр. 214.

Ѳ. Ѳ. Каменскій. Молодой скульпторъ.

(Русскій Музей Имп. Александра III въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

7

ственныхъ, и если въ предоставленіи имъ извѣстной организаціи имѣется въ виду отвлеченіе ихъ отъ участія въ антиправительственной дѣятельности, то не менѣе опаснымъ оказывается допущеніе ихъ къ дѣятельности анти-капиталистической, которая, несомнѣнно, имѣетъ одинаковое политическое значеніе, тѣмъ болѣе, что справиться съ массами, увлеченными какимъ-либо успѣхомъ въ этомъ отношеніи, можетъ впослѣдствіи оказаться чрезвычайно труднымъ, если даже не совершенно невозможнымъ... Положеніе чрезвычайно опасно".

Но уже само высшее правительство было испугано. Крупные размѣры патріотической демонстраціи 19-го февраля напугали его самого. Сипягинъ разослалъ по главному управленію по дѣламъ печати циркуляръ, въ которомъ разъяснялъ, что не слѣдуетъ въ этой демонстраціи усматривать признакъ существованія въ Россіи особаго рабочаго сословія [1]). Жалобы московскихъ фабрикантовъ, во главѣ которыхъ стало министерство финансовъ, побудили его вмѣшаться. „Московскимъ Вѣдомостямъ" было предписано умѣрить соціально-реформаторскій пылъ. Стачечники, вовлеченные зубатовцами, были вскорѣ оставлены на произволъ фабрикантовъ, которые рѣшили не дѣлать никакихъ уступокъ. Стачечное движеніе затихло, и зубатовская эпопея въ Москвѣ вступила въ третью и послѣднюю фазу. 14-го февраля 1902 г. былъ, наконецъ, утвержденъ правительствомъ уставъ общества механическихъ рабочихъ, проектъ котораго былъ выработанъ проф. Озеровымъ. Уставъ утвержденъ съ большими искаженіями, и дѣятельность общества поставлена въ болѣе тѣсныя границы по сравненію съ харьковскимъ. Члены правленія должны утверждаться администраціей, лица, состоящія подъ надзоромъ полиціи, въ общество не допускаются, а безработные, пострадавшіе отъ административныхъ мѣръ, лишаются права на пособіе.

Теперь на районныхъ собраніяхъ стали говорить о гармоніи интересовъ труда и капитала, осуждать стачки и призывать исключительно къ мирной взаимопомощи. Возобновились и бесѣды, но въ качествѣ лекторовъ теперь выступали предсѣдатель цензурнаго комитета Назаревскій, отецъ Фудель и другія духовныя лица, а также Левъ Тихоміровъ. Бесѣды скоро зачахли, а касса взаимопомощи, въ утвержденномъ правительствомъ видѣ, настолько не увлекла собою рабочихъ, что съ 1 марта по 14-ое сентября въ нее записалось всего 197 членовъ. Среди фабрикантовъ нашлись люди, которые при такомъ измѣненіи характера зубатовской политики соглашались ее поддерживать и нѣкоторые изъ нихъ вносили пожертвованія въ кассы взаимопомощи. Но въ глазахъ большинства промышленниковъ дѣло было окончательно скомпрометировано, и 26-го іюня 1902 г. Зубатовъ на собраніи фабрикантовъ въ трактирѣ Тѣстова пытался уже представить всю свою дѣятельность, какъ руководимую прежде

---

[1]) „Освобожденіе", №№ 17 и 21.

всего заботой объ интересахъ капиталистическаго класса, который „нынѣ поставленъ въ обособленное отъ всѣхъ сословій положеніе—настолько, что рабочій классъ, интеллигенція и духовенство смотрятъ уже на представителей этого сословія, говоря вообще, какъ на мошенниковъ“. По словамъ Зубатова, „наше торгово-промышленное сословіе можетъ найти искреннее сочувствіе и защиту своихъ законныхъ правъ только въ охранномъ отдѣленіи канцеляріи г. московскаго оберъ-полицеймейстера, которое, сознавая всю трудность положенія этого сословія, принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ предупрежденію и пресѣченію преступленій, направляемыхъ противъ него, какъ представителя капитала, со стороны рабочаго класса и интеллигенціи. Но, къ сожалѣнію, само торгово-промышленное сословіе, не будучи посвящено во всѣ изгибы дальновидной и прозорливой политики охраннаго отдѣленія, не только не сочувствуетъ его предначертаніямъ, но даже, повидимому, противодѣйствуетъ имъ“.

Эту оппозицію Зубатовъ объясняетъ „ложными слухами, распускаемыми французскимъ гражданиномъ Гужономъ“, и жалуется, что названный фабрикантъ, „не взирая на то, что подлежалъ строгой отвѣтственности.., не былъ привлеченъ къ оной ни въ судебномъ, ни въ административномъ порядкѣ“. Относительно фабричной инспекціи Зубатовъ прямо заявляетъ, что она „потеряла въ глазахъ рабочихъ всякое довѣріе“. „Именно поэтому охранное отдѣленіе... не только рѣшилось принять на себя часть обязанностей фабричной инспекціи.., но и почти склонно поставить на самомъ этомъ учрежденіи, какъ на анахронизмѣ, крестъ“.

Въ цѣляхъ предотвращенія роста рабочаго движенія, охранное отдѣленіе признаетъ полезнымъ „расширеніе правъ фабричныхъ рабочихъ, но отнюдь не въ законодательномъ порядкѣ, какъ на этомъ настаиваетъ г. министръ финансовъ, а въ порядкѣ, такъ сказать, внѣзаконномъ, нелегальномъ“. Рабочіе должны имѣть на каждой фабрикѣ свой „комитетъ“, вѣдающій ихъ экономическія нужды, избираемый самими рабочими и являющійся посредникомъ между ними и хозяевами. Допускается общеніе между комитетами, а „общій надзоръ за комитетами сосредоточивается въ охранномъ отдѣленіи, которое назначаетъ въ сихъ цѣляхъ особыхъ изъ среды опытныхъ и благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусствѣ управлять народными громадами, массами“. Такихъ агентовъ, по словамъ Зубатова, охранное отдѣленіе не прочь принимать даже изъ числа рабочихъ, отбывшихъ административную ссылку.

„Въ видѣ перваго опыта, такъ сказать, генеральной репетиціи управленія народными громадами, былъ произведенъ 19 февр. начальникомъ охраннаго отдѣленія сборъ всѣхъ фабричныхъ рабочихъ къ памятнику Царя-Освободителя, гдѣ выборные возложили вѣнокъ. Этотъ внезапный сборъ 50.000 толпы... вызвалъ востороженное умиленіе Е. И. В. Августѣйшаго Ген.-Губ. и

Его Превосходительства г. московскаго оберъ-полицеймейстера". Внѣзаконный путь отстаивается охраной „по соображеніямъ высокой государственной важности, на основаніи коихъ можетъ дѣйствовать пока только г. московкій оберъ-полицеймейстеръ". Иначе говоря, въ силу оппозиціи высшаго правительства въ лицѣ Витте, а можетъ быть, и Плеве, зубатовской политикѣ. Увѣряя, что охранное отдѣленіе уже успѣло снискать „искреннѣйшее довѣріе рабочихъ", Зубатовъ призываетъ промышленниковъ „лишь замкнуть ту цѣпь, отдѣльными звеньями которой являются рабочій классъ, интеллигенція и духовенство, сплотившіеся около обожаемаго Августѣйшаго хозяина столицы".

Это обращеніе къ фабрикантамъ не имѣло никакого успѣха и само знаменовало уже банкротство московскихъ зубатовцевъ, обязавшихся передъ рабочими массами организовать наступательную борьбу противъ капитала. Московскіе капиталисты продолжали, опираясь на министерство финансовъ, бороться противъ опаснаго эксперимента, и вскорѣ самъ Зубатовъ былъ переведенъ Плеве въ Петербургъ.

Одновременно съ московскими зубатовцами выступили минскіе. Здѣсь вдохновителемъ демагогіи явился одинъ изъ помощниковъ Зубатова, жандармскій офицеръ Васильевъ. Но „Бундъ" пустилъ въ рабочихъ массахъ гораздо болѣе прочные корни, чѣмъ с.-д. комитетъ въ Москвѣ, и руководимая имъ еврейская рабочая масса не могла увлечься идеей патріархальной полицейской опеки, какъ средства улучшенія своего положенія. Равнымъ образомъ, и исполнители, которыхъ Васильевъ могъ избрать здѣсь орудіями проведенія своей политики, имѣли болѣе принципіально обоснованное міровоззрѣніе, чѣмъ Красовскіе и Афанасьевы. Это были рабочій и работница, которые во время заключенія въ московской тюрьмѣ познакомились съ Зубатовымъ и—не безъ его вліянія—склонились къ принципамъ европейскаго ревизіонизма или поссибилистическаго соціализма. Въ изданномъ ими осенью 1901 г. воззваніи они излагали принципы „Еврейской независимой рабочей партіи". Въ этомъ воззваніи ихъ отпаденіе отъ „Бунда" объясняется тѣмъ, что для послѣдняго „экономическая дѣятельность является средствомъ революціонизировать рабочую массу, и потому „Бундъ" намѣренно игнорируетъ въ своей экономической дѣятельности многія безусловно полезныя для рабочей массы мѣропріятія"; что, внося партійность въ создаваемыя рабочими экономическія организаціи, „Бундъ" тѣмъ самымъ оставляетъ внѣ ихъ несоціалистическую часть рабочихъ и раскалываетъ рабочій классъ; что, наконецъ, благодаря той же партійности его профессіональной политики, въ сторонѣ отъ послѣдней должны оставаться интеллигентныя силы, не принадлежащія къ соціалистическому лагерю, но могущія быть полезными рабочимъ. Въ программу своей дѣятельности „независимые" вводили „поднятіе матеріальнаго и культурнаго уров-

ня еврейскаго пролетаріата посредствомъ культурно-экономическихъ организацій какъ нелегальныхъ, такъ и легальныхъ по мѣрѣ возможности". Намѣчалось созданіе трэдъ-юніоновъ, клубовъ и ассоціацій, распространеніе научныхъ и профессіональныхъ знаній. „Партія" не выставляла никакой политической программы и стремилась „объединять для экономической и культурной дѣятельности рабочихъ всякихъ политическихъ взглядовъ и вовсе безъ нихъ".

Безспорно „независимая партія" отразила въ этомъ воззваніи тенденціи нѣкоторыхъ слоевъ пролетаріата, которыхъ не удовлетворялъ или отпугивалъ революц.-соціал. и политическій характеръ дѣятельности с.-д. организаціи,— слои, изъ которыхъ въ любой странѣ вербуются кадры „чистыхъ" профессіоналистовъ и кооператистовъ. Въ этомъ смыслѣ она продолжала традиціи „экономистовъ" „Рабочей Мысли", кружка „иваново-вознесенцевъ" и другихъ элементовъ, образовавшихся внутри самой с.-д. Но она отразила эти тенденціи въ самой уродливой формѣ. Стоявшая за кулисами организаціи жандармерія стремилась сдѣлать ее простымъ орудіемъ развращенія рабочихъ посредствомъ подкупа и застращиванія. Никакихъ легальныхъ организацій минскимъ рабочимъ образовать не дали и лишь разрѣшили собираться нѣкоторымъ цехамъ для обсужденія своего положенія и не преслѣдовали стачекъ, устраиваемыхъ „независимцами". Но такъ какъ, параллельно съ тѣмъ, рабочіе-бундовцы продолжали подвергаться все болѣе суровымъ преслѣдованіямъ, то первоначальный успѣхъ „независимыхъ" вскорѣ смѣнился полнымъ недовѣріемъ къ нимъ рабочей массы. Они пытались распространить свою дѣятельность на другіе города Западнаго края, но, сталкиваясь вездѣ съ прочной организаціей „Бунда", терпѣли пораженіе. Въ февралѣ 1903 г. они уже офиціально заявили, что отказываются отъ всякой дѣятельности въ Вильнѣ въ виду несочувствія массъ. Фактически, они, скомпрометировавъ себя актами полицейской провокаціи, къ этому времени потеряли всякое вліяніе во всемъ Западномъ краѣ, откуда ихъ вожди Волинъ, Шаевичъ, г-жа Вильбушевичъ и др. переѣхали на югъ Россіи. Часть находившихся подъ ихъ вліяніемъ рабочихъ, повидимому, образовала впослѣдствіи кадры, примкнувшіе къ лѣвымъ группамъ еврейскаго сіонизма, которыя подчеркивали важность не политическихъ мирныхъ формъ рабочаго движенія.

Осенью 1902 года нѣкоторые московскіе зубатовцы посѣтили рядъ городовъ и пытались завязать связи съ мѣстными рабочими, но попытки оказались неудачными.

Осенью же 1902 г. дѣлается попытка пересадить московскій эксперименть на петербургскую почву подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Зубатова.

Съ осени 1902 г. среди петербургскихъ фабрикантовъ стали ходить слухи о предстоящемъ открытіи какихъ-то легальныхъ рабочихъ организацій. Дѣйствительно, 10 и 17 ноября состоялись собранія нѣсколь-

кихъ рабочихъ механическаго производства въ Выборгскомъ районѣ, являвшихся учредителями обществъ взаимопомощи. Въ числѣ ихъ былъ рабочій Горшковъ, который впослѣдствіи, въ ноябрѣ 1905 года, выступилъ въ роли редактора газеты „Рабочій Голосъ", носившей „революціонно - синдикалистскій" характеръ и одинаково горячо нападавшей и на соціалъ-демократію, и на всесильный въ то время въ рабочихъ массахъ „Совѣтъ рабочихъ депутатовъ". 17-го ноября группа учредителей представлялась Плеве. 10-го декабря въ „Русскомъ Собраніи", въ присутствіи протоіерея Орнатскаго, гр. А. Игнатьева, В. Комарова, Случевскаго, Величко, Сыромятникова, Лелянова, рабочій Соколовъ читалъ докладъ о нуждахъ рабочаго класса и такой же докладъ прочелъ Слѣповъ отъ имени московскаго общества взаимопомощи механиковъ. Они говорили о благотворной роли „Совѣтовъ" московскаго типа и о необходимости государственнаго кредита для кассъ взаимопомощи. Русское собраніе отнеслось къ нимъ очень сочувственно, и реакціонная пресса на нѣкоторое время взяла подъ свое покровительство рабочій классъ.

Между тѣмъ, учредители стали устраивать бесѣды по образцу московскихъ. Однако, съ первыхъ же дней они здѣсь столкнулись съ болѣе рѣшительной, чѣмъ въ Москвѣ, оппозиціей. Оппоненты высмѣивали зубатовскую затѣю, требовали отстраненія агентовъ полиціи и духовенства отъ общества взаимопомощи. На 3-мъ засѣданіи „общества взаимопомощи" рабочіе потребовали, чтобы до обсужденія устава былъ обсужденъ вопросъ объ общихъ задачахъ рабочей организаціи и о гарантіяхъ для ея участниковъ отъ произвола властей, о включеніи въ библіотеку общества книгъ Маркса и Энгельса. Стоявшіе во главѣ учредителей Слѣповъ и Соколовъ были встрѣчены самымъ враждебнымъ образомъ.

Тогда послѣдніе, чтобы пріобрѣсти популярность, стали вмѣшиваться въ конфликты рабочихъ съ хозяевами. Какъ и въ Москвѣ, они отъ механическихъ рабочихъ бросились въ болѣе сѣрую массу ткачей. Въ донесеніи министру финансовъ отъ 11 янв. 1903 г. старшаго фабричнаго инспектора говорится о признакахъ возбужденнаго зубатовцами на фабрикахъ броженія (особенно на фабр. Паля и Штиглица). Согласно донесенію, фабричная инспекція, встревоженная этимъ броженіемъ, вошла въ соглашеніе съ градоначальникомъ о нежелательности повторенія въ Петербургѣ московскаго опыта. Такимъ образомъ, на этотъ разъ зубатовцы наталкивались на противодѣйствіе общей полиціи. Съ другой стороны, фабриканты заняли самую враждебную позицію. Зубатовцы, очевидно, подтянутые свыше, стушевались, Слѣповъ и другіе москвичи отстранились отъ общества механическихъ рабочихъ, и послѣднее прозябало въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, не пытаясь стать во главѣ рабочихъ массъ. Лишь въ 1904 г. при Гапонѣ въ Петербургѣ полиція рѣшилась на серьезный опытъ рабочей организаціи.

Весною 1903 года въ Сормовѣ, пользуясь угнетеннымъ настрое-

ніемъ рабочихъ послѣ процесса и осужденія въ ссылку прошлогоднихъ демонстрантовъ, зубатовцы выпустили рядъ воззваній, призывая къ борьбѣ съ крамолой. Тогда же въ отвѣтъ на листокъ комитета с.-д. партіи, который призывалъ къ борьбѣ съ безсмысленнымъ проведеніемъ досуговъ массы рабочихъ (кулачные бои и т. д.), появилось воззваніе за подписью „группы сормовской молодежи", въ которомъ говорилось: „единственное средство поднять уровень рабочихъ—общество взаимной помощи".

Нѣсколько ранѣе — въ концѣ 1902 г.—такое же воззваніе появилось въ Харьковѣ подъ именемъ „Листка рабочихъ кассъ" отъ имени „харьковскихъ рабочихъ, организовавшихся въ профессіональные союзы". Листокъ призывалъ не обращать вниманія на полицію и организоваться въ профессіональныя общества.

Какъ выше указано, къ 1903 году „независимая рабочая партія" перебралась на югъ. Центромъ ея дѣятельности стала Одесса, гдѣ, подобно Москвѣ, можно было найти, съ одной стороны, довольно широкій слой лучше поставленныхъ и въ то же время трезвенно и умѣренно настроенныхъ рабочихъ, съ другой—громадныя массы темныхъ рабочихъ, стоящихъ на границѣ Lumpenproletariat'а, далекихъ отъ новѣйшихъ политическихъ интересовъ и пригодныхъ для демагогическихъ экспериментовъ (портовые рабочіе и судорабочіе). Вообще говоря, эти два слоя рабочей массы: болѣе пожилая и болѣе мѣщански настроенная часть квалифицированной аристократіи труда и наихуже оплачиваемыя и наиболѣе эксплоатируемыя группы, являлись все время главной средой полицейско-демагогическихъ опытовъ, тогда какъ культурная молодежь привилегированнаго слоя рабочихъ и средняя масса болѣе или менѣе отлившагося въ городской пролетаріатъ слоя оставались опорой партійныхъ организацій.

Первыя попытки „независимыхъ" овладѣть умами одесскихъ рабочихъ потерпѣли фіаско. На собраніяхъ, устраивавшихся во второй половинѣ 1902 г. среди еврейскихъ рабочихъ, они были встрѣчаемы крайне враждебно и организовать этихъ ремесленныхъ рабочихъ имъ не удалось. Лучше въ этомъ смыслѣ для „независимыхъ" обстояло дѣло среди рабочихъ механическихъ заводовъ, менѣе затронутыхъ движеніемъ. Здѣсь глава „независимыхъ", Шаевичъ, вскорѣ организовалъ нелегализованный, но терпимый властями, „Союзъ рабочихъ по металлу г. Одессы". Въ уставѣ Союза было сказано: „Союзъ основанъ для улучшенія условій жизни и труда рабочихъ этого ремесла и для поднятія умственнаго и духовнаго уровня своихъ членовъ путемъ сокращенія рабочаго дня, увеличенія заработной платы, взаимопомощи въ случаѣ болѣзни или нужды, устройства лекцій по общимъ предметамъ и по рабочему вопросу, библіотекъ и пр." Членомъ союза могъ стать всякій рабочій, но переходъ въ положеніе хозяина, подрядчика или мастера велъ за собою исключеніе изъ Союза. Такимъ образомъ, союзъ Шаевича приближался

къ типу боевыхъ профессіональныхъ союзовъ, и его рамки были значительно шире, чѣмъ рамки петербургскаго и московскаго общества.

Первоначально Шаевичъ, какъ и московскіе зубатовцы, не думалъ фактически выходить изъ рамокъ мирной рабочей организаціи, и его агитація носила характеръ преимущественно полемики съ с.-д. Однако, событія оказались сильнѣе его плановъ. Начинавшійся стихійный подъемъ экономической борьбы захватилъ и организованныхъ имъ рабочихъ. При томъ Союзъ былъ скомпрометированъ бѣгствомъ одного изъ кассировъ, помощника Шаевича, Волина, унесшаго съ собою кассу. Когда послѣ этого факта рабочіе стали отпадать отъ Союза, и борьба съ нимъ с.-д. усилилась, Шаевичъ вынужденъ былъ показать рабочимъ Союзъ въ роли руководителя экономической борьбы. Первоначально онъ организовалъ стачки въ мелкихъ мастерскихъ, при чемъ, импонируя хозяевамъ-евреямъ обезпеченной ему поддержкой Плеве [1]), добивался отъ нихъ уступокъ рабочимъ. Въ апрѣлѣ онъ вмѣшался въ конфликтъ рабочихъ съ хозяиномъ болѣе крупнаго завода Рестеля. Здѣсь независимые натолкнулись на противодѣйствіе капиталиста, на помощь которому пришла фабричная инспекція. Союзъ требовалъ принятія на работу уволеннаго рабочаго, инспекція поддерживала фабриканта, принципіально отстаивавшаго свой абсолютизмъ въ дѣлѣ найма и увольненія рабочихъ. Въ упомянутомъ донесеніи фабричный инспекторъ писалъ: „Шаевичъ... называетъ себя докторомъ какого-то германскаго университета, еврей 24—25 л., очень развязенъ, хорошо говоритъ и руководствуется при организаціи рабочихъ не фабричнымъ уставомъ, а „высшей справедливостью“:... Выяснилось, что Союзъ рабочихъ искалъ лишь случая устроить забастовку для испытанія того, какъ будутъ держаться забастовщики, и какую помощь имъ окажутъ члены Союза... Эта забастовка, начатая и веденная Союзомъ рабочихъ безъ всякихъ основаній и совершенно по-мальчишески, сократитъ производство одного изъ самыхъ старыхъ и надежныхъ заводовъ и разрушитъ благосостояніе одесскихъ рабочихъ, имѣвшихъ постоянный и хорошій заработокъ... Администрація и полиція отнеслись къ дѣятельности Союза нерѣшительно и неопредѣленно и своевременно не воспрепятствовали отклоненію Союза отъ задачъ взаимопомощи къ боевой дѣятельности. Нынѣ, послѣ забастовки у Рестеля, администрація и полиція признаютъ направленіе дѣятельности Союза опаснымъ и нежелательнымъ, но отношеніе ихъ къ Союзу и его руководителямъ остается такимъ же нерѣшительнымъ, какъ и раньше“.

Предприниматели рѣшили организовать общество взаимопомощи противъ стачекъ. Рестель не уступилъ своимъ рабочимъ, и Союзъ, поддержавъ ихъ матеріально, вынужденъ былъ, чтобы не потерять

[1]) Въ янв. 1903 г. министерство вн. дѣлъ предписало одесской администраціи не препятствовать Шаевичу (Донесеніе ст. фабр. инспекц. херсонской губ. отъ 24 апр. 1903 г.).

престижа, пойти навстрѣчу рабочимъ другихъ предпріятій, стремившимся на борьбу за улучшеніе условій труда. Такимъ образомъ, въ іюлѣ 1903 г. „независимые“ оказались въ центрѣ стачечнаго движенія, превратившагося во всеобщую забастовку. Волны послѣдней быстро поднялись выше головы Шаевича и независимыхъ, которые могли въ отдѣльные моменты забастовки противодѣйствовать успѣху с.-д., но не могли остановить ея перехода въ пропитанное политическими тенденціями классовое движеніе. Напуганное правительство закрыло Союзъ, арестовало многихъ независимыхъ и выслало Шаевича въ вологодскую губернію. За нимъ пришла очередь Зубатова, который былъ отстраненъ отъ должности и удаленъ въ провинцію.

Но, прежде чѣмъ „независимые“ были разгромлены правительствомъ, они сами констатировали фіаско своей дѣятельности. 6-го іюля состоялся ихъ съѣздъ, на которомъ рѣшено было пріостановить дѣятельность „партіи“. Въ изданномъ по этому поводу заявленіи рѣшеніе мотивируется такъ:

„Правительство, согласно ясно выразившейся послѣ долгихъ колебаній тенденціи, готово допустить легальное рабочее движеніе, на манеръ московскаго... По отношенію же ко всякому движенію, носящему *классовый* характеръ и отнюдь не отождествляющему интересовъ рабочихъ съ предпринимателями,— никакихъ мѣропріятій, кромѣ враждебныхъ, со стороны правительства въ *ближайшіе* годы ожидать нельзя“.

Всеобщая стачка 1903 г. привела съ собою полное банкротство „зубатовщины“. Въ качествѣ попытки отвлечь рабочихъ отъ революціоннаго соціализма, она могла бы разсчитывать на извѣстный частичный успѣхъ, если бы правительство, съ одной стороны, не стремилось сдѣлать профессіональныя организаціи орудіями своей активной контръреволюціонной политики, а, съ другой,—могло занять сколько-нибудь независимую позицію по отношенію къ предпринимателямъ. Но оно не могло сдѣлать ни того, ни другого. Растущее движеніе массъ заставляло правительство пускать въ ходъ для борьбы съ революціей все, что имѣлось въ его распоряженіи, и терпимыя имъ рабочія организаціи были слишкомъ заманчивымъ въ этомъ смыслѣ орудіемъ. Въ то же время растущая оппозиція среди имущихъ классовъ не позволяла пренебрегать еще лойяльными крупными капиталистами. Если реакціонные представители аграрныхъ интересовъ еще въ 90-хъ гг. готовы были подставить ножку промышленному капиталу путемъ поощренія полицейской демагогіи въ рабочемъ вопросѣ, то переходъ массы помѣщиковъ въ лагерь земской оппозиціи не оставлялъ правительству возможности предаваться иллюзіи о томъ, что уходъ изъ правительственнаго лагеря представителей крупнаго капитала будетъ возмѣщенъ другими соціальными силами (въ предѣлахъ имущихъ классовъ). Демагогическій же экспериментъ въ болѣе смѣлой формѣ, въ видѣ попытки опереться на время исключительно на народныя

массы, былъ невозможенъ въ силу самой исторической природы полицейскаго абсолютизма, боящагося всякой формы народной самодѣятельности; вдвойнѣ невозможенъ былъ онъ потому, что налицо, къ моменту зарожденія зубатовщины, было прочное сплоченіе широкихъ слоевъ рабочихъ подъ рев.-соціалист. знаменемъ, дѣлавшее возможными и вѣроятными новыя революціонныя потрясенія при каждомъ успѣхѣ „легальнаго“ рабочаго движенія.

Въ результатѣ этихъ условій три года зубатовскихъ экспериментовъ имѣли своими послѣдствіями: пробужденіе нѣкоторыхъ отсталыхъ и не затронутыхъ движеніемъ слоевъ рабочаго класса, крайнее дискредитированіе въ глазахъ всего населенія правительственной власти, ясно обнаружившей свою слабость, боязнь, двуличіе и неспособность и, наконецъ, усиленіе оппозиціонныхъ тенденцій въ промышленной буржуазіи, увѣрившейся въ ненадежности и своекорыстіи той поддержки, которую ей оказывала бюрократія въ ея борьбѣ съ рабочимъ классомъ. Для самаго же правительства зубатовщина имѣла то значеніе, что дала сильный толчокъ тому процессу дезорганизаціи его механизма, который развивается во всякомъ устарѣвшемъ государственномъ организмѣ при его столкновеніи съ жизнью.

Въ широкихъ массахъ рабочихъ экспериментъ зубатовщины оставилъ горькій осадокъ, внушивъ имъ убѣжденіе въ невозможности нормальнаго развитія рабочаго движенія при сохраненіи въ странѣ абсолютистскаго режима. Нельзя, однако, отрицать, что попытки постановки легальныхъ профессіональныхъ организацій не остались и безъ положительнаго вліянія на сознаніе рабочихъ. Подхвативъ тѣ потребности рабочихъ, которыя—особенно со времени весеннихъ демонстрацій 1901 г.—с.-д. оставляла безъ удовлетворенія, — потребности въ организаціи дѣла взаимопомощи и профессіональной борьбы,— зубатовщина сама всего менѣе могла удовлетворить эти потребности, но она обострила ихъ и вызвала въ извѣстной части рабочихъ стремленіе при первомъ удобномъ случаѣ организоваться профессіонально. Первой попыткой въ этомъ направленіи явился московскій „Союзъ типографскихъ рабочихъ“, возникшій осенью 1903 года и существовавшій нелегально, но пытавшійся и успѣвшій въ теченіе нѣкотораго времени держаться на внѣпартійной почвѣ, въ качествѣ чисто-профессіональной организаціи.

Въ то время, какъ министерство внутреннихъ дѣлъ разрѣшало рабочій вопросъ путемъ усиленной репрессіи и зубатовщины, министерство финансовъ пыталось двигаться дальше по пути развитія фабричнаго законодательства и дѣлало робкія попытки открыть законные пути для нѣкотораго проявленія самодѣятельности рабочихъ. Самой смѣлой изъ послѣднихъ являлся проектъ Витте объ отмѣнѣ наказаній за стачки и допущеніе нѣкоторыхъ видовъ рабочихъ организацій (1902 г.). Одновременно правительство возбудило въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о созданіи института фабричныхъ ста-

ростъ, которые являлись бы посредниками между рабочими, съ одной стороны, властями и капиталистами—съ другой. Отмѣна наказаній за стачки особой оппозиціи со стороны фабрикантовъ не вызвала: напротивъ, въ поданной 14 марта 1903 г. въ министерство финансовъ докладной запискѣ, направленной противъ учрежденія фабричныхъ старостъ и рабочихъ обществъ взаимопомощи, г. Глезмеръ, предсѣдатель Петербургскаго общества для содѣйствія развитію фабрично-заводской промышленности, указывалъ, что если стачки „иногда вызываютъ большую тревогу, то лишь вслѣдствіе косвенныхъ явленій, сопутствующихъ репрессивнымъ мѣрамъ" [1]).

Напротивъ, учрежденіе старостъ и узаконеніе обществъ взаимопомощи вызвали со стороны представителя капитала яростныя возраженія, исходившія изъ того положенія, что опасно содѣйствовать выдѣленію рабочаго класса въ особую соціальную группу со своимъ представительствомъ и своими корпоративными организаціями. „Фабрикантъ нанимаетъ рабочаго, но не союзъ рабочихъ, какъ въ англійскихъ алльянсахъ, и не артель, а потому онъ не обязанъ нормировать своихъ отношеній къ рабочимъ, кромѣ нормъ, установленныхъ закономъ... Довѣриться мечтѣ, что рабочая организація будетъ оставаться въ какихъ-либо, предписанныхъ ей, границахъ, было бы большой ошибкой... Оба проекта будутъ имѣть естественнымъ послѣдствіемъ обособленіе рабочихъ, подобно тому, какъ это исторически сложилось на Западѣ" [1]).

При обсужденіи законопроекта о старостахъ въ Государственномъ Совѣтѣ меньшинство его заявило: „если до настоящаго времени, какъ свидѣтельствуетъ министръ внутрен. дѣлъ, соціально-политическая агитація въ рабочей средѣ пользуется еще сравнительно слабымъ успѣхомъ, то это, главнымъ образомъ, объясняется тѣмъ, что она сталкивается съ неорганизованной массой... Старосты не могутъ предотвратить недоразумѣній между фабрикантами и рабочими, а, напротивъ, скорѣе способны умножить случаи подобныхъ недоразумѣній и создать почву для крайне нежелательной организаціи рабочей среды, черезъ которую широко проникнутъ въ народныя массы разрушительныя ученія" [2]).

Тѣмъ не менѣе, законопроектъ о фабричныхъ старостахъ былъ утвержденъ Госуд. Совѣтомъ и получилъ силу закона 10 іюня 1903 года. Онъ былъ насквозь проникнутъ полицейскимъ духомъ. Рабочіе получали право избирать лишь кандидатовъ въ старосты, изъ числа которыхъ фабричная администрація назначаетъ самихъ старостъ. Губернской

---

[1]) Озеровъ. Стр. 280. На такое отношеніе фабрикантовъ, очевидно, вліяло относительное ослабленіе стачечнаго движенія въ періодъ кризиса и легкость его подавленія въ это время для фабрикантовъ. „Несмотря на общій промышленный кризисъ, — заявляетъ г. Глезмеръ, — въ 1901 году по всей Россіи объемъ забастовокъ выражается все же незначительной цифрой—около 100 тыс. потерянныхъ рабочихъ дней".

[1]) Озеровъ. Стр. 274—278.

[2]) Прокоповичъ, „Къ рабоч. вопросу", стр. 120—1.

же власти предоставлено увольнять старость за неблагонадежность. Самое введеніе старость сдѣлано факультативнымъ въ зависимости отъ согласія владѣльцевъ предпріятій. Послѣдніе, оберегая свой абсолютизмъ, на дѣлѣ бойкотировали законъ, и къ 1905 году онъ примѣнялся всего лишь въ 30—40 предпріятіяхъ, при чемъ нерѣдки были увольненія и высылки старость, проявившихъ независимость по отношенію къ хозяевамъ. Эти факты лишь укрѣпили сильное съ самаго начала недовѣріе передовыхъ рабочихъ къ новому институту.

Пожеланія Витте объ отмѣнѣ наказаній за стачки и разрѣшеніи рабочихъ союзовъ остались неосуществленными.

Послѣднимъ словомъ соціально-реформаторской дѣятельности министерства финансовъ явилось установленіе отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи. Въ засѣданіяхъ Госуд. Совѣта при обсужденіи законопроекта, представленнаго Витте, было признано, что, хотя, „конечно, въ Россіи не имѣется соціалъ-демократической партіи, но, тѣмъ не менѣе, правительству все же приходится считаться съ подпольной дѣятельностью такихъ лицъ, которыя избрали рабочихъ орудіемъ для правительственной агитаціи". Бороться съ послѣдней можно лишь развитіемъ законодательства по охранѣ труда.

Законопроектъ получилъ силу закона 2-го іюня 1903 г. Онъ обезпечивалъ рабочимъ, потерпѣвшимъ отъ несчастныхъ случаевъ, $^1/_2$ дѣйствительнаго заработка во время болѣзни; 30 руб. на похороны взрослыхъ и 15 руб.—малолѣтнихъ рабочихъ; $^2/_3$ заработка въ видѣ пенсіи утратившему трудоспособность, $^1/_3$ пенсіи — вдовѣ умершаго отъ несчастнаго случая и т. д. Главнѣйшими дефектами новаго закона являются: 1) ограниченіе отвѣтственности одними лишь несчастными случаями безъ распространенія ея на случаи утраты трудоспособности или смерти вслѣдствіе *профессіональной болѣзни*; 2) освобожденіе отъ отвѣтственности въ случаѣ доказанной „грубой неосторожности" рабочаго; 3) опредѣленіе „дѣйствительнаго заработка" помноженіемъ поденной платы на 260, тогда какъ число дѣйствительныхъ рабочихъ дней въ году значительно больше, и 4) предоставленіе сторонамъ права (§ 31) входить въ соглашеніе о полученіи меньшаго вознагражденія.

Законы 1886, 1897 и 1903 гг. являются во всякомъ случаѣ, единственными, хотя и крайне скудными соціальными реформами, которыя абсолютизмъ далъ рабочему классу въ отвѣтъ на его непрестанныя жалобы и требованія. Онъ рѣшался на эти реформы лишь подъ сильнымъ давленіемъ самихъ рабочихъ массъ, отказывая въ уступкахъ до того момента, когда дальнѣйшее упорство становилось безуміемъ съ точки зрѣнія его собственныхъ интересовъ.

Всѣ реформаторскія попытки внутри автократическаго правительства неизмѣнно разбивались объ одинъ политическій интересъ, стать выше котораго—даже въ интересахъ самосохраненія — одряхлѣвшій организмъ былъ не въ силахъ. Этотъ

политическій интересъ нашелъ ясное выраженіе въ отчетѣ Государственнаго Совѣта за 1903 годъ—годъ гигантскаго стачечнаго движенія:

„Правительство,—говорилось въ этомъ отчетѣ,—не должно забывать о надлежащемъ охраненіи интересовъ фабрикантовъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе составляютъ классъ, ближайшимъ образомъ заинтересованный въ охраненіи общественнаго порядка. Указанное обстоятельство должно особенно побуждать благоразумное правительство опираться на этихъ лицъ при обсужденіи различнаго рода мѣропріятій въ области фабричнаго законодательства“ [1]).

ГЛАВА III.

Общественная медицина въ связи съ условіями жизни народа.

(В. Я. Канеля.)

1. Попеченіе о народномъ здравіи до введенія земства.

До введенія земскихъ учрежденій дѣло общественнаго здравоохраненія находилось въ вѣдѣніи многихъ офиціально-бюрократическихъ вѣдомствъ. Приказы общественнаго призрѣнія, комитеты общественнаго здравія, врачебныя управленія, медицинскій совѣтъ, вѣдомства государственныхъ имуществъ и удѣловъ, взявшіе на себя устройство медицинской части въ сельской Россіи,—таковы были тѣ разнообразныя учрежденія, которымъ поручены были заботы объ охраненіи здоровья народныхъ массъ. И въ дѣятельности всѣхъ перечисленныхъ органовъ сказывались однѣ и тѣ же черты, столь характерныя для приказнаго строя.

Прежде всего указанныя учрежденія руководствовались въ своихъ работахъ распоряженіями, которыя шли изъ центра. Чиновники, не имѣвшіе никакого представленія о медицинѣ и ея требованіяхъ, писали приказы и циркуляры. Чиновники же ихъ исполняли. Живая дѣйствительность со всѣми ея нуждами отходила на задній планъ передъ разъ установленными правилами, представлявшими обычный образецъ мертвящаго бюрократическаго творчества. При такихъ условіяхъ поневолѣ должно было выработаться чисто формальное отношеніе къ дѣлу. Вѣдомства щеголяли одно передъ другимъ количествомъ „входящихъ и исходящихъ“, они писали и отписывались, развивали обширную канцелярскую работу, но въ ворохѣ бумагъ не было видно живого дѣла. Медицину этого пе-

[1]) Цит. у Полянскаго: „Стачки рабочихъ и уголовный законъ“. Спб. 1907. Изд. „Обществ. пользы“, стр. 378—9.

ріода можно было бы по справедливости окрестить бумажной. На бумагѣ существовали и больницы, и врачи, и фельдшера, и медикаменты; на бумагѣ отдавались строгія приказанія остановить, скажемъ, разрушительное шествіе эпидеміи. А на дѣлѣ не было ничего. Фикція преобладала въ устройствѣ врачебной части, питаясь той совершенно ненужной суетливой дѣятельностью, которую проявляла бюрократія въ дѣлѣ огражденія населенія отъ опасностей, угрожавшихъ его жизни и здоровью.

Формализмомъ и рутиной была насквозь проникнута вся приказная медицина. Придирчивый административный надзоръ, наложеніе строгихъ взысканій и крупныхъ штрафовъ за нарушеніе санитарныхъ правилъ шли рука объ руку съ явнымъ попустительствомъ, съ крайне недобросовѣстнымъ отношеніемъ къ важнѣйшимъ сторонамъ здравоохраненія. Строгая бумажная отчетность, регламентація малѣйшихъ мѣропріятій въ области оздоровленія населенія уживались съ хищеніями, совершавшимися подчасъ безцеремонно на виду у всѣхъ.

Приказы общественнаго призрѣнія, вѣдавшіе медицину въ городахъ, состояли изъ губернатора-предсѣдателя и трехъ членовъ—депутатовъ по одному отъ дворянства, купечества и поселянъ. Эти члены несли свои обязанности безвозмездно. Кромѣ того для „богоугодныхъ заведеній“ приказа выбирались еще особые попечителя. Приказы, не имѣвшіе, какъ явствуетъ изъ ихъ состава, никакого представленія о медицинѣ, были, однако, полными хозяевами въ больницахъ, домахъ для умалишенныхъ, богадѣльняхъ и инвалидныхъ домахъ, фельдшерскихъ школахъ, воспитательныхъ домахъ.

На помощь приказамъ общественнаго призрѣнія явились учрежденные въ 1845 году комитеты общественнаго здравія, на обязанности которыхъ лежало [1]) „главное попеченіе объ охраненіи здоровья народнаго и о прекращеніи скотскихъ падежей въ губерніяхъ и уѣздахъ“. Законодатель имѣлъ въ виду создать эти комитеты изъ „лицъ, наиболѣе просвѣщенныхъ и наиболѣе способныхъ оцѣнить значеніе санитарныхъ мѣръ“. Компетенція и предметы вѣдѣнія этихъ комитетовъ были еще расширены закономъ 1852 года, когда комитетамъ было вмѣнено въ обязанность просвѣщать населеніе путемъ распространенія здравыхъ понятій о способахъ предохраненія отъ болѣзней [2]).

Но кто же были эти просвѣщенные люди, облеченные особеннымъ довѣріемъ въ дѣлѣ оздоровленія массъ? Уѣздный предводитель дворянства, уѣздный исправникъ, полицеймейстеръ, уѣздный или городовой врачъ, городской голова и старшій въ городѣ представитель духовенства, — вся эта чиновная знать и должна была проводить въ народѣ здравыя гигіеническія понятія.

---

[1]) Сводъ узаконеній и распоряженій правительства, изданныхъ по врачебной и санитарной части. Изд. медиц. департамента 1895—97 гг. См. также Уставъ врачебный.

[2]) Санитарное состояніе городовъ Росс. Имп. въ 1895 году. Изд. Управ. Главн. мед. инсп. Спб. 1899 г.

Организація врачебной помощи сельскому населенію лежала на вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ (для государственныхъ крестьянъ) и вѣдомствѣ удѣловъ (для уѣздныхъ крестьянъ). Эти вѣдомства приглашали на службу врачей, фельдшеровъ, оспопрививателей, издавали для нихъ строгія инструкціи, ассигновывали средства на борьбу съ повальными болѣзнями, требовали отчетности въ расходованіи отпущенныхъ суммъ.

Посмотримъ теперь, насколько хорошо справлялись всѣ органы съ порученнымъ имъ сложнымъ дѣломъ. Предъ нами предстанетъ вся картина общественной медицины въ приказной Руси, служащая яркой характеристикой дѣятельности бюрократіи, ея неизмѣнной заботливости о благѣ народномъ.

За все время своего существованія (съ 1775 по 1865 годъ) приказы общественнаго призрѣнія открыли 519 больницъ, 33 дома для умалишенныхъ, 107 богадѣленъ и инвалидныхъ домовъ, 4 фельдшерскихъ школы. На первый взглядъ можетъ показаться, что приказами сдѣлано довольно много, если бы на всѣхъ этихъ сотняхъ учрежденій не лежала печать фиктивности, явной недобросовѣстности и блаженнаго невѣдѣнія ихъ устроителей. Больницы представляли собой нѣчто невозможное въ смыслѣ царившихъ тамъ безпорядка и санитарныхъ безобразій. Помѣщенія не были приспособлены для лѣчебныхъ заведеній, были до нельзя переполнены больными, въ нихъ стоялъ невыносимый смрадъ, вызывавшій головокруженіе и рвоту у непривычныхъ. Методы лѣченія примѣнялись устарѣвшіе въ зависимости не отъ характера болѣзни, а отъ дѣйствовавшихъ на этотъ счетъ правилъ.

Чтобы судить о дѣятельности приказовъ, достаточно ознакомиться съ данными земствъ относительно состоянія принятыхъ ими въ свое завѣдываніе больницъ. Присмотримся къ больницамъ приказа въ разныхъ мѣстахъ и всюду мы увидимъ одну и ту же картину разложенія. Такъ, напримѣръ, зданіе Александровской больницы въ саратовской губ. было отстроено въ 1861 году и въ моментъ принятія его земствомъ было еще совершенно новымъ. Но оно было построено на сыромъ мѣстѣ, едва ли даже не на родникахъ. Поражало въ этомъ зданіи плохое устройство ретирадныхъ мѣстъ, распространявшихъ зловоніе по коридорамъ [1]). Въ лукояновскомъ уѣздѣ, нижегородской губерніи, больница „представляла собраніе гнилыхъ бревенъ, обшитыхъ тесомъ". Въ городѣ Александріи, херсонской губ., больница оказалась неудовлетворительной. Бѣлье, суконныя и кожанныя вещи совершенно негодны къ употребленію. Больные не имѣли даже перемѣны бѣлья. Припасы найдены не вполнѣ доброкачественными [2]). Въ Елисаветградѣ принятая больница была въ тяжкомъ положеніи. Перешедшіе въ земство отъ вѣдомства управленія южныхъ поселеній херсонской губерніи волостные пріемные покои были на

---

1) Земско-медицинскій сборникъ. Вып. IV. Москва. 1891 г.

2) Земско-медицинскій сборникъ. Выпускъ I. Москва. 1890 г.

самомъ дѣлѣ фикціей [1]). Въ городѣ Очаковѣ — больница на 10 коекъ. Зданіе находилось въ полуразрушенномъ состояніи. Не хватало вещей и на трехъ больныхъ. Подрядчикъ не поставлялъ по требованію конторы больницы ни провизіи, ни припасовъ, положенныхъ по росписанію.

Въ серпуховскомъ уѣздѣ, московской губерніи, каменное двухъэтажное зданіе, отведенное подъ больницу, было сыро и пропитано міазмами, распространявшимися, съ одной стороны, ретирадными мѣстами, съ другой, — почвой, въ которую была углублена половина нижняго этажа [2]). Въ подольскомъ уѣздѣ полъ больничнаго зданія во многихъ мѣстахъ провалился. Ретирадное мѣсто, благодаря плохому устройству, заражало всѣ палаты крайнимъ зловоніемъ, рамы сгнили, двери не притворялись, крыши текли. Въ вологодской больницѣ всѣ коридоры были наполнены удушливымъ запахомъ. Ретирадныя мѣста устроены были по системѣ простыхъ выгребныхъ ямъ. Крыши протекали. Помѣщеніе содержалось грязно. Стѣны и полъ отъ сырости покрылись плѣсенью и сами по себѣ распространяли зловоніе. Отдѣльнаго помѣщенія для заразныхъ больныхъ не было. Полумракъ, нечистота и тѣснота аптечнаго помѣщенія были поразительны. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась покойницкая и комната, гдѣ производилось вскрытіе труповъ. Полы сгнили и пропитаны трупными жидкостями. Стѣны сыры [1]). Во всѣхъ больницахъ самарской губ. поражали скудость средствъ, отпускавшихся на ихъ содержаніе, чисто канцелярское отношеніе къ дѣлу и существованіе всевозможныхъ злоупотребленій и хищеній въ хозяйствѣ указанныхъ заведеній [2]). Мы могли бы продолжить это описаніе больницъ приказа до безконечности. Но и сказаннаго достаточно для того, чтобы читатель могъ составить себѣ ясное представленіе о состояніи больницъ, находившихся въ вѣдѣніи административной власти.

Внѣшнему благоустройству больницъ соотвѣтствовалъ вполнѣ и внутренній ихъ безпорядокъ, и примѣнявшіеся способы лѣченія, и отношеніе къ страждущимъ. Существо живого дѣла всегда приносилось въ жертву мертвой формѣ. И были вполнѣ естественными неоднократно наблюдавшіеся случаи смерти единственно вслѣдствіе недостатка врачебной помощи, неправильнаго ухода, несвоевременныхъ гигіеническихъ и діэтитическихъ пособій. На второмъ съѣздѣ земскихъ врачей черниговской губ. была дана чрезвычайно яркая характеристика больничнаго строя, дѣйствовавшаго до введенія земскихъ учрежденій [3]). „Приказный порядокъ, — читаемъ мы въ трудахъ съѣзда, — носитъ на себѣ отпечатокъ сохраненія извѣстнаго

1) Ibidem.
2) Земско-мед. сборникъ. Вып. II. Москва. 1891.

1) Земско-мед. сборникъ. Вып. III. Москва. 1891.
2) Описаніе самарской губ. медицины за 25-лѣтній періодъ существованія губерн. земства. Самара. 1891.
3) Второй очередной губ. съѣздъ врачей. Земскій сборникъ черниг. губ. 1884.

положенія и офиціальнаго, рутиннаго выполненія требованій больничнаго устава; расходъ былъ основанъ на расчетѣ удовлетворить одну формальную сторону дѣла, лишь бы буквально выполнить табели больничнаго устава. Такъ, если положено 2 фунта хлѣба и 1 фунтъ мяса на порцію, то такой расходъ производился одинаково какъ на одного годового ребенка, такъ и на взрослаго; если тифозный или иной трудно больной, кромѣ жидкой пищи, не могъ употреблять другой, а табель кромѣ извѣстныхъ порцій, не предусмотрѣла ее, то ему все-таки записывалась порція по табели: ему подавался хлѣбъ, который онъ не ѣлъ, и кусокъ мяса, хотя онъ лишенъ былъ возможности его пережевать. Далѣе, если хроникъ, психически больной, призрѣвался въ больницѣ нѣсколько лѣтъ сряду и имѣлъ крайнюю необходимость въ движеніи на чистомъ воздухѣ, а табель устава не предусмотрѣла расхода на теплую больничную одежду (больничный уставъ носить свою одежду воспрещалъ), то такой больной обреченъ былъ на все зимнее время тюремному заключенію, и у него, при тѣснотѣ помѣщеній, развивалась цынга. Тогда хлопотали объ уксусѣ, хрѣнѣ или иномъ пригодномъ противъ цынги медикаментѣ, но о существенномъ—о прогулкахъ и занятіяхъ на свѣжемъ воздухѣ—не смѣли думать, какъ о мѣрахъ, не предусмотрѣнныхъ больничнымъ закономъ. Инспекція все вниманіе обращала на буквальное примѣненіе устава лѣчебныхъ заведеній, который, предусматривая всѣ мелочи, понятно, не могъ давать мѣрку, пригодную для каждой больницы, въ то время когда жизнь каждой изъ нихъ вытекаетъ изъ мѣстныхъ условій. Отъ этого выходило, что расходъ по многимъ отраслямъ дѣлался непроизводительно. Мнѣніе врача игнорировалось, представители хозяйственной части—смотрителя—играли первенствующую роль. Въ больничномъ совѣтѣ и въ центрѣ управленія больницей—въ приказѣ рѣшающая роль принадлежала представителямъ разныхъ вѣдомствъ. Поэтому больничное управленіе имѣло исключительно бюрократическую окраску".

Описаніе порядковъ, царившихъ въ приказныхъ больницахъ, было бы неполнымъ, если бы мы не коснулись домовъ для умалишенныхъ и положенія въ нихъ больныхъ. По справедливому выраженію д-ра В.И. Яковенко [1]), земства получили отъ приказовъ „не психіатрическія больницы, а учрежденія, возмутительныя по внутреннему и внѣшнему содержанію — мѣста заключенія, тождественныя со смирительными домами".

Дома для умалишенныхъ отличались такими прелестями, что при ревизіи ихъ въ 1842 году правительство вынуждено было признать ихъ несоотвѣтствующими своему назначенію, рѣшивъ устроить спеціальные дома для „потѣшныхъ" по одному на нѣсколько губерній. Земства же, получивъ тяжелое наслѣдіе отъ приказовъ, не

[1]) В. И. Яковенко, „Обзоръ дѣятельности всѣхъ земствъ по призрѣнію душевно-больныхъ со времени передачи имъ больницъ приказовъ общ. призрѣнія". Архивъ психіатровъ. 1897.

М. М. Антокольскій. Іоаннъ Грозный.

Русскій Музей Имп. Александра III въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

8

находили достаточно яркихъ словъ для характеристики того ужаснаго состоянія, въ какомъ находились ввѣренныя ихъ попеченію учрежденія [1]). Въ тверскомъ земскомъ собраніи въ 1871 году одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что онъ согласился бы лучше видѣть несчастныхъ душевно-больныхъ въ клѣткахъ, чѣмъ въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся. Въ другой разъ дома для умалишенныхъ названы были „недисциплинированнымъ звѣринцемъ, въ которомъ звѣри заперты и оставлены на произволъ судьбы". Комиссія рязанскаго земства называла помѣщенія для психическихъ больныхъ „арестантскими". Старшій врачъ тульской больницы жаловался на нарукавники, которые находили себѣ широкое примѣненіе въ психіатрическомъ отдѣленіи. Комиссія полтавскаго земства, описывая въ 1877 году состояніе психіатрической больницы, писала: „служителя обращаются съ больными, какъ со стадомъ. Нерѣдко пускаются въ ходъ кулаки. По коридорамъ часто несутся крики „ѣсть хочу". Постоянно царитъ здѣсь невообразимый гвалтъ, способный свести съ ума и здороваго человѣка".

Раздѣленія больныхъ по характеру недуга не было. Это считалось излишней роскошью. Меланхолики и маніаки, буйные и спокойные,— всѣ находились вмѣстѣ. Скученность больныхъ была невѣроятная. Для понятія о тѣснотѣ достаточно сказать, что въ нижегородской психіатрической больницѣ въ маленькой комнатѣ съ однимъ окномъ, гдѣ помѣщаются только три кровати, жили 9 несчастныхъ. На вопросъ, какъ они спятъ, служительница отвѣтила, что по 2 на каждой кровати, остальные на полу [1]).

Если приказы о чемъ либо заботились, то только о показной сторонѣ. Такъ, въ тверской больницѣ для умалишенныхъ входъ поражалъ своей роскошью, а сами бараки представляли собой плохо устроенные сараи. Температура въ палатахъ зимой не поднималась выше 6°. Освѣщеніе производилось керосиновыми лампами безъ стеколъ, которыя давали больше копоти, чѣмъ свѣта. Комиссія изъ земскихъ врачей, осматривавшая психіатрическую больницу, заявила, что она „затрудняется найти приличный терминъ, который былъ бы въ состояніи выразить настоящее положеніе вещей". Воздухъ до нельзя тяжелый. Здоровому человѣку нельзя оставаться въ палатахъ болѣе 5—10 минутъ безъ обморока и головной боли [2]).

И земства, не стѣсняясь, называли доставшіяся имъ учрежденія для больныхъ „тюрьмами и казематами". Ясно было, что добровольно никто не сталъ бы помѣщать своихъ больныхъ въ такія заведенія, гдѣ не могло быть и рѣчи о раціональномъ лѣченіи, гдѣ уходъ былъ возмутителенъ.

Что могли дѣлать врачи при такихъ порядкахъ? Они иногда протестовали, обращали вниманіе на

[1]) П. А. Архангельскій. „Отчетъ по осмотру русскихъ психіатрическихъ заведеній". Москва. 1887.

[1]) Земско-медицинскій сборникъ. Вып. IV. 1891.

[2]) Протоколы 3 съѣзда земскихъ врачей тверской губ. Тверь. 1874.

вопіющія безобразія, но ихъ никто не слушалъ. Сами врачи находились подъ бюрократическимъ гнетомъ, отъ котораго они не въ состояніи были избавиться. Приказъ на все налагалъ свою грубую руку. Такъ, напримѣръ, въ архивѣ черниговской управы имѣется много дѣлъ, которыя ясно говорятъ намъ, до чего были ничтожны полномочія врачей [1]). Мы находимъ тутъ дѣла: „О взысканіи съ врачей больницы за выписанныя ими лѣкарства, *неполезныя по нормальному каталогу*“ (1858 г.), „о покупкѣ за сколь умѣреннѣйшую цѣну термометра“ (1849 г.), „о помѣщеніи крестьянина П. въ домъ умалишенныхъ на 3 мѣсяца за непочтеніе къ помѣщику Д., по просьбѣ послѣдняго“ (1857 г.), „о больничномъ скандалѣ“ (1838 г.), и т. п. Скандалъ заключался въ томъ, что старшій врачъ больницы представилъ по начальству обо всѣхъ замѣченныхъ имъ вопіющихъ непорядкахъ и злоупотребленіяхъ. Въ больницу явились врачебный инспекторъ, попечитель и непремѣнный членъ приказа. Все было найдено въ порядкѣ и чистотѣ, кромѣ „незначительныхъ упущеній“. Сущая бездѣлица, о которой и говорить не стоитъ, а именно—служителя употребляли одно и то же ведро для мытья швабръ и... ношенія воды. „Во всемъ же остальномъ больные были довольны и пищей, и уходомъ“.

Удивительно ли, если, при такихъ условіяхъ, народъ называлъ больницы „морилками“ и шелъ туда только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, шелъ „умирать“? Нужно ли удивляться тому ужасу предъ больницами, отъ котораго еще до сихъ поръ народъ не успѣлъ вполнѣ оправиться? [1])

Что касается сельскаго населенія, то оно было еще болѣе обездолено въ отношеніи обезпеченія врачебной помощью, чѣмъ городское. Для этого послѣдняго все же имѣлись больницы, хоть и плохо оборудованныя, не отвѣчающія своему назначенію. Для сельскаго населенія вся медицинская помощь представляла собой одну сплошную фикцію. Помѣщичьихъ крѣпостныхъ крестьянъ правительство предоставило вполнѣ волѣ ихъ господъ, которые только въ исключительныхъ случаяхъ устраивали пріемные покои, приглашали туда врачей и фельдшеровъ. Но и казеннымъ и удѣльнымъ крестьянамъ, забота о которыхъ возложена была на спеціальныя вѣдомства, было отнюдь не лучше. Вѣдомства государственныхъ имуществъ и удѣловъ ограничивали свое попеченіе тѣмъ, что назначали въ села фельдшеровъ, игравшихъ роль самостоятельныхъ врачевателей. Что это были за медики, можно судить по тому, что они набирались изъ мальчиковъ крестьянъ, помѣщались въ школѣ, гдѣ ихъ обучали кое-чему и кое-какъ, и очень скоро отправляли въ деревню въ качествѣ компетентныхъ представителей медицинской науки, способныхъ безбоязненно встрѣтиться лицомъ къ

[1]) П. Я. Соколовъ. „Очеркъ исторіи приказной и земской медицины“. Черниговъ. 1908.

[1]) См. Г. Поповъ. „Русская народно-бытовая медицина“. Спб. 1903.

лицу со всѣми разнообразными человѣческими недугами [1]). Стоитъ только ознакомиться съ окладами фельдшеровъ, съ бюджетомъ врачебнаго дѣла для того, чтобы понять, съ какимъ суррогатомъ медицины приходилось считаться сельской Россіи. Большинство фельдшеровъ получали отъ 30 до 40 рублей въ годъ (московская губ.) [2]). Каждому фельдшеру московской губерніи, при опредѣленіи на должность, выдавались медицинскіе инструменты и аптечка, при чемъ на первые расходовалось 22 руб. 30 коп., а на вторую—60 руб. Кромѣ того на пополненіе каждой фельдшерской аптечки ежегодно тратилось 12 руб. 33¾ коп. Содержаніе медицинской части вѣдомства государственныхъ имуществъ въ московской г. обходилось всего въ 6½ тысячъ руб. въ годъ.

Можно представить себѣ, во что выливалась медицинская помощь при такихъ ничтожныхъ тратахъ во всей губерніи, которыя значительно ниже стоимости современнаго одного медицинскаго участка. И земскіе гласные на собраніяхъ перваго и второго созыва дали достойную оцѣнку установившейся до того организаціи врачебнаго дѣла.

„Вѣдомства обращали вниманіе только на количество фельдшеровъ, а не на качество ихъ, — говорилъ гласный В. К. Шлиппе въ московскомъ земскомъ собраніи [3]). — Въ этой должности состоятъ бывшіе откупные сидѣльцы".

„Медицинская часть у государственныхъ крестьянъ худо устроена,—говорилъ другой гласный.—По уѣздамъ нѣтъ ни медиковъ, ни фельдшеровъ, ни больницъ,—короче наше сельское населеніе представляется въ этомъ отношеніи совершенно безпомощнымъ". Въ центрѣ Россіи, московской губерніи, приблизительно 45% всего населенія пользовалось, за рѣдкими исключеніями, вполнѣ миѳической врачебной помощью, между тѣмъ какъ остальная большая половина губерніи не имѣла даже и этого.

Московская губернія могла бы, однако, послужить примѣромъ для другихъ, гдѣ медицинское дѣло поставлено было еще болѣе несовершенно. Въ черниговской губерніи земство въ 1866 году получило отъ палаты государственныхъ имуществъ составленные ею списки врачей, фельдшеровъ, оспопрививателей, волостныхъ аптечекъ съ медикаментами и пріемныхъ покоевъ. На всю губернію числилось три окружныхъ врача и 117 фельдшеровъ и оспопрививателей. По закону окружные врачи должны были имѣть надзоръ за фельдшерами. Но уже одно количество врачей ясно говоритъ о полной фиктивности такого надзора. Нѣкоторыя волости врачъ посѣщалъ разъ или два въ теченіе года, во многихъ не бывалъ вовсе. Фельдшера дѣйствовали самостоятельно, на собственный страхъ и рискъ, приводили въ своихъ отчетахъ массу вымышленныхъ фактовъ и цифръ, которые должны были служить доказательствомъ ихъ оживленной дѣятель-

[1]) Е. А. Осиповъ, И. В. Поповъ и П. И. Куркинъ. „Русская земская медицина". Москва. 1899.

[2]) Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности московскаго земства. Попеченіе о народномъ здравіи. Москва. 1892.

[3]) Ibidem.

ности. Лѣкарства состояли преимущественно изъ травъ, набиравшихся самими фельдшерами [1]).

Есть ли, спрашивается, что-либо мудренное въ томъ, что народъ нашъ увѣровалъ въ знахаря, что до сихъ поръ еще ему трудно разстаться съ этой вѣрой? Знахарство—исконное начало русскаго населенія, искусственно привитое ему тѣмъ суррогатомъ медицинской помощи, который преподносился ему въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Фельдшеръ дѣйствовалъ въ сущности тѣми же средствами, что и знахарь. Фельдшеръ такъ же мало былъ свѣдущъ, мало отдавалъ себѣ отчета въ своихъ дѣяніяхъ, какъ и знахарь. Но фельдшеръ былъ все же облеченъ извѣстной властью, былъ дальше отъ населенія, чѣмъ знахарь. Послѣдній ближе къ народу, къ его воззрѣніямъ. Разрушить вѣру въ знахаря, въ колдовство можно было только правильной постановкой медицины, возведеніемъ ея на подобающую ей высоту науки. Между тѣмъ, медицина, которую мы до сихъ поръ описывали, въ состояніи была лишь дискредитировать врачебное дѣло, оттолкнуть отъ него невѣжественное населеніе, бросить его въ объятія средневѣковыхъ предразсудковъ и суевѣрій.

Нечего, конечно, говорить о томъ, что при приказномъ строѣ медицины не могло быть и рѣчи о предупрежденіи болѣзней, объ улучшеніи гигіеническихъ условій жизни массъ. Заботы по оздоровленію лежали на уѣздныхъ и городовыхъ врачахъ, заваленныхъ всевозможными судебно-медицинскими и полицейскими обязанностями. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда Англія усиленно готовилась къ борьбѣ съ холерой, проводила широкія оздоровительныя мѣропріятія, когда Германія, повинуясь голосу Вирхова, принялась за предупрежденіе заразныхъ болѣзней, Россія буквально утопала въ грязи, не будучи въ состояніи похвалиться хотя бы одной санитарной мѣрой, которая служила бы признакомъ попеченія о народномъ здравіи. Деревня, этотъ вѣчный упрекъ для нашей культуры, давала о себѣ знать разрушительными эпидеміями и колоссальными цифрами смертности. Городъ не отставалъ въ этомъ отношеніи отъ деревни. Тяжкія условія труда крѣпостныхъ крестьянъ и въ земледѣльческомъ хозяйствѣ и на вотчинныхъ фабрикахъ могли привести лишь къ физическому вырожденію, всевозможнымъ болѣзнямъ, преждевременной инвалидности и старости. Суконныя и другія фабрики, появившіяся въ девятнадцатомъ столѣтіи, были, по словамъ Николая Тургенева [1]), новымъ „несчастіемъ для бѣднаго русскаго мужика. Помѣщики помѣщали сотни крѣпостныхъ, преимущественно молодыхъ дѣвушекъ и мужчинъ, въ жалкія лачуги и силой заставляли работать... Я вспоминаю, съ какимъ ужасомъ говорили крестьяне объ этихъ заведеніяхъ: они говорили „въ этой деревнѣ есть фабрика“ съ такимъ выраженіемъ, какъ если бы они хотѣли сказать: въ этой деревнѣ чума“.

---

[1]) П. Я. Соколовъ, l. c.

[1]) Цит. по Туганъ-Барановскому, „Русская фабрика“. Спб. 1898.

Если никакія мѣры не принимались для предупрежденія усиленной заболѣваемости и эпидемій, то административные органы, которымъ ввѣрено было важное дѣло общественнаго здравоохраненія, оказывались безпомощными и безсильными при возникновеніи повальныхъ болѣзней. Вся сложная процедура, которой обставлено было извѣщеніе о вспыхнувшей гдѣ-либо эпидеміи, была какъ бы спеціально расчитана на то, чтобы оттянуть время и дать возможность заразѣ распространиться съ ужасающей силой. Переписка по поводу эпидеміи длилась довольно долго, канцелярской суеты было много, а эпидемія безпрепятственно развивалась, унося въ могилу массу жертвъ.

Порядокъ „борьбы съ эпидеміями“ былъ таковъ. Первый узнавалъ о всыхнувшей заразѣ сельскій староста и спеціальнымъ отношеніемъ давалъ знать объ этомъ въ волостное правленіе. Это послѣднее сносилось съ становымъ, становой съ исправникомъ, исправникъ съ комитетомъ общественнаго здравія и губернаторомъ.

Переписка нерѣдко продолжалась въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, и эпидемія за это время успѣвала прекратиться сама собой, перебравъ всѣ хаты и отовсюду унесши обильную дань.

Но представимъ себѣ, что комитетъ общественнаго здравія во-время былъ бы извѣщенъ о постигшемъ населеніе бѣдствіи, то и въ такомъ случаѣ онъ ничего не въ состояніи былъ бы сдѣлать для прекращенія эпидеміи. Лучшую и наиболѣе вѣрную аттестацію комитетамъ даетъ управленіе главнаго медицинскаго инспектора въ офиціальномъ отчетѣ о состояніи народнаго здравія въ Россіи. „Ни одинъ законъ въ мірѣ,— читаемъ мы здѣсь [1]),—не оказывался въ такомъ разладѣ съ жизнью, какъ положеніе о комитетахъ общественнаго здравія“.

Въ самомъ дѣлѣ, на комитетъ была возложена обязанность просвѣщать населеніе путемъ распространенія здравыхъ понятій о способахъ предохраненія отъ болѣзней. Но, спрашивается, какія средства имѣлись для этого въ распоряженіи комитетовъ? Ничѣмъ, кромѣ сильной власти, они не обладали. Излюбленными методами „просвѣщенія“ были запугиванія и застращиванія населенія различными карами и возложеніемъ на него же всѣхъ расходовъ по проѣзду врача и фельдшеровъ и по пріобрѣтенію лѣкарствъ.

Комитетъ на мѣсто эпидеміи командировалъ уѣзднаго врача, который и приступалъ къ энергичному искорененію недуга. Онъ выписывалъ лѣкарства, которыя заставлялъ покупать въ частной аптекѣ. Лѣкарства обходились дорого, пользы никакой они не приносили, а только ложились новымъ тяжелымъ бременемъ на тощій карманъ сельскихъ обществъ. Бѣда еще усугублялась вмѣшательствомъ полиціи, и населеніе всѣми силами открещивалось отъ нея, стараясь скрывать, поелику возможно, свои повальныя болѣзни.

Могла ли, далѣе, идти рѣчь о просвѣщеніи, когда врачъ рисовался

---

[1]) Санитарное состояніе городовъ Россійской Имперіи въ 1895 г. Спб. 1899.

народу въ образѣ грознаго чиновника, пріѣзжающаго то на вскрытіе мертвыхъ тѣлъ и установленіе виновныхъ, то на искорененіе болѣзней съ помощью каръ и взысканій? Одни только слухи о пріѣздѣ медиковъ внушали уже ужасъ и отвращеніе. Въ дѣятельности врача преобладали репрессивныя функціи, въ ней не видно было никакихъ положительныхъ мѣропріятій, которыя могли бы внушить народу довѣріе къ медицинѣ и ея служителямъ. „Все лѣченіе,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ земецъ [1]),—обыкновенно начиналось и оканчивалось или кровопусканіемъ, или липовымъ цвѣтомъ".

Въ теченіе многихъ лѣтъ народу прививался страхъ передъ врачами и предъ ихъ оздоровляющими работами. И нечего пенять на народъ за то, что онъ еще въ настоящее время не вполнѣ отрѣшился отъ недовѣрія къ медицинѣ, которое въ немъ усердно культивировалось. Отрицательное, подчасъ прямо враждебное, отношеніе къ врачамъ, холерные безпорядки и волненія,—все это результатъ приказной медицины, сумѣвшей втиснуть живое дѣло въ рамки мертвечины.

Ничѣмъ хорошимъ народъ нашъ не можетъ помянуть отжившую приказную медицину. Примѣненіе въ Россіи такихъ мѣропріятій, которыя на Западѣ успѣли уже проявить всю свою чудодѣйственную силу, обходилось чрезвычайно дорого населенію. Возьмемъ, напримѣръ, оспопрививаніе. На Западѣ, благодаря правильной организаціи оспопрививанія, заболѣваемость оспой значительно пала. У насъ вмѣстѣ съ оспой прививали сифилисъ и всякія другія болѣзни, и народъ естественно съ ужасомъ бѣжалъ отъ невѣжественныхъ оспопрививателей, не соблюдавшихъ основныхъ правилъ при производствѣ этой простѣйшей операціи.

Какъ видимъ, тяжелое наслѣдіе передала бюрократія земству въ сферѣ народнаго здравоохраненія. Отголоски старины сѣдой мы видимъ иногда еще въ настоящее время. Такъ трудно искоренить все то зло, которое было внесено въ сознаніе народа, долгимъ игнорированіемъ его насущныхъ нуждъ и интересовъ.

Можно смѣло сказать, что медицина до введенія земскихъ учрежденій тяготѣетъ чернымъ пятномъ и на современной постановкѣ врачебнаго дѣла.

Неудовлетворительность постановки общественной медицины сознавалась и обществомъ и представителями власти. На первыхъ земскихъ собраніяхъ нѣкоторые земцы не находили словъ для того, чтобы выразить все свое негодованіе противъ господствовавшаго до того строя медицины. Сознавалъ отлично безотрадное положеніе дѣлъ и медицинскій департаментъ. По крайней мѣрѣ, въ докладѣ о преобразованіи губернскихъ врачебныхъ учрежденій, составленномъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, было высказано слѣдующее [1]). „Уставы медицинской полиціи и судебной медицины не были обезпечены прямыми исполнителями, штатное число врачей не расчи-

[1]) П. Я. Соколовъ, l. c.

[1]) Цит. по „Русской земской медицинѣ".

тывалось сообразно массѣ населенія, а налагаемыя на врачей обязанности—ихъ физическимъ силамъ. Одинъ и тотъ же врачъ долженъ былъ исполнять въ уѣздѣ все, что ему не предпишутъ, средствъ къ исполненію предписаннаго не полагалось, содѣйствія врачу почти никто не оказывалъ, а отвѣтственности и взысканію онъ подвергался. Отсюда произошло стремленіе соблюсти только форму, дѣло замѣнить перепиской, которая усложнилась еще болѣе съ учрежденіемъ комитета оспеннаго [1]) и комитета общественнаго здравія; а эти послѣдніе, уже по составу членовъ и сложности ихъ прямыхъ обязанностей, не могли быть настоящими дѣятелями на пользу общественнаго здоровья. Между тѣмъ, народное здоровье не можетъ быть сохраняемо передвиженіемъ бумагъ изъ одного присутственнаго мѣста въ другое".

Мы увидимъ, что добрая половина всѣхъ сѣтованій медицинскаго департамента можетъ быть отнесена и къ настоящему времени.

Земская медицина.

I.

Съ введеніемъ земскихъ учрежденій открывается новая полоса въ развитіи врачебно-санитарнаго дѣла. Уже крушеніе бюрократизма съ его оторванностью отъ почвы, съ проникающими его рутиной, формализмомъ, узостью взглядовъ, безучастностью ко всякому явленію живой дѣйствительности, съ чрезмѣрнымъ развитіемъ бумажной дѣятельности сулило громадные успѣхи дѣлу попеченія о народномъ здравіи. Отнынѣ врачебная помощь должна была строиться на принципѣ общественной службы. Оздоровленіе населенія признано было дѣломъ общественныхъ организацій, которыя и должны были разрѣшить заданную имъ серьезную задачу общественными средствами независимо отъ личныхъ усилій и личной компетенціи каждаго въ отдѣльности. Прежній врачъ чиновникъ, врачъ, пресѣкающій и карающій, прибѣгающій къ карантиннымъ мѣрамъ, оставляющій караулы при трупахъ и при домахъ, гдѣ имѣются заразные больные, долженъ былъ смѣниться врачомъ-общественнымъ дѣятелемъ, вникающимъ во всѣ нужды народа, силящимся устранить самыя причины обрушивающихся на него многочисленныхъ бѣдствій.

Понятно, сколько розовыхъ надеждъ и упованій было связано съ земской медициной. Въ странѣ, гдѣ наблюдалась колоссальная смертность, гдѣ населеніе безпомощно гибло отъ разрушительныхъ эпидемій, гдѣ примитивныя мѣры благоустройства не могли быть проведены въ жизнь, естественно создалась излишняя чувствительность ко всякому новшеству, обѣщающему

---

1) Самый составъ оспенныхъ комитетовъ служилъ гарантіей ихъ бездѣятельности. Въ составъ уѣздныхъ оспенныхъ комитетовъ входятъ: уѣздный предводитель дворянства, благочинный протоіерей, уѣздный исправникъ, полицеймейстеръ, уѣздный врачъ, городской голова и одинъ изъ почетнаго купечества.

внести какія-либо улучшенія въ безотрадное существованіе массъ.

Въ такомъ же положеніи очутилась земская медицина. Въ семидесятыхъ годахъ ей не переставали пѣть диѳирамбы, восторгались ея величіемъ, заранѣе учитывали ея побѣды. Никто не думалъ, что земская медицина должна заняться организаціей одного только *лѣчебнаго* дѣла.

Этого было мало. Оздоровляющая работа должна идти рука объ руку съ ростомъ и развитіемъ культуры, какъ неизбѣжной предпосылки улучшенія санитарнаго состоянія населенія. „Земской медицинѣ,—по словамъ Н. И. Пирогова,—предстояло бороться съ невѣжествомъ народныхъ массъ и видоизмѣнить цѣлое ихъ міросозерцаніе".

Разумѣется, значеніе земской медицины можетъ быть понято только въ связи съ общими условіями жизни въ Россіи, со всѣмъ ея общественнымъ укладомъ. Никто не станетъ спорить противъ той простой мысли, что въ основѣ общественной организаціи врачебно-санитарной помощи населенію лежитъ благая идея, получившая значительное развитіе въ попеченіи земствъ о народномъ здравіи. Намъ скажутъ даже больше: взгляните на культурный Западъ, посмотрите, что онъ сдѣлалъ въ дѣлѣ удовлетворенія медицинскихъ нуждъ населенія. Тамъ, у нашихъ болѣе счастливыхъ, чѣмъ мы, западныхъ сосѣдей врачебная помощь есть лишь личная услуга за счетъ больного или актъ филантропіи на счетъ общихъ или отдѣльныхъ корпорацій,—у насъ здравоохраненіе массъ стало *обязанностью* органовъ общественнаго самоуправленія.

Но мрачная дѣйствительность заставляетъ понизить тонъ восторженныхъ самовосхваленій. На Западѣ нѣтъ земской медицины, но общественная санитарія достигла тамъ куда большихъ успѣховъ, чѣмъ добились мы, несмотря на явную демократизацію врачебнаго дѣла. Мы все еще приносимъ огромныя жертвы на алтарь повальныхъ болѣзней, мы до сихъ поръ выдѣляемся своей воспріимчивостью къ такимъ недугамъ, которыхъ давно уже не видалъ Западъ. Огромныя цифры смертности у насъ ставятъ Россію въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ въ ряду государствъ всего міра.

Причины этого печальнаго явленія ясны. Земскую медицину нельзя разсматривать оторванной отъ всѣхъ остальныхъ своеобразныхъ условій нашей общественной и государственной жизни. Заслуги земской медицины выступаютъ особенно ярко, когда мы разсматриваемъ ихъ не съ точки зрѣнія абсолютной цѣнности ихъ, а въ рамкахъ той дѣйствительности, которую переживало и продолжаетъ переживать русское общество. Нужно вспомнить тотъ хаосъ, который прежде безраздѣльно господствовалъ въ дѣлѣ обезпеченія населенія врачебной помощью, опредѣлить тѣ новыя начала, которыя внесло земство, обрисовать тѣ силы, которыя мѣшали общественнымъ организаціямъ проявить всю свою мощь, и передъ нами предстанетъ тогда значеніе земской медицины; мы поймемъ тѣ вѣчно—живые принципы, на которыхъ она зиждется.

Институтъ земской медицины прежде всего способствовалъ укрѣпленію въ сознаніи русскаго общества *права населенія на безплатную и раціональную врачебную помощь*. Такова крупная заслуга земскихъ учрежденій. Обобществленіе медицины, какъ одной изъ насущнѣйшихъ потребностей населенія, является прямымъ выводомъ изъ всей дѣятельности нашихъ органовъ самоуправленія. Но земская медицина, помимо того, выполнила еще и крупную культурную миссію. Она содѣйствовала развитію въ населеніи спроса на раціональную врачебную помощь, объявила борьбу всѣмъ невѣжественнымъ предразсудкамъ и тьмѣ суевѣрій, во власти которыхъ въ теченіе вѣковъ неизмѣнно находились народныя массы. Создать вѣру въ научную медицину и ея представителей, заставить темныхъ людей идти за спасеніемъ въ больницу,—для этого нужна была кропотливая работа по искорененію вѣками слагавшихся воззрѣній на болѣзнь и ея причины. И въ этомъ отношеніи земская медицина сдѣлала то, чего не въ состояніи была сдѣлать приказная. Врачъ сталъ близко къ населенію, проникся его невзгодами, выступилъ въ роли его естественнаго печальника. Отъ этого сближенія выиграли обѣ стороны: выиграла медицина, все больше и больше удовлетворяющая запросъ жизни, выигралъ народъ, нашедшій себѣ раціональныхъ врачевателей.

Но на ходѣ развитія земской медицины сказались общія условія нашей государственной и общественной жизни. Сословно-привилегированный характеръ земскихъ учрежденій, лишь болѣе рѣзко подчеркнутый положеніемъ 1890 г., привелъ къ тому, что земская медицина не выполнила всѣхъ тѣхъ задачъ, какія ставила передъ ней сама жизнь, не сдѣлала того, что она могла сдѣлать и должна была сдѣлать. Опека дворянства надъ мужикомъ дала свои плоды, и здравоохраненіе не играло у насъ той роли, какую оно уже давно играло на Западѣ.

Противорѣчія между интересами различныхъ классовъ обнаружили свое всеобъемлющее значеніе и въ дѣлѣ развитія медицинскаго дѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что среди земцевъ нашлась культурная горсточка, смотрѣвшая на здравоохраненіе массъ, какъ на серьезную государственную задачу, рѣшеніе которой выпало на долю общественныхъ организацій. Большинство же земскихъ гласныхъ относились къ медицинѣ, какъ къ чему-то навязанному имъ извнѣ, думали исключительно объ экономіи, не считаясь съ нуждами населенія, приглашали врачей и фельдшеровъ, выписывали медикаменты лишь для соблюденія весьма тягостной для нихъ формы. Крѣпостническій духъ еще не совсѣмъ покинулъ былыхъ баръ, вольныхъ надъ жизнью и смертью своихъ крестьянъ. Имъ еще все казалось, что крестьянинъ болѣетъ только „простыми“ болѣзнями, что найти противъ нихъ подобающее средство можетъ и фельдшеръ полуграмотный изъ военныхъ. Помѣщики, въ которыхъ не умеръ еще старый духъ, были увѣрены въ томъ, что имъ ничѣмъ не угрожаютъ болѣзни крестьянъ, что въ своихъ хоромахъ или

даже гдѣ-либо вдали отъ родного угла, въ богатомъ и культурномъ городѣ, они застрахованы отъ недуговъ, отъ которыхъ мретъ крестьянинъ. Помѣщикамъ не нужны были врачи—къ ихъ услугамъ были лучшіе представители медицины; имъ не нужны были больницы—они лѣчились у себя на дому; имъ не нужны были постоянно дѣйствующія санитарныя организаціи, санитарныя сооруженія, какъ водопроводъ и канализація—они изрѣдка наѣзжали въ деревню отдохнуть отъ городской сутолоки. И удивительно ли, что сословное земство отстаивало каждую копейку, идущую на медицину, что оно вступало нерѣдко въ жестокіе конфликты съ врачами, требовавшими слишкомъ много, стремившимися поставить на серьезную почву дѣло оздоровленія русской деревни?

Забитое крестьянство, задавленное опекой и административнымъ произволомъ, не въ состояніи было добиться для себя лучшей доли. Земскіе плательщики, несущіе большую часть земскихъ повинностей, крестьяне, вынуждены были выступать въ роли робкихъ и жалкихъ просителей, когда они обращались къ попечительному земству. И судьба здравоохраненія зависѣла часто отъ гнѣва и милости магната, нерѣдко отъ прямыхъ интересовъ „заботливаго" помѣщика. Земскія собранія рѣшили то закрывать врачебные участки, лишая тѣмъ населеніе ближайшихъ мѣстъ медицинской помощи, то вновь открывать ихъ, обнаруживали иногда какое-то чисто капризное отношеніе къ вопросамъ, требовавшимъ къ себѣ серьезнаго и дѣловитаго вниманія. Такъ было съ санитарными бюро, которыя то закрывались земствами, то вновь открывались, будучи стѣснены въ своей дѣятельности узкими рамками, поставленными имъ въ сословномъ земствѣ.

Крестьяне-гласные пользовались слишкомъ ничтожнымъ вліяніемъ для того, чтобы мѣшать своеволью опекающаго дворянства. Да и по правдѣ говоря, крестьяне не могли служить оплотомъ прогрессивныхъ начинаній въ дѣлѣ организаціи общественной медицины. Напротивъ, исторія земства знаетъ такіе случаи, гдѣ крестьяне становились во главѣ реакціи противъ раціональной постановки медицины. Ходатайства объ открытіи фельдшерскихъ пунктовъ, вѣра въ знахарей и пренебреженіе врачебной помощью, нежеланіе тратиться на санитарныя мѣропріятія,—вотъ во что выливались крестьянскія вожделѣнія и на земскихъ собраніяхъ и на общественныхъ сходахъ.

Но это отношеніе крестьянства къ научной медицинѣ опять-таки объясняется той атмосферой опеки и гнета, въ какой оно находилось. Приговоры крестьянъ, ихъ мольбы о возвратѣ къ прошлому, къ терніямъ разъѣздныхъ врачей и фельдшерскихъ пунктовъ, объясняются недочетами земской медицины, тѣми терніями и колебаніями, какія обнаруживались въ воззрѣніяхъ и рѣшеніяхъ однихъ и тѣхъ же земскихъ собраній. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какова та школа, въ которой слагались взгляды крестьянства, приглянемся также къ той жизненной обстановкѣ, въ которой моглп

приниматься реакціонныя рѣшенія, и мы убѣдимся въ томъ, что иначе оно и быть не могло. Крестьяне никогда не были въ достаточной мѣрѣ обезпечены медицинской помощью. Десятки и сотни квадратныхъ верстъ безъ врачебнаго участка, тысячи и десятки тысячъ населенія, лишенныхъ раціональной медицины, разрушительная сила эпидемій, — все это неизбѣжно вело къ тому, что крестьянство точно за соломенку хваталось за всякій суррогатъ медицины. И знахарь, и фельдшеръ-полузнайка изъ военныхъ, и бабка, — все было хорошо для крестьянина, ищущаго какой-либо опоры въ минуту несчастья.

Итакъ, вотъ, каковы были движущія силы земской медицины: съ одной стороны, дворянство, пользующееся полнотой власти, учитывающее свои кровные интересы и вѣрное своимъ предразсудкамъ; съ другой стороны, слабое и безпомощное крестьянство, живущее въ обстановкѣ, въ которой не могли развиться ни правильное міросозерцаніе, ни широкая самодѣятельность. И кто знаетъ, въ какія уродливыя формы вылилась бы земская медицина, если бы на защиту общественнаго принципа въ области здравоохраненія, не сталъ бы „третій элементъ"—врачъ. Земскимъ врачамъ приходилось бороться на два фронта. Имъ приходилось преодолѣвать рутину и невѣжество, преобладавшія въ средѣ крестьянства, имъ пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ недовѣріемъ народа, съ его постоянными опасеніями и боязнью предъ научной медициной и ея представителями. Въ этой средѣ врачъ вынужденъ былъ насаждать элементарную культуру, съ фактами въ рукахъ разсѣкать тьму, не страшась горячо проповѣдывать основныя идеи общественной санитаріи.

Борьба на противоположномъ флангѣ была гораздо болѣе тяжелой и, приходится сказать это,—менѣе успѣшной. Сословное земство прежде всего отстаивало свои прерогативы. Оно рѣзко противилось стремленію врачей вникать въ самую суть дѣла, полагая, что организація медицины—одна изъ хозяйственныхъ заботъ, вѣдѣніе которыхъ поручено всецѣло земству. Постороннимъ въ эту „святую святыхъ" земскаго дѣла входъ воспрещенъ.

Въ то же время владѣльческая группа ужъ очень опасалась лишнихъ тратъ, необходимыхъ для осуществленія широкихъ затѣй врачей, и всяческими способами тормозила правильное развитіе медицины.

Энергично повели земскіе врачи борьбу за удовлетвореніе одной изъ насущнѣйшихъ нуждъ населенія. Немало жертвъ понесли они на этомъ тернистомъ пути, немало труда и усилій положили они, не разъ переходили отъ преувеличенныхъ надеждъ къ тяжкимъ разочарованіямъ и все же смѣло продолжали начатое дѣло, медленно подвигаясь къ намѣченной цѣли.

Борьба между земствомъ и врачами не могла пройти безслѣдно для земской медицины. Отсутствіе единства между двумя корпораціями, стоявшими у одного и того же дѣла, вызывало излишнюю трату силъ, обусловивъ массу недостатковъ въ земско-медицинскомъ дѣлѣ, которые проявляются печальными фактами и

въ настоящее время. „Сколько происходитъ столкновеній,—жаловался И. И. Моллесонъ[1]),—какая почти всюду борьба, сколько на все это тратится и времени, и энергіи, и силъ, сколько страдаетъ дѣло. Въ результатѣ разрозненность дѣятельности земствъ и врачей, малая ея плодотворность, отсутствіе знанія санитарныхъ условій мѣстностей; косность и мертвенность въ санитарныхъ мѣропріятіяхъ; какое-то общее недовѣріе и недовольство управъ и вообще земствъ врачами, врачей управами, населенія и земствомъ, и врачами; вѣчная война въ совершенно мирномъ дѣлѣ и такъ далѣе безъ конца".

Была еще одна сила, оказывавшая извѣстное вліяніе на развитіе земской медицины. Мы имѣемъ въ виду правительственную опеку, которой всецѣло подчинено было земство по положенію 1890 года. Широкій размахъ земскихъ учрежденій въ сферѣ огражденія жизни и здоровья народныхъ массъ нерѣдко парализовался въ самомъ началѣ отеческой губернаторской властью. Ограниченіе правъ земства, мелкіе стычки изъ-за смѣты и, наконецъ, фиксація земскаго обложенія,—все это не могло не отразиться самымъ плачевнымъ образомъ на состояніи медицины. Усиленная охрана, административный произволъ, гоненія противъ врачей оказывали нивеллирующее вліяніе на медико-санитарное дѣло въ земскихъ губерніяхъ всей Россіи. Тамъ, гдѣ дворянско-владѣльческій элементъ представленъ былъ слабо, гдѣ здравоохраненіе выдвигалось на первую очередь, гдѣ ему придавалось значеніе важнѣйшей государственной проблемы, тамъ вмѣшивалась правительственная власть и охлаждала пылъ расходившихся земцевъ.

Несмотря на множество препятствій, стоявшихъ на пути земствъ, они количественно сдѣлали очень много въ области медицины. Къ концу XIX вѣка вмѣсто 350 больницъ приказа общественнаго призрѣнія съ $11^1/_2$ тысячами кроватей, существовавшими въ большинствѣ лишь на бумагѣ, оказалось въ 34 земскихъ губерніяхъ 1300 больницъ съ 30 тысячами кроватей для соматическихъ больныхъ и 10 тысячами мѣстъ для душевно-больныхъ. Къ концу прошлаго вѣка на поприщѣ земской медицины работало до 2500 врачей и около 8000 вспомогательнаго медицинскаго персонала[1]).

Однако, въ качественномъ отношеніи земская медицина оставляетъ еще желать многаго. Въ 1872 году, на зарѣ земской жизни, кн. Васильчиковъ[2]) писалъ: „ни одна изъ многочисленныхъ отраслей общественнаго благоустройства не находится въ такомъ грубомъ и первобытномъ запущеніи, какъ народное здравіе, нигдѣ не обнаруживается такого глубокаго разлада между народнымъ бытомъ и законодательствомъ, между предписанными, установленными порядками и дѣйствительнымъ повсемѣстнымъ безпорядкомъ".

---

[1]) И. И. Моллесонъ. „Четвертый съѣздъ пермской губ. въ Екатеринбургѣ въ 1887 году". 1887.

[1]) „Россія въ концѣ XIX вѣка". Подъ общей редакціей В. И. Ковалевскаго. Спб. 1900. Изд. министер. финанс.

[2]) А. Васильчиковъ. О самоуправленіи. Т. II.

За періодъ, протекшій съ того времени, какъ были написаны приведенныя только что слова, не было сдѣлано такъ много, чтобы они утратили свое значеніе. Народное здравіе попрежнему находится „въ грубомъ и первобытномъ запущеніи“, несмотря на горячую борьбу, которая постоянно шла вокругъ земской медицины, на массу копій, которыя ломались изъ-за нея. Перипетіи этой борьбы представляютъ глубокій общественный интересъ. Онѣ вводятъ насъ вплотную въ кругъ дѣятельности сословнаго земства, онѣ иллюстрируютъ характеръ его попеченій о народномъ благѣ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ возможность вскрыть санитарныя нужды Россіи и указываютъ правильный путь, по которому должно идти развитіе медицинскаго дѣла въ Россіи.

II.

Быть или не быть земской медицинѣ,—вотъ вопросъ, который горячо трактовался на первыхъ земскихъ собраніяхъ. Едва только земскія учрежденія взяли на себя завѣдываніе мѣстнымъ хозяйствомъ, какъ сама жизнь выдвинула съ настойчивостью вопросъ объ организаціи медицинской части. Слишкомъ вопіющей оказалась нужда населенія во врачебной помощи для того, чтобы мѣстные люди могли равнодушно пройти мимо.

Но противъ земства на первыхъ шагахъ его дѣятельности оказался прежде всего законъ. Дѣло въ томъ, что земскимъ положеніемъ 1864 года земскимъ учрежденіямъ предоставлено только *право* попеченія о народномъ здравіи. Организація медицины не отнесена къ числу *обязательныхъ* повинностей земства. Нѣкоторыя обязательства земствъ предъ государствомъ существовали лишь въ области завѣдыванія учрежденіями бывшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія, переданными земствамъ вмѣстѣ съ ихъ капиталами и имуществами.

Самое право земства вѣдать медицину было недостаточно ясно и точно регламентировано. Земству предоставлялось „участіе преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и о тюрьмахъ“. Попробуйте разобраться по этимъ туманнымъ выраженіямъ, къ чему должна свестись работа земствъ въ дѣлѣ попеченія о народномъ здравіи. Эта неясность закона, недостаточная очерченность сферы компетенціи земства, несомнѣнно, служили на первыхъ порахъ значительной помѣхой для правильной постановки врачебнаго дѣла.

Другимъ препятствіемъ, съ которымъ приходится считаться, является отсутствіе готовыхъ образцовъ при организаціи медицинской помощи населенію. Земство въ этомъ отношеніи предоставлено было всецѣло самому себѣ. Опытъ прошлаго, примѣръ приказовъ могли имѣть лишь отрицательное значеніе. Земствамъ дана была яркая иллюстрація того, въ какомъ направленіи *не* слѣдуетъ развивать медико-саинтарную дѣятельность.

Между тѣмъ, земства отлично сознавали, что попеченіе о народномъ здравіи отнюдь не относится къ разряду легко удовлетворяемыхъ потребностей. Было ясно, что организація медицины поглотитъ массу усилій и, что весьма важно, огромныя денежныя средства. Сопоставьте, съ одной стороны, сословный характеръ земскихъ учрежденій, ихъ оторванность отъ народныхъ массъ, непониманіе нуждъ послѣднихъ, съ другой стороны, отсутствіе обязанности лѣчить и предупреждать болѣзни и сознаніе трудности этого дѣла, и для насъ станетъ понятна та горячая борьба, которая уже на первыхъ земскихъ собраніяхъ возгорѣлась вокругъ вопроса о самой необходимости для земства взять въ свои руки медицину.

Здоровье—такое благо, которое *до извѣстной степени* связываетъ между собою всѣхъ людей, независимо подчасъ отъ разницы ихъ воззрѣній и интересовъ. Вотъ чѣмъ объясняется то обстоятельство, что уже на первыхъ земскихъ собраніяхъ раздались голоса, звавшіе земства на путь медицинскаго строительства и удовлетворенія, такимъ образомъ, одной изъ насущнѣйшихъ нуждъ страждущаго населенія. Но тутъ же пришлось выслушать сторонникамъ попеченія земствъ о народномъ здравіи горячую отповѣдь. „Не дѣло земства вѣдать медицину,—говорили эти апологеты экономіи въ земскомъ хозяйствѣ, а паче чего своихъ собственныхъ интересовъ. — Къ чему непроизводительныя траты, непозволительныя для общественныхъ учрежденій? Дать народу правильную научно поставленную врачебную помощь непосильная задача для земствъ, да это и не соотвѣтствуетъ условіямъ быта и степени культуры сельскаго населенія. Повторять опытъ приказовъ, создавать фиктивную медицину слишкомъ дорогое удовольствіе для органовъ общественнаго самоуправленія".

Эти „трезвыя" увѣщанія не могли имѣть полнаго успѣха въ силу требованій столь же грозной, сколь и печальной дѣйствительности. Земства приняли въ свое завѣдываніе отъ приказовъ больницы, приняли и капиталы, и имъ пришлось, если хотите, какъ простымъ хозяевамъ, вникнуть въ дѣло. Недостатки лѣчебныхъ заведеній били въ глаза, нельзя было не думать объ ихъ устраненіи. Такъ и случилось, что, занявшись переустройствомъ лѣчебныхъ заведеній, земства, быть можетъ, и противъ своей воли втянулись въ дѣло организаціи врачебной помощи для „некультурнаго" населенія.

Однако, голосъ оппозиціи, предостерегавшій земства отъ вступленія на шаткій путь, не остался безъ вліянія. Первые шаги земства на медицинскомъ поприщѣ представляются нерѣшительными и робкими. Въ нихъ сказывается какое-то недовѣріе къ самимъ себѣ, къ своимъ силамъ. Получается такое впечатлѣніе, точно само земство не совсѣмъ убѣждено было въ томъ, что оно дѣлаетъ правое дѣло, съ боязнью глядѣло въ будущее, опасаясь за безрезультатность своихъ усилій. Народное здравіе трактовалось, какъ роскошь, и ассигновки по этой статьѣ дѣлались съ большимъ трудомъ и въ ничтожныхъ размѣрахъ.

Между тѣмъ, нужда во врачебной помощи была большая, и капиталовъ, доставшихся земству отъ приказовъ, было далеко недостаточно для удовлетворенія назрѣвшихъ потребностей. По всѣмъ губерніямъ земству было передано приказами около $8^1/_2$ милліоновъ рублей, причемъ эта сумма была крайне неравномѣрно распредѣлена между отдѣльными губерніями. Въ уфимской, напримѣръ, губерніи, капиталъ „приказа" составлялъ всего 55 тысячъ рублей, въ орловской—503 тыс. руб. [1]).

И несмотря на незначительныя суммы, доставшіяся земствамъ въ наслѣдство отъ „приказовъ", многія изъ нихъ ограничивались процентами съ капиталовъ и своихъ ассигновокъ на медицину не дѣлали. Въ 1868 году, т.-е. черезъ три года послѣ введенія земскихъ учрежденій, 50 земствъ (изъ 324) ничего не ассигновали на медицину. Всего же на медицину ассигновано было въ 1868 году всѣми земствами 1,2 милліона рублей или 8,3% всей смѣты [2]).

Такъ медленно проникалось земство народными нуждами, такъ туго шло оно на удовлетвореніе одной изъ насущнѣйшихъ потребностей населенія. Лишь постепенно, мало-по-малу, не безъ тяжкой борьбы земство пріучилось къ мысли о необходимости пригласить на службу врачей и поручить имъ трудное дѣло лѣченія. Но и поступая такъ, многіе земскіе дѣятели обнаруживали рѣзкое недовольство постояннымъ ростомъ смѣтныхъ исчисленій и прикрывали свои тревоги за состояніе земской кассы громкими фразами о вредѣ благотворительности. „Пора оставить стезю филантропіи, пора бросить пріучать мужика къ даровщинѣ!"—такую фразу можно было нерѣдко слышать на земскихъ собраніяхъ. „Самое важное,—восклицаетъ одинъ гласный черниговскаго уѣзднаго земства (въ 1887 году) [1]),—чтобы земское собраніе не было филантропическимъ обществомъ: мы даромъ учимъ, даромъ лѣчимъ, на все это затрачиваемъ деньги,—надо, чтобы суммы эти намъ возвращались".

Соотвѣтственно подобнымъ взглядамъ земскихъ учрежденій на попеченіе о народномъ здравіи, какъ на дѣло благотворительности, медицинская часть подвигалась до нельзя медленно по пути благоустройства. Во многихъ мѣстахъ потребовался періодъ въ 30 лѣтъ для того, чтобы больницы приведены были въ болѣе или менѣе приличный видъ. Въ другихъ мѣстахъ больницы находились въ рукахъ городовыхъ врачей, такъ какъ на приглашеніе лишняго врача земства соглашались съ большимъ трудомъ. Въ протоколахъ перваго съѣзда врачей черниговской губ. мы читаемъ: „городовой врачъ, завѣдующій больницей, дѣломъ не занимается, а торгуетъ пенькой и коноплей, имѣетъ въ г. Суражѣ лавочку. Онъ всецѣло поглощенъ торговлей и рѣдко посѣщаетъ больницу. Ея судьба зависитъ вполнѣ отъ фельдшера". И въ то же время мы

[1]) Б. Веселовскій. „Исторія земства за сорокъ лѣтъ". Томъ первый. Спб. 1909.
[2]) Ibidem.

[1]) П. Я. Соколовъ. „Очерки исторіи приказной и земской медицинъ въ черниг. губ." Черниговъ. 1908.

узнаемъ, что суражская больница „была настолько пропитана міазмами, что давала себя знать на значительномъ разстояніи".

Излюбленнымъ доводомъ земствъ противъ приглашенія врачей было то, что крестьяне болѣютъ несложными болѣзнями и избѣгаютъ обращаться къ врачамъ. „Я не понимаю,—говорилъ одинъ гласный глуховского земства [1]),—зачѣмъ намъ тратить деньги на трехъ медиковъ; сельское населеніе не любитъ лѣчиться, оно избѣгаетъ медика. Мое глубокое убѣжденіе—оставить на уѣздъ одного медика".

Голосъ жизни заставилъ, однако, земскія учрежденія измѣнить свои взгляды на значеніе научной медицины и ея служителей. Прошло немного времени, эпидеміи все разрастались, унося въ могилу массу жизней, усиленная смертность стала стучаться въ двери самихъ вершителей судебъ населенія, и волей—неволей пришлось подумать о созданіи настоящей врачебной помощи, а не суррогата ея. Пришлось создать цѣлую корпорацію земскихъ врачей, принесшихъ всѣ свои силы и знанія на служеніе народу.

Но своей прежней позиціи земцы никогда не оставляли. На земскую кассу они продолжали смотрѣть, какъ на самодовлѣющую цѣль, готовы были забыть ради нея живое дѣло. Врачи, наоборотъ, ставили на первый планъ рѣшеніе порученной имъ сложной задачи оздоровленія страны, справедливо полагая, что земская касса является лишь средствомъ для удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ населенія. Отсюда неизбѣжные постоянные конфликты между земствами и врачами. На съѣздахъ врачей, въ ихъ докладахъ земскимъ собраніямъ не разъ звучали горькія ноты по поводу тѣхъ отношеній, какія установились между земствами и врачами. „Дѣло земской медицины,—читаемъ мы въ одномъ такомъ докладѣ [1]),—тогда только и можетъ стать на надлежащую почву и получить наиболѣе цѣлесообразное устройство соотвѣтственно выгодамъ сельскаго населенія, когда земство станетъ относиться съ большимъ довѣріемъ къ своимъ врачамъ и перестанетъ, наконецъ, смотрѣть на нихъ, какъ на наймитовъ, старающихся всячески стянуть лишній земскій грошъ и урвать для себя лишнюю земскую минуту, когда голосъ врачей при рѣшеніи земско-медицинскихъ вопросовъ получитъ большее значеніе, чѣмъ это было въ большинствѣ земствъ до сихъ поръ".

Къ сожалѣнію, голосъ врачей рѣдко принимался въ расчетъ земскими собраніями особенно на первыхъ порахъ дѣятельности земскихъ учрежденій. Врачи говорили о необходимости открыть новые участки, а земскія собранія относились совершенно безучастно къ этимъ указаніямъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ вся медицина существовала только временами, такъ-какъ при малѣйшихъ къ тому поводахъ въ смыслѣ финансовомъ земства рѣшали упразднить медицину или оставить

[1]) Ibidem.

[1]) Докладъ съѣзда врачей черниг. уѣзда земскому собранію сессіи 1878 года. Цит. по книгѣ П. Я. Соколова, l. c.

М. М. Антокольскій. Мефистофель.

(Русскій Музей Имп. Александра III въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

9

все дѣло попеченія о народномъ здравіи въ рукахъ фельдшеровъ.

На одномъ изъ засѣданій перваго съѣзда земскихъ врачей черниговской губ. предсѣдатель губернскаго земскаго собранія очень ярко охарактеризовалъ отношеніе врачей и земства къ медицинѣ [1]). „Около двухъ часовъ,—сказалъ онъ,—мечутся громы противъ фельдшеризма и земскихъ дѣятелей, которые отстаиваютъ этотъ фельдшеризмъ. Но врачи, какъ спеціалисты, ничего не могли сказать. Разница между нами большая: вы смотрите съ точки зрѣнія науки, мы, земцы,—кармана".

Въ погонѣ за дешевизной земства готовы были отказаться отъ научной медицины и водворить на ея мѣсто гомеопатію. Нѣкоторые уѣздныя земства сдѣлали шаги въ указанномъ направленіи, при чемъ лѣченіе возложено было на священниковъ, а гомеопатическія средства получались отъ земской управы.

Если принять, что земцы не считались съ размѣрами нужды во врачебной помощи, а съ интересами земскихъ кассъ и со всякими другими посторонними соображеніями, то для насъ понятно будетъ отсутствіе плана въ организаціи земской медицины, отсутствіе, которое особенно рѣзко давало знать о себѣ въ первые годы дѣятельности земствъ, сказывается еще весьма ощутительно и въ настоящее время. Все зависѣло нерѣдко отъ личнаго усмотрѣнія, личныхъ вкусовъ земскихъ заправилъ, которые готовы были то даровать населенію врачебную помощь, то безапелляціонно отнимать ее у него. Отсюда разнообразіе въ организаціи медицинской части въ разныхъ губерніяхъ и даже въ предѣлахъ одной и той же губерніи. „Въ курской губерніи,—говоритъ проф. Капустинъ [1]),—по смѣтамъ 1882 года, щигровскій уѣздъ ассигновалъ на медицину 30 тысячъ рублей, а дмитровскій—13 тыс. руб. Очевидно, тутъ разница не въ предѣлахъ средствъ земствъ, а въ разномъ взглядѣ на пользу дѣла медицины".

То же самое разнообразіе въ организаціи земской медицины, зависимость ея отъ усмотрѣнія земскихъ дѣятелей отмѣтила санитарная комиссія, учрежденная въ 1873 году въ московской губерніи. „Изъ имѣющихся въ комиссіи свѣдѣній,—читаемъ мы въ запискѣ комиссіи [2]),—видно, что земская медицина въ уѣздахъ московской губерніи организована весьма разнообразно: въ однихъ учреждены лѣчебницы, которыми завѣдуютъ врачи, а при нихъ состоятъ фельдшера и акушерки; въ другихъ—фельдшерскіе пріемные покои съ 1—2 кроватями, посѣщаемые въ извѣстное время врачами въ цѣляхъ осмотра приходящихъ сюда больныхъ и для руководства дѣятельностью фельдшеровъ; въ третьихъ—просто фельдшерскіе пункты безъ кроватей, и ихъ посѣщаютъ врачи для ревизіи; наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ постоянная санитар-

---

[1]) Протоколъ перваго очередного съѣзда земскихъ врачей черниг. губ. Черниговъ. 1882.

[1]) М. Я. Капустинъ. „Основные вопросы земской медицины". Спб. 1889.

[2]) Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности моск. земства. Москва. 1892.

ная дѣятельность земства ограничивается городской больницей, распространяясь на уѣздъ только во время эпидемическихъ болѣзней. Есть и такъ, что врачи, лѣчебницы и фельдшера, фельдшера отдѣльно, акушерки,—все это разсѣяно по разнымъ селеніямъ уѣзда. Никакъ нельзя полагать, чтобы такое разнообразіе въ организаціи земской медицины въ губерніи было вызываемо особенностями мѣстныхъ условій; очевидно, оно зависитъ отъ различія еще прочно не установившихся взглядовъ лицъ, въ вѣдѣніи которыхъ находится это дѣло".

III.

Важнѣйшую роль въ развитіи земской медицины сыграли коллегіальные врачебные органы, учрежденные въ силу необходимости земскими управами. Можно смѣло сказать, что эти органы вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть организаціи земско-медицинскаго дѣла. Отстаивая шагъ за шагомъ медицину отъ властной руки сословнаго земства, забывая о собственныхъ интересахъ, врачи съ рѣдкимъ воодушевленіемъ провели борьбу за правильную постановку врачебной помощи населенію. И волей-неволей земству приходилось иногда прислушиваться къ голосу врачей, считаться съ ихъ мнѣніемъ.

Въ началѣ своей работы земскіе хозяева были увѣрены въ томъ, что имъ никакихъ совѣтовъ со стороны не нужно, что они сами справятся съ поставленной имъ задачей. Они имѣли въ виду дѣйствовать по собственному своему разумѣнію и даже не думали о возможности такого положенія, при которомъ ихъ наймиты-врачи будутъ пользоваться какимъ-либо вліяніемъ въ дѣлахъ управленія. Мало-по-малу, однако, земцы убѣждались, что медицина—дѣло сложное, что одной сильной хозяйской рукой ничего устроить нельзя. Необходимы спеціальныя знанія для организаціи врачебной помощи населенію. Оборудованіе врачебныхъ участковъ, выборъ мѣста для ихъ устройства, выработка плановъ больницъ, выборъ мѣста для нихъ, борьба съ эпидеміями,—все это вопросы, на которые земцы не въ состояніи были дать отвѣтъ. Кромѣ того становилось совершенно ясно, что необходима планомѣрность въ развитіи медицинскаго дѣла, что въ предѣлахъ одной губерніи или хотя бы одного уѣзда должны дѣйствовать одни и тѣ же положенія, вполнѣ отвѣчающія нуждамъ населенія. Выработать эти положенія при разрозненной работѣ врачей самимъ земствамъ оказалось не по силамъ.

Такъ и возникли коллегіальные врачебные органы—уѣздные и губернскіе санитарные совѣты, губернскіе съѣзды врачей. Санитарные совѣты возникли въ семидесятыхъ годахъ при многихъ земскихъ управахъ, а губернскіе съѣзды врачей стали періодически созываться для разсмотрѣнія болѣе серьезныхъ вопросовъ молодой земской медицины.

Врачи весьма рьяно взялись за рѣшеніе порученныхъ имъ задачъ.

Уже на первыхъ съѣздахъ земскихъ врачей поднятъ былъ цѣлый рядъ весьма важныхъ вопросовъ здравоохраненія, которые еще,—увы!—даже въ настоящее время не утратили своего интереса. Улучшеніе лѣчебной медицины, проведеніе въ жизнь оздоровительныхъ мѣропріятій, улучшеніе условій жизни массъ, борьба съ эпидеміями,—таковы были вопросы, волновавшіе съѣзды врачей и заставлявшіе ихъ предъявлять рядъ категорическихъ требованій заметвамъ.

Но земскія собранія, согласившись выслушивать мнѣнія врачей, далеко не всегда сообразовывали съ ними свои рѣшенія. Земцы продолжали держать своихъ наймитовъ въ черномъ тѣлѣ и нерѣдко вступали въ жестокіе конфликты съ врачебными организаціями, если только имъ казалось, что нарушены ихъ хозяйскія прерогативы. Никакой другой роли, кромѣ совѣщательной, земцы санитарнымъ совѣтамъ и съѣздамъ врачей не предоставляли. Не разъ съѣзды врачей констатировали, что ихъ постановленія не приводятся въ исполненіе земствомъ. Въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ 1877 году гласный Ладыженскій преспокойно заявилъ, что „мнѣнію съѣзда врачей нельзя довѣрять безусловно уже потому, что вопросъ о пользѣ самихъ врачей остается иногда спорнымъ“.

Лучшимъ выразителемъ взглядовъ сословнаго земства на роль и обязанности врачей явился кн. Васильчиковъ. Въ извѣстномъ трудѣ своемъ „О самоуправленіи“ онъ говоритъ: „Врачъ точно такъ же, какъ и всякій спеціалистъ или техникъ, инженеръ, архитекторъ, учитель, приноситъ пользу только при непосредственныхъ своихъ дѣйствіяхъ на мѣстахъ исполненія, при постройкѣ, преподаваніи или лѣченіи; но при общихъ обсужденіяхъ и надзорѣ за управленіемъ люди со спеціальными свѣдѣніями имѣютъ большей частью такое одностороннее направленіе, такія пристрастныя мнѣнія, что весьма часто сбиваются съ пути практическихъ общеполезныхъ мѣропріятій и стремятся къ неисполнимымъ усовершенствованіямъ, пренебрегая насущными нуждами. Поэтому намъ казалось бы, что вся дѣятельность медицинскихъ чиновъ должна быть обращена *къ непосредственной подачѣ медицинскихъ пособій* (курсивъ нашъ. В. К.), что они должны быть распредѣлены по округамъ въ районахъ, гдѣ они могутъ оказывать помощь наибольшему числу жителей, и что въ этихъ скромныхъ и полезнѣйшихъ должностяхъ необходимо дать медикамъ по возможности большую самостоятельность, лучшее обезпеченіе и вообще всякія преимущества служебныя, какими правительство можетъ располагать“.

Въ этой тирадѣ сказалась вся идеологія сословнаго земства. Оно ничего не имѣло бы противъ предоставленія всякихъ преимуществъ по службѣ врачамъ, лишь бы они не вторгались въ хозяйственныя распоряженія земствъ. Слѣпые исполнители предначертаній своихъ хозяевъ, простые врачеватели недуговъ, не смѣющіе думать о *предупрежденіи* болѣзней,—вотъ какимъ рисовался идеальный врачъ земскимъ хозяевамъ.

У земцевъ, смотрѣвшихъ на задачи здравоохраненія сквозь призму своихъ господскихъ воззрѣній, выше всего ставившихъ интересы земской кассы, были основанія для недовольства врачами. Вѣдь врачи безъ колебаній говорили непріятную правду. Какъ преданные своему дѣлу люди, они смѣло вскрывали всю несостоятельность идеи земской медицины, какъ она рисовалась властнымъ хозяевамъ.

Мы уже видѣли, что врачъ, по представленіямъ земцевъ, долженъ быть слѣпымъ исполнителемъ предначертаній, подавая врачебную помощь на мѣстахъ и не вмѣшиваясь въ дѣла управленія. Съ этимъ представленіемъ о врачахъ вполнѣ гармонировалъ принципъ земскаго уравненія, который былъ цѣликомъ приложенъ къ медицинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если все дѣло врача только и заключается въ томъ, что онъ раздаетъ изъ своихъ рукъ лѣкарства, то эти блага должны одинаково распредѣляться на всѣхъ жителей участка. Врачъ не долженъ быть ближе къ однимъ и дальше отъ другихъ. Равномѣрное распредѣленіе врачебной помощи, по мнѣнію „свѣдущихъ" въ медицинѣ хозяевъ, должно свестись къ тому, чтобы врачъ постоянно разъѣзжалъ по участку и вездѣ оставлялъ слѣды своего пребыванія въ видѣ совѣтовъ больнымъ и лѣкарствъ.

Такъ, на цѣнной идеѣ земскаго уравненія выросла совершенно нецѣлесообразная разъѣздная система во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Разъѣздная система состоитъ въ томъ, что врачъ живетъ въ городѣ или въ участкѣ и имѣетъ въ своемъ распоряженіи не только свой пріемный покой или лѣчебницу, которыми онъ могъ бы лично завѣдывать. Подъ его началомъ находятся еще такъ называемые самостоятельные фельдшерскіе пункты, гдѣ единственнымъ вершителемъ судебъ больныхъ является фельдшеръ. Предполагается, однако, что врачъ контролируетъ фельдшера, надзираетъ за нимъ, такъ какъ онъ обязанъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю пріѣзжать на пунктъ, принимать тамъ больныхъ и освѣдомляться относительно дѣятельности фельдшера. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ врачи обязывались во время разъѣздовъ останавливаться въ попутныхъ селеніяхъ и наводить справки о больныхъ.

Нечего и говорить о томъ, какъ мало такая система соотвѣтствуетъ нуждамъ населенія. Врачъ уподобляется почтовой лошади, дѣлаетъ въ теченіе года сотни верстъ, тратитъ массу силъ и времени, успѣвая подать помощь только единичнымъ больнымъ. Простой народъ не въ состояніи удержать въ памяти росписаніе передвиженія врачей и является въ пріемный покой за помощью, когда врачъ давно уже успѣлъ уѣхать. Выходитъ, по справедливому выраженію одного автора, что врачи и больные играютъ въ прятки.

Понятно, что на съѣздахъ врачей разъѣздная система подвергалась рѣзкому осужденію [1]). Врачи, не стѣсняясь, называли вещи своими именами и клеймили установившій-

---

[1]) См. протоколъ V съѣзда земскихъ врачей тверской губ. 1886.

ся порядокъ лѣченія „шарлатанскимъ“. Они выдвигали всѣ нелѣпыя и смѣшныя стороны разъѣздовъ, настаивая на ихъ полной безплодности и нецѣлесообразности. „Въ камышинскомъ уѣздѣ,—говорилось на первомъ саратовскомъ съѣздѣ врачей [1]),—система разъѣздовъ доведена до смѣшного. Здѣсь весь уѣздъ представляется въ какомъ-то непрерывномъ движеніи: фельдшера, отыскивая больныхъ, ѣздятъ по селамъ своего участка; врачи съ той же цѣлью разъѣзжаютъ по фельдшерскимъ участкамъ, а затѣмъ захватываютъ фельдшеровъ и съ ними объѣзжаютъ села, принадлежащія къ фельдшерскому району... Весь уѣздъ въ суетѣ“.

Разъѣздная система тяжело дѣйствовала на врачей въ силу сознанія безплодности потраченныхъ тяжкихъ трудовъ и усилій. Врачи не разъ горько жаловались на то, что они больныхъ не видятъ, что безполезныя передвиженія отравляютъ существованіе, что медицина превращается въ какую-то фикцію, благодаря установившейся системѣ. „Если принять во вниманіе,—говорили они [2]),—ту жалкую гигіеническую обстановку, при которой земской медицинѣ приходится сплошь и рядомъ врачевать крестьянскіе недуги, и часто полное ея безсиліе только благодаря этой обстановкѣ, если принять во вниманіе всю утомительность для врачей безпрерывныхъ разъѣздовъ и громадную трату времени на одно передвиженіе изъ села въ село, если при этомъ представить всю ту обстановку, при которой во время разъѣздовъ приходится земскимъ врачамъ принимать больныхъ, весь этотъ шумъ и гамъ волостныхъ правленій и деревенскихъ сборенъ, когда ни выстукать, ни выслушать, ни осмотрѣть хорошенько больного нѣтъ никакой возможности, ту жалкую, въ дорогѣ часто подмоченную, передвижную аптечку, на которую въ данномъ случаѣ вся надежда,—то сдѣлается совершенно понятнымъ, что врачебными разъѣздами не только не достигается maximum пользы отъ земской медицины, что они не только нецѣлесообразны, но иногда просто вредны, такъ какъ при той обстановкѣ, какою сопровождаются у насъ врачебные разъѣзды, бываетъ трудно помочь въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ при иныхъ условіяхъ можно было бы оказать помощь, и этимъ можетъ подрываться довѣріе народа къ медицинѣ“.

Рѣзкой критикѣ подвергъ также разъѣздную систему въ 1889 году бывшій земскій врачъ проф. Капустинъ въ своей уже цитированной нами книгѣ [1]). „Для раціональной и полезной дѣятельности врача,—говоритъ этотъ авторъ, — ему необходимо полное вниманіе къ больному, нахожденіе подъ руками важнѣйшихъ пособій для изслѣдованія и лѣченія больныхъ, возможность слѣдить за больными въ правильные сроки, увѣренность въ томъ, что назначенное лѣкарство отпуще-

[1]) Протоколъ саратовскаго съѣзда земскихъ врачей. Саратовъ. 1876.

[2]) Организація земской медицины въ черниг. уѣздѣ. Земскій сборникъ черниг. губ. № 6. 1881.

[1]) М. Я. Капустинъ, „Основной вопросъ земской медицины“. Спб. 1889.

но въ надлежащей формѣ и употребляется согласно назначенію. Ни одно почти изъ этихъ условій не достигается при разъѣздной системѣ. Врачъ мечется по уѣзду, всегда торопится, никогда почти не имѣетъ подъ руками нужныхъ пособій и инструментовъ, рѣдко видитъ результаты своихъ дѣйствій, и неудивительно, что иногда въ концѣ-концовъ утрачиваетъ интересъ къ своему дѣлу, перестаетъ читать и учиться и въ лучшихъ случаяхъ стремится убѣжать куда-нибудь въ другое мѣсто, въ худшихъ же погружается въ апатію и уѣздныя дрязги".

И несмотря на столь рѣзкую и вѣрную оцѣнку разъѣздной системы, земскіе хозяева продолжали цѣпко за нее держаться, отстаивая ее отъ нападокъ. Земцы не стѣснялись обвинять врачей въ томъ, что тѣ изъ своекорыстныхъ расчетовъ пытаются устранить неудобную для нихъ систему. Врачи просто жаждутъ болѣе спокойной жизни, хотѣли бы устроиться съ большимъ комфортомъ, и этимъ объясняется ихъ жестокая критика. Земскіе дѣятели не упускали случая уязвить врачей, давая имъ уроки общественной работы и убѣждая ихъ не ставить личныхъ интересовъ выше общественныхъ. „Идеальное и логическое,—говорили земцы на областномъ съѣздѣ въ г. Харьковѣ въ 1881 году [1]),—весьма часто бываетъ нелогичнымъ. Не только въ цѣляхъ врачеванія болѣе успѣшнаго, но и болѣе покойной, удобной службы земскаго врача, стаціонарная система безусловно лучшая, но съ точки зрѣнія извѣстныхъ земскихъ задачъ въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія и разъѣздная система имѣетъ за собой не мало".

Но врачи и не думали оставлять поля битвы. Люди опыта и знаній, они разбивали всѣ доводы сторонниковъ разъѣздной системы, вскрывали ея истинную подоплеку. Все дѣло заключалось въ стремленіи земцевъ во что бы то ни стало отстоять интересы кармана. Съ этой цѣлью и была придумана система, при которой врачебная помощь замѣнена всецѣло фельдшерской. Въ основу такой замѣны легъ извѣстный афоризмъ, возвращающій насъ къ дореформенной эпохѣ съ ея вѣрой, что крестьяне страдаютъ простыми болѣзнями. „Докторъ—барскій лѣкарь, а фельдшеръ—мужицкій лѣкарь",—въ этомъ положеніи и его развитіи вылилась вся мудрость земскихъ дѣятелей, ихъ отношеніе къ удовлетворенію народныхъ нуждъ.

Въ противовѣсъ разъѣздной системѣ была выдвинута стаціонарная система организаціи врачебной помощи населенію. Врачъ находится въ центрѣ участка, при немъ амбулаторія. Сюда обращаются со всѣхъ концовъ уѣзда всѣ страждущіе. Выѣзжаетъ врачъ только по вызову къ тяжелымъ больнымъ, которые не въ состояніи являться на пріемъ. При этихъ условіяхъ врачъ „принимается за дѣло со свѣжими силами и чувствами, а не послѣ утомительной поѣздки, почему находится въ полномъ обладаніи своими способностями". „Польза правильно веденной амбулаторіи врача,—говоритъ проф. Капустинъ,—выходитъ далеко за предѣлы непо-

[1]) М. Я. Капустинъ, l. c.

средственнаго врачеванія данныхъ недуговъ. Невольно и неизбѣжно врачъ является постояннымъ распространителемъ болѣе правильныхъ взглядовъ на болѣзни, ихъ происхожденіе и лѣченіе. Наглядно на себѣ и своихъ близкихъ крестьяне убѣждаются въ нелѣпости многихъ суевѣрныхъ понятій и предразсудковъ. Искорененіе почти повсемѣстно кровопусканій мѣстныхъ и общихъ есть живой примѣръ возможныхъ успѣховъ земской медицины. Понятія о дурномъ глазѣ, о порчѣ и т. п. существенно подрываются черезъ пропаганду врача. Неустанныя настоянія его о необходимости чистоты, о правильномъ кормленіи грудныхъ дѣтей и пр. имѣютъ несомнѣнный успѣхъ".

Дѣятельная агитація врачей не пропала даромъ. Первымъ вступило на путь организаціи стаціонарной врачебной помощи населенію московское земство. Приглашенный послѣднимъ въ 1875 году врачъ Е. А. Осиповъ (завѣдывавшій потомъ въ теченіе двадцати лѣтъ врачебно-санитарной частью губернскаго земства) выработалъ планъ сѣти врачебныхъ участковъ. Этотъ планъ былъ одобренъ земскимъ собраніемъ и разосланъ затѣмъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ земствъ. Выработанный проектъ попалъ какъ разъ кстати въ земскія собранія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сама жизнь доказала уже всю нелѣпость и несообразность разъѣздной системы. Такъ, въ серпуховскомъ уѣздѣ съ опредѣленностью выяснилось, что врачи фактически не въ состояніи объѣзжать свои участки ежемѣсячно, такъ какъ для этого при посѣщеніи 3—4 селеній ежедневно требуется 43 дня въ мѣсяцъ [1]). Выяснилось также, что вся фактическая дѣятельность врачей выражается лишь въ огромномъ числѣ сдѣланныхъ ими верстъ.

Пришлось волей - неволей отказаться при столь очевидныхъ фактахъ отъ благъ уравнительнаго пользованія медициной и отъ прелестей разъѣздной системы. И совершенно не приходится удивляться, конечно, тому, что земцы, несмотря на всю свою косность и горячую преданность принципамъ экономіи, вынуждены были замѣнить худшее лучшимъ. Гораздо болѣе поразительно то, что и въ настоящее время послѣ сорокапятилѣтняго существованія земской медицины разъѣздная система отмѣнена далеко не всюду. Къ концу вѣка чисто стаціонарная система введена была только въ 138 уѣздахъ, смѣшанная (т.-е. врачъ при амбулаторіи все же обязанъ время отъ времени выѣзжать на самостоятельные фельдшерскіе пункты) принята была въ 219 уѣздахъ, и въ двухъ уѣздахъ сохранилась еще чисто—разъѣздная система[2]). Число самостоятельныхъ фельдшерскихъ пунктовъ за послѣднее время даже увеличилось. Въ 1898 году въ 34 земскихъ губерніяхъ было 2.751 фельдшерскихъ пунктовъ, въ настоящее время, по приблизительному расчету, число ихъ составляетъ 4.000 [3]).

Развитіе земской медицины шло

---

[1]) Русская земская медицина. Москва. 1899.

[2]) Б. Веселовскій, l. c.

[3]) Записка о правовомъ положеніи фельдшеровъ, выработанная правленіемъ союза фельдшерскихъ обществъ.

не по одной восходящей линіи, а зигзагами. Періоды оживленія земской дѣятельности въ этой области смѣнялись періодами застоя. Кризисъ земской медицины, о которомъ такъ много говорятъ и пишутъ въ настоящее время, наблюдался уже много разъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ и въ основѣ своей имѣетъ весь характеръ земскихъ учрежденій, ихъ соціальную структуру. Случалось, что то или иное земство поддавалось на увѣщанія и принимало рѣшеніе осуществить у себя стаціонарную систему, пригласивши для этого необходимое количество врачей. Но проходило нѣтоторое время, и земство измѣняло своему первоначальному рѣшенію, предпочитало лучше совершенно ликвидировать земскую медицину оставляя цѣлые уѣзды безъ врачей.

Колебанія и сомнѣнія постоянно мучили земство. Имъ казалось, что напрасно они тратятъ деньги на охраненіе народнаго здравія. Сознавая неудовлетворительность постановки земской медицины, хозяева земства безапелляціонно рѣшали, что можно и совсѣмъ отъ нея отказаться. Такъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ глуховская земская управа представила уѣздному земскому собранію докладъ, въ которомъ имѣются слѣдующія многозначущія слова, ярко иллюстрирующія вожделѣнія командующихъ классовъ. „Земскому собранію извѣстно,—читаемъ мы въ этомъ докладѣ,—что народное здоровье нашего уѣзда, въ общемъ, не измѣнилось ни къ лучшему, ни къ худшему послѣ того, какъ мы возвратились къ системѣ одного земскаго врача. Дѣло въ томъ, что при трехъ врачахъ, какъ и при одномъ, необходимость проѣхать 20—40 верстъ для того, чтобы дать или получить медицинскій совѣтъ, чрезвычайно уменьшаетъ вѣроятность этой медицинской помощи“. Ясно, что, если при трехъ врачахъ и при одномъ результатъ получается одинъ и тотъ же, было бы безуміемъ тратить земскія деньги на оплату труда безполезныхъ и ненужныхъ работниковъ.

Отсюда одинъ шагъ до полнаго упраздненія земской медицины, и въ своемъ историческомъ докладѣ глуховское земство не преминуло сдѣлать и этотъ шагъ. „Положеніе спеціально земскаго врача,—говорится въ докладѣ,—въ томъ видѣ, какъ эта должность поставлена въ настояще время, часто вызываетъ къ рутинному выполненію своихъ обязанностей. Получая одинаковое жалованье какъ за большой и толковый трудъ, такъ и за малый и безтолковый, благодаря отсутствію гонорара, чуждый личнаго интереса въ успѣхахъ своей дѣятельности, мало заинтересованный въ успѣхахъ своихъ познаній, инстинктивно заинтересованный въ томъ, чтобы сузить районъ своей медицинской дѣятельности, стѣсненный въ выборѣ карьеры, земскій врачъ иногда незамѣтно получаетъ охлажденіе къ дѣлу и переходитъ къ механической исполнительности“. Прямой выводъ изъ этихъ разсужденій, что не нужно земской медицины, что необходимо организовать медицинскую помощь для населенія на началахъ „вольной сельской практики“. Въ пылу своего увлеченія экономическими расчетами, соображеніями

дешевизны земцы готовы были отказаться отъ общественной организаціи врачебной помощи населенію, отъ всего того, чѣмъ дорога земская медицина, что составляетъ ея основу, ея сущность.

Не менѣе упорную борьбу, чѣмъ изъ-за разъѣздной системы, пришлось выдержать земскимъ врачамъ изъ-за устройства больницъ. Приходилось доказывать, что при тѣхъ бытовыхъ условіяхъ, въ какихъ живетъ русское крестьянство, больница въ каждомъ врачебномъ участкѣ представляетъ собой существенную принадлежность правильной организаціи земской медицины. Это требованіе далеко еще не выполнено въ настоящее время. Приходилось, далѣе, отстаивать то несомнѣнное положеніе, что больница должна находиться въ завѣдываніи врача, а не фельшера. Многихъ трудовъ стоило провести въ нѣкоторыхъ земствахъ принципъ безплатности больничной помощи. Во многихъ уѣздахъ этотъ принципъ не осуществленъ еще до сихъ поръ. Вѣдь смѣшно сказать, что приходилось ратовать за то, чтобы шаблонныя порціи въ продовольствіи больныхъ были замѣнены „установленіемъ нормы суточнаго расхода на больного, въ предѣлахъ котораго выборъ пищи можетъ быть сообразованъ съ требованіями болѣзни, привычками и вкусами больныхъ". И противъ этихъ простыхъ и очевидныхъ истинъ выдвигались постоянно одни и тѣ же доводы дешевизны, изъ-за которой приносились въ жертву интересы страждущаго населенія.

Но все же нельзя не отмѣтить значительнаго успѣха врачебныхъ организацій въ ихъ борьбѣ противъ косности земствъ, противъ ихъ сословной и классовой исключительности. Земскіе дѣятели, разыгрывая роль народныхъ печальниковъ, вынуждены были иногда признавать справедливость за требованіями врачей и принимать мѣры къ ихъ проведенію въ жизнь. Такъ и выростало съ теченіемъ времени число врачебныхъ участковъ, постепенно уменьшался ихъ радіусъ, увеличивалось число лѣчебныхъ заведеній, росли расходы на медицину. Дѣйствительно, всѣхъ лѣчебныхъ заведеній было принято земствомъ въ 1865 году—351. Всѣхъ штатныхъ кроватей въ этихъ заведеніяхъ было всего 11.581. Въ 1890 году, т.-е. послѣ двадцатипятилѣтней дѣятельности земства число лѣчебныхъ заведеній было уже 1.068 съ 26.571 кроватями[1]). Въ семидесятыхъ годахъ кн. Васильчиковъ горячо ратовалъ за то, чтобы радіусъ участка равнялся 25 верстамъ. Къ концу вѣка во многихъ губерніяхъ была принята норма радіуса участковъ въ 17—18 верстъ, а въ московской губерніи радіусъ не превышалъ 10—12 верстъ.

Постепенно росли также ассигновки земствъ на организацію медицины [2]).

Въ 1871 году земскіе расходы по статьѣ попеченія о народномъ здравіи превышали два милліона рублей, составляя 10% земскаго расходнаго бюджета. Въ 1875 году расходы по медицинѣ составляли уже сумму въ 18 милліоновъ, т.-е. $28^1/_2$% расходнаго бюджета земствъ.

---

[1]) Русская земская медицина, l. c.
[2]) Ibidem.

Сдѣлало ли что-либо земство въ дѣлѣ организаціи врачебной помощи населенію? Несомнѣнно, да! На VI съѣздѣ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова въ Кіевѣ д-ромъ Д. Н. Жбанковымъ представлены были, на основаніи офиціальныхъ источниковъ, сравнительныя данныя о состояніи медицины въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ въ 1892 году. Въ земскихъ губерніяхъ одинъ врачебный участокъ приходится на 1.590 квад. верстъ и на 42.060 жителей, въ неземскихъ—на 7.630 кв. верстъ и на 101.800 жителей. Расходъ на медицину на одного жителя выражался въ земскихъ губерніяхъ 34 копейками, въ неземскихъ—16,6. Но эти данныя отнюдь не могутъ питать восторженнаго отношенія къ земской медицинѣ. Они говорятъ намъ только о крайней неудовлетворительности правительственной организаціи медицинской помощи сельскому населенію, но нисколько не доказываютъ, что земская дѣятельность въ этой области вполнѣ отвѣчаетъ нуждамъ народа.

Еще въ 1875 году московская санитарная комиссія выработала основные пункты организаціи врачебной помощи населенію. При устройствѣ земской медицины въ уѣздахъ, говоритъ въ своемъ докладѣ санитарная комиссія, необходимо обратить вниманіе на то, чтобы 1) врачебная помощь была дѣйствительная, соотвѣтственно требованіямъ медицинской науки, 2) чтобы она была возможно общедоступна и 3) чтобы обязанности, возлагаемыя на медицинскій персоналъ, были для него фактически удобоисполнимы. Посмотримъ, удовлетворяетъ ли земско-медицинская организація перечисленнымъ условіямъ.

Обратимся прежде всего къ общедоступности медицинской помощи. Выше мы указали на то, что въ московской губ. радіусъ врачебнаго участка доведенъ былъ до 7—10 верстъ. По отчету главнаго врачебнаго инспектора [1]) въ 1906 году имѣлось всего 3.268 врачебныхъ участковъ. Но для того, чтобы площадь врачебнаго участка довести до средней величины участка московской губ. (260 кв. верстъ—разстояніе внушительное) нужно еще около 70.000 врачебныхъ участковъ, количество, о которомъ мы не смѣемъ даже мечтать. Вѣдь какъ ни хорошо обстоитъ дѣло въ земскихъ губерніяхъ, а все же одинъ врачъ приходится на обширное пространство въ $1^1/_2$ тысячи верстъ и на десятки тысячъ жителей. Говорить объ общедоступности медицинской помощи при такихъ условіяхъ не приходится. Главный врачебный инспекторъ въ отчетахъ о состояніи народнаго здравія не разъ указывалъ на недостаточность врачебной помощи. Въ отчетѣ за 1903 годъ [2]) инспекторъ съ грустью сознается, что число врачей по отношенію къ населенію у насъ въ 7 разъ меньше, чѣмъ въ Венгріи, и въ 5—8 разъ меньше, чѣмъ во Франціи и Даніи. Большая половина больныхъ лѣчится у фельдшеровъ. Переполненіе больницъ доходитъ до ужасающихъ размѣровъ. Число призрѣваемыхъ

[1]) Отчетъ о состояніи народнаго здравія за 1906 годъ. Спб. 1908.

[2]) Отчетъ о состояніи народнаго зравія за 1903 годъ. Спб. 1905.

больныхъ въ 3—4 раза превышаетъ число штатныхъ кроватей.

Земскія врачебныя организаціи отнюдь не скрывали отъ себя недостаточности медицинской помощи. Напротивъ, ихъ настояніями объясняется то, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ радіусъ врачебнаго участка уменьшился. Еще недавно на съѣздѣ земскихъ врачей С.-Петербургской губерніи завѣдующій санитарнымъ бюро Н. А. Дмитріевъ[1]) указывалъ на то, что „существующая сѣть лѣчебныхъ заведеній недостаточна", что это печальное обстоятельство скажется неминуемо въ дѣлѣ борьбы съ эпидеміями. Это— старая пѣснь земскихъ врачей, постоянный лейтмотивъ, сопровождающій всѣ ихъ пожеланія и рѣшенія.

Находится ли современная организація земско-врачебнаго дѣла на высотѣ медицинской науки, возлагаются ли на медицинскій персоналъ лишь такія обязанности, которыя для нихъ фактически удобоисполнимы? Заставимъ лучше всего по этому поводу говорить самихъ земскихъ врачей. Въ восьмидесятыхъ годахъ бывшій земскій врачъ М. Я. Капустинъ[2]) писалъ: „Въ базарные дни на врача наваливается иногда до нелѣпости громадное количество больныхъ (150—200) въ одно утро, при чемъ дѣятельность его сводится почти только къ записи больныхъ и шаблонному назначенію лѣкарствъ, вмѣстѣ съ полицейскими распорядками, въ чаду и шумѣ базарной толпы. Кто испыталъ на себѣ эти пріемы, тотъ согласится, что безполезнѣе и безцѣльнѣе ихъ ничего нельзя себѣ представить. Вниманіе врача быстро притупляется, мысль перестаетъ работать, является раздраженіе къ себѣ и къ больнымъ, голодъ, духота и смрадъ доводятъ до отупѣнія, и надъ всѣмъ преобладаетъ лишь единственное стремленіе поскорѣе окончить эту комедію, называемую пріемомъ больныхъ. Что сказали бы больные состоятельныхъ классовъ о городскомъ врачѣ-практикѣ, если бы онъ удѣлялъ на распросъ, запись, осмотръ и совѣтъ для каждаго больного только по 5 минутъ времени. Вѣроятно, онъ потерялъ бы вскорѣ всякую практику. Если же земскій врачъ на такой базарной амбулаторіи удѣлитъ на каждаго больного по 5 минутъ, то для пріема 150 больныхъ потребуется болѣе 12 часовъ непрерывной работы. Возможно ли это для врача, а также для больныхъ, пріѣхавшихъ издалека?" И проф. Капустинъ, не стѣсняясь, подвергаетъ рѣзкому осужденію условія, при которыхъ происходятъ базарные пріемы больныхъ, гдѣ врачъ является „вынужденнымъ шарлатаномъ".

Послушаемъ теперь современнаго земскаго врача[1]) и мы увидимъ, что за долгій періодъ, протекшій съ восьмидесятыхъ годовъ въ постановкѣ врачебной помощи населенію измѣнилось весьма мало. „Преодолѣвъ разстояніе,—говоритъ

---

[1]) Труды IX санитарнаго съѣзда земскихъ врачей С.-Петербургской губ. Т. II. Спб. 1908.

[2]) Основные вопросы земской медицины Спб. 1889.

[1]) Г. А. Бердичевскій. „Къ оцѣнкѣ положенія". Журналъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова № 1. 1908.

современный авторъ,—очень часто не близкое, иногда по невылазной грязи, нашъ больной попадаетъ въ ожидальню, нерѣдко крайне тѣсную, биткомъ набитую народомъ. Раздѣться негдѣ, иногда и сѣсть негдѣ. Записавшись, онъ ждетъ очереди. Дождавшись ея, онъ входитъ въ кабинетъ врача, излагаетъ свои жалобы. У дѣятельнаго врача работы много, въ больницѣ у него лежатъ тяжелые больные, у него на очереди перевязки, операціи. При такихъ условіяхъ на опросъ больного, раздѣваніе, изслѣдованіе, лѣчебное назначеніе много времени удѣлить нельзя. Какъ правило, можно считать, что на одного больного удѣляется лишь нѣсколько минутъ. Затѣмъ, больной получаетъ въ аптекѣ лѣкарство, выборъ котораго и количество очень часто стоятъ въ зависимости не только отъ терапевтическаго показанія, но и отъ аптечной, нерѣдко скудной, наличности... Довѣріе больного на многолюдномъ земскомъ пріемѣ подвергается тяжелому испытанію; и роль врача, стремящагося поддержать и развить это довѣріе, сводится къ двусмысленной и противорѣчивой задачѣ—внушить вѣру въ ту работу, которая у самого въ душѣ родитъ лишь чувство недоволства и протеста".

Мы видимъ, что длинный періодъ не внесъ никакихъ измѣненій въ качественную сторону медицинскаго дѣла. „Дѣятельность земства на пользу деревни въ послѣднее время развивается слабо,—говорилъ проф. Капустинъ въ 1902 году [1]).—Въ земствахъ замѣчается вялость, стремленіе застыть въ созданныхъ формахъ дѣятельности и даже нерѣдко движеніе назадъ, формулированное въ столь извѣстныхъ и тягостныхъ понятіяхъ, какъ „сократить" или „упразднить".

IV.

Тѣсно соприкасаясь съ народомъ, живя одной съ нимъ жизнью, земскіе врачи очень скоро убѣдились въ томъ, что одной лѣчебной медициной нельзя помочь народному горю, избавить массы отъ физическихъ страданій. Условія, среди которыхъ живетъ крестьянство, таковы, что они подготовляютъ почву для разрушительныхъ эпидемій, для тяжкихъ заболѣваній, порождая колоссальную смертность. Бороться съ эпидеміями лишь въ моментъ ихъ появленія, свести все дѣло медицины къ оказанію помощи больнымъ, пришедшимъ въ амбулаторію, значитъ заботиться объ устраненіи проявленій бѣдствія, а не причинъ его. И разъ факторы заболѣваемости остаются неприкосновенными, на мѣстѣ одного вылѣченнаго больного явятся десятки новыхъ, вмѣсто потушенной эпидеміи вспыхнутъ новыя.

И земскія врачебныя организаціи по справедливости считаютъ за собой крупную заслугу. Онѣ очень скоро обратились къ установленію связи между общими условіями жизни и заболѣваемостью и смертностью населенія. Своими работами врачи положили начало особой отрасли со-

[1]) М. Капустинъ. „Задачи гигіены въ сельской Россіи". Москва. 1902.

ціологіи—общественной санитаріи—ставящей себѣ задачу выяснить вліяніе различныхъ моментовъ дѣйствительности, — экономическихъ, правовыхъ и соціальныхъ,—на возникновеніе болѣзней и опредѣлить вернѣе пути для ихъ устраненія. „Почти всякій участковый врачъ,—говоритъ А. И. Шингаревъ [1]),—такъ или иначе приходитъ къ мысли о необходимости цѣлаго ряда широкихъ профилактическихъ мѣропріятій, безъ которыхъ немыслимо оздоровленіе населенія. Предупредить развитіе эпидемій, преградить доступъ въ населеніе заразнымъ болѣзнямъ, изучить ходъ и распространеніе этихъ болѣзней, поднять культурный уровень населенія, сдѣлать доступными его пониманію многіе вопросы современной медицины и гигіены, развить его самодѣятельность, научить его самого оберегать себя отъ заболѣваній и въ то же время сдѣлать наиболѣе доступной ему постоянную и раціональную врачебную помощь, а главное, помочь ему въ его экономическихъ неурядицахъ,—вотъ тотъ рядъ вопросовъ, на которыхъ останавливались, останавливаются и будутъ останавливаться почти всѣ съѣзды врачей, такъ или иначе затрагивавшіе вопросы народнаго здравія, обсуждавшіе организацію врачебной помощи населенію.

Дѣйствительно, уже на первыхъ съѣздахъ земскихъ врачей возникло такъ называемое санитарное направленіе, стремленіе не только *лѣчить*, но и *предупреждать* заболѣванія. На первомъ съѣздѣ земскихъ врачей пермской губерніи въ 1872 году врачъ И. И. Молессонъ [1]),—одинъ изъ піонеровъ русской соціальной медицины, — заявилъ, что „количество страданій не уменьшается отъ одного лѣченія. Оно не дало намъ уменьшенія до сихъ поръ, и мы тщетно будемъ ожидать его въ будущемъ." Необходимы рѣшительные шаги въ области гигіены, въ дѣлѣ предупрежденія болѣзней.

Къ такому же заключенію пришелъ первый съѣздъ земскихъ врачей вятской губерніи, рѣшившій избрать санитарное направленіе, какъ болѣе плодотворное. Къ этому рѣшенію присоединились съѣзды въ херсонской, рязанской, самарской, костромской, воронежской губерніяхъ. Всѣ эти врачебныя организаціи нашли необходимымъ немедленно приступить къ собиранію матеріаловъ, выясняющихъ причины заболѣваемости, и къ осуществленію практическихъ мѣръ по оздоровленію массъ [2]).

Вопросъ былъ совершенно ясенъ для земскихъ врачей уже на первыхъ шагахъ ихъ общественной работы. „Всматриваясь въ жизнь народа,—говоритъ врачъ Щербаковъ въ своемъ отчетѣ сосницкой уѣздной земской управѣ въ 1872 году [3]),—въ ея мелкія и болѣе замѣтныя черты, невольно приходишь къ тому заключенію, что только съ поднятіемъ уровня экономическаго благосостоя-

[1]) А. И. Шингаревъ „Вымирающая деревня". Спб. 1907.

[1]) Первый съѣздъ земскихъ врачей пермской губерніи. Пермь. 1872.

[2]) Труды съѣздовъ. См. также протоколы V съѣзда земскихъ врачей тверской губ. Тверь. 1877.

[3]) Цитирую по П. Я. Соколову, l. c.

нія уменьшатся тѣ изнурительныя, эпидемически распространяющіяся болѣзни, которыя такъ страшно ослабляютъ народныя силы".

Первый съѣздъ земскихъ врачей черниговской губерніи пришелъ къ тому заключенію, что „главная масса заболѣваній зависитъ отъ экономическихъ условій и той, связанной съ ними, крайне неблагопріятной гигіенической обстановки, при которой живетъ нашъ крестьянинъ, и отчасти отъ причинъ, еще недостаточно выясненныхъ".

Но врачи далеко не ограничивались однѣми лишь общими фразами о зависимости между экономическимъ благосостояніемъ и заболѣваемостью. Они въ то же время выдвигали рядъ практическихъ мѣропріятій, рѣзко ополчаясь противъ устарѣвшихъ пріемовъ и методовъ борьбы съ эпидеміями. Уже второй съѣздъ земскихъ врачей тверской губ. опредѣленно высказался, что причинами эпидемій являются почвенныя и бытовыя условія [1]). Неопрятность, дурныя помѣщенія, скудное питаніе массъ, плохая вода и зараженный воздухъ,—вотъ условія, поддерживающія и питающія эпидеміи. Заносъ заразы изъ другихъ мѣстъ не играетъ никакой роли. Отсюда слѣдуетъ, что карантинныя мѣры не достигаютъ цѣли, что наше такъ называемое санитарное законодательство (томъ XIII, уставъ врачеб., кн. II, разд. III) утратило всякій смыслъ. Изоляція и дезинфекція неосуществимы въ рамкахъ русской дѣйствительности.

[1]) Протоколы 2 съѣзда земскихъ врачей тверской губ. Тверь. 1872.

Таковъ былъ суровый приговоръ надъ постановкой у насъ медико-санитарнаго дѣла еще на зарѣ земской медицины. Уже въ то время работы врачей Укке, Португалова, Молессона и другихъ указали новый путь сохраненія общественнаго здоровья путемъ изученія мѣстности въ санитарномъ отношеніи въ связи съ изученіемъ причинъ, производящихъ и поддерживающихъ болѣзни и путемъ изысканія средствъ къ устраненію этихъ послѣднихъ. В. О. Португаловъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ намѣтилъ программу санитарной дѣятельности и старался проводить ее въ жизнь, горячо отстаивая ее передъ съѣздами врачей и земскими управами. „Условія нищеты и голода,—говоритъ Португаловъ [1]),—служатъ лучшей подготовительной почвой для проявленія цѣлаго ряда страшныхъ болѣзней, истребляющихъ преимущественно дѣтскіе организмы—эту самую живую связь людей. Корь, оспа, скарлатина особенно гнѣздятся тамъ, гдѣ тѣснота тѣсно связана съ нищетой, гнилью, развратомъ, вонью".

На пятомъ съѣздѣ земскихъ врачей самарской губерніи [2]) тотъ же Португаловъ выступилъ съ широкимъ планомъ цѣлаго ряда санитарныхъ мѣропріятій. „Очистка улицъ и дворовъ, раціональное удаленіе навоза и нечистотъ, усадка улицъ деревьями, проведеніе водопроводовъ, осмотръ фабрикъ и заводовъ въ видахъ улучшенія положенія рабочихъ,—вотъ что диктуется необ-

[1]) В. Португаловъ. „Вопросы общественной гигіены". Спб. 1873.

[2]) Протоколы 5 съѣзда врачей самарской губ. Самара. 1877.

ходимостью въ видахъ оздоровленія населенія".

Тотъ же голосъ громко звучалъ и на шестомъ съѣздѣ врачей самарской губерніи [1]). Указывая на соціальныя условія, способствующія развитію дифтеріи (нищета и неопрятность, скученность, сырыя подвальныя жилища), В. О. Португаловъ настойчиво рекомендовалъ оздоровленіе почвы, воды, воздуха, пищи, жилища въ качествѣ дѣйствительныхъ орудій борьбы съ эпидеміями.

Итакъ, санитарное направленіе среди земскихъ врачей заняло преобладающее мѣсто въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. И проф. А. В. Петровъ, открывая въ 1882 году пятый съѣздъ врачей казанской губ., имѣлъ полное основаніе сказать [2]): „Земская медицина показала, что болѣзненность русскаго человѣка огромна, что смертность очень велика. Одна лѣчебная медицина не въ состояніи бороться съ различнаго рода эпидеміями". „Повторяю еще разъ,—говоритъ Кетле,—что раціональная гигіена, просвѣщенное управленіе для здоровья могутъ сдѣлать гораздо больше, нежели все искусство лучшихъ врачей".

Санитарное направленіе, упрочившееся среди врачей, встрѣтило, однако, серьезное противодѣйствіе со стороны земства. Его пугали крупные расходы, связаные съ проектами оздоровленія Россіи, появлявшимися то тутъ то тамъ. Еще больше земства протирились узурпаторскимъ, по ихъ мнѣнію, стремленіямъ врачебныхъ организацій. Пуще всего боялись они вмѣшательства врачей въ свои прерогативы и всячески старались указать „третьему" элементу его надлежащее мѣсто. Земства готовы были отказаться иногда отъ разумной мѣры, лишь бы не дать торжествовать врачамъ, отстаивавшимъ ее.

Не помогали ссылки на западную Европу, гдѣ оздоровительныя работы начались въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Для подобнаго рода фактовъ всегда имѣлось готовое объясненіе: особыя специфическія условія русской дѣйствительности не даютъ возможности подражать хорошему примѣру. Когда врачи говорили о необходимости изученія бытовыхъ условій русскаго крестьянства съ цѣлью установить причины его усиленной заболѣваемости, земства отвѣчали, что это—безполезная трата времени, такъ какъ бытъ сельскаго населенія Россіи отличается поразительнымъ однообразіемъ [1]). Когда возбуждался вопросъ о необходимости пригласить на службу земствъ спеціальныхъ санитарныхъ врачей, задачей которыхъ было бы изученіе условій заболѣваемости и смертности и выработка практическихъ оздоровительныхъ мѣропріятій, слѣдовалъ обыкновенно одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ: „Санитарные врачи не въ силахъ измѣнить неблагопріятныхъ моментовъ, подъ вліяніемъ которыхъ находится русская деревня. Они не въ состояніи поста-

---

[1]) Протоколы съѣзда. Самара. 1879.

[2]) Пятый губернскій съѣздъ врачей казанскаго земства. Казань. 1882.

[1]) Протоколы засѣданій перваго съѣзда врачей вятской губ. Вятка. 1875.

вить село на гору, если оно расположено въ долинѣ".

Если земства и приглашали одного-двухъ санитарныхъ врачей, то скудость средствъ, отпускавшихся въ ихъ распоряженіе, и крайняя ограниченность круга ихъ компетенціи служили немалыми помѣхами для плодотворной работы. „Губернская управа,—со скорбью заявилъ Португаловъ на первомъ съѣздѣ вятскихъ врачей,—предоставила въ мое распоряженіе мой языкъ и пять пальцевъ правой руки. Я и пускаю въ оборотъ эти два средства—свой языкъ и перо".

Весьма характерной для настроеній, господствовавшихъ въ земствѣ, представляется любопытная исторія общества врачей г. Казани [1]). Въ 1870 году, по иниціативѣ своего предсѣдателя, проф. А. В. Петрова, общество рѣшило поставить и разработать широкія общественно-санитарныя проблемы и способствовать проведенію въ жизнь серьезныхъ практическихъ мѣропріятій по борьбѣ съ усиленной заболѣваемостью русскаго населенія. Во главѣ своей работы общество поставило изученіе въ медицинскомъ отношеніи мѣстностей съ цѣлью поднять въ нихъ уровень общественнаго здоровья. Работа закипѣла. Въ составъ общества вошли не только мѣстные врачи, но и многіе иногородніе, составившіе уже себѣ крупное имя своими санитарными изслѣдованіями (д-ра Укке, Португаловъ и др.). И пока дѣло не шло дальше теоретическаго изученія фактовъ, дѣятельность общества носила оживленный характеръ, никого не возстановляя противъ себя. Но, едва только общество отъ теоріи вздумало перейти къ практическому осуществленію своихъ проектовъ и предположеній, какъ оно встрѣтилось съ организованнымъ противодѣйствіемъ, котораго оно не въ состояніи было преодолѣть.

Такъ, общество предложило казанскому земству пригласить на службу врача-гигіениста. Губернское земское собраніе отвергло этотъ проектъ. Но зато дозволило обществу „руководить санитарными изслѣдованіями, командируя для сего или своихъ членовъ, или особыхъ спеціалистовъ въ различныя мѣстности губерніи. Такъ общество врачей, находясь во главѣ изученія и направляя дѣятельность отдѣльныхъ личностей по строго обдуманному плану къ одной общей цѣли, скорѣе достигнетъ практическаго результата, чѣмъ трудъ отдѣльнаго врача-гигіениста". Какъ видимъ, противъ платоническихъ изысканій, не требующихъ никакихъ средствъ, не налагающихъ никакихъ обязанностей на общественныя управленія, земства рѣшительно ничего не имѣли.

Что вышеприведенное постановленіе дѣйствительно было принято земскимъ собраніемъ для отвода глазъ, что земство вовсе не склонно было брать на себя какія бы то ни было обязательства предъ страждущимъ населеніемъ, ясно стало изъ послѣдующихъ событій, которыя развернулись съ необычайной и досадной быстротой.

Казанское общество серьезно приняло предложеніе губернскаго земскаго собранія и приступило къ раз-

[1]) Русская земская медицина.

М. М. Антокольскій. Ермакъ Тимофѣевичъ.

(Русскій Музей Имп. Александра III въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

10

работкѣ вопроса о раціональной постановкѣ земско-медицинскаго дѣла. На основаніи предпринятыхъ обществомъ изслѣдованій на мѣстахъ общество выработало проектъ организаціи медицины, основанный на слѣдующихъ принципахъ. Земская медицина должна развиваться не только въ лѣчебномъ, но и въ санитарномъ направленіи; съ этой цѣлью должны быть приглашены спеціальные врачи-гигіенисты; врачамъ должна быть предоставлена полная самостоятельность въ организаціи и веденіи медицинскаго дѣла въ земствѣ; необходимо создать коллегіальный органъ—изъ гласныхъ и врачей—который пользовался бы широкими полномочіями въ дѣлѣ проведенія въ жизнь санитарныхъ мѣропріятій, необходимо созывать періодическіе съѣзды врачей всей губерніи.

Казалось, что было диковиннаго въ этихъ принципахъ? Заключающаяся въ нихъ логическая послѣдовательность, ихъ несомнѣнная справедливость были доказаны самой жизнью. Но въ земскомъ собраніи проектъ общества вызвалъ настоящую бурю. Проектъ, конечно, былъ рѣшительно отвергнутъ, и общество, работавшее, по порученію земскаго собранія, въ награду за свои труды получило мало пріятный комплиментъ. „Въ проектѣ, какъ и во всемъ направленіи общества,— ораторствовалъ въ собраніи проф. Якобій, — проглядываетъ желаніе руководить — получить въ земствѣ ту власть, которая естественною является только въ примѣненіяхъ выборнаго начала“. И это обвиненіе въ узурпаторскихъ тенденціяхъ было встрѣчено сочувственно собраніемъ.

За первой неудачей слѣдовали другія. Уже въ 1872 году обществу пришлось отказаться отъ значительной части задуманныхъ имъ широкихъ плановъ. Общество обратилось къ земству съ предложеніемъ отвести помѣщеніе для предположеннаго оспопрививательнаго института. Земство отказало. Общество ходатайствовало объ устройствѣ сада для физическихъ упражненій. И это предложеніе было отвергнуто. Общество задумало производить осмотръ разнаго рода общественныхъ учрежденій для ознакомленія съ ихъ санитарнымъ состояніемъ. Но и тутъ общество постигла жестокая неудача. Волей - неволей пришлось закрыть нѣкоторые отдѣлы, павшіе жертвой „общественнаго невѣжества и равнодушія“, какъ говорилось въ отчетѣ.

Послѣ этого интересъ къ обществу среди членовъ его начинаетъ падать. Жизнь дала яркія доказательства того, что общество своими настойчивыми указаніями и совѣтами не въ состояніи идти противъ власти, переданной всецѣло въ руки командующихъ классовъ. Въ отчетѣ за 1872 годъ общество сочло нужнымъ заявить, что оно рѣшило „воздерживаться отъ неофиціальныхъ сношеній съ разными земскими, городскими и иными властями, чтобы оградить себя отъ различныхъ пикантныхъ упрековъ вродѣ, напримѣръ, стремленія къ узурпаторству“. Еще раньше проф. Петровъ въ одной изъ своихъ рѣчей жаловался на тернистый путь, которымъ приходится итти обществу. „Мы видимъ,—

сказалъ проф. Петровъ, — цѣлый рядъ печальныхъ примѣровъ какого-то болѣзненнаго упорства, съ которымъ земство старается сохранить за собой несвойственныя ему права, доказывая все рѣзче и рѣзче полную неспособность свою ими пользоваться". Невозможность сломить это упорство и привела къ тому, что общество въ 1879 году рѣшило ходатайствовать о присоединеніи его къ мѣстному университету и тѣмъ поставило крестъ надъ своей общественно-санитарной работой.

Любопытно отношеніе къ проекту казанскаго общества пермскаго земства. По докладу члена общества, д-ра Молессона, пермское губернское земское собраніе приняло въ 1871 году съ незначительными измѣненіями проектъ организаціи медицины, выработанный обществомъ. Но торжество врачей продолжалось недолго. Уже въ 1873 году рухнули всѣ санитарныя начинанія, къ которымъ пермское земство отнеслось вначалѣ съ видимымъ сочувствіемъ. И какъ обычно бываетъ въ такихъ случаяхъ, земская управа использовала мелочную придирку для того, чтобы покончить съ юной санитарной организаціей. Санитарная комиссія изъ врачей, состоявшихъ на службѣ земства, посмѣла превратиться въ иногородній отдѣлъ врачей города Казани, не испросивъ на это разрѣшенія управы. Такое дерзостное неуваженіе къ земству вызвало рѣзкій протестъ предсѣдателя управы. Врачи оскорбились, пошла переписка, возникли недоразумѣнія, и въ результатѣ—полный крахъ только что организованнаго съ большими трудностями санитарнаго дѣла.

Такъ печально окончились первыя попытки пріобщить земство къ тому санитарному направленію, которое ярко сказалось среди врачей! И пермскій и казанскій примѣры отнюдь не единичные въ исторіи земскихъ учрежденій. „Земскіе дѣятели, — говоритъ д-ръ Молессонъ [1],—всегда съ большимъ трудомъ и послѣ долгаго сопротивленія то тамъ, то здѣсь соглашались на предложенія врачей (о созданіи санитарной организаціи), видя въ нихъ, къ сожалѣнію, какое-то посягательство на свои права, утверждая, что такая организація медицинскаго дѣла есть не что иное, какъ „государство въ государствѣ".

Несмотря на противодѣйствіе земствъ, санитарныя организаціи возникли подъ давленіемъ самой жизни въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и сохранились тамъ до настоящаго времени. Московская, херсонская и петербургская губерніи могутъ похвалиться постоянными санитарными учрежденіями, развившими оживленную дѣятельность. Эти организаціи заняты изученіемъ мѣстныхъ и бытовыхъ условій въ санитарномъ отношеніи, собираніемъ статистическихъ данныхъ о болѣзненности и движеніи населенія, борьбой съ эпидеміями, поскольку она возможна въ рамкахъ существующей дѣйствительности. Хозяева земства волей-неволей должны были уступить въ виду того, что жизнь на каждомъ шагу подчеркивала необходимость опредѣленнаго плана въ устройствѣ медицины. Приходится только уди-

[1]) И. И. Молессонъ.—Четвертый съѣздъ врачей пермской губерніи въ г. Екатеринбургѣ. Пермь. 1887.

вляться косности и сословной исключительности огромнаго большинства земствъ, пренебрегшихъ голосомъ живой дѣйствительности, дѣйствовавшихъ вопреки указаніямъ „третьяго элемента“ и скрывавшихъ за безсмысленными ссылками на узурпаторскія наклонности врачей свое нежеланіе чѣмъ-либо поступиться въ интересахъ страдающаго народа.

Само собой понятно, что случайная дѣятельность въ области санитаріи большинства земствъ не могла не имѣть тяжелыхъ послѣдствій. Отсутствіе плана сказывалось на каждомъ шагу, отсутствіе организаціи, необходимой для выработки практическихъ мѣропріятій и проведенія ихъ въ жизнь, дала свои плоды. Эпидеміи, противъ которыхъ и должны были быть направлены всѣ силы органовъ самоуправленія, безпрепятственно дѣлали свое разрушительное дѣло.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему сводилась дѣятельность земствъ по борьбѣ съ эпидеміями? Земства даже и не думали устранять причины заразныхъ болѣзней: ни о питьевой водѣ, ни о чистотѣ почвы, ни объ улучшеніи жилищной обстановки крестьянства, ни объ улучшеніи питанія массъ земства совершенно не заботились [1]). Но даже самое лѣченіе заболѣвшихъ, предупрежденіе распространенія уже вспыхнувшей заразы обставлены земствами такъ, что говорить о раціональныхъ мѣрахъ борьбы не приходится. Эпидеміи прекращались и прекращаются только тогда, когда естественно ослабѣваетъ сила заразныхъ началъ, или же, когда для ея пожирающаго огня нѣтъ больше пищи. Такъ было въ нѣкоторыхъ уѣздахъ съ эпидеміей дифтеріи, которая прекращалась послѣ того, какъ успѣла побывать во всѣхъ хатахъ и перебрать всѣхъ дѣтей.

Земскіе врачи и на своихъ съѣздахъ и по одиночкѣ указывали постоянно земству на не дѣйствительность орудій, выдвигаемыхъ противъ эпидемій. „Дѣятельность губернскихъ земствъ по борьбѣ съ эпидеміями,—читаемъ мы въ „Земско-медицинскомъ сборникѣ“ [1]),—не отличалась опредѣленностью. Приглашались только лишніе врачи и фельдшера, безъ опредѣленной цѣли, безъ опредѣленнаго плана. Губернское земство только платило. Санитарный врачъ, выѣзжая на мѣсто, будучи незнакомъ съ населеніемъ, не пользуясь довѣріемъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи необходимыхъ средствъ, находился въ крайне тяжеломъ положеніи“.

Растерянность земствъ во время эпидемій не имѣетъ предѣловъ. Изоляція и дезинфекція никогда не могли быть выполнены въ деревнѣ. Врачъ, не имѣя возможности изолировать больныхъ, ограничивался предложеніемъ сельской полиціи поставить караулъ около хаты больного съ цѣлью не допускать къ нему родственниковъ и знакомыхъ. Дезинфекція, если и производилась иногда, то только для очистки совѣсти и состояла въ обрызгиваніи

[1]) Робкія попытки московскаго земства улучшить водоснабженіе (см. ниже) не измѣняютъ общей картины.

[1]) Земско-медицинскій сборникъ. Выпускъ I. Москва. 1890.

хать растворомъ неочищенной карболовой кислоты.

Вопросъ о правильной постановкѣ борьбы съ эпидеміями поднимался на всѣхъ рѣшительно съѣздахъ земскихъ врачей. „Объ эпидеміяхъ знаемъ мало, правильной борьбы съ ними нѣтъ. Эпидеміи никогда не переводятся. Грозныя эпидеміи тифа уносятъ въ могилу массу жизней. Для ограниченія зла ничего не предпринято. Мы страдаемъ отъ періодическихъ эпидемій натуральной оспы, а оспопрививаніе поставлено неудовлетворительно. Врачи извѣщаются объ эпидеміи по исходѣ ея или во всякомъ случаѣ довольно поздно“ [1]). Таковъ былъ общій голосъ съѣздовъ земскихъ врачей. „Врачи лѣчатъ больныхъ,—говоритъ Молессонъ, — по одиночкѣ силятся то тамъ, то сямъ ограничить эпидемію, по одиночкѣ прививается оспа и т. д., но всѣми этими одинокими попытками и усиліями цѣль, конечно, не достигается: эпидеміи изъ одной волости переходятъ въ другую, изъ одного уѣзда въ сосѣдній, потомъ снова возвращаются на прежнее мѣсто, ибо никакого вѣдь общаго плана борьбы не существуетъ, никакихъ общихъ мѣропріятій не принимается, никакихъ подкрѣпленій отдѣльные врачи не получаютъ, никакихъ совокупныхъ усилій не затрачивается, и разрозненная армія врачей, борясь по одиночкѣ, не только не торжествуетъ надъ эпидеміями, но по одиночкѣ же и побѣждается ими, и такъ всегда и вездѣ“.

Подобная борьба съ эпидеміями не могла дать осязательныхъ результатовъ. „Шестнадцать лѣтъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ,—сказалъ Е. М. Дементьевъ на седьмомъ съѣздѣ врачей московскаго земства [1]),—16 лѣтъ земства заботятся о народномъ здоровьѣ, но большинство ихъ льетъ воду въ бочку Данаидъ, тратитъ иногда даже громадныя деньги на врачебную помощь, а населеніе не только болѣетъ и мретъ попрежнему, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ систематически изъ года въ годъ вымираетъ“.

Безотрадную картину санитарнаго состоянія Россіи нарисовалъ докторъ Эккъ въ своей запискѣ, прочитанной въ засѣданіи общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ 5 декабря 1885 года. Выводы, къ которымъ пришелъ д-ръ Эккъ относительно колоссальной смертности въ Россіи, произвели прямо ошеломляющее впечатлѣніе [2]). Собраніе единогласно приняло слѣдующіе четыре пункта, выставленные докладчикомъ:

1) Смерть отъ большинства болѣзней есть смерть насильственная, а не естественная и зависитъ отъ непринятія соотвѣтственныхъ предупредительныхъ мѣръ, указанныхъ наукою, и польза которыхъ доказана опытомъ многочисленныхъ городовъ и цѣлыхъ странъ.

2) Чрезмѣрная смертность среди россійскаго населенія низводитъ его

---

[1]) Протоколы засѣданій IV съѣзда земскихъ врачей вятской губ. Вятка. 1883.

[1]) Труды VII губернскаго съѣзда врачей московскаго земства въ мартѣ 1883 года. Москва. 1884.

[2]) Международная клиника 1886—1887. См. также статью И. В. Попова. „Вопросъ о санитарномъ благоустройствѣ Россіи въ дѣятельности Боткинской комиссіи“. Труды IX губ. съѣзда врачей московскаго земства. Москва. 1888.

рабочую способность и доводитъ народное хозяйство до убыточности.

3) Повышеніе рабочей способности населенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ благостоянія и просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, невозможно безъ уменьшенія смертности, а потому уменьшеніе смертности и ближайшее къ тому средство—оздоровленіе составляютъ нашу первую государственную потребность.

4) Довести настоящее постановленіе до свѣдѣнія г-на министра внутреннихъ дѣлъ.

Подъ вліяніемъ сообщенія д-ра Экка предсѣдатель медицинскаго совѣта образовалъ 8 января 1886 г. спеціальную комиссію подъ предсѣдательствомъ проф. Боткина для выработки мѣръ по оздоровленію Россіи, т.-е. улучшенію санитарныхъ условій и уменьшенію смертности.

Уже на первомъ своемъ засѣданіи комиссія постановила предложить врачамъ, посвятившимъ себя служенію земству, высказаться относительно того, какое участіе могло бы принять земство въ производствѣ необходимыхъ оздоровительныхъ работъ. Многочисленные отвѣты, поступившіе въ комиссію отъ видныхъ земскихъ врачей и общественныхъ дѣятелей, ясно говорятъ намъ о томъ, что врачи были отлично освѣдомлены относительно условій, при которыхъ могло бы быть произведено оздоровленіе Россіи. Съ другой стороны, то постоянное противодѣйствіе, которое встрѣчали врачи въ своихъ начинаніяхъ со стороны земства, заставили нѣкоторыхъ изъ нихъ, подчасъ даже лучшихъ, искать опоры въ государственной организаціи медицины, а не въ коренномъ преобразованіи земскихъ учрежденій.

Печальная картина санитарнаго состоянія Россіи была мастерски обрисована въ отвѣтахъ земскихъ врачей. Горячая статья д-ра Молессона [1]), „Къ вопросу объ оздоровленіи Россіи“, направленная въ Боткинскую комиссію, еще въ настоящее время не утратила своего жгучаго интереса. „Всякій знаетъ,—писалъ Молессонъ,—(но почти никто, кромѣ врачей, конечно, не понимаетъ значенія факта), что мы по уши находимся въ грязи. Оставляю въ сторонѣ желѣзныя дороги, города, пароходы, пристани, фабричныя зданія и говорю лишь о селеніяхъ: всѣ они сплошь и кругомъ обложены навозомъ, твердыми и жидкими человѣческими и животными изверженіями, твердыми и жидкими пищевыми и помойными отбросами, мусоромъ и пр.; почти всѣ берега рѣкъ, прудовъ, озеръ и ручейковъ въ предѣлахъ жилья унавожены такъ, какъ никакія поля, такъ что верхніе слои почвы селеній можно сравнить съ обширными лабораторіями, въ которыхъ денно и нощно идетъ вѣчная и энергичная работа: различныя химическія разложенія, соединенія, культивировка низшихъ организмовъ и т. д.—въ полномъ ходу“.

Молессонъ рѣзко поставилъ усиленную заболѣваемость и смертность въ зависимость отъ уровня экономическаго благосостоянія населенія. „Какъ инфекціонная, такъ и цѣлая масса прочихъ страданій и смертей

1) Сборникъ пермскаго земства. № 6. 1886 г.

происходитъ только подъ вліяніемъ матеріальной недостаточности населенія: тѣсныя и холодныя жилища, скудная и однообразная пища, ветхая и общая для нѣсколькихъ сожителей одежда, тяжелыя и непосильныя работы, неимѣніе отдыха и т. д.,—все это суть чисто экономическіе стимулы болѣзней". Вся соціальная конъюнктура, среди которой живетъ наше крестьянство, такова, что она обезсиливаетъ населеніе и отдаетъ его въ жертву недугамъ. „Говорятъ, что земледѣльцу нужно больше земли. Убѣжденъ и не спорю,—говоритъ Моллесонъ,—но я полагаю, что не въ одномъ лишь этомъ дѣло. Принципъ успѣшной экономіи обусловливается не однимъ только количествомъ имѣющагося благосостоянія, но и умѣніемъ имъ пользоваться такъ, чтобы въ хозяйствѣ не пропадало ничего даромъ и не расходовалось зря. Между тѣмъ, у насъ какъ разъ именно этого-то и не достаетъ: мы истощаемъ свою почву и потому страдаемъ отъ неурожаевъ и пробиваемся впроголодь, платя за все втрое дороже; скотъ у насъ гибнетъ, какъ у младенческихъ безпомощныхъ народовъ, и потому мы не имѣемъ ни удобренія для полей, ни мяса и молока для себя и для дѣтей; мы ежечасно горимъ такъ, какъ никто болѣе, и въ пламени пожаровъ у насъ погибаетъ все имущество до послѣдней рубахи; прибавимъ сюда безпощадное истребленіе лѣсовъ, конокрадство, доводящее буквально до разоренія цѣлыя семьи, истребленіе на многіе милліоны домашняго скота звѣрями, неразвитость кустарной промышленности, отсутствіе общественнаго призрѣнія слѣпыхъ, умалишенныхъ, калѣкъ, неизлѣчимо больныхъ и неспособныхъ ни къ какому труду, совершенно престарѣлыхъ людей, составляющихъ крайне тяжелую экономическую обузу для населенія и т. д. и т. д. Если сосчитать все это, мы получимъ несмѣтныя суммы денегъ, пускаемыя именно на вѣтеръ"...

Но, если въ опредѣленіи причинъ усиленной смертности, въ установленіи связи между ней и прогрессировавшимъ экономическимъ оскудѣніемъ народа всѣ авторы, откликнувшіеся на призывъ комиссіи, сходились, то по части отысканія средствъ для выхода изъ создавшагося тяжелаго положенія господствовала большая разноголосица. Одно лишь можно сказать: земство своей работой въ области санитаріи не внушало особеннаго довѣрія. Даже наиболѣе ярые сторонники земства, какъ единственной формы воплощенія у насъ принципа самоуправленія, старались оправдать невѣрные шаги земскихъ дѣятелей ихъ неопытностью, молодостью и неустойчивостью порученнаго имъ большого дѣла. Такъ, д-ръ Цезаревскій, бывшій земскій врачъ полтавской губерніи, категорически заявилъ, что возлагать на земство какія-либо надежды по оздоровленію края невозможно. Анализъ земской медицины приводитъ его къ тому, что земство не въ силахъ еще руководить дѣломъ оздоровленія. Къ такому же заключенію пришелъ В. И. Долженковъ, извѣстный нынѣ общественный дѣятель, земскій врачъ курской губерніи. Онъ отмѣтилъ, что земства противятся всякой мысли о созданіи мѣстныхъ са-

нитарныхъ учрежденій и что въ последнее время замѣчается вообще съ ихъ стороны ихъ полное охлажденіе къ судьбамъ своей медицины. Д-ръ Долженковъ ждетъ, поэтому, благотворныхъ результатовъ отъ учрежденія центральнаго санитарнаго органа, смиренно прибавляя, что у насъ всякія крупныя начинанія всегда шли сверху и только въ такомъ случаѣ получали большую авторитетность.

Выдающіеся представители земской медицины, сыгравшіе крупную роль въ ея созданіи, Е. А. Осиповъ и Ф. Ф. Эрисманъ, начинаютъ съ защиты земства. „Санитарное направленіе нашей земской медицины еще очень молодо; сознаніе великаго значенія предупредительныхъ санитарныхъ мѣръ только что пробуждается какъ среди земскихъ представителей, такъ и земскихъ врачей. Задачи земской санитаріи еще мало выяснились даже для лицъ, близко стоящихъ къ сельскому населенію и хорошо понимающихъ его потребности. Поэтому весьма понятно, что наши земства, приступая къ санитарнымъ мѣропріятіямъ, дѣйствуютъ пока малоувѣренно, съ извѣстной сдержанностью и осторожностью... Не подлежитъ сомнѣнію, что въ сферѣ санитарной дѣятельности земство окажется хорошимъ организаторомъ, если только ему будетъ дана возможность устроить санитарное дѣло соотвѣтственно дѣйствительнымъ и сознаваемымъ нуждамъ и потребностямъ сельскаго населенія, которыя нераздѣльно связаны съ такого же рода нуждами и потребностями всего государства".

Дѣйствительность далеко не оправдала розовыхъ ожиданій проф. Эрисмана. Въ жизни земства бывали моменты, когда казалось настоятельно необходимымъ и неизбѣжнымъ оздоровленіе Россіи, поучительные уроки жестокихъ разрушительныхъ эпидемій говорили слишкомъ ясно о томъ, какія мѣры нужны. Но земство не давало себя увлечь на путь серьезныхъ санитарныхъ реформъ. На время какъ будто оживлялся интересъ къ санитарному дѣлу, создавались санитарныя организаціи, санитарныя бюро, приглашались спеціальные санитарные врачи. Но, едва миновала гроза, какъ земства тотчасъ же разрушали все то, что создавалось съ такимъ трудомъ, и жизнь вновь входила въ свою обычную колею. Попрежнему смерть преждевременно уносила въ могилу массы цвѣтущихъ жизней, по прежнему гибли дѣти въ ужасающихъ размѣрахъ.

Чрезвычайно характерной для попечительнаго земства представляется исторія борьбы съ холерой, занимающая у насъ довольно пространную страницу. На Западѣ холера дѣйствительно выполняла культурную миссію: она вскрывала всѣ недочеты санитаріи и заставляла принимать серьезныя оздоровительныя мѣропріятія. У насъ все время топтались на одномъ мѣстѣ, не подвигались ни на одну іоту впередъ въ дѣлѣ отраженія холерной заразы.

Такъ, еще въ 1877 году медицинскій департаментъ писалъ [1]): „Холерныя эпидеміи послѣдняго времени съ очевидностью показали, что

[1]) Отчетъ медицинскаго департамента за 1877 г. Спб. 1878.

не особыя наставленія и временныя правила нужны для противодѣйствія распространенію болѣзней, а постоянное активное наблюденіе за всѣми мѣстными санитарными условіями съ цѣлью привести ихъ въ тотъ видъ, котораго требуютъ показанныя въ законѣ для охраненія народнаго здравія правила по санитарному надзору".

Такимъ образомъ, уже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія было очевидно, что экстренныя мѣры при наступленіи самой эпидеміи не достигаютъ цѣли, что необходима постоянная санитарная организація, постоянное попеченіе о народномъ здравіи. Посмотримъ, что сдѣлано въ этомъ направленіи земствомъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія на многихъ съѣздахъ земскихъ врачей поднимался вопросъ о борьбѣ съ холерой. И всюду принимались по этому вопросу почти одинаковыя стереотипныя постановленія [1]). Необходимо, говорилось, усилить санитарный надзоръ, содержать въ чистотѣ дворы и усадьбы, предохранять отъ загрязненія рѣки, улицы и дороги, искусственныя водохранилища, усилить надзоръ за продажей съѣстныхъ продуктовъ. Но пришла холера 1892 г., и ни одно изъ пожеланій, высказанныхъ на земскихъ съѣздахъ, не было выполнено. Земства оказались неподготовленными къ встрѣчѣ страшной гостьи. И снова на съѣздахъ врачей полились тѣ же рѣчи. Причины холеры—загрязненіе воды и почвы различными отбросами [1]),—къ такому заключенію пришелъ и Всероссійскій съѣздъ врачей, собранный въ Петербургѣ въ декабрѣ 1892 года по вопросу о борьбѣ съ холерой. Оздоровленіе мѣстности и улучшеніе питьевой воды,—таковы главныя средства противъ холеры. Необходимо,—рѣшилъ съѣздъ,—очистить берега рѣкъ, очистить дворы, усилить медико-полицейскій надзоръ за лавками, улучшить санитарное состояніе школъ, устроить помѣщенія для пришлыхъ рабочихъ. Съѣзды указали также на ограниченное значеніе карантиновъ и на необходимость общихъ мѣропріятій въ борьбѣ съ холерой.

Вопросъ ставился настолько ясно, что, казалось, оставалось только одно—немедленно приступить къ проведенію въ жизнь всѣхъ состоявшихся постановленій, принятыхъ людьми знанія и опыта. Но дѣло вышло иначе. Если въ 1893 году М. И. Петрункевичъ [2]) доказывалъ, что „все дѣло борьбы съ холерой сводится къ подачѣ медицинской помощи уже во время развитія эпидеміи", то тотъ же упрекъ съ полнымъ правомъ былъ поставленъ земству и въ 1900 г., можетъ быть поставленъ и въ настоящее время. И двадцать лѣтъ тому назадъ, и въ настоящее время мы одинаково безпомощны предъ холерой, не въ состояніи остановить ея разрушительнаго шествія.

Въ началѣ двадцатаго вѣка въ

---

[1]) Протоколы засѣданій VIII съѣзда врачей тверской губ. Тверь. 1885.

[1]) Труды съѣзда земскихъ врачей самарской губ., состоявшагося 20 января 1893 года по вопросу о борьбѣ съ холерой. Самара. 1893.

[2]) Одиннадцатый губ. съѣздъ врачей тверской губ. Тверь. 1893.

воронежскомъ санитарномъ совѣтѣ былъ прочитанъ докладъ, въ которомъ повторялись и рекомендовались всѣ знакомыя намъ старыя мѣры борьбы съ холерой, все еще не удостоившіяся осуществленія [1]). „Никакой противохолерной санитарно-полицейской горячки,—говорилось въ этомъ докладѣ.—Опытъ показываетъ, что санитарно-полицейскими осмотрами и не всегда достаточно обоснованными требованіями, въ смыслѣ чистоты жилищъ и публичныхъ мѣстъ, нельзя въ нѣсколько мѣсяцевъ оздоровить русскую деревню. Холера находится въ несомнѣнной связи съ мѣстными почвенными условіями мѣстности и загрязненіемъ, устраненіе котораго можетъ быть сдѣлано послѣ тщательнаго, продолжительнаго и планомѣрнаго изученія уѣзда въ этомъ направленіи. Оздоровительныя мѣры санитарно-полицейскаго характера, принимавшіяся въ самомъ канунѣ холеры съ растерянностью и безъ системы, способны только вызывать враждебное отношеніе къ медицинскимъ силамъ уѣзда и тѣмъ вредить проведенію разумныхъ и исполнимыхъ мѣръ".

А на Пироговскомъ съѣздѣ по борьбѣ съ холерой въ 1905 году, земству пришлось выслушать тяжелый упрекъ въ полномъ забвеніи интересовъ санитарной медицины. „Ровно тридцать лѣтъ тому назадъ, — говорилось въ одномъ изъ докладовъ [2]), —А. Е. Осиповъ доказывалъ съ глубокой убѣжденностью, что общественная медицина должна имѣть санитарно-гигіеническое направленіе. Мысль эта пріобрѣла въ то время много послѣдователей среди земцевъ и врачей, и въ теченіе 70-хъ годовъ мы видимъ во многихъ земствахъ тенденцію осуществить на дѣлѣ это принципіальное положеніе. Но что мы видимъ дальше и даже теперь тридцать лѣтъ спустя? Мы видимъ, что за это время повсюду широко развилась лѣчебная сторона земско-медицинскаго дѣла; сторона санитарная до сихъ поръ даже въ передовыхъ земствахъ не вышла изъ стадіи предварительныхъ теоретическихъ изслѣдованій и разработокъ. До сихъ поръ еще мы не видимъ сколько-нибудь широко поставленныхъ практическихъ мѣропріятій по оздоровленію населенія".

Мы не успѣли еще выбраться изъ стадіи карантиновъ и дезинфекціи, польза которыхъ до нельзя проблематична. „Если вспомнить,—говорилось на томъ же Пироговскомъ съѣздѣ [1]),—обстановку жилищъ рабочаго населенія въ городахъ и селеніяхъ, находящуюся всецѣло въ зависимости отъ некультурныхъ привычекъ, бѣдности, нищеты и проч., то будутъ вполнѣ понятны справедливыя заявленія многихъ земскихъ врачей, постановленія врачебныхъ совѣтовъ и съѣздовъ врачей о томъ, что дезинфекція непримѣнима въ бытовыхъ условіяхъ нашихъ деревень. Эпидеміологіи также неизвѣстно ни одного наблюденія, гдѣ бы строго-научнымъ методомъ санитарной статистики было доказано, что

[1]) Очерки эпидеміи холеры 1892 – 1893 гг. въ воронежской губ. Мѣропріятія въ будущемъ. Воронежъ. 1905.

[2]) Пироговскій съѣздъ по борьбѣ съ холерой. Москва. 1905.

[1]) Ibidem.

поступательный ходъ той или другой эпидеміи былъ остановленъ мѣрами дезинфекціи".

Разсмотримъ теперь тѣ факторы, изъ коихъ слагается санитарное благополучіе страны. Попутно мы постараемся прослѣдить, что сдѣлано земствомъ въ цѣляхъ улучшенія жизненной обстановки массъ.

Нѣтъ въ мірѣ такой культурной страны, гдѣ всѣ неблагопріятныя санитарныя условія, подрывающія физическія и духовныя силы населенія, соединились бы съ такой силой, какъ въ Россіи. Жилище, питаніе, условія труда, водоснабженіе, состояніе почвы, — все это является грубымъ нарушеніемъ элементарныхъ правилъ санитаріи.

Уже общій характеръ жилищъ въ Россіи и размѣщенія въ немъ населенія ясно говоритъ намъ, что эта насущная жизненная потребность удовлетворяется далеко недостаточно. По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета за 1882 г., всѣхъ жилыхъ строеній въ Европейской Россіи числится 11.872.866, изъ нихъ деревянныхъ около 97%, а каменныхъ только 3%, при этомъ болѣе третьей части послѣднихъ находится въ городахъ. Между деревянными жилыми строеніями въ селеніяхъ только ½% крыты желѣзомъ, 30% деревомъ, а всѣ остальныя соломой и камышомъ. Если взять размѣщеніе населенія по домамъ у насъ въ Россіи и сопоставить съ размѣщеніемъ въ другихъ странахъ, то придется только подтвердить выводъ, къ которому пришелъ проф. Янсонъ, а именно, что русское населеніе живетъ тѣснѣе по сравненію съ населеніемъ большинства западно-европейскихъ странъ, несмотря на слабую населенность Россіи, что тѣснѣе всего живетъ оно въ черноземныхъ не степныхъ губерніяхъ, особенно тамъ, гдѣ было больше крѣпостныхъ крестьянъ [1]).

Но эти сухіе выводы ничего не говорятъ намъ о жилищной обстановкѣ, среди которой коротаютъ жизнь крестьянскія семьи. Въ этой области все осталось по-старому. Если и были какія-либо измѣненія, то скорѣе къ худшему, нежели къ лучшему, измѣненія, вполнѣ понятныя въ виду прогрессирующаго экономическаго оскудѣнія деревни. И земство никогда не обнаруживало никакихъ попытокъ придти на помощь населенію въ дѣлѣ удовлетворенія его насущнѣйшей нужды въ жилищѣ, хотя земскіе врачи неоднократно указывали на крестьянскія избы, какъ на разсадницы тяжелыхъ недуговъ.

Вотъ какими наблюденіями дѣлится врачъ Мартыновъ [2]) относительно состоянія жилищъ въ селеніяхъ воронежской губерніи. Земляные полы онъ нашелъ въ 54% всѣхъ избъ. Обычно они покрыты клейкой зловонной массой. Но и деревяные полы не лучше, такъ какъ они сдѣланы изъ неровныхъ, крайне неплотно сбитыхъ досокъ, съ прогнившими концами и вывалившимися суками. Вымести соръ изъ такого пола нѣтъ возможности, его можно лишь подмести подъ доски, а тамъ

[1]) Данныя эти заимствованы нами изъ книги „Русская земская медицина". Москва. 1899.

[2]) С. В. Мартыновъ. „Современное положеніе русской деревни". Саратовъ. 1903.

являются благопріятныя условія для гнилостныхъ процессовъ—потемки, умѣренная теплота и постоянная влажность. Свѣта въ избахъ крайне мало. Отношеніе поверхности оконъ къ площади пола составляетъ 1:24—1:30 вмѣсто требуемыхъ гигіеной 1:7—1:8. Воздухъ въ избахъ ниже критики. Живутъ въ нихъ скученно не одни люди, а и овцы съ ягнятами, телята, поросята, а иногда на время туда же вводятъ и корову.

Наиболѣе яркую картину жилищной обстановки нашего крестьянства далъ А. И. Шингаревъ [1]). „Самая большая изба въ деревнѣ Моховаткѣ, имѣющая 229,2 куб. арш. воздуха внутри и принадлежащая зажиточному крестьянину, вмѣщаетъ въ то же время 22 человѣка семьи, такъ что на каждаго приходится лишь 9,5 куб. арш., т.-е. чуть не „гробовое" количество воздуха, почти въ шесть разъ меньше, чѣмъ полагается по гигіенѣ". При этомъ „больные, старые, хилые и малолѣтніе члены семьи отправляютъ свои нужды въ семьѣ, тутъ же стряпаютъ, сушатъ одежду, обувь, сбрую и курятъ махорку. Отсюда становится вполнѣ понятнымъ качество воздуха зимой въ избѣ. Когда дверь долго не отворялась, а печка еще не топлена, т.-е. рано утромъ послѣ ночи, воздухъ во многихъ избахъ бываетъ такъ плохъ, такъ зловоненъ и переполненъ всевозможными испареніями людей, животныхъ, земляного пола и грязной одежды, что у вошедшаго съ улицы непривычнаго человѣка захватываетъ духъ, начинаетъ кружиться голова и тѣснить въ груди чуть не до обморока. Это и есть, по всей вѣроятности, тотъ сказочный русскій духъ, который вездѣ различишь, и въ которомъ, по народной поговоркѣ, „хоть топоръ вѣшай"".

Благодаря грязному содержанію жилища и рѣдкой очисткѣ его, избы кишатъ насѣкомыми. „Какъ это ни странно на первый взглядъ,—говоритъ д-ръ Шингаревъ,—но присутствіе тѣхъ или иныхъ насѣкомыхъ въ избѣ является до извѣстной степени показателемъ (хотя грубымъ, конечно,) экономическаго благосостоянія ея обывателей. Клопъ—до извѣстной степени аристократъ и требуетъ для себя больше комфорта, чѣмъ это могутъ дать ему деревенскіе бѣдняки".

Изъ воронежской губерніи перенесемся въ московскую, мы и тутъ увидимъ ту же неприглядную жилищную обстановку, то же нарушеніе элементарныхъ правилъ санитаріи. Земскіе врачи не разъ указывали на необходимость нѣкоторыхъ мѣръ для упорядоченія жилищнаго вопроса. Никакихъ послѣдствій эти указанія не имѣли. Положеніе въ промышленной московской губерніи ухудшается еще тѣмъ, что въ избѣ производятся мелкіе промыслы, обусловливающіе всякаго рода вредныя примѣси къ воздуху. „Бѣдность, санитарная неудовлетворительность жилищъ нашего крестьянина,—читаемъ мы въ работѣ д-ра Ростовцева [1]),—сводящаяся къ

[1]) А. И. Шингаревъ. „Вымирающая деревня". Спб. 1907.

[1]) Г. И. Ростовцевъ. „Мелкіе промыслы въ селеніяхъ дмитровскаго уѣзда московской губ. въ санитарномъ отношеніи". Москва. 1902.

небольшому пространству, при которомъ въ среднемъ въ уѣздѣ на одного человѣка приходится 9,22 кв. арш. площади пола, дурному отопленію, вентиляціи, освѣщенію, плохой постройкѣ, представляются еще въ худшемъ состояніи, когда въ избахъ производятся мелкіе промыслы, а между тѣмъ они по преимуществу производятся въ избахъ. Вслѣдствіе этого семьи промысловыхъ крестьянъ живутъ какъ бы въ мастерскихъ". „При нѣкоторыхъ производствахъ образуются вредная пыль или газы, наполняющіе рабочее помѣщеніе, черезъ что рабочіе принуждены дышать испорченнымъ воздухомъ. Для предупрежденія же порчи воздуха ничего не предпринимается". Много разъ поднимался вопросъ объ оздоровленіи жилищъ кустарей путемъ устройства спеціальныхъ мастерскихъ. „Къ сожалѣнію,—говоритъ д-ръ Ростовцевъ,—въ дѣятельности земства по кустарнымъ промысламъ преслѣдуется исключительно задача экономическая, и совершенно не принимаются въ соображеніе при организаціи дѣла гигіеническія условія".

Всякій разъ, когда идутъ суетливыя приготовленія къ ожидающейся эпидеміи, неизбѣжно возникаетъ жилищный вопросъ, пріобрѣтающій съ каждымъ днемъ все большую и большую остроту въ деревнѣ. Положеніе за послѣднее время значительно ухудшилось. „Въ эпидемію 92 года,—говорилось въ послѣднемъ совѣщаніи по борьбѣ съ холерой [1],—которая по сравненію съ эпидеміей 1907 года въ Поволжьѣ была ничтожной, организація московской губерніи тратила массу средствъ совершенно нецѣлесообразно на бараки, отъ которыхъ бѣгало населеніе. А теперь положеніе еще хуже. Представителямъ земства рисуется, что мы толкаемъ его на путь филантропіи, но мы указываемъ на вопіющія санитарныя безобразія, когда на 6 квад. аршинъ ютится 20 человѣкъ".

Не менѣе безотрадны условія питанія крестьянскаго населенія. Въ странѣ, гдѣ голодовки стали обычнымъ явленіемъ, какъ-то странно говорить даже о раціональной пищѣ народныхъ массъ. Но приходится отмѣтить тотъ установленный фактъ, что даже въ годы урожаевъ населеніе деревень голодаетъ, проявляя всѣ тяжелые признаки хроническаго недоѣданія. И въ этомъ отношеніи приходится опять-таки сознаться въ томъ, что положеніе не только не измѣнилось къ лучшему, а значительно ухудшилось.

Статистическія данныя показываютъ, что крестьянинъ питается по преимуществу растительной пищей. Послѣдняя же отличается очень слабой усвояемостью. Такъ, растительные бѣлки усваиваются организмомъ лишь въ количествѣ 70% [1]). Особенно интересно то, что „характерныя особенности пищевого довольствія у земледѣльческаго населенія, выражающіяся въ подавляющемъ преобладаніи растительныхъ продуктовъ надъ животными, остаются

[1]) Совѣщаніе представителей и членовъ врачебно-санитарныхъ организацій московскаго земства по вопросамъ борьбы съ холерой. Москва. 1908.

[1]) Ф. Ф. Эрисманъ. „Курсъ гигіены". Т. III. Вып. I.

неизмѣнными и для различно обезпеченныхъ матеріально хозяйственныхъ группъ: болѣе богатый крестьянинъ, хотя и располагаетъ большимъ количествомъ пищевыхъ веществъ, чѣмъ крестьянинъ бѣдный, все-таки питается по преимуществу растительной пищей“ [1]).

Бѣда въ томъ, что и этой скудной растительной пищи не хватаетъ. По даннымъ Л. Н. Маресса [2]), по всей Европейской Россіи распредѣленіе продовольственныхъ средствъ, доставляемыхъ и надѣльными, и арендуемыми землями представляется въ слѣдующемъ видѣ. Только приблизительно $1/6$ часть крестьянства производитъ зерно на продажу. Почти $1/3$ собственнымъ хлѣбомъ едва продовольствуется, испытывая нѣкоторый недостатокъ въ кормовомъ зернѣ. Наконецъ, половина всѣхъ крестьянъ производитъ хлѣба меньше, чѣмъ нужно для пропитанія. Недостающее для ихъ продовольствія количество хлѣба приблизительно опредѣляется въ 200 милліоновъ пудовъ въ годъ“.

Тяжелыя картины питанія крестьянскаго населенія рисуютъ врачи Мартыновъ[3]) и Шингаревъ[4]). Крестьяне для тяжелой работы позволяютъ себѣ единственную роскошь—хорошій крутой хлѣбъ. Мяса нѣтъ. Приправой къ хлѣбу служатъ кислыя щи, кислый квасъ съ рѣдькой, лукомъ, катофелемъ и другими овощами. „Вѣроятно, предпочтеніе крестьянъ всему кислому,—говоритъ д-ръ Мартыновъ, — объясняется тѣмъ, что для перевариванія большихъ количествъ потребляемаго хлѣба требуется и большое количество кислоты“.

Эту безотрадную картину дорисовываетъ д-ръ Шингаревъ. „Цѣлый рядъ дворовъ, не имѣющихъ возможности купить капусты, огурцовъ, мяса, цѣлыя семьи—безъ молока въ теченіе круглаго года! Да развѣ это не хроническое недоѣданіе, не ужасная постоянная нищета, питающаяся ржанымъ хлѣбомъ, изрѣдка кашей и опять-таки хлѣбомъ и больше ничѣмъ“.

Но и хорошій хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ является сравнительно рѣдкой роскошью въ жизни крестьянской массы. Въ теченіе XIX столѣтія въ Россіи насчитывается 48 голодовокъ, тогда какъ въ западной Европѣ голодъ давно уже пересталъ быть неизмѣннымъ спутникомъ неурожайныхъ лѣтъ. Въ эти годы народныхъ бѣдствій появляется особый сортъ хлѣба—„голодный хлѣбъ“—представляющій собой смѣсь сѣмянъ съ лебедой и молодыми жолудями и вызывающій типическую картину отравленія [1]). Мы уже не говоримъ объ овсяныхъ просяныхъ, гороховыхъ, картофельныхъ и другихъ хлѣбахъ, находящихъ широкое распространеніе во время неурожая. Гораздо хуже, что въ хлѣбъ попадаютъ всякаго рода примѣси, подчасъ разрушительно

[1]) Ф. А. Щербина. „Крестьянскіе бюджеты“. Воронежъ. 1900.

[2]) Л. Н. Марессъ. „Производство и потребленіе хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“. Спб. 1892.

[3]) С. В. Мартыновъ. „Современное положеніе русской деревни“, 1. с.

[4]) Шингаревъ. „Вымирающія деревни“, 1 с.

[1]) В. В. Фавръ. О голодномъ хлѣбѣ 1898 года. Харьковъ. 1899.

дѣйствующія на организмъ. Отруби, мякина, свекловичная рѣзка, конопляные, подсолнечные и льняные жмыхи, корни пырея, лебеда, жолуди, древесный и исландскій мохъ, солома, трава, липовые листья, березовая и сосновая кора и даже глина,—таковы обычныя примѣси къ хлѣбу. Вслѣдствіе малаго количества клейковины тѣсто не можетъ взойти, а потому выпекаются низкіе хлѣбцы или лепешки, быстро высыхающіе и напоминающіе скорѣе комъ земли, торфа, чѣмъ хлѣбъ. Въ мало пористомъ разломѣ можно видѣть частички соломы, шелуху сѣмянъ проса, сорныя травы и нерѣдко проросшую плѣсень. Запахъ голоднаго хлѣба своеобразный, затхлый. При жеваніи ощущается хрустъ. Вкусъ очень плохой, терпкій, горькій, царапающій.

Фальсификація хлѣба приняла у насъ невѣроятные размѣры. Алчность торговцевъ не знаетъ предѣловъ. Помимо перечисленныхъ веществъ къ хлѣбу примѣшиваются песокъ, конопля, куколь. Въ 1891 г. въ 20—60% хлѣба, который привозился въ голодныя мѣстности, находили куколь. Спросъ на куколь былъ такъ великъ, что цѣна его поднялась въ 4—5 разъ.

Объ огромномъ вредѣ потребленія въ пищу такого хлѣба говорить не приходится. Хлѣбъ изъ отрубей очень плохо переваривается. При питаніи лебеднымъ хлѣбомъ наблюдаются слущиваніе эпителія на твердомъ небѣ, разрыхленныя и кровоточащія изъязвленія слизистой оболочки рта, языка, глотки, кишечныя язвы.

А между тѣмъ, вредные суррогаты хлѣба изъ года въ годъ получали все большее и большее распространеніе. Просмотрите многочисленныя работы, посвященныя „голодному хлѣбу", и вы увидите, какую роль онъ играетъ въ житейскомъ обиходѣ крестьянства [1]). Въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ, даже въ годы урожаевъ, хлѣба, получаемаго съ надѣловъ, крестьянамъ хватаетъ мѣсяца на четыре, большая же часть населенія изъ года въ годъ питается [2]) „неудобоваримой массой, именуемой все-таки хлѣбомъ, состоящей изъ мякины, жмыховъ и небольшой примѣси ржаной муки."

Земства не разъ пускали въ употребленіе завѣдомо негодный хлѣбъ. Такъ, въ 1891 году самарское земство раздавало крестьянамъ въ видѣ продовольственной ссуды муку особаго *пятаго* (sic!) сорта, которая состояла изъ однихъ перемолотыхъ пшеничныхъ отрубей. Въ томъ же году оренбугскій продовольственный комитетъ получилъ отъ поставщика муку съ содержаніемъ 20 фунтовъ отрубей и 4 фунтовъ песку на пудъ, а въ 1898 году самарское земство купило у нѣкоего Слободчикова завѣдомо залежалый, издававшій противный запахъ, засоренный хлѣбъ [3]).

Количество хлѣба недостаточно и въ годы урожаевъ. А при голодѣ, когда вступаетъ въ свои права казенный паекъ, ѣсть вовсе нечего. Въ 1900 г. на съѣздѣ врачей самарскаго зем-

---

[1]) См. интересную работу Ѳ. К. Стефановскаго „Матеріалы для изученія свойствъ голоднаго хлѣба".

[2]) Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ, l. с.

[3]) Фавръ, l. с.

ства обсуждался вопросъ о причинахъ эпидеміи цынги. Съѣздъ пришелъ къ заключенію [1]), что „эпидемія цынги есть ближайшее послѣдствіе печальнаго экономическаго положенія населенія, выведеннаго изъ своего устойчиваго положенія неурожаями послѣднихъ лѣтъ, и въ этомъ смыслѣ на эпидемію цынги слѣдуетъ смотрѣть не какъ на временное стихійное бѣдствіе, а какъ на бѣдствіе, являющееся слѣдствіемъ хронически дѣйствующихъ причинъ".

Этихъ постоянныхъ причинъ долго искать не приходится. По запросу калужской земской управы „комиссія питанія при русскомъ обществѣ охраненія народнаго здравія" признала тотъ важный фактъ, что нормы продовольственной помощи, практикуемыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, земствомъ и краснымъ крестомъ не удовлетворяютъ количественно и качественно потребностямъ даже умѣренно работающаго организма. Паекъ въ 30—35 фунтовъ въ мѣсяцъ не въ состояніи предотвратить цынги, такъ какъ требуется не меньше 75—80 фунтовъ.

Вышеназванное совѣщаніе и нашло необходимымъ увеличеніе пайка, указавши въ то же время на цѣлый рядъ коренныхъ мѣръ въ борьбѣ съ голодомъ и нуждой, которыя должны носить постоянный, а не временный характеръ. Необходимо повсемѣстное устройство продовольственныхъ и питательныхъ пунктовъ, дешевыхъ столовыхъ и чайныхъ, необходимо также устройство крытыхъ помѣщеній для передвигающихся рабочихъ. Совѣщаніе не могло не указать на тяжелое положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ хуторахъ и экономіяхъ и признало необходимымъ надзоръ за пищей, предоставленіе врачамъ права входа въ экономіи для ознакомленія съ бытомъ рабочихъ.

Что стало со всѣми этими благими пожеланіями врачей самарскаго земства? Поучительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ исторія лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ для сельско-хозяйственыхъ рабочихъ, открытыхъ земствами лишь въ нѣкоторыхъ губерніяхъ.

Сельско-хозяйственные рабочіе— эти пасынки труда—служатъ яркой иллюстраціей нашего санитарнаго благополучія. Собираясь изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ Россіи, путешествуя въ поискахъ за работой, эта такъ называемая „бродячая Русь" терпитъ безконечное количество лишеній. Сотни верстъ проходитъ пѣшкомъ эта масса, голодная, оборванная, не имѣя возможности приклонить куда-либо свою голову, Естественно, если она болѣетъ, мретъ и распространяетъ вокругъ себя заразные недуги.

Но и въ экономіяхъ, куда попадаютъ счастливцы изъ рабочихъ по найму, жизнь ихъ далеко не сладка. На продовольствіе рабочихъ многія экономіи стараются тратить возможно меньше. Рѣдко расходы на пищу превышаютъ 8—10 коп. въ день на человѣка. Рабочіе сами придумали терминъ для характеристики отпускаемаго имъ продовольствія. Въ экономіяхъ, — говорятъ

[1]) Труды XIII губернскаго совѣщанія врачей самарскаго земства. Самара. 1900.

они [1]),—варятъ борщъ „съ собачкой“ (безъ всякаго навара, такъ что собака, заглянувшая въ котелъ, отражается на поверхности борща), а хлѣбъ даютъ такой, что только „коныки лѣпить“ (недопеченый), бываетъ, впрочемъ, и нѣчто худшее. Рабочимъ отпускается мясо съ кишащими въ немъ червями, хлѣбъ заплѣснѣвѣлый [2]).

„Въ одной нѣмецкой колоніи нѣмка варила въ котлѣ (для рабочихъ), а вечеромъ въ томъ же котлѣ мыла себѣ голову и ставила его (котелъ) въ углу вмѣсто ночной посуды для дѣтей“.

Понятно теперь, какое значеніе пріобрѣтаетъ при этихъ условіяхъ питанія массъ устройство лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ для пришлыхъ рабочихъ. Значеніе это было въ свое время понято земскими врачебными организаціями, которыя и побуждали земства открывать столовыя и чайныя, гдѣ пришлый людъ могъ бы получить за дешевую плату или даже безплатно здоровую пищу. Впервые поднялъ этотъ вопросъ второй губернскій съѣздъ врачей херсонской губерніи въ 1875 году. Но прошло семнадцать лѣтъ, вопросъ нѣсколько разъ въ теченіе этого времени поднимался на съѣздахъ врачей, а земство оставалось глухимъ къ указаніямъ людей практики и науки. Нуженъ былъ голодъ 1891 года, нужны были эпидеміи брюшного и сыпного тифа для того, чтобы херсонское земство вняло голосу врачей и организовало въ видѣ опыта надзоръ за пришлыми рабочими съ выдачей имъ продовольствія въ спеціально оборудованныхъ пунктахъ [1]). Опытъ херсонскаго земства оказался блестящимъ. „Но кто знаетъ,—говоритъ Н. И. Тезяковъ,—какова была бы дальнѣйшая судьба столь насущнаго дѣла, если бы дѣлу организаціи и упроченія продовольственныхъ пунктовъ не помогло новое народное бѣдствіе, въ видѣ неожиданно появившейся грозной холерной эпидеміи“.

Скептическія сужденія Н. И. Тезякова имѣютъ подъ собой твердую почву. Въ нѣкоторыхъ земствахъ обнаружилось серьезное теченіе противъ продовольственныхъ пунктовъ, яко бы повышающихъ цѣны на рабочія руки. Такъ, елисаветградское, ананьевское и тираспольское уѣздныя земскія собранія высказались противъ дешевыхъ столовыхъ изъ опасеній вздорожанія рабочихъ. Противъ дешевыхъ столовыхъ выступило однажды и херсонское уѣздное земское собраніе [2]).

Но необходимость учрежденія питательныхъ пунктовъ для недоѣдающаго населенія настолько назрѣла, что ни одинъ съѣздъ изъ имѣвшихъ мѣсто во второй половинѣ девяностыхъ годовъ не могъ обойти этого вопроса. Шестой Пироговскій съѣздъ въ Кіевѣ въ 1896 году, по докладу Н. И. Тезякова, призналъ „повсемѣстную организанію лѣчебно-

[1]) Е. Варбъ. „Наемные сельско-хозяйственые рабочіе въ жизни и законодательствѣ“. Москва. 1899.

[2]) Цит. по И. Х. Озерову. „Экономическая Россія и ея финансовая политика“. Москва. 1905.

[1]) Н. И. Тезяковъ. „Рынки найма сельскохоз. рабочихъ на югѣ Россіи въ санит. отношеніи“. Спб. 1902.

[2]) Е. Варбъ, I. с.

продовольственныхъ пунктовъ во всѣхъ мѣстахъ значительнаго сбора рабочихъ для найма вполнѣ назрѣвшей и неотложною санитарною мѣрою". Съѣздъ врачей при медицинскомъ департаментѣ въ 1897 году по обсужденію мѣръ противъ сифилиса призналъ, что передвигающееся населеніе (богомольцы, переселенцы, рабочіе) должны повсюду находить возможность утолить свой голодъ.

Что же сдѣлали земства въ виду столь авторитетныхъ и настойчивыхъ указаній? Къ сожалѣнію, приходится еще и въ настоящее время отмѣтить равнодушіе многихъ земствъ къ вопросу объ организаціи питанія передвигающихся массъ, хотя съѣзды врачей неоднократно подтверждали, что ни о какой борьбѣ съ эпидеміями не можетъ быть и рѣчи, пока существуютъ голодныя массы, подверженныя всякаго рода болѣзнямъ. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ устроены лѣчебно-продовольственные пункты, они далеко не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ санитарнымъ требованіямъ. Помѣщенія для лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ ниже всякой критики [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, это—жалкіе еле сбитые бараки, чрезъ крышу и стѣны которыхъ во время дождей цѣлыми ручьями протекаетъ вода. Почти нигдѣ нѣтъ наръ, и рабочимъ въ дождливое время приходится лежать въ сырости и грязи. „Такимъ образомъ,—говоритъ В. В. Хижняковъ,—эти помѣщенія представляютъ мало преимуществъ по сравненію съ существованіемъ подъ открытымъ небомъ". „Цѣль пункта дать рабочимъ пріютъ въ непогоду,—жалуется одинъ изъ завѣдующихъ,—была одной фикціей. Въ дождливую погоду въ баракѣ стояли лужи, печь размывало, дрова промокали, столовая и амбулаторіи переставали функціонировать".

Отъ времени многіе бараки пришли въ ветхость и совершенную негодность. „А земскихъ ассигнованій не хватаетъ не только для возведенія новыхъ бараковъ и основательнаго ремонта старыхъ, но и на текущіе расходы по содержанію столовыхъ и амбулаторій".

Столь же неудовлетворительна и пища, отпускаемая рабочимъ на продовольственныхъ пунктахъ [1]). „Предлагая рабочему лѣкарство,—пишетъ одинъ изъ завѣдующихъ,—мы неминуемо становимся съ нимъ въ такое отношеніе, при которомъ не можемъ игнорировать его голодъ". А земство боится увеличенія бюджета столовыхъ и заставляетъ подгонять продовольствіе не къ потребностямъ живого организма, а къ скуднымъ смѣтнымъ исчисленіямъ. Прекрасная цѣль лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ, благодаря этому, не достигается. „Однимъ изъ главныхъ и угрожающихъ разсадниковъ голоднаго тифа,—говорилось на московскомъ совѣщаніи по борьбѣ съ холерой въ 1908 году,—являются тѣ безработныя массы и то бродячее трудовое населеніе, которыя въ поискахъ за работой плетутся по всѣмъ проселочнымъ и шоссейнымъ дорогамъ и разносятъ такимъ образомъ во всѣ

[1]) В. В. Хижняковъ. „Пришлые сельскохоз. рабочіе въ херсонской губ.". Херсонъ. 1894.

[1]) Ibidem.

концы и углы Россіи эпидемію, находящую вездѣ вполнѣ подготовленную и вполнѣ благопріятную почву для своего развитія". И средство противъ эпидеміи среди бродячаго населенія было опять выдвинуто старое — устройство питательныхъ пунктовъ. Все тотъ же вопросъ, старый, но вѣчно юный, котораго до сихъ поръ не сумѣло удовлотворительно разрѣшить сословное земство.

Санитарная обстановка труда оставляетъ желать многаго. Выше мы уже говорили о томъ, что земства считались преимущественно съ экономической стороной кустарныхъ промысловъ, но не обращали никакого вниманія на сторону гигіеническую. Въ этой послѣдней области нельзя отмѣтить никакихъ успѣховъ на протяженіи всего XIX столѣтія. Кустари работаютъ все въ тѣхъ же избахъ, въ которыхъ живутъ, работаютъ въ теченіе 16—18 часовъ въ сутки.

Водоснабженіе селеній на обширной территоріи Россіи находится до сихъ поръ на самой примитивной ступени. Земства за весьма малыми исключеніями совершенно не считались съ необходимостью для населенія здоровой питьевой воды въ достаточномъ количествѣ. Не разъ земскіе врачи указывали на загрязненіе естественныхъ водъ, становящихся источникомъ заразныхъ болѣзней: земство, ссылаясь на недостатокъ средствъ, пропускало мимо ушей всѣ предложенія, клонившіяся къ улучшенію водоснабженія. А этого вопроса никакъ нельзя было обойти. Начиная съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, всякій разъ, когда заходила рѣчь о борьбѣ съ эпидеміями, врачебныя организаціи неизбѣжно сталкивались съ вопросомъ объ оздоровленіи воды. И до сихъ поръ этотъ вопросъ остался въ той же стадіи, въ какой онъ былъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Для примѣра возьмемъ петербургскую и московскую губерніи. Санитарные врачи петербургской губерніи въ своихъ отчетахъ за девяностые и послѣдніе годы дали печальную картину состоянія источниковъ питьевой воды. Нѣтъ буквально ни одного отчета, въ которомъ этому вопросу не было бы отведено много мѣста.

Колодцы и рѣчки загрязняются грязными водами изъ кухонь и прачешныхъ, сточными водами съ фабрикъ и заводовъ. „Посреди единственной улицы селенія,—пишетъ одинъ изъ санитарныхъ врачей въ своемъ отчетѣ [1]),—протекаетъ рѣка съ прекрасной водой ключевого происхожденія. Въ эту рѣку обыватели спускаютъ изъ многихъ скотныхъ дворовъ по особымъ канавкамъ избытокъ навозной жижи; на берегу ея устроены бани, по выходѣ изъ которыхъ обыватели купаются въ рѣкѣ послѣ окачиванія, въ предбанникахъ стираютъ бѣлье и тутъ же его полощутъ; въ одномъ мѣстѣ по каменному дну рѣки проходитъ дорога, по которой лѣтомъ возятъ навозъ на поля, такъ какъ берегомъ проѣхать въ виду грязи очень затруднительно".

Подобныхъ картинъ можно было бы привести очень много, но и ска-

[1]) Отчеты санитарныхъ врачей с.-петербургскаго губернскаго земства за 1899 годъ. Спб. 1900.

М. М. Антокольскій. Умирающій Сократъ.

(Русскій Музей Имп. Александра III въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

II

занного достаточно, чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о водоснабженіи петербургской губерніи. Между тѣмъ, земство рѣшительно ничего не предприняло для устраненія вопіющаго зла. Въ 1901 году петергофское уѣздное земство сдѣлало попытку привлечь частныхъ предпринимателей къ устройству водопровода на концессіонныхъ началахъ. Но этотъ вопросъ до сихъ поръ не вышелъ еще изъ стадіи предварительныхъ переговоровъ [1]). Такимъ образомъ, все, на что осмѣлилось земство—предложеніе концессіи—не могло осуществиться, благодаря малой выгодности эксплоатаціи сельскаго населенія.

Въ общемъ, не лучше обстоитъ дѣло по части водоснабженія въ московской губерніи. Здѣсь тоже врачи неустанно твердили о необходимости улучшить водоснабженіе. Казалось, въ Москвѣ, гдѣ существуетъ лучшая въ Россіи санитарная организація, важнѣйшій вопросъ гигіены — водоснабженіе— долженъ былъ получить наиболѣе удовлетворительное рѣшеніе. На самомъ дѣлѣ, это далеко не такъ. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, санитарный врачъ дмитровскаго уѣзда о прудахъ [2]): „Пруды въ большинствѣ случаевъ представляютъ водохранилища малыхъ размѣровъ или, попросту говоря, — это неглубокія ямы съ плоскими берегами, вырытыя въ глинистомъ грунтѣ и расположенныя обыкновенно среди селенія. Нерѣдко во время дождей и почти всегда при таяніи снѣга грязь съ площадей, улицъ и дворовъ стекаетъ въ пруды, обильно загрязняя ихъ органическими остатками всевозможнаго происхожденія. Такъ бываетъ весной и осенью, когда пруды обильно переполнены въ высшей степени грязной водой“.

Московское губернское земство рѣшило притти на помощь населенію въ дѣлѣ водоснабженія. Оно признало необходимой организацію ссудъ и пособій со стороны земства сельскимъ обществамъ по устройству водоемовъ и правильнаго постояннаго техническаго надзора по этому устройству. Къ сожалѣнію, помощь земства оказалась ничтожной и едва въ состояніи была покрыть частичку нужды. Возьмемъ, напримѣръ, дмитровскій уѣздъ, больше всѣхъ другихъ использовавшій возможность получить пособіе на устройство водоемовъ. Оказалось, что благами болѣе здоровой воды воспользовалось всего 10.114 человѣкъ [1]). „Если признать, что только 16,6% населенія, нуждающагося въ улучшеніи водоснабженія, получило таковое,—говоритъ д-ръ Ростовцевъ,—необходимо притти къ заключенію, что интересы здравоохраненія населенія требуютъ значительнаго усиленія дѣятельности земства по устройству колодцевъ“.

Такъ же мало заботъ проявляетъ земство въ отношеніи чистоты почвы. Загрязненіе почвы всевоз-

---

1) Отчеты санитарныхъ врачей с.-петербургскаго земства за 1901 годъ. Спб. 1903.

2) Н. Д. Соколовъ. „Питьевое водоснабженіе селеній московской губерніи“. Москва. 1907.

1) Е. И. Ростовцевъ. „Дѣятельность земства по улучшенію водоснабженія въ дмитровскомъ уѣздѣ“. Москва. 1902.

можными гніющими отбросами— постоянная тема обсужденія на всѣхъ съѣздахъ земскихъ врачей. И рѣшеніе вопроса не подвинулось отъ этого ни на іоту впередъ. Не можетъ быть и рѣчи о правильной организаціи вывоза нечистотъ, не слышно даже объ устройствѣ цѣлесообразной сѣти каналовъ для предохраненія почвы отъ усиленнаго загрязненія. „Да и какое значеніе,— говорилъ В. И. Долженковъ [1]), въ 1902 году,—можетъ имѣть оздоровленіе почвы для деревни, когда каждая хата въ своемъ полу, въ особенности въ земляныхъ полахъ южной половины Россіи, содержитъ клоаку гніющихъ нечистотъ отъ хозяйственныхъ отбросовъ, изверженій молодыхъ животныхъ, дѣтей и т. п. Поразительный смрадъ при удаленіи поверхностной части земляныхъ половъ въ хатахъ съ цѣлью дезинфекціи при бывшей пандеміи дифтерита на югѣ Россіи, по свидѣтельству очевидцевъ, былъ такъ силенъ, что рабочіе крестьяне не всегда выдерживали его, иногда падая въ обморокъ".

Немного также сдѣлало земство для оздоровленія нѣкоторыхъ частныхъ сторонъ крестьянской жизни. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о санитарномъ состояніи школъ. Не разъ онъ дебатировался на съѣздахъ врачей, не мало поработали надъ нимъ земскія санитарныя организаціи, а оздоровленіе народной школы далеко еще не можетъ считаться свершившимся фактомъ. „Огромное большинство школъ не удовлетворяетъ требованіямъ гигіены", — таковъ выводъ автора, имѣвшаго возможность ознакомиться съ обширнымъ матеріаломъ по этому вопросу [1]). И земство отлично знало объ антисанитарномъ состояніи школъ, мало дѣлая для ихъ оздоровленія. Такъ, на одномъ изъ съѣздовъ врачъ А. Д. Первовъ [2]) привелъ весьма интересныя данныя о качествѣ воздуха въ школахъ и крестьянскихъ жилищахъ. Оказалось, что содержаніе углекислоты больше въ воздухѣ школьныхъ помѣщеній, чѣмъ крестьянскихъ избъ.

И, несмотря на такую массу санитарныхъ золъ, земство не только мало дѣлало для ихъ устраненія, но и противилось выясненію размѣровъ зла. Земства очень туго шли на ассигновки для собиранія и обработки статистическихъ данныхъ о заболѣваемости и движеніи населенія. Медико-санитарная статистика была падчерицей земства, не пользовавшейся отъ него особенными милостями. Собираніе статистическихъ данныхъ поручалось участковымъ земскимъ врачамъ, и безъ того заваленнымъ работами. „Каждый добросовѣстный врачъ, — говорилось на одномъ изъ земскихъ съѣздовъ [3]),— долженъ написать въ предисловіи къ своему труду слѣдующее: „Считаю долгомъ предупредить читателя, что ни точности діагностики, которой я не могъ провѣрить, ни

[1]) Восьмой Пироговскій съѣздъ. Москва 1903. Выпускъ седьмой.

[1]) А. Г. Трахтенбергъ. „Матеріалы о санитарномъ состояніи школъ въ Россіи". Спб. 1903.

[2]) Двѣнадцатый губ. съѣздъ врачей тверской губ. Тверь. 1896.

[3]) Труды VI съѣзда земскихъ врачей тверской губ. Тверь. 1877.

цифрамъ заболѣваемости въ извѣстныя времена не должно вѣрить, а потому лучше не раскрывать таблицъ, а вѣрить на слово тѣмъ общимъ выводамъ, къ которымъ я пришелъ, живя въ участкѣ и наблюдая"".

По настоянію врачей дѣлались иногда земствами ассигновки на организацію статистики и санитарныхъ бюро для разработки собранныхъ данныхъ. А затѣмъ, едва проходилъ моментъ очарованія, какъ статистистическій отдѣлъ прекращалъ свое существованіе, бюро закрывалось, а все дѣло медико-санитарныхъ „излѣдованій" возлагалось на участковыхъ врачей.

Земства мало использовали предоставленное имъ право изданія обязательныхъ санитарныхъ постановленій. Они ничего не сдѣлали для борьбы съ народными болѣзнями, (туберкулезомъ, сифилисомъ, травматизмомъ), мало предприняли для ограниченія ужасающей у насъ дѣтской смертности. Устройство ясель и пріютовъ для дѣтей находится до сихъ поръ еще въ примитивномъ состояніи, хотя врачебныя организаціи неоднократно указывали на необходимость подобныхъ учрежденій. Словомъ, санитарныя мѣропріятія земствъ не получили до сихъ поръ того развитія, на которое разсчитывали при учрежденіи органовъ общественнаго самоуправленія. Имущіе классы играли слишкомъ большую преобладающую роль въ земствѣ для того, чтобы оно могло итти навстрѣчу народу въ дѣлѣ оздоровленія. И даже наиболѣе горячіе сторонники земской медицины [1]), говоря о постановкѣ ея въ московской губерніи, оставившей далеко позади себя всѣ остальныя, вынуждены сознаться, что „санитарное состояніе населенія въ губерніи, несомнѣнно, неудовлетворительно; дѣтская смертность чрезмѣрно высока, велика также общая смертность. Въ этомъ направленіи земствомъ сдѣланы только начальные шаги. Мы видимъ различныя стороны земской жизни, пока или только что затронутыя или еще не введенныя въ кругъ систематической санитарной дѣятельности земствъ."

V.

Въ дѣлѣ попеченія о народномъ здравіи земству приходилось считаться съ постояннымъ противодѣйствіемъ, которое оно встрѣчало со стороны центральнаго правительства и мѣстной администраціи. Устарѣвшія нормы медицинскаго устава, сохранившагося во всей своей неприкосновенности чуть ли не съ конца XVIII столѣтія, мѣшали проявленію свободной иниціативы и самодѣятельности населенія, а постоянная склонность правительства усматривать во всемъ крамолу, толкала его на путь репрессій по отношенію къ скромнымъ культурнымъ начинаніямъ земствъ, въ томъ числѣ и по отношенію къ чисто медицинскимъ мѣропріятіямъ.

Мы уже видѣли, какова была медицина, организованная правитель-

[1]) Е. А. Осиповъ, И. В. Поповъ и П. И. Куркинъ. „Русская земская медицина". Москва. 1899.

ствомъ до введенія земскихъ учрежденій. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вмѣстѣ съ открывшейся эрой реформъ, повѣяло чѣмъ-то новымъ и живымъ и въ области общественнаго здравоохраненія. Слишкомъ ясно было для каждаго непредубѣжденнаго наблюдателя русской дѣйствительности, что физическія силы населенія систематически подрываются тѣми условіями санитарнаго благоустройства, которыя даютъ знать о себѣ на каждомъ шагу.

Оживленіе, начавшееся въ обществѣ, обнаружилось также и въ правительственныхъ сферахъ. Были сдѣланы попытки разобраться въ невзгодахъ, давящихъ народныя массы, выяснить причины этихъ невзгодъ и выработать рядъ мѣръ для ихъ устраненія. Въ 1865 году медицинскимъ департаментомъ предпринято было изданіе спеціальнаго журнала подъ названіемъ „Архивъ судебной медицины и общественной гигіены". Журналъ этотъ ставилъ себѣ задачей серьезную разработку вопросовъ общественной санитаріи, въ связи съ обнаружившимися потребностями русской жизни [1]). Въ первой книжкѣ журнала былъ напечатанъ объективный и безпристрастный докладъ медицинскаго департамента о „крайней необходимости преобразованія врачебныхъ учрежденій, совершенно погрязшихъ въ бюрократической рутинѣ и поэтому окончательно неспособныхъ внимать дѣйствительнымъ потребностямъ государственной и общественной жизни".

За время существованія журнала въ немъ появилось много статей, посвященныхъ практической разработкѣ серьезныхъ санитарныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ казалось неотложнымъ для проснувшейся къ новой жизни Россіи. Правильная организація земской медицины, улучшеніе условій жизни крестьянскихъ массъ, санитарное изученіе разныхъ мѣстностей страны, цѣлесообразная постановка борьбы съ повальными болѣзнями,—таковъ былъ кругъ вопросовъ, въ которыхъ постоянно вращалась редакція „Архива".

Не долго, однако, продолжалась эпоха оживленія. Въ 1871 году реформаторскія тенденціи „Архива" были признаны опасными, и журналъ былъ закрытъ. Правда, медицинскій департаментъ занялся новыми изданіями, сталъ выпускать въ свѣтъ и журналъ, и отчеты о состояніи народнаго здравія въ Россіи. Но прежняго широкаго трактованія вопросовъ общественной санитаріи въ связи съ условіями жизни крестьянства уже больше не было. На новыхъ работахъ легла печать казенщины и мертвящей рутины. Безумная попытка шестидесятыхъ годовъ освѣтить санитарное состояніе Россіи и разработать дѣйствительныя мѣры для ея оздоровленія была оставлена. И, если подчасъ въ офиціальныхъ отчетахъ и попадаются фразы о нашихъ санитарныхъ неурядицахъ, объ ихъ причинахъ и о способахъ ихъ устраненія, то онѣ тонутъ въ цѣломъ морѣ сухихъ цифръ, въ которыхъ трудно разобраться непосвященному. При общемъ тонѣ изложенія эти фразы производятъ такое впечатлѣніе, точ-

[1]) Русская земская медицина.

но люди несдержанные проговорились и стараются потомъ разсѣять вниманіе читателей массой ненужныхъ, не идущихъ къ дѣлу словъ.

Безпощадно относилось правительство ко всякой попыткѣ вскрыть санитарныя язвы, разъѣдающія Россію. Въ 1873 году казанское общество врачей задумало издать „Журналъ общественной медицины“ съ цѣлью разработать насущные вопросы по оздоровленію населенія и знакомить съ ними читающую публику. „Послѣ тысячелѣтія безплоднаго служенія отдѣльнымъ единицамъ,—писалъ проф. Петровъ въ объяснительной запискѣ къ програмѣ изданія,—медицина и врачи призываются на службу цѣлому обществу. Требуется лѣчить общественныя болѣзни, поднять уровень общественнаго здоровья, возвысить общественное благосостояніе. Сама медицина убѣдилась, что для достиженія ея конечныхъ цѣлей—уничтоженія болѣзней — совершенно недостаточно тѣхъ средствъ, около которыхъ они до сихъ поръ вращались. Оказалось, что эти мѣры не имѣютъ никакого значенія въ борьбѣ съ болѣзнями цѣлаго населенія, и что для этой борьбы необходимы иные пріемы, выполненіе которыхъ возможно лишь силами самого населенія“. Журналъ, однако, не былъ разрѣшенъ, и мечтѣ общества не суждено было сбыться.

Неподвижность бюрократіи, ея неспособность заняться живымъ дѣломъ сказалось при организаціи медицинской помощи населенію весьма ясно. Какъ мы уже видѣли, въ 1886 году послѣ поразительнаго сообщенія д-ра Экка въ обществѣ русскихъ врачей была учреждена комиссія для разработки вопроса о мѣрахъ по оздоровленію Россіи. Въ томъ же году медицинскій совѣтъ, разсматривая выводы д-ра Экка, пришелъ къ заключенію, что „повсемѣстное введеніе въ Россіи санитарныхъ преобразованій и мѣропріятій составляетъ одну изъ первыхъ нашихъ государственныхъ потребностей“.

Въ виду такого постановленія медицинскаго совѣта министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ „въ возможно скорѣйшемъ времени приступить къ удовлетворенію сей потребности, для чего необходимо имѣть подробныя соображенія медицинскаго совѣта о томъ, какія именно преобразованія должны быть произведены для улучшенія санитарныхъ условій и оздоровленія отдѣльныхъ губерній, городовъ и селъ и какія мѣропріятія должны быть предложены съ цѣлью уменьшить въ населеніи % смертности, увеличить среднюю продолжительность жизни и ограничить заболѣваемость“.

Дѣло, однако, оказалось не такимъ легкимъ и простымъ, какъ это казалось правительству. На запросъ комиссіи, обращенный къ виднымъ общественнымъ (земскимъ) врачамъ, что нужно для оздоровленія Россіи, получились отвѣты, вызвавшіе немалое смущеніе въ рядахъ правящихъ. „Одно оздоровленіе,—писалъ д-ръ Грязновъ,—даже въ такой совершенной степени, въ какой оно у насъ едва ли и мыслимо, не можетъ играть такой роли (всеисцѣляющей населеніе), и оно не составитъ ближайшаго средства къ уменьше-

нію смертности и къ поднятію благосостоянія". Еще болѣе рѣшительно высказались земскіе дѣятели Ф. Ф. Эрисманъ и Е. А. Осиповъ. „Истинное благоденствіе страны,—писали они,—достижимо только при равномъ, параллельномъ прогрессѣ всѣхъ отраслей современной цивилизаціи, а потому мы считаемъ непозволительнымъ завѣрять наше правительство, что исключительно только оздоровительными работами возможно понизить смертность въ Россіи до той степени, какова она въ Англіи".

Какъ видите, врачи вторглись не въ свою область, какъ казалось правящимъ. Они заговорили объ общихъ условіяхъ жизни массъ, они задѣли вопросъ, котораго касаться нельзя было. И этого было достаточно для того, чтобы о комиссіи забыли, чтобы ни одно изъ ея постановленій не было проведено въ жизнь. Забыты были также и всѣ обоснованныя заявленія свѣдущихъ людей, смѣло указавшихъ, въ чемъ нужно искать корень зла.

Крупной помѣхой на пути земствъ въ дѣлѣ проведенія оздоровляющихъ мѣропріятій былъ устарѣвшій врачебный уставъ. Не разъ Пироговскіе съѣзды, чутко прислушивавшіеся къ нуждамъ населенія, указывали на необходимость пересмотра отжившихъ законоположеній. Ни къ какимъ результатамъ эти указанія не приводили.

Еще на третьемъ Пироговскомъ съѣздѣ въ 1889 году было, по предложенію проф. В. К. Анрепа, признано, что врачебный уставъ не удовлетворяетъ требованіямъ науки и жизни. Съѣздъ единогласно постановилъ поручить правленію представить ходатайство о „безусловной необходимости безотлагательнаго пересмотра нынѣ дѣйствующаго устарѣлаго врачебнаго устава". Отвѣта на это ходатайство, возбужденное правленіемъ, не было получено [1]).

Шестому съѣзду въ 1896 году вновь пришлось вернуться къ этому наболѣвшему вопросу. Вновь была признана необходимость пересмотра устава, вновь было представлено ходатайство и вновь не получено никакого отвѣта. На восьмомъ съѣздѣ въ 1901 году былъ разсмотрѣнъ вопросъ о препятствіяхъ, какія встрѣчаетъ земство въ дѣлѣ правильной постановки борьбы съ заразными болѣзнями, изъ-за недостатковъ нашего санитарнаго законодательства [2]).

Борьба съ эпидеміями у насъ, согласно врачебному уставу и уставу мед. полиціи, зиждется вся на перепискѣ. Для характеристики этой „борьбы" приведемъ выписку изъ соотвѣтствующихъ статей закона, подробно регламентирующихъ „дѣйствія мѣстныхъ начальствъ къ остановленію и пресѣченію повальныхъ болѣзней появившихся".

Посмотрите, сколько инстанцій должна пройти вѣсть о вспыхнувшей эпидеміи, прежде чѣмъ будетъ сдѣлана попытка принять дѣйствительныя мѣры. „Въ селеніяхъ при-

---

1) К. И. Шидловскій. „Сводка ходатайствъ пироговскаго общества врачей предъ правительственными учрежденіями". Москва. 1904.

2) Восьмой Пироговскій съѣздъ. Выпускъ II. Докладъ А. В. Малькова. Москва. 1901.

нятіе мѣръ въ случаѣ появленія повальныхъ болѣзней и донесеніе о семъ полиціи возлагается на сельскихъ старость и волостныхъ старшинъ. Нижніе чины полиціи (десятскіе и сотскіе) тотчасъ должны извѣщать объ этомъ станового пристава, который доноситъ объ этомъ уѣздному полицейскому управленію. По первому донесенію станового пристава о появленіи въ селеніяхъ тяжелыхъ повальныхъ болѣзней, исправникъ съ уѣзднымъ врачомъ долженъ немедленно отправиться на мѣсто для освидѣтельствованія больныхъ и опредѣленія рода и качества оказавшейся болѣзни. О результатахъ освидѣтельствованія въ тотъ же день отправляется донесеніе губернатору".

На всей этой сложной процедурѣ сказалось вліяніе дореформеннаго строя. О лѣченіи больныхъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ для этого не было никакихъ средствъ. Но зато на бумагѣ творилось и творится очень много, безплодная трата энергіи и времени идетъ постоянно и неуклонно.

Въ рядахъ правящихъ давно уже господствовало мнѣніе, что пересмотръ нашего законодательства представляется настоятельно необходимымъ. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ медицинскій департаментъ высказался въ томъ смыслѣ, что „уставы медицинской полиціи и судебной медицины не были обезпечены прямыми исполнителями, и что народное здоровье не можетъ быть сохраняемо передвиженіемъ бумагъ изъ одного присутственнаго мѣста въ другое". А въ концѣ девяностыхъ годовъ въ офиціальныхъ сферахъ раздаются тѣ же жалобы. „У насъ нѣтъ санитарнаго кодекса, который примѣнялся бы къ каждому населенному пункту,—жалуется управленіе главнаго врачебнаго инспектора" [1]).

И несмотря на сознаніе санитарныхъ неурядицъ, правительство не въ состояніи было устранить ихъ. Все спасеніе оно видѣло [2]) въ „созданіи особаго центральнаго санитарнаго органа и въ точномъ опредѣленіи функцій мѣстныхъ органовъ", т.-е. въ новой перепискѣ, въ новой „бумажной" борьбѣ съ усиленной заболѣваемостью и высокой смертностью.

Безсиліе правительственныхъ органовъ сказалось также въ организаціи медицины въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ не были введены земскія учрежденія. На Пироговскихъ съѣздахъ не разъ приводились неопровержимыя доказательства, что сельская медицина, по закону 24 апрѣля 1887 года, совершенно не удовлетворяетъ своему назначенію. Ничтожное количество врачей, обширность врачебныхъ участковъ, сильное развитіе фельдшеризма, недостатокъ лѣкарствъ и другихъ медицинскихъ средствъ, матеріальная необезпеченность медицинскаго персонала, казенный сухой формализмъ,—таковы отличительныя черты сельской медицины, созданной органами власти. И несмотря на указанія на неудовлетворительность сельской медицины, которыя шли съ разныхъ сторонъ, бюрократія и

[1]) Санитарное состояніе городовъ Россійской имперіи въ 1895 году. Спб. 1899.

[2]) Отчетъ о состояіи народнаго здравія за 1904 годъ. Спб. 1906.

не думала внести какія-либо серьезныя измѣненія къ лучшему въ постановку дѣла. Въ 1901 году врачебные инспектора кіевской, подольской и волынской губер., люди подневольные, созванные по распоряженію начальника края на совѣщаніе о лучшей постановкѣ врачебнаго дѣла въ юго-западномъ краѣ, единогласно и категорически высказались въ томъ смыслѣ [1]), что „организація сельской медицины, по закону 24 апрѣля 1887 года, далеко не удовлетворительна: мало врачей, мало фельдшеровъ, мало средствъ на медикаменты".

Нечего говорить о томъ, въ какомъ безотрадномъ положеніи находилось и находится санитарное дѣло въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ единственной вершительницей судебъ населенія является администрація. Мы уже не говоримъ о томъ, что не было сдѣлано малѣйшей попытки по проведенію въ жизнь оздоровительныхъ мѣропріятій, но ничего почти не дѣлалось для изученія мѣстностей въ санитарномъ отношеніи. Правда, въ 1887 году предписано было мѣстнымъ медицинскимъ организаціямъ доставлять при медицинскихъ отчетахъ краткія свѣдѣнія о санитарномъ состояніи населенныхъ мѣстъ, но при этомъ не было дано ни опредѣленнаго плана, ни программъ, свѣдѣнія доставлялись по разнымъ образцамъ, и сдѣлать на основаніи собранныхъ данныхъ одинъ общій выводъ было совершенно невозможно [2]).

[1]) „Труды совѣщанія врачебныхъ инспекторовъ". Кіевъ. 1901.

[2]) Санитарное состояніе городовъ Россійской Имперіи въ 1895 году. Спб. 1899.

Но, проявивъ полное безсиліе въ дѣлѣ организаціи медицины, бюрократія ставила еще рядъ преградъ земствамъ въ ихъ попеченіи о народномъ здравіи. Недовѣріе къ общественнымъ силамъ было такъ велико, что ни одно начинаніе земства въ области санитаріи не обошлось безъ серьезнаго противодѣйствія со стороны власти. Были серьезныя покушенія на права земствъ, были попытки по возможности ограничить дѣятельность мѣстныхъ органовъ самоуправленія по оздоровленію деревни, были вмѣстѣ съ тѣмъ и мелкія придирки, подчасъ мѣшавшія серьезной работѣ. Но во всякомъ случаѣ въ жизни земскихъ учрежденій врядъ ли найдется такой моментъ, когда они были бы совершенно свободны отъ тягостной опеки свыше. А стоило только задумать какую либо новую мѣру, имѣющую цѣлью охрану здоровья народныхъ массъ, какъ тотчасъ же въ канцеляріяхъ изготовлялся спеціальный циркуляръ съ рѣзкимъ окрикомъ по адресу земствъ не вмѣшиваться въ дѣла общаго управленія.

Земство было прежде всего крайне стѣснено въ изысканіи средствъ на удовлетвореніе мѣстныхъ культурно-экономическихъ нуждъ населенія. Несмотря на то, что крестьянская масса буквально стонетъ подъ налоговымъ бременемъ, въ земскую кассу поступаетъ отъ крестьянъ сравнительно немного. Косвенные налоги, составляющіе основную часть нашего доходнаго бюджета и выплачиваемые, главнымъ образомъ, многомилліоннымъ крестьянствомъ, промысловый налогъ, въ конечномъ

счетѣ уплачиваемый потребителемъ, поземельное обложеніе, болѣе высокое для надѣльныхъ земель, чѣмъ для частновладѣльческихъ,—все это ложится тяжело на бюджетъ разоряющагося крестьянства. Налоговая тягота составляетъ 17% всего бюджета крестьянина и выражается въ среднемъ цифрой 61 руб. 8 к. въ годъ. Между тѣмъ, земскаго сбора крестьянскій дворъ уплачиваетъ въ годъ 1 руб. 33 коп. Изъ этихъ денегъ на оплату *медицинской* помощи приходится 42 коп., что составляетъ 0,11% бюджета крестьянскаго двора, а на оплату собственно лѣчебно-участковой медицины падаетъ въ годъ 28,78 коп. или 0,07% этого бюджета [1]). Ясно, что громадная часть собираемыхъ съ населенія средствъ идетъ на удовлетвореніе обще-государственныхъ потребностей и, такимъ образомъ, отвлекается отъ мѣстныхъ культурно-экономическихъ нуждъ.

Но, если денежныя дѣла земствъ, какъ мы видѣли изъ приведеннаго расчета, не блестящи, то правящіе приложили всѣ старанія къ тому, чтобы еще больше ухудшить финансовое положеніе земствъ. 12 іюня 1900 года былъ изданъ законъ о фиксаціи земскихъ смѣтъ. Согласно этому закону земства имѣютъ право увеличивать обложеніе, а, значитъ, и ассигнованія на различныя отрасли мѣстнаго хозяйства не больше, чѣмъ на 3%. 23 августа 1901 года послѣдовало министерское разъясненіе, что увеличеніе обложенія имущества допускается лишь при фактическомъ измѣненіи его состава, а не при измѣненіи оцѣнки вслѣдствіе измѣненія доходности имущества.

Фиксаціей земскихъ смѣтъ земская медицина была поставлена въ крайне затруднительное положеніе. Правильное развитіе ея стало проблематичнымъ. Опытъ прошлаго показалъ, что возрастаніе смѣтъ на медицину изъ года въ годъ повышалось гораздо больше, чѣмъ на 3%, что это повышеніе объяснялось отчасти вздорожаніемъ жизни, сказавшимся очень рѣзко въ моментъ изданія пресловутаго закона [1]). Но всѣ подобныя соображенія не остановили правящихъ отъ опубликованія закона, а мѣстную администрацію отъ неукоснительнаго его проведенія въ жизнь.

Недовѣріе правительства къ земству, его крайне подозрительное отношеніе къ общественнымъ организаціямъ сказались особенно ярко въ постановкѣ продовольственной помощи голодавшему населенію. Бюрократія во всѣ времена относилась съ достаточной жестокостью къ лицамъ, не имѣвшимъ возможности прокормить себя. Въ 1840 г. медицинскій совѣтъ высказался за примѣшиваніе къ хлѣбу лебеды, вызывающей характерное отравленіе. Въ 1863 году тотъ же совѣтъ одобрилъ примѣсь мха къ хлѣбу [2]). На той же точкѣ зрѣнія продолжали оставаться органы власти и въ послѣдующее время. Такъ, въ 1891 г.

---

[1]) С. М. Богословскій „Земскій медицинскій бюджетъ московской губерніи". Москва. 1908.

[1]) С. Н. Корженевскій. „Земская медицина при фиксаціи земскихъ смѣтъ". Восьмой Пироговскій съѣздъ. Выпускъ шестой. Москва. 1902.

[2]) В. И. Фавръ. О голодномъ хлѣбѣ. Харьковъ. 1899.

управленіе государственныхъ имуществъ въ Перми рекомендовало молоть солому, мѣшать ее съ ржаной мукой и выпекать хлѣба.

Необычайное безпокойство обнаружили и центральное правительство, и представители мѣстной администраціи, едва только и земства, и нѣкоторыя общественныя организаціи, подъ вліяніемъ голода 1891 г., приступили къ организаціи продовольственной помощи населенію. Полезное дѣло встрѣтило цѣлую цѣпь безконечныхъ стѣсненій и репрессивныхъ мѣропріятій.

Нижегородскій губернаторъ г. Барановъ, наиболѣе строгій исполнитель правительственныхъ предначертаній, уже на первомъ же засѣданій продовольственной комиссіи въ 1891 году изложилъ всю программу помощи голодающимъ [1]): „Въ уѣздахъ и городахъ губерніи,—сказалъ образцовый администраторъ, — существуетъ у отдѣльныхъ лицъ и формирующихся негласныхъ кружковъ наклонность собирать въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая пожертвованія и раздавать ихъ нуждающимся самостоятельно. Не говоря уже о томъ, что эта форма благотворительности не подвергается необходимому контролю, надо имѣть въ виду, что она не можетъ достигать своего назначенія. Вслѣдствіе этого предполагается сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы никто въ губерніи безъ спеціальнаго разрѣшенія не имѣлъ права собирать пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая и раздавать полученныя суммы помимо съ этой цѣлью въ губерніи организованныхъ учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ признается необходимость воспретить лицамъ, желающимъ получить продовольственную помощь, обращаться непосредственно въ какія бы то ни было учрежденія, завѣдующія сборомъ и распредѣленіемъ пособій пострадавшимъ отъ неурожая, помимо своего ближайшаго и непосредственнаго начальства".

Это—явный походъ не только противъ благотворительныхъ обществъ, но и противъ земства. Администрація не скрывала своихъ непріязненныхъ отношеній къ общественной самодѣятельности, въ чемъ бы она ни выражалась, опасаясь, что помощь общества можетъ быть лучше организована, чѣмъ правительственная, и что, такимъ образомъ, органамъ власти не миновать недовольства населенія. Когда въ томъ же Нижнемъ - Новгородѣ присяжный повѣренный Садовскій заявилъ губернской земской управѣ отъ имени одного неизвѣстнаго лица о его желаніи взять на прокормленіе одну изъ пострадавшихъ деревень, г. Барановъ заявилъ [1]), что онъ „поручилъ мѣстному земскому начальнику тщательно блюсти, чтобы прокормленіе крестьянъ сказаннаго селенія на средства неизвѣстнаго жертвователя совершилась правильно и, *не отличаясь въ лучшую сторону отъ прокормленія нуждающихся на казенную ссуду*, въ то же время не было и хуже его".

Правительство не измѣняло себѣ

[1]) Г. В. Плехановъ. „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи". Спб. 1906.

[1]) Г. В. Плехановъ. „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи". Спб. 1906.

ни разу до настоящаго времени и продолжало оказывать противодѣйствіе общественнымъ учрежденіямъ, бравшимъ на себя дѣло борьбы съ голодомъ. Такъ, седьмой Пироговскій съѣздъ, собравшись въ 1899 г. въ Казани, въ центрѣ бѣдствія, охватившаго обширный районъ Россіи, принялъ рѣшеніе организовать продовольственную помощь населенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было войти съ особымъ ходатайствомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ объ усиленіи участія земскихъ учрежденій въ борьбѣ съ тяжелыми послѣдствіями неурожая. „Съѣздъ,—говорилось въ мотивированномъ ходатайствѣ,—не можетъ не отмѣтить неудовлетворительности самой постановки борьбы съ существующимъ уже голодомъ и его послѣдствіями и позволяетъ себѣ ходатайствовать о болѣе широкомъ и активномъ участіи въ этомъ дѣлѣ наиболѣе компетентныхъ общественныхъ учрежденій и ихъ медицинскихъ организацій".

На это ходатайство никакого отвѣта не послѣдовало. Но косвеннымъ отвѣтомъ былъ законъ 12 іюня 1900 года объ изъятіи всего продовольственнаго дѣла изъ компетенціи земства и о передачѣ его въ вѣдѣніе губернской администраціи, а также министерскіе циркуляры отъ 17 и 20 августа о стѣсненіи частной инициативы въ дѣлѣ открытія столовыхъ для пострадавшаго населенія [1]).

Не мало мытарствъ пережило само Пироговское общество, рѣшившее организовать лѣчебно-продовольственные отряды для посылки въ мѣста, охваченныя неурожаемъ. Мѣстная администрація чинила всякаго рода препятствія, считая несовмѣстимой съ задачами общества борьбу съ голодомъ. Ходатайства общества либо оставались безъ отвѣта, либо приводили къ категорическому отказу, который получался черезъ охранное отдѣленіе: настолько тѣсная связь усматривалась между кормленіемъ голодныхъ и противоправительственной дѣятельностью.

Правительство дѣлало все отъ него зависящее, чтобы не дать голодающимъ выбиться изъ своего тяжелаго положенія. Долгое время надъ словомъ „голодъ" лежалъ запретъ, а о самыхъ размѣрахъ бѣдствія нельзя было писать правду. Столовыя закрывались, организаторы ихъ подвергались аресту или ссылались. Столовыя, правда, приносятъ пользу, соглашалось въ одномъ циркулярѣ министерство внутренихъ дѣлъ, но за то онѣ сѣютъ смуту и недовольство среди населенія.

Стремленіе изъять дѣло общественнаго здравоохраненія изъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій и передать его въ руки губернской администраціи сказалось также въ правилахъ 11 іюня 1903 года по борьбѣ съ холерой, согласно которымъ въ исполнительныхъ комиссіяхъ, организуемыхъ въ цѣляхъ выработки противоэпидемическихъ мѣропріятій, рѣшающая роль принадлежитъ представителямъ мѣстной власти.

Мы говорили до сихъ поръ объ основныхъ тенденціяхъ, господство-

[1]) К. И. Шидловскій. „Сводка ходатайствъ Пироговскаго общества врачей". Москва. 1904.

вавшихъ среди правящихъ по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ. Эти тенденціи давали знать о себѣ не только въ крупныхъ вопросахъ, но и въ массѣ мелочей, въ цѣломъ рядѣ придирокъ, отъ которыхъ неизбѣжно страдало земское медицинское дѣло. Возьмемъ, напримѣръ, съѣзды земскихъ врачей. И они не миновали ограничительныхъ правилъ. Съ конца семидесятыхъ годовъ предсѣдательство на съѣздахъ поручалось не лицу, выбранному съѣздомъ, а врачебному инспектору. Земства ходатайствовали о томъ, чтобы предсѣдателями съѣздовъ были предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ. Но ходатайства эти оставались безъ удовлетворенія. Только съ 1901 года съѣздамъ предоставлено право избирать предсѣдателя, но избранный подлежитъ утвержденію губернатора [1]).

Съѣзды терпѣли стѣсненія и въ отношеніи программы своихъ работъ. Такъ, въ 1891 году Н. И. Тезяковымъ былъ составленъ докладъ о надзорѣ за пришлыми рабочими двѣнадцатому губернскому съѣзду врачей херсонской губ. Но медицинскій департаментъ исключилъ вопросъ о надзорѣ за рабочими изъ программы, и докладъ не былъ разсмотрѣнъ съѣздомъ [2]).

Огромныя затрудненія испытывали земства при опредѣленіи на службу врачей вслѣдствіе правъ губернаторовъ утверждать земскихъ служащихъ. По ст. 286 положенія о земскихъ учрежденіяхъ губернаторъ обязанъ въ теченіе двухъ недѣль утвердить или отказать земству въ опредѣленіи служащаго. Между тѣмъ, указанный срокъ совершенно игнорировался администраціей. Часто земскіе врачебные участки по долгу пустовали, заколачивались амбулаторіи и больницы только потому, что губернаторъ не утверждалъ представленныхъ кандидатовъ. Ни указанія на оставленіе безъ врачебной помощи цѣлыхъ селеній, ни возникновеніе грозныхъ эпидемій вплоть до холеры включительно,—ничто не въ состояніи было измѣнить непреклонной воли губернаторовъ въ смыслѣ утвержденія неугодныхъ почему-либо кандидатовъ. У губернаторовъ имѣются „черные списки" врачей, не подлежащихъ утвержденію ни на какія общественныя должности, и никакихъ отступленій отъ этихъ списковъ не допускается.

Внимательное отношеніе правящихъ къ интересамъ здравоохраненія ясно видно изъ результатовъ ходатайствъ, возбуждавшихся Пироговскимъ съѣздомъ. За двадцатилѣтіе съ 1883 по 1903 годъ съѣздами заявлено было 88 ходатайствъ предъ правительственными органами. Ходатайства эти имѣли своимъ предметомъ наиболѣе животрепещущіе вопросы общественнаго здравоохраненія и врачебнаго быта. Несмотря на это, около 80% всѣхъ ходатайствъ не имѣли никакого результата, при чемъ большая половина ихъ (58,5%) совсѣмъ оставлена безъ отвѣта, а въ 17% случаевъ отвѣты получились отрицательные [1]). По-

[1]) Б. Веселовскій. „Исторія земства за 40 лѣтъ". Спб. 1909.

[2]) Н. И. Тезяковъ. „Рынки найма". Спб. 1902.

[1]) Сводка ходатайствъ, l. c.

пятнымъ является послѣ этого рѣшеніе IX Пироговскаго съѣзда не возбуждать никакихъ ходатайствъ передъ правительственными органами.

Неудивительно при такихъ условіяхъ, что населеніе жестоко расплачивается огромной заболѣваемостью и смертностью за санитарныя неурядицы, которыя годами остаются во всей своей неприкосновенности. Эпидеміи всякаго рода у насъ не переводятся, при чемъ онѣ принимаютъ какой-то ожесточенный характеръ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ бессарабской губерніи свирѣпствовала эпидемія дифтерита, не щадившая ни дѣтей, ни взрослыхъ. Результатомъ этой эпидеміи было то, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ хотинскаго уѣзда не осталось дѣтей въ возрастѣ первыхъ трехъ лѣтъ, а въ бендерскомъ нѣкоторыя избы совсѣмъ опустѣли за смертью всѣхъ членовъ семьи отъ малаго до стараго [1]).

Что измѣнилось съ тѣхъ поръ? Надъ деревней попрежнему очень часто бѣшенымъ и разрушительнымъ вихремъ проносятся грозныя эпидеміи, попрежнему велико число жертвъ. Возьмемъ такую болѣзнь, какъ оспа, противъ которой давно уже въ нашемъ распоряженіи имѣется такое простое и совершенное средство, какъ предохранительныя прививки. Но мы до сихъ поръ не сумѣли организовать правильно оспопрививанія, хотя этотъ вопросъ неизмѣнно возбуждался на всѣхъ съѣздахъ земскихъ врачей, начиная съ начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Пока тратились время и усилія на безплодные споры о томъ, цѣлесообразно ли принужденіе при организаціи оспопрививанія, оспа ежегодно уносила и уноситъ въ могилу тысячи жизней.

Въ самомъ дѣлѣ, мы располагаемъ сравнительными данными о заболѣваемости оспою въ разныхъ странахъ за 1889 годъ [1]). Оказывается, что въ Россіи на 100.000 жителей умерло отъ оспы:

Въ неземскихъ губерніяхъ	26
„ привислянскихъ „	26
„ остзейскихъ „	13
„ земскихъ „	18
„ Области войска дон.	14

Возьмемъ соотвѣтствующія данныя для другихъ странъ, и мы увидимъ, что въ Англіи смертность отъ оспы на 100.000 жителей составляла 0,1, въ Голландіи—0,2, въ Даніи—0,4, въ Пруссіи—0,2. Разница очевидна, пояснять ее не приходится.

Возьмемъ, далѣе, такія болѣзни, распространеніе которыхъ объясняется исключительно общими условіями жизни народныхъ массъ. Эти болѣзни потому и получили названіе народныхъ или соціальныхъ (sociale Krankheiten). Сколько жертвъ выхватываетъ ежегодно изъ нашей среды туберкулезъ. Въ холерный періодъ въ Москвѣ въ 1892—94 гг. умерло отъ холеры 1.425, отъ чахотки 10.650, въ семь разъ болѣе [2]). Въ Россіи, считая по

1) Отчетъ о состояніи народнаго здравія за 1878 годъ. Спб. 1880.

1) Отчетъ о состояніи народнаго здравія за 1889 годъ. Спб. 1891.

2) А. Ф. Вигура. „Къ вопросу о распространеніи бугорчатки и о нѣкоторыхъ мѣрахъ противъ нея". Труды VIII губернскаго съѣзда земскихъ врачей саратовской губ. Саратовъ. 1904.

минимальному расчету, живетъ около пяти милліоновъ чахоточныхъ и умираетъ ежегодно около полумилліона человѣкъ. И нельзя отмѣтить никакихъ цѣлесообразныхъ мѣръ для ограниченія широкаго распространенія разрушительнаго недуга.

Еще болѣе яркимъ выраженіемъ санитарнаго благополучія, царящаго въ Россіи, служитъ распространеніе сифилиса. Давно уже установленъ фактъ, что сифилисъ является въ Россіи бытовой болѣзнью, что зараженіе происходитъ въ большинствѣ случаевъ внѣполовымъ путемъ. Данныя, позволяющія намъ установить этотъ фактъ, производятъ буквально удручающее впечатлѣніе. Такъ, въ 1887 году въ саратовской губерніи жило 68.000 сифилитиковъ, съ ними жили тѣсной жизнью не менѣе 350.000 лицъ, которыя и находились подъ постоянной опасностью заразиться. Отсюда понятнымъ представляется фактъ огромнаго распространенія сифилиса среди дѣтей. Въ саратовской губерніи въ 1885 году среди сифилитиковъ оказалось 42,3% дѣтей, въ 1886 году—54,7%. Половыя сношенія имѣли ничтожное значеніе въ дѣлѣ распространенія сифилиса [1]. „Мнѣ и моимъ товарищамъ,—заявилъ одинъ врачъ на съѣздѣ земскихъ врачей въ Саратовѣ [2],—пришлось видѣть тысячи сифилитиковъ а между тѣмъ, случаи зараженія черезъ половыя сношенія считаются единицами". Правъ, поэтому, д-ръ Герценштейнъ, когда онъ говоритъ [1], что „размѣры и характеръ господствующихъ формъ сифилиса служатъ однимъ изъ лучшихъ выразителей всего санитарнаго строя нашего отечества".

Поражаетъ также у насъ огромная заболѣваемость дѣтей рахитомъ [2]. Проф. Капустинъ по справедливости предлагаетъ назвать рахитъ не англійской, а русской болѣзнью.

Усиленная заболѣваемость ведетъ къ тому, что Россія и по смертности занимаетъ первое мѣсто среди другихъ европейскихъ странъ. Такъ, въ Россіи смертность въ 1874—83 гг. составляла 35,5 на 1.000, въ 1884—93 гг. она понизилась до 33,5, а къ концу вѣка она составляла 33,1. Между тѣмъ, даже въ антисанитарной Венгріи смертность въ указанные періоды была ниже, соотвѣтственно составляя 34,0, 32,4, 28,0. Мы уже не говоримъ о Германіи, гдѣ смертность съ 26,2 на 1.000 въ 1883 году понизилась къ концу вѣка до 20,6; объ Англіи, гдѣ смертность къ концу вѣка была 17,7, о Норвегіи, гдѣ смертность была 15,2.

Ужасающей оказывается у насъ и дѣтская смертность. До пятилѣтняго возраста въ Швеціи, напримѣръ, изъ 1.000 доживаетъ 755, въ Англіи—737, а въ Россіи всего 572, при чемъ есть мѣстности, какъ, напримѣръ, пермская губернія, гдѣ

[1]) Протоколы засѣданій третьяго съѣзда земскихъ врачей саратовской губ. Саратовъ. 1887.

[2]) Протоколы засѣданій четвертаго съѣзда земскихъ врачей сарат. губ. Саратовъ. 1889.

[1]) Герценштейнъ. „Сифилисъ въ Россіи", т. I. 1885.

[2]) В. А. Левицкій. „Къ вопросу о физическомъ состояніи населенія подольск. уѣзда". Москва. 1901.

М. М. Антокольскій. Несторъ Лѣтописецъ.

(Русскій Музей Имп. Александра III въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

12

смертность дѣтей достигаетъ 60%, а въ рождественской волости пермской губерніи изъ 1.000 родившихся достигаютъ пятилѣтняго возраста только 198 человѣкъ [1]).

Нечего говорить о томъ, какимъ крупнымъ бѣдствіемъ для народа является наблюдающаяся среди него высокая дѣтская смертность. Нельзя утѣшаться нашей высокой рождаемостью, которая покрываетъ собой смертность, и населеніе все же увеличивается. „Не та страна,— говоритъ извѣстный статистикъ Эстерленъ,—находится въ лучшемъ положеніи, гдѣ сильна рождаемость, но гдѣ долѣе живутъ, гдѣ поколѣнія сохраняются продолжительнѣе и медленнѣе смѣняютъ одно другое“.

На это же обстоятельство обратилъ вниманіе и проф. Эрисманъ. Говоря о приростѣ населенія, проф. Эрисманъ замѣчаетъ, что „быстрая смѣна поколѣній, являющаяся прямымъ послѣдствіемъ большой рождаемости и большой же смертности, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться хорошимъ признакомъ ни въ санитарномъ, ни въ экономическомъ отношеніи. Ранняя смерть дѣтей причиняетъ странѣ непоправимый ущербъ, такъ какъ черезъ вымираніе дѣтей и черезъ быструю смѣну поколѣній безвозвратно теряется весь запасъ труда, заботъ и матеріальныхъ средствъ, которые общество приложило къ своимъ рано погибшимъ членамъ“.

Неподвижность въ области улучшенія бытовыхъ условій жизни населенія, проведеніи въ жизнь оздоровительныхъ мѣропріятій прямо поразительна. Возьмемъ, напримѣръ, московскую губернію съ ея образцовой санитарной организаціей.

Еще въ 1875—79 годахъ появились нѣсколько работъ, рисовавшихъ крайне печальное санитарное состояніе населенія въ обслѣдованныхъ районахъ московской губерніи [1]). Е. А. Осиповъ, заканчивая свою работу по московскому уѣзду, говоритъ, что „въ результатѣ изслѣдованія между прочимъ стало извѣстно, что а) общая смертность въ московскомъ уѣздѣ чрезвычайно, сверхъестественно высока, б) точно также высока и отдѣльно взятая дѣтская смертность, что в) средняя продолжительность жизни очень ограничена и что г) приростъ населенія вообще слабъ со склонностью уступить мѣсто убыли“. Къ такимъ же грустнымъ выводамъ пришли и другіе изслѣдователи.

Прошло послѣ этого около двадцати лѣтъ, и въ 1901 году снова была констатирована ужасающая смертность по московскому уѣзду (42 на 1.000), значительно превосходящая общую смертность по всей Россіи. Но кромѣ того въ 11 уѣздахъ московской губерніи оказалось 19 особенно неблагополучныхъ въ санитарномъ отношеніи мѣстъ [2]).

---

[1]) „О состояніи народнаго здравія въ Россіи и о мѣрахъ къ поднятію его“. Докладъ совѣта медиц. общества при императорскомъ новорос. университ. Одесса. 1905.

[1]) И. В. Поповъ. „Санитарное состояніе московской губерніи“. Труды четырнадц. съѣзда земскихъ врачей моск. губ. Москва. 1905.

[2]) А. И. Скибневскій. „Санитарное состояніе уѣздовъ московской губерніи и особо неблагополучные въ нихъ районы“. Труды четырн. съѣзда. Москва. 1905.

Невольно наши взоры обращаются на Западъ, гдѣ санитарная дѣятельность на протяженіи тридцати лѣтъ конца прошлаго вѣка сдѣлала блестящіе успѣхи. Возьмемъ Германію и мы увидимъ, что тамъ смертность съ каждымъ годомъ все падаетъ, что острыя инфекціонныя болѣзни, отъ которыхъ мы непомѣрно страдаемъ, тамъ все меньше и меньше проявляютъ съ каждымъ годомъ свою разрушительную силу [1]).

Еще болѣе рельефными оказываются успѣхи санитаріи въ Бельгіи. Съ 1871 года начинается здѣсь дѣятельность санитарнаго бюро, и съ этого времени же быстрыми шагами впередъ идетъ оздоровленіе населенія. Въ 1873 году смертность въ Брюсселѣ составляла 30,3 на 1.000, въ 1896 году она понизилась до 18,7 на 1.000, въ настоящее время она составляетъ 13 на 1.000. Смертность отъ заразныхъ болѣзней въ 1883 году составляла 7,7 на 1.000, въ 1895 году она была не болѣе 2,5 на 1.000.

Оздоровительныя мѣропріятія, какъ видимъ, всегда достигаютъ цѣли. И несмотря на столь поучительные уроки Запада, у насъ рѣшительно ничего не сдѣлано для улучшенія санитарнаго состоянія населенія. Блестящія завоеванія санитаріи, которыми ознаменовались послѣднія два-три десятилѣтія, пропали даромъ для насъ. Мы ихъ не использовали и несемъ на алтарь смертности колоссальныя жертвы, приближающія насъ къ первобытнымъ народамъ, которыхъ не коснулась культура.

Городская медицина.

Исторія городской медицины даетъ намъ яркій примѣръ полной несостоятельности идеи передачи попеченія о нуждахъ массы населенія въ руки однихъ лишь господствующихъ классовъ. Если при организаціи земской медицины классовыя противорѣчія отчасти затушевывались филантропическими замашками дворянъ-помѣщиковъ, если въ земствѣ всегда громко звучалъ голосъ врачей, толкавшихъ земскія учрежденія на всякаго рода мѣропріятія, то въ городѣ дѣйствовали ничѣмъ не прикрашенныя грубыя узко-эгоистическія стремленія по возможности меньше дать массѣ городского населенія, возложивъ на нее наибольшую сумму тяготъ. Оздоровленіе городовъ стояло всегда у нашихъ муниципаловъ на заднемъ планѣ, и за нѣсколько десятковъ лѣтъ, прошедшихъ со времени введенія городского самоуправленія, не сдѣлано рѣшительно ничего для поднятія силъ населенія, увеличенія его стойкости въ борьбѣ съ разрушительными эпидеміями.

Неспособность нашихъ муниципалитетовъ рѣшать основные вопросы общественнаго здравоохраненія сознавалась давно даже въ правительственныхъ кругахъ. Чуть ли не съ первыхъ дней существованія го-

---

[1]) П. И. Куркинъ.—Нѣсколько фактовъ изъ области иностранной демографіи. Ibidem.

родского самоуправленія правительственные органы искали объясненія того обстоятельства, почему городская медицина не получила сколько-нибудь удовлетворительнаго развитія, почему въ области санитаріи въ городахъ царитъ буквально мерзость запустѣнія. Представители администраціи неоднократно жаловались на безразличное отношеніе городовъ къ вопросамъ гигіены. Такъ, по вопросу объ улучшеніи скотобойнаго дѣла въ Россіи орловскій губернаторъ писалъ: „ожидать скораго почина въ этомъ дѣлѣ отъ самихъ городскихъ управленій губерніи едва ли возможно въ виду ихъ крайняго индиферентизма". Пензенскій губернаторъ объясняетъ неустройство скотобоенъ „безучастнымъ отношеніемъ городскихъ общественныхъ управленій къ санитарнымъ условіямъ городовъ". Екатеринославскій губернаторъ находилъ, что „большинство общественныхъ дѣятелей не достигло такой степени развитія, чтобы понимать всю безобразную сторону этого дѣла" [1]).

Не мало достается нашимъ городскимъ управленіямъ отъ центральныхъ правительственныхъ органовъ. „Причины санитарной отсталости нашихъ городовъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ отчетовъ управленія главнаго медицинскаго инспектора [2]),—кроется въ малой культурности, въ отсутствіи въ обществѣ и, главнымъ образомъ, въ той средѣ, изъ которой происходитъ большинство городскихъ дѣятелей сознанія пользы и необходимости санитарныхъ мѣропріятій, а равно и громаднаго ихъ экономическаго значенія. При приближеніи холеры расходуются огромныя деньги на экстренныя мѣры. Но всѣ эти брошенныя зря суммы представляются непроизводительными тратами въ смыслѣ достиженія общихъ улучшеній".

Въ поискахъ за причинами санитарныхъ неурядицъ нашихъ городовъ бюрократія нашла еще другое довольно своеобразное объясненіе. Земская медицина потому-де выше городской, что въ деревнѣ ничѣмъ не сказывалась дѣятельность приказовъ общественнаго призрѣнія. Деревня не знала никакой медицины, приходилось все создавать сызнова. Между тѣмъ, въ городѣ оставались дурные примѣры приказовъ, которые и отразились на всемъ строѣ врачебнаго дѣла въ городахъ.

Объясненіе это настолько мало удовлетворительно, что съ нимъ врядъ ли можно серьезно считаться. Правда, готовые образцы, существовавшіе въ городѣ въ моментъ введенія городскихъ управленій, не могли сыграть ободряющей роли. Но за то больницы, принятыя отъ приказовъ, служили живымъ примѣромъ того, какъ не должно создавать лѣчебныхъ заведеній. Почему городскія управленія пошли по стопамъ приказовъ, остается малопонятнымъ послѣ приведеннаго объясненія.

Бюрократія имѣла основаніе скрывать настоящую причину санитар-

1) „Современное состояніе скотобойнаго дѣла въ Россіи". Изданіе бывшаго хозяйственнаго департамента. Цит. по работѣ П. А. Граціанова въ трудахъ IX Пирог. съѣзда.

2) Отчетъ о состояніи народнаго здравія за 1904 годъ. Спб. 1906.

наго неблагоустройства нашихъ городовъ и ссылками на малую культурность и отсталость общества вообще затушевать истину. Между тѣмъ дѣло обстоитъ до нельзя просто. Безучастное отношеніе со стороны общественныхъ управленій къ интересамъ города объясняется составомъ городскихъ избирателей, которые вербуются изъ городскихъ лавочниковъ и домовладѣльцевъ, весьма сильно заинтересованныхъ въ томъ, чтобы санитарныя предписанія не приводились въ исполненіе. Торжествующимъ хозяевамъ прежде всего важно не тратить слишкомъ много на санитарныя сооруженія, чтобы не брать на себя большой обузы. Имъ важно затѣмъ, чтобы санитарныя постановленія оставались мертвой буквой. Въ противномъ случаѣ они будутъ жестоко бить по карману тѣхъ же домовладѣльцевъ.

Вотъ, въ чемъ кроется настоящая причина несостоятельности городской медицины. Наши муниципалитеты никогда широко не ставили вопросовъ санитаріи. Они взбудораживались только при возникновеніи эпидеміи. Но, едва только миновала опасность, они по прежнему погружались въ свое обычное малодѣятельное состояніе. „Къ чему тратиться на вывозъ нечистотъ, когда ихъ можно спустить въ ближайшій оврагъ, ручей или рѣку, а еще лучше въ бездонную яму подъ названіемъ всасывающаго колодца? Къ чему расходовать городскія средства на устройство образцовыхъ столовъ на рыбномъ рынкѣ, когда рыботорговцы и безъ того платятъ достаточно за тѣ полусгнившіе рундуки, которые предоставляетъ имъ городъ? Зачѣмъ сносить запруду съ протекающей въ центрѣ города рѣки, когда стоящая здѣсь мельница приноситъ доходъ? Что изъ того, что въ стоячей предъ запрудой водѣ накопляются всякія нечистоты, что ежегодный разливъ весной затопляетъ окружающіе дома? Городской кассѣ вреда это не приноситъ и расхода не проситъ“.

Изъ этихъ экономическихъ соображеній и исходили городскіе дѣятели, когда они оставались совершенно равнодушными къ вопросамъ санитаріи. Вся ихъ забота заключалась только въ томъ, чтобы возможно ниже оцѣнить недвижимыя имущества, чтобы возможно меньше платить въ городскую кассу. И этой ближайшей своей цѣли городскія управленія легко добивались. Вѣдь оцѣнены же всѣ дома города Самары въ два милліона рублей, когда настоящая ихъ стоимость приблизительно въ десять разъ больше. Потому мы и видимъ, что такіе цвѣтущіе города, какъ Астрахань, Царицынъ, Саратовъ, прямо ужасны по своему антисанитарному состоянію.

Городскія управленія всю свою ловкость направляли на составленіе смѣтъ. Мы уже видѣли, что земства постепенно увеличивали свои траты на медицину и довели ихъ до $^1/_4$ и даже до $^1/_3$ своего бюджета. Города, напротивъ, норовили возможно меньше расходовать на медицину, возлагая траты по здравоохраненію, гдѣ можно, на земства, а, гдѣ нельзя, на массу населенія.

Отсюда и вытекаетъ слѣдующій

фактъ. 41 земскій городъ затрачиваетъ изъ своего бюджета 4,8% на медицину, а 17 неземскихъ 5,8%. Въ числѣ городовъ, не затрачивающихъ на это ни копейки, значится городъ Орелъ. „Изъ городскихъ суммъ на народное здравіе, по смѣтамъ города, никакихъ суммъ не назначается: въ городѣ имѣется губернская земская больница",—наивно говоритъ орловская городская управа. Имѣющіяся во многихъ земскихъ городахъ больницы содержатся на счетъ губернскаго земства безъ участія со стороны города [1]).

Характерна та эволюція, которую прошли города въ дѣлѣ составленія смѣтъ. Если распредѣлить города по ассигновкамъ на медицину и санитарію (по смѣтамъ 1899 года), то окажется, что изъ 50 городовъ провинціальныхъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, 16 городовъ тратили на этотъ предметъ не болѣе 10 к. на наличную душу городского населенія [2]), 19 тратили отъ 10 до 50 к., шесть городовъ тратили отъ 50 к. до одного рубля и болѣе одного рубля тратили всего десять городовъ. Насколько ничтожными представляются такія траты, видно изъ того, что Петербургъ, по росписи 1899 года, тратилъ 2 руб. 33 к. на душу населенія. А между тѣмъ, кто же станетъ утверждать, что постановка врачебно-санитарнаго дѣла въ Петербургѣ хоть сколько-нибудь удовлетворительна.

[1]) Труды IX Пироговскаго съѣзда. Томъ четвертый. Спб. 1905.

[2]) Г. И. Шрейдеръ. „Наше городское общественное управленіе". Томъ I. Спб. 1902.

Сопоставляя теперь цифры смертности въ городахъ и расходы на медицину, мы видимъ, что больше всего тратятъ тѣ города, гдѣ смертность выше. „Городское управленіе, — говоритъ г. Шрейдеръ [1]), — идетъ не навстрѣчу смертности, а въ хвостѣ ея. Пока смертность не велика, пока она не выходитъ, по крайней мѣрѣ, изъ обычнаго привычнаго уровня, городское управленіе болѣе или менѣе равнодушно къ интересамъ народнаго здравія, и ему большей частью даже въ голову не придетъ позаботиться о принятіи предупредительныхъ мѣръ противъ возможнаго увеличенія смертности. И только тогда, когда, благодаря такой инертности и непредусмотрительности, смертность начинаетъ замѣтно усиливаться, когда смерть начинаетъ стучаться въ двери самихъ муниципаловъ, городское управленіе усиливаетъ ассигновки на санитарно-медицинское дѣло".

При такомъ отношеніи муниципалитетовъ къ удовлетворенію одной изъ насущнѣйшихъ нуждъ населенія не могло быть, конечно, и рѣчи о правильной постановкѣ городской медицины. И дѣйствительно, съ того времени, какъ городскія управленія взяли въ свои руки попеченіе о народномъ здравіи, шло непрестанно и въ печати, и среди врачебныхъ организацій, и въ обществѣ обсужденіе однихъ и тѣхъ же вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, однако, отъ этого впередъ не подвигалось. Даже въ городахъ, гдѣ имѣются больницы и амбулаторіи, не теряетъ жгучести вопросъ о переполненіи лѣчебныхъ

[1]) Ibidem.

заведеній, о непосильномъ обремененіи работой врачебнаго персонала и т. д., и т. д.

Въ земствѣ, какъ мы видѣли, врачи сыграли значительную роль въ дѣлѣ организаціи медицины. Они сумѣли отстоять для себя голосъ при рѣшеніи вопросовъ общественной санитаріи. Города совершенно игнорировали мнѣнія врачей. „О приглашеніи въ думскія засѣданія врачей,—говоритъ одинъ изъ городскихъ дѣятелей,—крайне рѣдко слышно. На нихъ привыкли смотрѣть, какъ на наемниковъ, не имѣющихъ права голоса,—мнѣніе любого гласнаго, подчасъ даже въ спеціальныхъ вопросахъ, ставится выше мнѣнія врача".

И вопросъ о постановкѣ городской медицины поневолѣ былъ перенесенъ на обсужденіе широкихъ общественныхъ организацій, какими являются Пироговскіе съѣзды. Уже на второмъ съѣздѣ въ 1887 году былъ заслушанъ докладъ о неудовлетворительности врачебной помощи въ городахъ. На четвертомъ съѣздѣ въ 1891 году снова былъ поднятъ этотъ больной вопросъ, и его рѣшено было сдѣлать программнымъ для слѣдующаго съѣзда. На этомъ послѣднемъ въ 1893 году д-ръ Д. Н. Жбанковъ представилъ картину организаціи медицины въ 30 губернскихъ и 322 уѣздныхъ городахъ земской Россіи. Выводы, къ которымъ пришелъ докладчикъ, были далеко не утѣшительны. Они сводились къ тому, что „громадное большинство губернскихъ и уѣздныхъ городовъ земской Россіи ничего не дѣлаютъ или ассигнуютъ ничтожныя суммы для организаціи постоянной коечной и амбулаторной врачебной помощи для городского населенія, что незначительно также участіе городовъ въ организаціи санитарной части и временной врачебной помощи населенію при эпидеміяхъ, что особенно рѣзко выяснилось повсюду въ холерную эпидемію 1892—93 гг." [1]).

Послѣ этого доклада съѣздъ постановилъ выработать опредѣленную программу для собиранія свѣдѣній о постановкѣ врачебно-санитарнаго дѣла въ городахъ. Такая программа была разработана въ мартѣ 1898 года и разослана въ городскія общественныя управленія. Всего разослано было 526 обращеній съ просьбой доставить необходимыя свѣдѣнія. Но правленію пришлось пережить немало мытарствъ, прежде чѣмъ получилась часть отвѣтовъ. Нужно было нѣсколько разъ повторить просьбу для того, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ въ распоряженіи правленія оказались отвѣты отъ 258 городскихъ управленій. Не удалось получить отвѣта, несмотря на настойчивыя просьбы даже изъ Петербурга.

Собранныя данныя были разработаны д-ромъ Чертовымъ, и картина состоянія городской медицины получилась весьма печальная. Можно смѣло сказать на основаніи анкетныхъ матеріаловъ, что городской медицины, какъ опредѣленной организаціи, въ Россіи не существовало. Разрозненныя попытки отдѣльныхъ городовъ создать у себя врачебную помощь для населенія или

[1]) А. А. Чертовъ. „Городская медицина въ Европ. Россіи". Москва. 1903.

же провести въ жизнь какія-либо санитарныя мѣропріятія нисколько не нарушаютъ цѣльности, въ общемъ, безотрадной картины.

Выводы, къ которымъ пришелъ д-ръ Чертовъ[1]), сводятся къ слѣдующимъ. „Обезпеченіе городского населенія больничной помощью со стороны городскихъ общественныхъ управленій должно быть признано крайне недостаточнымъ. Только 32 города (или 12,4% общаго ихъ числа) располагаютъ собственными городскими больницами, причемъ въ пяти изъ нихъ имѣются больницы исключительно спеціальнаго назначенія. Помимо этого наличное число коекъ обыкновенно далеко не соотвѣтствуетъ численности городского населенія, что вызываетъ, съ одной стороны, значительное переполненіе больницъ, неблагопріятно отражающееся на всемъ строѣ больничнаго дѣла, и съ другой—немалое число отказовъ въ пріемѣ за недостаткомъ свободныхъ мѣстъ... Самостоятельныя амбулаторіи имѣются въ 36 городахъ, изъ числа которыхъ въ 27—только однѣ амбулаторіи безъ больницъ. Безплатная помощь на дому болѣе или менѣе организована въ 22 городахъ. Въ конечномъ итогѣ оказывается, что 68 городовъ (26,2%) доставляютъ населенію въ той или другой формѣ врачебную помощь на городскія средства, въ остальныхъ же городахъ, т.-е. почти въ $^3/_4$ общаго ихъ количества, такого рода помощь совершенно отсутствуетъ. Совершенно неорганизованной и случайной является врачебная помощь, получаемая городскимъ населеніемъ отъ правительственныхъ городовыхъ врачей, что вполнѣ объясняется какъ лежащими на нихъ медико-полицейскими обязанностями, такъ и ничтожностью получаемаго ими содержанія“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что бѣднѣйшіе слои населенія огромнаго большинства русскихъ городовъ являются въ достаточной мѣрѣ обездоленными въ смыслѣ обезпеченія врачебной помощью. Не лучше обстояло дѣло въ области предупрежденія болѣзней, борьбы съ эпидеміями и созданія необходимыхъ санитарныхъ сооруженій въ цѣляхъ общественнаго здравоохраненія.

Въ одномъ изъ официальныхъ отчетовъ о состояніи народнаго здравія въ Россіи исторія мѣропріятій по предупрежденію болѣзней дѣлится на три большихъ періода въ зависимости отъ характера принимаемыхъ мѣръ для борьбы съ наиболѣе губительными эпидемическими болѣзнями[1]). Первый періодъ—принятіе мѣръ во время развитія эпидеміи. Всѣ народы прошли этотъ путь и горькимъ опытомъ убѣждались, что экстренныя мѣры, нарушая бытовые и экономическіе интересы и требуя громадной затраты какъ матеріальныхъ, такъ и нравстенныхъ и умственныхъ силъ не устраняютъ и даже не уменьшаютъ вреда, причиняемаго здоровью разрушительной заразой.

Второй періодъ, когда борьба съ

[1]) А. А. Чертовъ. „Къ вопросу о положеніи врачебно-санитарнаго дѣла въ русскихъ городахъ“. Труды VIII Пирог. съѣзда. Выпускъ второй. Москва. 1901.

[1]) „Санитарное состояніе городовъ Россійской Имперіи въ 1895 году“. Спб. 1899.

эпидеміями начинается при первыхъ случаяхъ появленія болѣзни. Принимаются мѣры для изоляціи больныхъ, для устраненія источниковъ заразы. Но и этого мало. Эпидеміи и при такихъ раціональныхъ способахъ борьбы хорошо дѣлаютъ свое злое дѣло разрушенія.

И поневолѣ приходится искать для борьбы съ заразой новыхъ путей, составляющихъ въ совокупности наиболѣе благодатный третій періодъ, когда всѣ заботы направлены на устраненіе возможности самихъ заболѣваній. Обезпеченіе чистоты почвы, воды, жилищъ, улучшеніе питанія массъ и условій ихъ труда,—вотъ тѣ мѣры, которыя пускаются въ ходъ внѣ эпидеміи для того, чтобы не допустить ея возникновенія. На такой именно путь вступила Англія и успѣла понизить до минимума заболѣваемость и смертность отъ заразныхъ болѣзней.

Авторъ офиціальнаго отчета, описавъ три періода борьбы съ эпидеміями, скромно заявляетъ, что мы находимся на пути къ третьему періоду. На самомъ же дѣлѣ, если мы подойдемъ съ даннымъ критеріемъ къ нашимъ городамъ, мы легко убѣдимся въ томъ, что нами не вполнѣ еще продѣлана первая фаза. Что городскія управленія всегда опаздываютъ со своими противоэпидемическими мѣропріятіями, что они являются тогда, когда пожаръ успѣлъ со всѣхъ сторонъ охватить зданіе,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но и во время развитія эпидеміи наши муниципалы обнаруживаютъ растерянность, неумѣніе взяться за дѣло. Больницы сплошь и рядомъ переполнены или ихъ совсѣмъ нѣтъ, больныхъ класть некуда, о сколько-нибудь совершенной изоляціи не можетъ быть и рѣчи, дезинфекція производится слишкомъ небрежно для того, чтобы можно было съ ней серьезно считаться.

Начиная съ конца семидесятыхъ годовъ въ офиціальныхъ отчетахъ о состояніи народнаго здравія слышатся горькія жалобы на санитарное благоустройство нашихъ городовъ. Въ отчетѣ медицинскаго департамента за 1877 годъ мы находимъ слѣдующую характеристику санитарнаго дѣла во многихъ городахъ [1]. „Навозъ на базарахъ и площадяхъ образуетъ цѣлыя кучи, никогда не убираемыя, какъ слѣдуетъ. Грязь на улицахъ бываетъ буквально по колѣна лошадямъ, такъ что онѣ вязнутъ и не въ состояніи вытащить легкаго экипажа. Отхожія мѣста представляютъ собой ни что иное, какъ обыкновенныя ямы. При переполненіи онѣ просто засыпаютъ землей, а рядомъ открываются новыя ямы для нечистотъ“. Нѣтъ никакой возможности заставить горожанъ произвести очистку почвы. Единственная мѣра противъ строптивыхъ домовладѣльцевъ — составленіе актовъ и передача ихъ мировымъ судьямъ—оказывается недѣйствительной. Въ нѣкоторыхъ городахъ учреждены санитарныя комиссіи, наблюдающія за состояніемъ городовъ. Но эти учрежденія совершенно безсильны противъ косности городскихъ управленій, пренебрегающихъ интересами здоровья городского населенія.

[1]) Отчетъ мед. департ. за 1877 годъ. Спб. 1878.

Проходитъ послѣ этого пять лѣтъ, и въ отчетѣ департамента за 1882 годъ снова раздаются тѣ же жалобы [1]). Санитарный надзоръ въ городахъ оказывается фикціей. Рѣки загрязняются сточными водами съ фабрикъ и заводовъ, отхожихъ мѣстъ нѣтъ, воздухъ насыщенъ вредными міазмами. Торгово-промышленныя заведенія находятся въ центрѣ городовъ и содержатся крайне неудовлетворительно. Частныя жилища служатъ нерѣдко источниками распространенія заразы. Торговля недоброкачественными товарами—распространенное явленіе. Комитеты общественнаго здравія даютъ только совѣты, а мировыя судьи налагаютъ слишкомъ малыя наказанія. Обязательныя санитарныя постановленія не исполняются. „Дѣятельность командируемыхъ для санитарнаго надзора правительственныхъ врачей ограничивалась лишь составленіемъ акта о найденномъ и предложеніемъ владѣльцу устранить обнаруженные безпорядки и недостатки".

Характерно отношеніе городскихъ управленій и правительства къ оздоровленію городовъ. Въ отчетѣ за 1881 годъ медицинскій департаментъ указываетъ на тюрьмы, какъ на разсадницы всякаго рода эпидемій.

Въ отчетномъ году было во всей Россіи 767 мѣстъ заключенія, расчитанныхъ на 76.090 человѣкъ. Содержалось въ нихъ 94.797 человѣкъ, при чемъ самыя зданія тюремъ возведены въ нездоровыхъ мѣстахъ, построены съ нарушеніемъ основъ санитарной техники. Не мудрено, если въ тюрмахъ процвѣталъ тифъ, если цынга свила себѣ тамъ прочное гнѣздо [1]).

Съ того времени какъ впервые былъ отмѣченъ этотъ печальный фактъ, въ отчетахъ о состояніи народнаго здравія не разъ повторялись тѣ же жалобы. И все же скученность въ тюрьмахъ нисколько не уменьшалась, условія жизни арестантовъ не измѣнялись къ лучшему. Тифъ не одинъ разъ бралъ начало изъ мѣстъ заключенія, а цынга стала какъ бы неизбѣжнымъ наказаніемъ арестантовъ за содѣянныя ими преступленія.

Санитарныя неурядицы городовъ, ростъ эпидемическихъ заболѣваній въ нихъ, усиленная смертность не могли не обратить на себя вниманія мѣстной администраціи. Но послѣдняя при рѣшеніи вопросовъ здравоохраненія не оставляла своей обычной специфической точки зрѣнія. Обыватель не долженъ имѣть представленія объ истинномъ положеніи вещей, а паче всего ему въ голову не должно притти, что усиленная заболѣваемость имѣетъ какое-либо отношеніе къ общимъ условіямъ жизни. Такъ, въ сентябрѣ 1881 года рѣшено было приступить къ осуществленію системы усиленнаго санитарнаго надзора въ Петербургѣ. Санитарная комиссія, созданная для этой цѣли, уже на первыхъ порахъ своей дѣятельности столкнулась съ цѣлымъ рядомъ недопустимыхъ фактовъ. Она обратила вниманіе на

[1]) Отчетъ мед. департ. за 1882 годъ. Спб. 1883.

[1]) Отчетъ мед. департ. за 1881 годъ. Спб. 1882

крайнюю скученность и грязь въ жилищахъ, на неудовлетворительное питаніе массъ, на тяжкія условія труда. Но 23 сентября того же года дальнѣйшей дѣятельности комиссіи былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Въ этотъ день состоялось засѣданіе главныхъ докторовъ больницъ и нѣкоторыхъ санитарныхъ дѣятелей подъ предсѣдательствомъ петербурскаго оберъ - полицмейстера. Почтенное собраніе рѣшило [1]), что „случаи сыпного тифа не находятся въ непосредственной зависимости отъ дурныхъ условій жилья, а обусловливаются передачей заразы больными, ихъ платьемъ и бѣльемъ".

Время нисколько не способствовало улучшенію санитарнаго состоянія городовъ. Въ 1886 году медицинскій департаментъ вынужденъ былъ сознаться, что положеніе санитаріи во многихъ городахъ даже ухудшилось. Такъ называемые санитарные комитеты внѣшнимъ образомъ проявляли суетливую дѣятельность. Они обсуждали санитарныя мѣропріятія, издавали обязательныя санитарныя постановленія, призывали на помощь себѣ санитарныхъ попечителей и надзирателей, осматривали дома и усадьбы, напоминали домовладѣльцамъ о необходимости устранить неисправности и даже назначали сроки для приведенія въ порядокъ антисанитарныхъ усадебъ, привлекали къ отвѣтственности виновныхъ, наблюдали за базарами и рынками. Въ итогѣ—нуль. Здоровье массъ отъ этой горячки ничего не выигрывало.

[1]) Отчетъ за 1881 годъ. Спб. 1882.

Планомѣрной работы по оздоровленію населенныхъ пунктовъ все же не было [1]).

Не было лишь недостатка во внѣшнемъ усердіи. Въ 1889 году въ разныхъ городахъ учреждены были администраціей комиссіи для выясненія причинъ эпидемій и мѣръ борьбы съ ними. Такія комиссіи призваны были по распоряженію генералъ-губернатора въ Москвѣ для выясненія причинъ сибирской язвы, въ г. Калишѣ, гдѣ губернаторъ поставилъ комиссіи вопросъ о причинахъ вспыхнувшей эпидеміи брюшного тифа, въ Курскѣ и другихъ городахъ. Но надъ этими комиссіями былъ произнесенъ рѣзкій обвинительный приговоръ самимъ медицинскимъ департаментомъ. „Все попеченіе о санитарномъ благополучіи, — читаемъ мы въ отчетѣ за 1889 годъ [2]),—основывалось только на благихъ пожеланіяхъ и приглашеніи членовъ общества къ участію въ дѣлахъ комиссіи. Санитарный надзоръ дѣйствовалъ слабо или вовсе бездѣйствовалъ".

Неудивительно, если санитарное состояніе городовъ нисколько не улучшается. Въ 1887 году медицинскимъ департаментомъ предписано было мѣстнымъ медицинскимъ органамъ доставлять краткія свѣдѣнія о санитарномъ состояніи населенныхъ мѣстъ. Хотя при этомъ не дано было никакой программы, и свѣдѣнія доставлялись по разнымъ образцамъ, все же въ распоряженіи департамента оказался довольно обширный матеріалъ, по

[1]) Отчетъ за 1886 годъ. Спб. 1888.
[2]) Отчетъ за 1889 годъ. Спб. 1891.

которому можно составить себѣ извѣстное представленіе о нашемъ санитарномъ благополучіи. Въ 1892 и 1895 гг. были изданы медицинскимъ департаментомъ объемистые труды о санитарномъ состояніи городовъ. Изъ этихъ отчетовъ мы заимствуемъ нѣсколько фактовъ, достачно ярко характеризующихъ дѣятельность нашихъ муниципалитетовъ по оздоровленію ввѣренныхъ ихъ попеченію мѣстностей.

Въ Сарапулѣ имѣющіяся въ городѣ болота гніютъ и не осушаются. Въ екатеринославской губерніи санитарное состояніе городовъ ухудшается изъ года въ годъ. Въ Архангельскѣ пользуются первобытнымъ способомъ удаленія нечистотъ. Онѣ вывозятся въ недостаточно осмоленныхъ бочкахъ, разливаются по дорогѣ и сваливаются въ рѣки. Бойни распространяютъ зловоніе по главнымъ улицамъ. Въ Воронежѣ нечистоты изъ выгребныхъ ямъ спускаются прямо въ Донъ и его притоки. Въ Петербургѣ вывозъ нечистотъ производится въ открытыхъ ящикахъ. Въ Самарѣ въ большинствѣ домовъ устроены „мертвые колодцы" глубиной въ 5—10 саженъ, куда въ теченіе многихъ лѣтъ сваливаются всѣ нечистоты. На окраинѣ города находится большой оврагъ, служащій мѣстомъ для свалки нечистотъ и распростаняющій зловоніе по всѣмъ улицамъ. Въ Харьковѣ нечистоты вывозятся бочками за городъ и разливаются по обширнымъ и глубокимъ рвамъ, которые остаются долго незасыпанными и распространяютъ зловоніе на далекое пространство.

Мы могли бы продолжить эти выписки, взятыя нами изъ разныхъ мѣстъ официальнаго отчета. Но и приведенныхъ данныхъ достаточно для освѣщенія санитарныхъ порядковъ нашихъ городовъ. Эти порядки даютъ себя чувствовать въ постоянномъ ростѣ числа вымирающихъ городовъ, т.-е. городовъ, гдѣ смертность выше рождаемости. Такъ, въ 1889 году превышеніе числа умершихъ надъ числомъ родившихся наблюдалось въ 116 городахъ изъ 721. Въ первый разъ, начиная съ 1886 года, это явленіе наблюдалось въ 62 городахъ, во второй разъ—въ 24, въ третій разъ—въ 20 и въ четвертый разъ—10[1]).

Естественная убыль населенія представляется для очень многихъ нашихъ городовъ обычнымъ явленіемъ. Поволжскіе города служатъ очагами различнаго рода заразныхъ болѣзней. Только въ пяти городахъ изъ общаго числа 74 а десятилѣтіе 1887—1896 гг. ни разу не было ненормальнаго перевѣса умершихъ надъ родившимися. Въ 8 городахъ—въ томъ числѣ въ Казани, Самарѣ, Саратовѣ и Симбирскѣ—пять лѣтъ изъ десяти обнаруживалась естественная убыль населенія.

И несмотря на столь печальные факты, городскія управленія рѣшительно ничего не сдѣлали для оздоровленія населенія. Въ докладѣ д-ра Чертова, прочитанномъ въ 1902 году на восьмомъ Пироговскомъ съѣздѣ, мы читаемъ[2]): „Наиболѣе раціональный способъ удаленія нечистотъ, а именно канализація, въ болѣе или

[1]) Отчетъ мед. департ. за 1889 годъ. Спб. 1891.

[2]) Восьмой Пирог. съѣздъ. Выпускъ второй, l. с.

менѣе законченномъ видѣ существуетъ только въ восьми городахъ. Огромное большинство городовъ не имѣетъ никакой постоянно дѣйствующей санитарной организаціи. Только при сильномъ развитіи эпидемическихъ заболѣваній или при появленіи слуховъ о надвигающейся бѣдѣ начинается спѣшная работа въ видѣ усиленныхъ осмотровъ, чистки дворовъ и жилищъ, изданія обязательныхъ постановленій, увеличенія медицинскаго персонала и т. д. По миновании опасности все приходитъ въ прежній видъ".

Города попрежнему утопаютъ въ грязи, попрежнему даютъ колоссальный неизвѣстный на Западѣ процентъ смертности. Бѣднѣйшіе слои населенія живутъ при такихъ условіяхъ, что они становятся центрами заразы, а муниципалитетамъ и въ голову не приходитъ принять какія-либо мѣры для улучшенія безотрадной участи массъ. Возьмемъ хотя бы жилищную обстановку трудящагося люда въ столицахъ — Петербургѣ и Москвѣ — и посмотримъ, что сдѣлано въ этихъ богатыхъ городахъ муниципалитетами въ цѣляхъ оздоровленія жилыхъ помѣщеній.

Въ Москвѣ въ 1899 году въ коечно-каморочныхъ квартирахъ зарегистровано 174.622 жителя, т.-е. населеніе четырехъ среднихъ губернскихъ городовъ. Въ какихъ условіяхъ живетъ вся эта масса людей нетрудно себѣ представить. Дорисовываетъ печальную картину фактъ существованія двойныхъ коекъ, т.-е такихъ, которыя находятся въ распоряженіи двухъ лицъ. Днемъ койкой пользуется одинъ человѣкъ, а ночью она переходитъ въ распоряженіе второго. „Этотъ способъ совмѣстнаго занятія двумя лицами одной обыкновенной или двойной койки представляетъ едвали не худшую сторону среди тяжелыхъ условій коечно-каморочной жизни. Постель еще не успѣваетъ остыть отъ острыхъ испареній одного человѣка, какъ на нее ложится другой, для утомленныхъ членовъ котораго необходимъ покой, совершенно невозможный при этихъ условіяхъ. Когда же двойная койка одновременно раздѣляется двумя посторонними людьми, невозможность уединиться, вообще свойственная жилищамъ недостаточныхъ людей, доведена до крайняго предѣла, приравнивающаго жизнь трудящагося человѣка къ тягостнымъ условіямъ преступника въ тюрьмѣ или спившагося золоторотца въ ночлежномъ домѣ" [1]).

Такія же данныя имѣются и относительно Петербурга, гдѣ на койкахъ и въ каморкахъ ютятся въ совершенно невозможныхъ условіяхъ до 200 тысячъ человѣкъ [2]).

А что представляютъ собой ночлежные дома, это выраженіе жалкихъ потугъ нашихъ муниципалитетовъ дать пріютъ бездомному населенію? Въ Москвѣ, напримѣръ, ночлежники, уже видывавшіе виды, жалуются на невозможную обстановку отведенныхъ для нихъ угловъ. Всю ночь проспать въ ночлежкѣ невозможно. Приходится потному вы-

---

[1]) И. Вернеръ, „Жилища бѣднѣйшаго населенія г. Москвы". Москва. 1902.

[2]) А. И. Рубель. „Жилища бѣднѣйшаго населенія г. Петербурга". Журналъ общества охраненія народнаго здравія. Декабрь. 1897.

бѣгать 3—4 раза ночью на крыльцо, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Осенью, зимой и ранней весной окна не открываются [1]). Ночлежные дома въ Петербургѣ представляютъ собой нѣчто ужасающее по тѣснотѣ, грязи, отсутствію вентиляціи. Дворы представляютъ собой одно сплошное отхожее мѣсто [2]).

Если таково положеніе дѣлъ въ столицѣ, можно представить себѣ, что дѣлается въ провинціальныхъ городахъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ домѣ, расчитанномъ на 664 ночлежника, при осмотрѣ оказалось 1.180 человѣкъ, спавшихъ на нарахъ и подъ нарами. Въ г. Камышинѣ городской ночлежный домъ представляетъ нѣчто изъ ряда вонъ выходящее по антисанитарному состоянію. Составленный полиціей протоколъ даетъ достаточно яркое представленіе о положеніи дѣлъ [3]). „При входѣ во дворъ,—говорится въ протоколѣ,—у самыхъ воротъ громадная лужа цвѣта ржавчины желѣза состоитъ изъ долго стоявшей мочи. Весь дворъ закиданъ мусоромъ, различными отбросами человѣческаго жилья, а главнѣе всего, по всему двору разбросаны кучки человѣческихъ испражненій, и настолько загрязненъ ими весь дворъ, что рѣшительно некуда ступить ногой. Самое помѣщеніе пріюта грязно до невозможности“.

И надъ всѣми этими санитарными безобразіями рѣетъ бюрократическій духъ, которымъ насквозь проникнуты наши городскія управленія. Сухой и мертвящій формализмъ, чисто чиновничье отношеніе къ живому дѣлу,—вотъ, что внесли домовладѣльчески-купеческіе муниципалитеты во всѣ отрасли городского хозяйства, въ томъ числѣ и въ область общественнаго здравоохраненія. Возьмемъ любую санитарную комиссію любого города изъ тѣхъ немногихъ, гдѣ существуютъ подобныя организаціи, и мы увидимъ, что она вся уходитъ въ мелкіе вопросы чисто формальнаго характера, не считая нужнымъ вникнуть въ суть сложной проблемы оздоровленія. Въ Петербургѣ, скажемъ, санитарная комиссія имѣла полную возможность, при обиліи научныхъ силъ въ столицѣ и денежныхъ средствъ, должнымъ образомъ разработать вопросы санитаріи. И что же? Еще въ 1896 году д-ръ Уваровъ [1]) указывалъ на то, что комиссія занимается мелочами и совершенно упускаетъ изъ виду такіе серьезные вопросы, какъ загрязненіе рѣки Невы, отсутствіе канализаціи, полная неупорядоченность жилищнаго вопроса. Борьба съ эпидеміями, жаловался д-ръ Уваровъ, передана исключительно въ руки полиціи, и все дѣло борьбы сводится къ одному лишь составленію протоколовъ.

Проходитъ послѣ этого восемь лѣтъ, и въ своемъ докладѣ девятому Пироговскому съѣзду д-ръ Рубель [2])

---

[1]) С. В. Курнинъ „О нѣкоторыхъ условіяхъ жизни населенія Хитрова рынка“. Москва. 1898.

[2]) Г. И. Хлопинъ. „Гигіена городовъ“. Юрьевъ. 1903.

[3]) Ibidem.

[1]) М. С. Уваровъ. „С.-петербургская городская санитарная организація“. Общественное санитарное обозрѣніе. 2—3. 1896.

[2]) А. Н. Рубель. „Очеркъ врачебно-санитарной организаціи Петербурга“. Труды IX Пирог. съѣзда, т. IV. Спб. 1905.

констатируетъ тѣ же печальные факты относительно врачебно-санитарной организаціи. „За всѣ 17 лѣтъ своего существованія, — говоритъ д-ръ Рубель,—городская санитарная комиссія никогда не проявляла никакой планомѣрности въ работѣ, никакого пониманія цѣли и смысла своихъ задачъ, всѣ возникавшія въ ней, даже и цѣлесообразныя, учрежденія являлись продуктомъ случайности; разросшись до размѣровъ общирнаго учрежденія съ почти 700.000-мъ годовымъ бюджетомъ и увеличивъ свой служащій персоналъ до громадной цифры въ нѣсколько сотъ человѣкъ, она сохранила тотъ же формальный взглядъ на свои задачи, какой унаслѣдовала въ 1886 году отъ прежней санитарной комиссіи при градоначальствѣ. Эти печальные факты являются естественнымъ послѣдствіемъ какъ полнаго отсутствія въ ея строѣ какой бы то ни было реальной связи съ мѣстнымъ населеніемъ, такъ и искусственнаго разъединенія силъ служащихъ въ ней интеллигентныхъ работниковъ вслѣдствіе господствующаго въ комиссіи бюрократическаго духа и формализма, исключающихъ начала коллегіальности, возможность самодѣятельности и любовнаго отношенія къ дѣлу служащихъ врачей“.

Такъ подавляло цензовое городское управленіе всякую живую работу. Въ теченіе десятковъ лѣтъ торжествовавшіе хозяева городовъ успѣли довести населенныя мѣста до такого состоянія, при которомъ могла итти рѣчь о принудительномъ оздоровленіи. Несостоятельность городовъ въ дѣлѣ попеченія о народномъ здравіи сказалась особенно ярко. Ихъ неумѣлость въ рѣшеніи основныхъ вопросовъ санитаріи не подлежитъ сомнѣнію. Стоя далеко отъ населенія, городскія управленія не могли проникнуться его нуждами, не могли изыскать правильныхъ путей для ихъ удовлетворенія.

Фабрично-заводская медицина.

I.

Фабрично - заводская медицина представляетъ собой лишь осколокъ господствующаго у насъ общаго порядка. Организація врачебнаго дѣла въ промышленныхъ предпріятіяхъ, заботы объ охранѣ жизни и здоровья рабочихъ совершенно соотвѣтствовали по своему характеру общимъ условіямъ нашего бюрократическаго режима. Здѣсь сталкивались противоположные интересы двухъ группъ—предпринимателей и рабочихъ—и власть, стараясь лишь показать видъ, что она принимаетъ сторону слабыхъ, на самомъ дѣлѣ отстаивала всѣми способами интересы сильныхъ.

Фабричная медицина, какъ и всѣ наши положенія по охранѣ труда, возникла подъ вліяніемъ внѣшняго давленія. Рабочія волненія, которыми изобиловалъ весь конецъ вѣка, заставляли правительство устанавливать извѣстныя нормы для предупрежденія усиленной заболѣваемости и смертности рабочихъ, ихъ физическаго и духовнаго вырожденія. Съ другой стороны, въ томъ же

направленіи дѣйствовали и разрушительныя эпидеміи, никогда, какъ мы уже видѣли, насъ не оставлявшія. Волей-неволей приходилось считаться съ фабриками, которыя по справедливости считались разсадницами инфекціонныхъ болѣзней, и дѣлать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя попытки для оздоровленія этихъ общепризнанныхъ очаговъ заразы.

Но эти попытки на протяженіи столѣтія не дали никакихъ осязательныхъ результатовъ. Слишкомъ сильна была группа предпринимателей, слишкомъ велики были опасенія среди правящихъ задѣть интересы этой группы. И всякій разъ, когда громоздкая законодательная машина дѣлала малѣйшее движеніе въ цѣляхъ охраны труда, какъ тотчасъ же недовольство капиталистовъ заставляло бюрократію прекратить начавшуюся работу и снова утвердить старый порядокъ.

Вотъ эти-то основныя тенденціи нашего фабричнаго законодательства—чисто полицейскія стремленія ограничить размахъ рабочихъ волненій и щепетильное отношеніе къ интересамъ фабрикантовъ — сказались также и въ организаціи нашей фабричной медицины и въ планахъ оздоровленія нашихъ промышленныхъ предпріятій, время отъ времени возникавшихъ въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ.

Положеніе рабочихъ на дореформенной фабрикѣ было до того безотрадно, что даже въ правящихъ сферахъ возникло сознаніе необходимости выработки и проведенія въ жизнь спеціальнаго санитарнаго законодательства для нашихъ промышленныхъ предпріятій. И въ смыслѣ бумажнаго производства бюрократія сдѣлала очень много. На протяженіи почти полувѣка учреждались комиссіи, писались проекты и доклады, которые разсылались по различнымъ вѣдомствамъ для отзывовъ, снова собирались комиссіи, вносились поправки и измѣненія,—а внутренній распорядокъ фабрикъ и заводовъ оставался все тѣмъ же гибельнымъ для рабочихъ.

Въ январѣ 1859 года была учреждена въ С.-Петербургѣ временная комиссія изъ технически свѣдущихъ людей и изъ представителей разныхъ административныхъ и общественныхъ учрежденій для подробнаго осмотра всѣхъ заводовъ и фабрикъ въ Петербургѣ и въ уѣздѣ и для выработки правилъ въ цѣляхъ огражденія рабочихъ отъ увѣчій. Комиссія выполнила свою задачу и остановилась на весьма скромныхъ требованіяхъ, которыя должны быть предъявлены къ промышленнымъ заведеніямъ для предупрежденія несчастныхъ случаевъ съ рабочими и для охраны ихъ жизни и здоровья [1]). Механическіе двигатели, ихъ приводы и быстро вертящіяся части рабочихъ машинъ,—сказала комиссія,—должны быть ограждаемы. Между машинами, гдѣ проходятъ рабочіе, необходимо оставлять достаточные промежутки или ставить барьеры. Необходимо также воспретить чистку машинъ во вре-

[1]) Труды комиссіи высочайше утвержденной для составленія проекта положеній объ устройствѣ и содержаніи промышленныхъ заведеній и заводовъ. Томъ IV. Спб. 1895.

мя ихъ дѣйствія. Дѣти не могутъ быть допущены къ работамъ при машинахъ безъ предварительнаго объясненія имъ, какимъ они могутъ подвергнуться увѣчьямъ отъ неосторожнаго обращенія съ машинами. Одежда рабочихъ должна быть такой, чтобы не представлять опасности быть захваченной механизмами.

Комиссія имѣла случай убѣдиться, что спертый и испорченный воздухъ во многихъ рабочихъ помѣщеніяхъ и вообще недостатокъ наблюденія за чистотой оказываетъ гибельное вліяніе на рабочихъ. Вполнѣ естественно, поэтому, постановленіе комиссіи, чтобы мастерскія на фабрикахъ и заводахъ были свѣтлыя, достаточно высокія и просторныя, чтобы воздухъ въ мастерскихъ былъ освѣжаемъ посредствомъ форточекъ и другихъ приспособленій, чтобы отхожія мѣста были устроены удобно и содержались въ чистотѣ. Комиссія дерзнула также признать необходимымъ, чтобы жилыя помѣщенія для рабочихъ были опрятны, сухи, просторны и чтобы для каждаго работника и работницы были особыя кровати или нары.

Комиссія пошла еще дальше. Она постановила за нарушеніе проектированныхъ правилъ подвергать виновныхъ денежнымъ взысканіямъ. При нарушеніи закона болѣе трехъ разъ въ году она угрожала владѣльцу закрытіемъ предпріятія.

Когда въ томъ же 1859 году была учреждена особая комиссія изъ представителей министерства финансовъ и министерства внутреннихъ дѣлъ (подъ предсѣдательствомъ Штакельберга) для выработки проекта устава о промышленности, въ эту комиссію и поступили упомянутые труды по осмотру фабрикъ и заводовъ. Комиссія Штакельберга согласилась со всѣми постановленіями своей предшественницы и сдѣлала еще рядъ дополненій, по своей элементарности, казалось, неспособныхъ вызвать никакихъ возраженій.

Но работамъ комиссій не суждено было войти въ жизнь. Проектъ, содержавшій всѣ перечисленныя скромныя требованія гигіены, путешествовалъ по различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя и отписывались подъ соотвѣтствующими номерами, пока онъ не былъ сданъ въ архивъ, не удостоившись необходимой санкціи. И такого результата нужно было ожидать, если принять во вниманіе, что правительство не имѣло никакого намѣренія хоть сколько-нибудь нарушить интересы фабрикантовъ. „Имъ, предпринимателямъ, — говорилъ въ своемъ отзывѣ тверской губернаторъ Барановъ [1],—ужасно не хочется инспектора изъ чиновниковъ, а хочется изъ купцовъ и при томъ фабрикантовъ. Такое *невинное* (?) желаніе весьма естественно со стороны людей, у которыхъ на фабрикѣ нѣтъ для рабочихъ не только воскресной школы, но и бани; несмотря на значительное разстояніе отъ города, нѣтъ даже теплыхъ въ зимнее время жилищъ для рабочихъ. Какъ ни привыкъ нашъ народъ и къ грязи, и къ вони, и къ холоду, но и тотъ уже говоритъ, что въ конурахъ ра-

[1]) Труды комиссіи для пересмотра уставовъ промышл. и ремесл. Ч. I. 1863.

М. М. Антокольскій. Ярославъ Мудрый.

(Русскій Музей Имп. Александра III въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

13

916.
М. М. АНТОКОЛЬСКІЙ

бочихъ зимой мерзнетъ вода, при фабрикахъ нѣтъ порядочно устроенныхъ отхожихъ мѣстъ, и всѣ нечистоты сваливаются вблизи самой фабрики въ маленькую рѣченку, изъ которой фабричные пьютъ воду".

Какъ бы тамъ ни было, фабрикантамъ „не хотѣлось", и они настояли на своемъ. Но санитарное положеніе фабрикъ и заводовъ не измѣнялось къ лучшему отъ безпрекословнаго исполненія воли сильныхъ господъ предпринимателей. Въ 1869 году вышла книга Флеровскаго „Положеніе рабочаго класса въ Россіи", въ которой дана была яркая картина ужасающихъ условій жизни трудящихся. Неприглядная обстановка рабочихъ помѣщеній, жилищъ, отсутствіе даже примитивныхъ приспособленій для вентиляціи, систематическое отравленіе рабочихъ накопляющимися въ воздухѣ вредными газами и испареніями,—все это настроило Флеровскаго на мрачный тонъ и заставило его усомниться въ самой необходимости для Россіи развитія фабричной промышленности, сдѣлавшей „русскаго рабочаго окончательно несчастнымъ и бѣдствующимъ существомъ". „Изъ 12 промышленныхъ губерній, — съ грустью восклицаетъ Флеровскій,— въ 10 смертность значительнѣе, чѣмъ въ ужасныхъ кварталахъ Лондона, гдѣ живутъ одни воры и нищіе. Патріоту можно сойти съ ума, добравшись до такихъ данныхъ. Раздѣленіе труда, которое даетъ рабочему возможность удесятерить свое производство, дѣлается для него источникомъ голода, бѣдности и смерти до такой степени, что изъ 12 промышленныхъ губерній въ трехъ населеніе уменьшилось, а въ одной вовсе не увеличилось".

Антисанитарное состояніе фабрикъ не разъ служило предметомъ опасенія для администраціи при возникновеніи различнаго рода эпидеміи. Такія же опасенія имѣли мѣсто въ 1866 году, въ ожиданіи холерной эпидеміи, когда петербургскій губернаторъ сдѣлалъ представленіе о санитарныхъ неурядицахъ на фабрикахъ и заводахъ, неурядицахъ, угрожавшихъ сдѣлать промышленныя предпріятія очагами разрушительной заразы. Пришлось идти на уступки, предъявить къ фабрикантамъ кое-какія неопредѣленныя требованія, создать въ видѣ временной мѣры самостоятельную фабричную медицину. Такимъ образомъ и появилось на свѣтъ высочайше утвержденое мнѣніе комитета министровъ 26 августа 1866 года о врачебной помощи рабочимъ на фабрикахъ и заводахъ.

Какъ мы говорили, мѣра эта была принята въ силу необходимости, въ ожиданіи грозной гостьи, но о новыхъ правилахъ старались не говорить, какъ о предметѣ, возбуждающемъ одни лишь непріятныя воспоминанія. Когда министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Валуевъ предложилъ обсудить мнѣніе комитета министровъ въ законодательномъ порядкѣ, обратить временную мѣру въ постоянно дѣйствующій законъ, гарантированный опредѣленными карами за его нарушеніе, то это предложеніе не встрѣтило никакого сочувствія со стороны государственнаго совѣта. Непріятный разговоръ постарались замять ссылками на то,

что временная мѣра нисколько не ограничена срокомъ дѣйствія, что необходимо выждать съ изданіемъ постояннаго закона, когда вполнѣ выяснится дѣятельность земствъ по обезпеченію населенія врачебной помощью.

Бюрократія старалась забыть о непріятныхъ правилахъ 1866 года. Первоначальное постановленіе комитета министровъ было распубликовано въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ по медицинскому департаменту, и только въ 1886 году, т.-е. ровно черезъ 20 лѣтъ, сенатъ обратилъ вниманіе на то, что положеніе это не было представлено въ сенатъ для обнародованія. Поэтому въ „собраніи узаконеній и распоряженій правительства" положеніе это появилось лишь въ 1887 году, а въ сводѣ законовъ оно не кодифицировано до настоящаго времени.

Самое содержаніе закона говоритъ о полномъ пренебреженіи интересами рабочаго класса. Не хватило времени за долгіе годы работъ всякихъ комиссій на точную регламентацію обязанностей фабрикантовъ по отношенію къ больнымъ рабочимъ. Законъ гласитъ, чтобы „при фабрикахъ и заводахъ, имѣющихъ 1000 рабочихъ, было устроено больничное помѣщеніе на 10 кроватей, выше 1.000—на 15 и болѣе, ниже 1.000—на 5 и болѣе кроватей по расчету одной кровати на 100 человѣкъ".

Уже одного этого бѣглаго ознакомленія съ текстомъ закона достаточно для того, чтобы убѣдиться въ его крайней неполнотѣ. Въ законѣ ничего не говорится объ амбулаторной помощи рабочимъ, объ устройствѣ пріемныхъ покоевъ для подачи первоначальной помощи пострадавшимъ отъ увѣчій. Кромѣ того законъ неясенъ, допускаетъ рядъ произвольныхъ толкованій даже въ предѣлахъ предъявляемыхъ имъ къ фабрикантамъ требованій. Въ самомъ дѣлѣ, что означаютъ слова „по расчету одной кровати на сто человѣкъ". Значитъ ли это, что при ста рабочихъ нужна больница на одну койку, или, быть можетъ, минимальное число кроватей должно равняться пяти. И эта неясность закона, какъ увидимъ ниже, привела къ печальнымъ результатамъ. Господствующее положеніе заняло усмотрѣніе. Мѣстами законъ вовсе не принимался въ расчетъ, создавались новыя нормы, менѣе обременительныя для предпринимателей; мѣстами законъ былъ до того извращенъ, что отъ него оставалось одно лишь воспоминаніе. Не зная надъ собой никакого контроля, чины администраціи лихо расправлялись со справедливыми требованіями рабочихъ и подчиняли законъ интересамъ и нуждамъ предпринимателей.

Всѣми силами противилась бюрократія внесенію въ законъ 1866 года положеній, которыя обезпечивали бы точность его выполненія. Еще при самомъ изданіи закона предполагалось подвергать хозяевъ, уклоняющихся отъ обезпеченія врачебной помощью своихъ рабочихъ, денежному штрафу въ размѣрѣ отъ ста до трехсотъ рублей. Далѣе, если бы предприниматель упорно не пожелалъ открывать больницу въ своемъ предпріятіи, то дѣйствіе промышленныхъ заведеній пріостанавливается впредь до устройства рекомендуемыхъ закономъ лѣчебницъ.

Разумѣется, этимъ проектированнымъ правиламъ не суждено было сдѣлаться закономъ въ виду нежеланія нарушить кровные интересы господъ предпринимателей. Позже въ 1870 году комиссія графа Валуева предлагала даже установить арестъ до одного мѣсяца для предпринимателей, упорно уклоняющихся отъ устройства медицинской части на своихъ фабрикахъ. Но такой проектъ показался дерзкой ересью, въ корнѣ подрывающей всю бюрократическую политику по отношенію къ представителямъ промышленнаго капитала, и предложенія графа Валуева были очень скоро основательно позабыты.

Законъ 1866 года не внесъ, конечно, никакихъ улучшеній въ положеніе рабочихъ, не устранилъ санитарныхъ неурядицъ промышленныхъ предпріятій. Вопросъ о гибельномъ вліяніи фабрики на трудящихся былъ очень скоро вновь выдвинутъ жизнью, и онъ былъ переданъ на разсмотрѣніе новой комиссіи, созванной изъ представителей разныхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ графа Игнатьева въ 1870 году. Комиссія приняла цѣлый рядъ постановленій относительно „возложенія на владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій обязанности принимать соотвѣтствующія мѣры къ огражденію жизни, здоровья и нравственности нанятыхъ ими рабочихъ и возложенія на нихъ же отвѣтственности какъ гражданской, такъ и уголовной за несчастные случаи съ рабочими“.

Работы комиссіи гр. Игнатьева переданы были на разсмотрѣніе новой комиссіи, образованной въ 1874 году подъ предсѣдательствомъ графа Валуева. И эта послѣдняя признала принятіе мѣръ предосторожности на фабрикахъ и заводахъ настоятельно необходимымъ. Работы комиссій направлены были въ государственный совѣтъ, и здѣсь, конечно, были навсегда похоронены. Высшее законодательное учрежденіе признало чрезвычайно затруднительнымъ стѣснять отношенія между нанимателями и рабочими. Взамѣнъ изданія общаго закона о мѣрахъ къ огражденію здоровья и жизни рабочихъ „министрамъ, по соизволенію государственнаго совѣта [1]), предоставлено было право, по мѣрѣ обнаруживающейся на опытѣ потребности, входить въ законодательномъ порядкѣ съ представленіями объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ о рабочихъ узаконеній по тѣмъ отдѣльнымъ предметамъ, которыя будутъ требовать ближайшаго опредѣленія“.

Этимъ своимъ туманнымъ правомъ министры не пользовались, и въ итогѣ—отсутствіе законодательныхъ нормъ по урегулированію санитарной части на фабрикахъ и заводахъ.

Центральная власть оставалась совершенно глухой къ голосу жизни, хотя въ министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ неоднократно поступали представленія губернскихъ начальствъ о настоятельной необходимости принятія мѣръ предосторожности для предупрежденія гибельнаго вліянія на рабочихъ нѣкоторыхъ производствъ. Всѣ заботы правительства о трудящихся ограничились предоставленіемъ земству

[1]) Труды комиссіи. Спб. 1895. l. с.

права изданія обязательныхъ постановленій „объ устройствѣ и порядкѣ содержанія въ санитарномъ отношеніи боенъ, фабричныхъ, заводскихъ и другихъ промышленныхъ заведеній“.

Но и сословное земство впало въ немилость. Закономъ 3 іюня 1886 г. были введены присутствія по фабричнымъ дѣламъ въ нѣкоторыхъ наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ, и ст. 52 уст. пром. этимъ послѣднимъ предоставлено право изданія обязательныхъ постановленій совершенно по тѣмъ же предметамъ, что и земству. Мало того. На основаніи разъясненія, сдѣланнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1893 году, преимущественное право изданія обязательныхъ постановленій по врачебной части признано за присутствіями по фабричнымъ дѣламъ. Такимъ образомъ, земство лишено было права регулированія врачебно-санитарнаго дѣла на фабрикахъ и заводахъ [1]).

Однако, въ дѣятельности присутствій мы не видимъ такихъ моментовъ, которые оправдывали бы предпочтеніе, отданное имъ предъ органами общественнаго самоуправленія. Вотъ, что мы читаемъ по поводу плодотворной работы присутствій въ офиціальномъ изданіи министерства финансовъ [2]). „Вопросъ о мѣрахъ предосторожности, подлежащихъ соблюденію въ промышленныхъ заведеніяхъ для огражденія жизни и здоровья работающихъ въ нихъ людей, остается вообще не разрѣшеннымъ, ибо предоставленное губернскимъ по фабричнымъ дѣламъ присутствіямъ право изданія обязательныхъ постановленій о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ фабричныхъ зданіяхъ, а также въ отношеніи фабричной помощи рабочимъ, имѣетъ пока сравнительно крайне ограниченное примѣненіе“.

Присутствія, вообще говоря, не торопились съ изданіемъ обязательныхъ санитарныхъ постановленій. Московское фабричное присутствіе, напримѣръ, за восемь лѣтъ своего существованія не издало никакихъ постановленій. Большинство же приступило къ изданію таковыхъ лишь въ 1892 году.

Присматриваясь къ обязательнымъ постановленіямъ, изданнымъ различными присутствіями, мы видимъ, какъ мало эти органы приспособлены „для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ“. Единственно, чѣмъ руководствовались присутствія, это — усмотрѣніе, что при недостаткѣ знаній какъ спеціально-техническихъ, такъ и гигіеническихъ приводило нерѣдко къ курьезнымъ построеніямъ. Часто отсутствуютъ въ обязательныхъ постановленіяхъ безусловно необходимыя требованія или же они выражены въ такой общей формѣ, что теряютъ всякое значеніе. „Изданныя присутствіями постановленія, — говоритъ присяжный защитникъ правительственной политики г. Литвиновъ-Фалинскій [1]),—не отличаются

[1]) Е. М. Дементьевъ. „Врачебная помощь фабричнымъ рабочимъ“. Спб. 1899.

[2]) Труды комиссіи, 1. с.

[1]) В. П. Литвиновъ-Фалинскій. „Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи“. Спб. 1900.

солидной полнотой требованій, которыя могли бы быть предъявлены для предупрежденія несчастныхъ случаевъ. То, что до настоящаго времени сдѣлано въ этомъ направленіи фабричными присутствіями, является лишь нерѣшительнымъ шагомъ и весьма слабой попыткой къ улучшенію положенія труда въ промышленныхъ заведеніяхъ".

Присутствія мало церемонились съ дѣйствующими скромными законоположеніями, предусматривающими права рабочихъ. Такъ, московское и петербургское столичныя присутствія собственной властью отмѣнили законъ 26 августа 1866 года, освободили фабрикантовъ отъ обязанности содержать больницы и обязали ихъ открывать однѣ лишь амбулаторіи. Одни присутствія требовали для рабочихъ помощи врача, другія довольствовались фельдшеромъ. При всей пестротѣ созданной картины въ дѣятельности присутствій можно усмотрѣть одну общую тенденцію: стремленіе во что бы то ни стало облегчить тяготы, падающія въ силу законовъ на фабрикантовъ. „Въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ,—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ къ проекту 1905 года объ обезпеченіи врачебной помощью рабочихъ промышленныхъ заведеній,—толкованія присутствій выходятъ изъ границъ простого разъясненія закона, *и хотя они клонятся къ облегченію владѣльцевъ фабрикъ, тѣмъ не менѣе по существу едва ли могутъ быть признаны законными.* Во всякомъ случаѣ, основное требованіе закона—обезпеченіе рабочихъ врачебной помощью, столь соотвѣтственно выраженное въ немъ въ видѣ требованія устройства больницъ, превратилось въ обязательныхъ постановленіяхъ въ рядъ чрезвычайно разнообразныхъ правилъ, иногда совершенно несхожихъ въ двухъ рядомъ лежащихъ губерніяхъ. Такъ, напримѣръ, обязательство имѣть при фабрикахъ правильную и полную организацію врачебной помощи одни присутствія требуютъ отъ всѣхъ фабрикъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, другія—только отъ фабрикъ съ числомъ рабочихъ 50 и болѣе, третьи—100 и болѣе, четвертыя же—при 300 и болѣе рабочихъ, освобождая фабрики съ меньшимъ числомъ рабочихъ отъ устройства больницъ и требуя отъ нихъ только амбулаторное лѣченіе рабочихъ. Въ результатѣ обязательныя постановленія присутствій по фабричнымъ дѣламъ не только не исправили, но скорѣе усложнили дѣло настолько, что пересмотръ закона 1866 года сталъ совершенно необходимъ".

Присутствія зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы интересы фабрикантовъ не страдали отъ бдительности фабричной инспекціи. Немногочисленные протоколы, составлявшіеся фабричными инспекторами вслѣдствіе нарушенія обязательныхъ постановленій, нерѣдко опротестовывались присутствіями. Послѣднія не разъ циркулярно обращались ко всѣмъ участковымъ приставамъ, предлагая имъ, и только имъ однимъ, слѣдить за неукоснительнымъ выполненіемъ предпринимателями правилъ по санитарной части и составлять протоколы за нарушеніе этихъ правилъ. Такимъ образомъ, не спеціально знакомый съ дѣломъ, и не фабричный

инспекторъ, хорошо знающій фабричный бытъ, а полицейскій чинъ долженъ стоять на стражѣ здоровья трудящихся.

Самый составъ присутствій, казалось, служилъ гарантіей противъ излишняго увлеченія интересами и нуждами рабочаго класса. Согласно закону 1886 года въ присутствія приглашались губернаторъ, вице-губернаторъ, представитель фабричной и горной инспекціи, прокуроръ окружнаго суда, начальникъ жандармскаго управленія и два представителя отъ земства и города. Но промышленники были недовольны и этимъ составомъ, дѣятельно агитируя за введеніе въ составъ присутствій и представителей капитала. Агитація увѣнчалась успѣхомъ. Закономъ 14 марта 1894 года были отняты у органовъ общественнаго самоуправленія два мѣста, которыя и были переданы представителямъ торгово-промышленнаго капитала. Можно себѣ представить, какія послѣдствія имѣлъ такой порядокъ, при которомъ фабриканты являлись судьями въ собственномъ дѣлѣ. По откровенному признанію крупнаго петербургскаго фабриканта Санъ-Галли, много лѣтъ участвовавшаго въ фабричныхъ присутстіяхъ [1]), „мы относились къ протоколамъ обвиненій промышленниковъ по возможности снисходительно, сознавая законъ о штрафахъ очень суровымъ", „когда намъ всѣмъ было жалко обязать подсудимаго платить 200—300 рублей штрафа, мы судили по аналогіи правилъ мировыхъ судей".

Но и этого оказалось для фабрикантовъ недостаточнымъ. Мѣстныя присутствія все же имѣли право налагать штрафы, при чемъ рѣшенія присутствій въ предѣлахъ до ста рублей признаны были неподлежащими обжалованію. При большихъ взысканіяхъ жалобы на присутствіе приносились министру финансовъ и разрѣшались послѣднимъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Потребовалась, поэтому, новая реформа, которая официально объяснялась тѣмъ, что „министры не имѣютъ возможности лично входить въ разсмотрѣніе всѣхъ жалобъ, и на практикѣ дѣло сводилось къ формальному разрѣшенію послѣднихъ, что вовсе не соотвѣтствовало интересамъ представителей промышленности".

7 іюня 1899 года желанная для фабрикантовъ реформа стала свершившимся фактомъ. Въ мѣстныя присутствія были введены четыре представителя промышленности, которые фактически и стали главными хозяевами положенія. Но кромѣ того непріятная капиталу дѣятельность мѣстныхъ присутствій по изданію обязательныхъ постановленій и наложенію взысканій была парализована учрежденіемъ главнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія „для высшаго наблюденія за правильнымъ примѣненіемъ законоположеній, касающихся соблюденія на фабрикахъ, заводахъ и горныхъ промыслахъ должнаго порядка и благоустройства". Новому учрежденію и было передано изданіе общихъ правилъ о мѣрахъ къ охраненію жизни, здоровья и нравственности рабочихъ и по органи-

[1]) М. Г. Лунцъ. Сборникъ статей. Посмертное изданіе. Москва. 1909.

заціи врачебной помощи, за мѣстными присутствіями оставлено было лишь право примѣненія къ мѣстнымъ условіямъ постановленій, изданныхъ главнымъ присутствіемъ. Помимо того, въ главное присутствіе поступали жалобы на дѣятельность и распоряженіе мѣстныхъ.

Для фабрикантовъ эта реформа была чрезвычайно выгодна. Составъ главнаго присутствія служилъ для промышленниковъ достаточной гарантіей въ смыслѣ полнаго обезпеченія правъ и интересовъ капитала. На двѣнадцать членовъ отъ правительства въ главномъ присутствіи засѣдаютъ девять членовъ отъ фабрикантовъ и горнопромышленниковъ. И если представителямъ промышленности не удавалось добиться своей цѣли въ мѣстномъ присутствіи, они смѣло стучались въ двери главнаго, которое почти никогда не оставляло ихъ безъ должнаго удовлетворенія.

Какія же мѣропріятія по обезпеченію безопасности работъ проведены были въ жизнь учрежденіемъ, на которое закономъ возложено высшее руководство всѣмъ дѣломъ промышленнаго надзора. „Главное присутствіе,—говоритъ г. Быковъ[1]),—не издало никакихъ общихъ постановленій или руководящихъ указаній (по части обезпеченія безопасности работъ). На практикѣ главное присутствіе, задержавъ изданіе *мѣстныхъ* правилъ, не создало взамѣнъ ихъ никакихъ общихъ мѣропріятій". Первыя правила были изданы главнымъ присутствіемъ лишь въ 1905 году и состояли въ весьма скромныхъ требованіяхъ, установленныхъ по отношенію къ владѣльцамъ ртутныхъ рудниковъ и заводовъ. Вообще же, главное присутствіе мало тревожитъ фабрикантовъ, служа для нихъ оплотомъ противъ всякихъ обидчиковъ.

Отмѣняя правила, созданныя яко бы для блага рабочихъ, парализуя дѣятельность учрежденій, призванныхъ проводить въ жизнь мѣропріятія по охранѣ труда, правительство въ то же время не переставало созывать комиссіи, которымъ поручалось найти пути для улучшенія положенія рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Такъ, въ 1902 году была образована при медицинскомъ совѣтѣ комиссія подъ предсѣдательствомъ С. А. Ольхина „для выработки нормальныхъ правилъ о врачебной помощи рабочимъ и санитарныхъ нормъ для фабрикъ и заводовъ". Комиссія въ существенныхъ чертахъ повторила выводы своихъ предшественницъ и составила проектъ инструкціи по санитарному благоустройству промышленныхъ заведеній. Само собой понятно, что дальнѣйшаго движенія работы комиссіи не получили. Правительство не рѣшалось нарушить интересы фабрикантовъ и предпочитало обходиться безъ всякихъ „стѣснительныхъ" правилъ и инструкцій.

Была еще одна мысль, руководившая правительствомъ въ его отрицательномъ отношеніи къ регламентаціи условій труда на фабрикахъ и заводахъ. Это—боязнь предъ рабочимъ классомъ. Цѣлыя учрежденія, занимающія высшую ступень бюрократической лѣстницы,

[1]) А. Н. Быковъ. „Фабричное законодательство и развитіе его въ Россіи". Спб. 1909.

нисколько не стѣснялись открыто сознаваться въ своемъ великомъ страхѣ передъ необузданнымъ пролетаріатомъ. Объ этомъ страхѣ говорилось въ различныхъ циркулярахъ, документахъ и офиціальныхъ запискахъ.

Такъ, въ 1893 году въ государственный совѣтъ былъ представленъ проектъ объ отвѣтственности предпринимателей за смерть и увѣчья рабочихъ. Все было подготовлено для того, чтобы проектъ сталъ закономъ, но государственный совѣтъ въ рѣшительный моментъ убоялся санкціонировать новыя правила и рѣшилъ отложить ихъ введеніе въ жизнь на десять лѣтъ. Свою медлительность совѣтъ объяснилъ опасеніями, что законъ можетъ вызвать къ жизни несуществующій рабочій вопросъ.

Правда, бывали и такіе моменты въ жизни законодательныхъ учрежденій, когда боязнь передъ рабочимъ классомъ заставляла хоть немного подумать объ его нуждахъ Стачечное движеніе, широкой волной разливавшееся временами по странѣ, приводила не разъ въ движеніе заржавѣвшую государственную законодательную силу. Но волненія подавлялись, и правительство въ упоеніи своей силой начинало ощущать страхъ иного рода, какъ бы „излишними“ уступками не создать чрезмѣрной требовательности со стороны рабочихъ, которымъ все же никакой поблажки давать не слѣдуетъ.

II.

При такомъ отношеніи закона къ охранѣ труда понятно, какую постановку могли получить фабричная медицина и фабричная санитарія. Законъ 1866 года объ обезпеченіи врачебной помощью рабочихъ фабрикъ и заводовъ, не обставленный никакими гарантіями въ смыслѣ точности исполненія, существовалъ только на бумагѣ. Постановка фабричной медицины въ полномъ смыслѣ слова зависѣла отъ личнаго усмотрѣнія хозяевъ. Захочетъ предприниматель щегольнуть своими капиталами или гуманностью, и онъ выстроитъ напоказъ хорошую больницу; не захочетъ, и врачебная помощь рабочимъ вовсе не будетъ оказываться въ его предпріятіи. Но такъ какъ чаще предприниматель вовсе не намѣренъ тратиться на удовлетвореніе нуждъ трудящихся, то и выходитъ, что на огромномъ большинствѣ фабрикъ врачебная помощь является одной лишь фикціей. „Нерѣдко владѣльцы фабрикъ,—читаемъ мы въ офиціальномъ изслѣдованіи министерства финансовъ [1],—исполняя предъявляемое имъ губернской администраціей и фабричной инспекціей требованіе, содержать при своихъ фабрикахъ такія больницы, которыя удовлотворяютъ этому требованію лишь съ формальной стороны, и ни по устройству, ни по содержанію и вообще по организаціи всего дѣла совсѣмъ не отвѣчаютъ цѣли врачебной помощи рабочимъ“.

[1] „Врачебная помощь фабричнымъ рабочимъ“. Изд. министерства финансовъ. Спб. 1899.

Жалобы на неудовлетворительное состояніе фабричной медицины стали раздаваться въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и въ отчетахъ первыхъ фабричныхъ инспекторовъ, и на съѣздахъ земскихъ врачей. „Внѣшнимъ образомъ,—говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1882—83 гг. московскій фабричный инспекторъ Янжулъ [1]),—законъ 1866 года выполняется, такъ какъ на всѣхъ почти фабрикахъ, внѣ городовъ находящихся, существуютъ больницы; въ дѣйствительности же, эти такъ называемыя больницы существуютъ лишь для обхода закона, и никакой дѣйствительной медицинской помощи фабричному населенію не доставляютъ. Дѣло въ томъ, что на значительномъ числѣ фабрикъ подъ именемъ больницъ разумѣются лишь пріемные покои изъ двухъ, чаще изъ одной комнаты, съ одной или двумя постелями, гдѣ въ самомъ лучшемъ случаѣ больной можетъ пролежать одинъ или два дня, пока фабрика не придумаетъ того или иного способа отъ него избавиться: отвезти его въ ближайшую больницу или расчесть и отправить домой. Но когда даже существуетъ по обстановкѣ и настоящая больница на фабрикѣ, то случается, что все-таки медицинской помощи больной рабочій получить въ ней не можетъ. Такъ, на фабрикѣ № 95 есть больница на 35 кроватей, и по больничнымъ записямъ многочисленны случаи травматическихъ поврежденій, тѣмъ не менѣе больныхъ тамъ не лѣчатъ, а отправляютъ или въ Москву для излѣченія или просто отпускаютъ съ фабрики... При больницѣ обыкновенно имѣется фельдшеръ, хотя не всегда. Два раза, напримѣръ, я встрѣчалъ такой курьезный случай: обязанности фельдшеровъ исправляли фабричные лавочники, которыхъ и нужно было вызвать изъ лавки для того, чтобы показать мнѣ пріемный покой. На осмотрѣнныхъ мною 147 фабрикахъ медицина, можно сказать, совершенно отсутствуетъ“.

Такія же данныя относительно состоянія фабричной медицины имѣются въ отчетахъ другихъ инспекторовъ. Въ воронежской губ. врачебное дѣло на фабрикахъ и заводахъ находится въ крайне неудовлетворительномъ положеніи; въ казанскомъ округѣ на многихъ заводахъ нѣтъ ни больницъ, ни какой-либо другой врачебной помощи. Даже тамъ, гдѣ больницы имѣются, онѣ не заслуживаютъ этого названія, такъ какъ въ нихъ не значится ни одного больного [1]).

Чтобы имѣть представленіе о томъ, какъ мало церемонились предприниматели съ нуждами рабочихъ, лучше всего привести здѣсь характеристику больницъ на золотыхъ промыслахъ томскаго округа. „Что предлагаетъ большинство пріисковыхъ управленій для больныхъ,—писала „Сибирская газета“ въ восьмидесятыхъ годахъ [2])?—Нѣчто похожее на больницу съ голыми нарами и фельдшера съ его универсальными и неизмѣнными лѣкарствами: сла-

[1]) Цит. по книгѣ К. Пажитнова. „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“. Спб. 1898.

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.

бительнымъ и рвотнымъ. При этомъ, заподазривая каждаго рабочаго въ отлыниваніи отъ работъ, ему даютъ уменьшенную порцію съѣстного, вполнѣ надѣясь, что голодъ скорѣе всего принудитъ больного возвратиться къ работамъ и такимъ образомъ заполучить обыкновенную порцію". А вотъ офиціальное описаніе больницы на пріискѣ Королева, сдѣланное маріинскимъ окружнымъ врачомъ въ 1883 году. „Больница представляетъ собой какую-то отвратительную трущобу. Въ ней я засталъ 20 человѣкъ рабочихъ въ грязномъ оборванномъ отрепьѣ, валяющихся безъ всякой подстилки частью на грязныхъ нарахъ, частью на голомъ полу. Пища, даваемая больнымъ, не сообразуется съ родомъ болѣзни и скорѣе способствуетъ окончательной потерѣ силъ, чѣмъ ихъ возстановленію и укрѣпленію. Такъ, напримѣръ, рабочій, получившій ушибъ или одержимый другой какой-нибудь наружной болѣзнью, долженъ довольствоваться $\frac{1}{4}$ фунта мяса, что въ совокупности съ отсутствіемъ всего другого, кромѣ воды и ограниченнаго количества ржаного хлѣба, при удушливой и зловонной атмосферѣ норы, называемой больницей, вполнѣ здороваго человѣка можетъ истощить, сдѣлать слабосильнымъ и повергнуть въ болѣзнь".

Вотъ то состояніе фабрично-заводской медицины, въ какомъ застали ее восьмидесятые годы. Естественно, если на съѣздахъ земскихъ врачей возникалъ вопросъ о способахъ упорядоченія земской медицины. И единственный путь, который находили земцы для удовлетворенія насущнѣйшей нужды фабричнаго населенія, сводился къ передачѣ фабричной медицины въ руки земства. Впереди всѣхъ въ этомъ отношеніи шло московское земство. На VIII губернскомъ съѣздѣ врачей въ 1885 г. санитарный врачъ Ф. Ф. Эрисманъ прочелъ докладъ, въ которомъ яркими красками изобразилъ безотрадное положеніе фабричной медицины въ губерніи и высказался за необходимость сліянія фабричной медицины съ земской. Слѣдующій IX губернскій съѣздъ врачей въ 1887 г. поступилъ болѣе рѣшительно и постановилъ возбудить ходатайство о переложеніи лежащей на владѣльцахъ натуральной повинности по оказанію помощи фабричнымъ рабочимъ въ денежную съ передачей всего дѣла въ руки земства [1]).

Ходатайство было возбуждено, но ни къ какимъ ретультатамъ оно не привело. Въ 1895 году XIII съѣздъ земскихъ врачей снова высказался за изъятіе врачебнаго дѣла изъ рукъ фабрикантовъ, а въ 1898 году губернское земское собраніе, признавъ положеніе фабричной медицины въ московской губерніи ненормальнымъ, постановило возбудить ходатайство о предоставленіи земству права составленія обязательныхъ постановленій объ устройствѣ медицинской части на фабрикахъ и заводахъ. Ходатайство это никакого успѣха не имѣло.

Между тѣмъ, фабричная медицина пребывала въ своемъ прежнемъ неприглядномъ видѣ. Офиціальное изслѣдованіе, произведенное въ 1898

---

[1]) Русская земская медицина. Москва. 1899.

году [1]), показало, что изъ 19.292 промышленныхъ заведеній, подчиненныхъ дѣйствію фабричной инспекціи въ 1897 году, врачебная помощь въ томъ или иномъ видѣ оказывалась лишь на 3.488 фабрикахъ и заводахъ, т.-е. въ 18% всего ихъ числа съ 1.017.309 или 69,9% рабочихъ. Такимъ образомъ, 15.804 фабрики съ 436.616 рабочими не оказывали послѣднимъ никакой врачебной помощи. Степень обезпеченія рабочихъ врачебной помощью по отдѣльнымъ мѣстностямъ представляла чрезвычайное разнообразіе: въ однѣхъ губерніяхъ врачебная помощь оказывалась на большинствѣ фабрикъ, въ другихъ — всего на одной или двухъ фабрикахъ изъ сотни.

Однако, настоящее положеніе дѣлъ выясняется, когда знакомишься съ *качествомъ* фабричной медицины. Лишь на 1.028 фабрикахъ оказывалась не только первоначальная амбулаторная, но и больничная помощь. Но только немногія фабричныя больницы удовлетворяли своему назначенію, большинство же было устроено только „для формальнаго соблюденія требованій закона", что подтверждается и данными о расходахъ на ихъ содержаніе. Обычная стоимость годичнаго содержанія больничной койки опредѣляется въ 350 рублей. Между тѣмъ, на фабрикахъ она колебалась отъ 852 до 83 рублей, т.-е. опускалась до такой цифры, при которой сколько-нибудь удовлетворительная постановка больничнаго дѣла безусловно невозможна.

[1]) Врачебная помощь фабричнымъ рабочимъ. Спб. 1899.

Выводъ, къ которому приходитъ министерство финансовъ на основаніи собранныхъ данныхъ относительно состоянія фабричной медицины, далеко не утѣшителенъ. „Фабричная медицина,—читаемъ мы въ офиціальномъ изданіи,—въ настоящемъ ея видѣ есть преимущественно фельдшерская медицина со всѣми недостатками послѣдней. Болѣе или менѣе рѣдкіе наѣзды врачей не приносятъ рабочимъ никакой пользы; въ тѣхъ же случаяхъ, а ихъ большинство, когда фабричными лѣчебными заведеніями завѣдываетъ обремененный своими обязанностями уѣздный врачъ, нерѣдко одновременно состоящій врачомъ на всѣхъ фабрикахъ уѣзда, врачебная помощь рабочимъ становится вполнѣ фиктивной". Такой же безотрадный отзывъ о фабричной медицинѣ далъ д-ръ Дементьевъ на всероссійскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1896 году. „Неисполненіе закона 1896 года на фабрикахъ,—говорилъ докладчикъ,—явленіе обычное. Не только на фабрикахъ съ числомъ рабочихъ въ 100—200, но даже и на крупныхъ или вовсе не существуетъ никакой врачебной помощи рабочимъ, или имѣется нѣчто худшее, т.-е. поставлено гдѣ-нибудь требуемое закономъ число голыхъ кроватей, какъ единственный признакъ больницы, безъ какихъ бы то ни было самыхъ необходимыхъ ея принадлежностей; имѣется невѣжественный, нерѣдко вѣчно пьяный фельдшеръ, а врачомъ больницы номинально считается обыкновенно уѣздный врачъ, состоящій одновременно врачомъ на всѣхъ фабрикахъ уѣзда".

Съ того времени какъ были написаны эти строки, положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось къ лучшему. На съѣздахъ врачей раздаются все тѣ же старыя жалобы на неудовлетворительную постановку фабричной медицины. Такъ, на пятнадцатомъ съѣздѣ земскихъ врачей тверской губерніи въ 1903 году [1]) въ докладѣ врача Вислоуха констатировано было, что изъ тридцати фабрикъ и заводовъ губерніи медицинская помощь организована только на трехъ. Пять земскихъ врачей, два уѣздныхъ, одинъ городовой и шесть желѣзно - дорожныхъ находятся въ личныхъ соглашеніяхъ съ администраціей фабрикъ и періодически туда наѣзжаютъ.

А вотъ какъ поставлена была въ 1902 году врачебная помощь на фабрикахъ и заводахъ города Москвы [2]). Изъ 662 фабрикъ города Москвы собственныя амбулаторіи имѣются только на 246, остальныя 416 фабрикъ пользуются, если можно такъ выразиться, суррогатами амбулаторіи. Каждая фабрика подаетъ амбулаторную помощь рабочимъ на свой ладъ. Однѣ фабрики устраиваютъ амбулаторіи „по мѣрѣ надобности", другія—„на квартирахъ своихъ врачей",—въ числѣ ихъ и одна фабрика, имѣющая 550 рабочихъ; болѣе мелкія — при ближайшихъ участкахъ, одна—при клиникахъ, которыя бываютъ пять мѣсяцевъ въ году закрыты. Число фабричныхъ врачей въ Москвѣ значительно меньше числа фабрикъ. На всѣхъ фабрикахъ числится 179 врачей; изъ нихъ 120 врачей состоятъ при одной фабрикѣ, 27—при двухъ, 16—при трехъ, наконецъ, одинъ—при десяти фабрикахъ. Врачъ, завѣдующій амбулаторіями десяти фабрикъ, во всѣхъ своихъ амбулаторіяхъ принимаетъ своихъ больныхъ въ одни и тѣ же дни отъ 11—12 часовъ. При такихъ условіяхъ должно было быть хоть достаточное число фельдшеровъ. Но статистика показываетъ, что и эта замѣна врачебной помощи фельдшерской не имѣетъ мѣста. На всѣхъ 662 фабрикахъ города Москвы имѣется лишь 227 фельдшеровъ. Рабочіе, слѣдовательно, не только не обезпечены врачебной помощью, но даже фельдшерской.

Нечего говорить, конечно, о благоустроенныхъ больницахъ. Ихъ почти не было, такъ какъ обязательными постановленіями мѣстнаго присутствія законъ 1866 года былъ для города Москвы отмѣненъ. Изъ всѣхъ 662 фабрикъ больницы имѣлись лишь на одиннадцати.

Больные рабочіе вообще никогда не пользовались особенной защитой законодателя. Такъ, ст. 105 уст. пром. предоставляетъ завѣдующему предпріятіемъ право расторгнуть договоръ съ рабочимъ вслѣдствіе неявки его на работы по уважительнымъ причинамъ болѣе двухъ недѣль. Та же статья даетъ право расторгнуть договоръ съ рабочимъ въ случаѣ обнаруженія у него какой-либо заразительной болѣзни. И предприниматели сдѣлали широкое примѣненіе изъ 105 статьи. „Въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ,—разсказываетъ г. Дементьевъ,—вошло даже

[1]) Труды пятнадцатаго съѣзда врачей тверской губ. Тверь. 1904.

[2]) И. Д. Астраханъ. „Фабричная медицина города Москвы". Извѣстія московской городской думы за 1904 годъ.

въ обычай, какъ только рабочій заболѣваетъ, и есть основаніе предполагать, что болѣзнь его продолжится больше двухъ недѣль, и нѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, причинъ почему-либо особенно дорожить этимъ рабочимъ, онъ тотчасъ же предупреждается о расторженіи договора о наймѣ и, по прошествіи двухъ недѣль, лишается права на безплатное лѣченіе отъ фабрики".

По отношенію съ рабочимъ сказалось рѣзкое противорѣчіе между отдѣльными законоположеніями, опредѣляющими ихъ право на лѣченіе. Ст. 102 пром. уст. воспрещаетъ взысканіе съ рабочихъ платы за предоставленіе имъ врачебной помощи. Между тѣмъ, въ десяти городахъ имперіи (въ С.-Петербургѣ, Иваново-Вознесенскѣ; Харьковѣ, Кронштадтѣ, Москвѣ, Владивостокѣ, Одессѣ, Ростовѣ на-Дону, Варшавѣ и Николаевѣ) былъ введенъ особый больничный сборъ, взимаемый съ рабочихъ за право лѣчиться въ мѣстныхъ больницахъ. Расходы по лѣченію рабочихъ должны всецѣло пасть на фабрикантовъ,—такъ говоритъ справедливость, такъ гласитъ и законъ. А рабочіе изъ собственныхъ скудныхъ средствъ ежегодно уплачиваютъ опредѣленную сумму, которую должны были вносить наниматели.

Даже въ правящихъ кругахъ отлично сознавалась вся нецѣлесообразность больничнаго сбора, его несоотвѣтствіе съ дѣйствующими законоположеніями. „Больничный сборъ,—говорится въ запискѣ министерства финансовъ,—взимаемый со всѣхъ рабочихъ, въ томъ числѣ и съ фабричныхъ, въ обезпеченіе права даровой врачебной помощи, не всегда на практикѣ осуществляемаго, даетъ право однимъ владѣльцамъ фабрикъ вышеперечисленныхъ городовъ предполагать, что на нихъ постановленіе комитета министровъ не распространяется; другимъ же, исполняющимъ требованіе закона, независимо отъ взимаемаго съ ихъ рабочихъ больничнаго сбора, указывать на двойную тягость, которую такимъ образомъ несетъ промышленность".

И официальныя данныя министерства финансовъ служатъ подтвержденіемъ приведенныхъ словъ, выясняя растлѣвающее вліяніе больничнаго сбора на постановку фабричной медицины. Оказывается, число фабрикъ съ безусловно неудовлетворительной постановкой врачебной помощи въ городахъ съ больничнымъ сборомъ почти вдвое больше, чѣмъ въ прочихъ мѣстностяхъ Имперіи. Число фабрикъ, дающихъ своимъ рабочимъ больничную помощь, составляетъ въ городахъ съ больничнымъ сборомъ 1,4%, тогда какъ въ прочихъ мѣстностяхъ Имперіи 26%, при чемъ относительное число рабочихъ, пользующихся такой помощью въ городахъ съ больничнымъ сборомъ, составляетъ всего 7,4%, тогда какъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Имперіи 62,2% [1]).

И, несмотря на столь краснорѣчивые факты, больничный сборъ удержался въ нашемъ законодательствѣ. Когда варшавское городское по фабричнымъ дѣламъ присутствіе возбудило вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли установленный въ 1894 году

[1]) Врачебная помощь, l. c.

больничный сборъ взимать съ содержателей промышленныхъ заведеній, то въ отвѣтъ на это послѣдовалъ циркуляръ министра финансовъ, разосланный всѣмъ предсѣдателямъ присутствій по фабричнымъ дѣламъ. По мнѣнію министра выходило, что ст. 102 „отнюдь не можетъ служить препятствіемъ къ взысканію особаго больничнаго сбора съ горнорабочихъ въ пользу городскихъ общественныхъ учрежденій, принимающихъ на свои средства лѣченіе всѣхъ лицъ, уплачивающихъ этотъ сборъ".

Правительство оставалось вѣрнымъ себѣ и отнюдь не думало нарушить интересы предпринимателей. Время не внесло въ отношеніе бюрократіи къ рабочему вопросу никакихъ измѣненій. Если и произошла какая-либо эволюція во взглядахъ правительства на обязанности фабрикантовъ по отношенію къ рабочимъ, то эта эволюція была во всякомъ случаѣ не въ пользу рабочихъ. Такъ, по законопроекту 1893 года объ отвѣтственности предпринимателей за смерть и увѣчья рабочихъ на предпринимателей была возложена обязанность вознаграждать рабочихъ, пострадавшихъ отъ профессіональныхъ болѣзней. Соединенные департаменты государственнаго совѣта согласились съ такой постановкой вопроса. Въ 1900 году въ рядахъ правящихъ проводилась та же точка зрѣнія: организмъ рабочихъ преждевременно изнашивается отъ неблагопріятныхъ условій различныхъ производствъ, продолжительность жизни подъ вліяніемъ этого сокращается, и профессіональныя болѣзни должны быть приравнены, поэтому, къ „увѣчьямъ" [1]).

Несмотря на столь убѣдительныя разсужденія, министерство финансовъ исключило профессіональныя болѣзни изъ числа обстоятельствъ, создающихъ отвѣтственность предпринимателей. Практическое осуществленіе отвѣтственности предпринимателей за профессіональныя болѣзни,—рѣшило министерство финансовъ,—„представило бы чрезвычайныя затрудненія, породило бы рядъ крайне крупныхъ недоразумѣній и было бы даже несправедливо". А въ объяснительной запискѣ къ законопроекту 1905 года о врачебной помощи рабочимъ министерство старается обосновать взглядъ, въ силу котораго профессіональныя заболѣванія должны быть исключены изъ круга тѣхъ недуговъ, которые не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ въ смыслѣ срока и вида лѣченія, какъ это сдѣлано по отношенію къ травматическимъ поврежденіямъ. „На предоставленіе рабочимъ права на безсрочное лѣченіе профессіональныхъ болѣзней,—говорится въ запискѣ,—наравнѣ съ потерпѣвшими отъ несчастныхъ случаевъ, едва ли можно согласиться. Ограниченіе срока, въ теченіе котораго рабочій обязательно долженъ быть призрѣваемъ, предположено единственно лишь въ цѣляхъ огражденія фабрикантовъ отъ притязаній неизлѣчимыхъ и хрониковъ на неопредѣленно долгое содержаніе въ больницахъ и превращеніе, такимъ образомъ, безплатной врачебной помощи въ обязательство призрѣнія

[1]) Л. Г. Лунцъ. Сборникъ статей, 1. с.

инвалидовъ". Единственная льгота, которую записка соглашается предоставить рабочимъ, сводится „къ строгому врачебному осмотру и къ отказу въ пріемѣ на работу людей хворыхъ или неспособныхъ, по слабости здоровья, переносить безъ риска заболѣванія неблагопріятныя условія того или иного занятія".

Мы видимъ, такимъ образомъ, что законодатель не обнаруживалъ особенной склонности обезпечить рабочему защиту его правъ даже во всемъ томъ, что касается охраны его здоровья. Еще при обсужденіи проекта 1903 года положенія о вознагражденіи увѣчныхъ, министръ юстиціи настаивалъ на включеніи указанія, чтобы на фабрикахъ и заводахъ, имѣющихъ не менѣе опредѣленнаго числа рабочихъ, находился постоянный врачъ, и чтобы всѣ фабричныя и заводскія больницы находились въ завѣдываніи врача. Но справедливое замѣчаніе министра юстиціи не было принято во вниманіе.

Нарушая законъ 1866 года, предприниматели чувствовали за собой опору власти и безцеремонно обращались съ заболѣвшими рабочими. Опора власти особенно ярко сказалась въ запискѣ къ законопроекту 1905 года, которымъ правительство пыталось умиротворить рабочихъ. Министерство финансовъ взяло въ этой запискѣ фабрикантовъ подъ свою горячую защиту. „Неудовлетворительность фабричной медицины,—говорится въ запискѣ,—въ настоящемъ ея видѣ лишь отчасти зависитъ отъ неисполненія извѣстнымъ числомъ фабрикантовъ требованій закона, въ значительной же степени обусловливается простымъ незнакомствомъ ихъ съ чуждымъ для нихъ дѣломъ и неумѣніемъ обставить его лучше". Къ тому же соблюденіе закона 1866 года „ложится крайне неуравнительнымъ, а во многихъ случаевъ прямо непосильнымъ для владѣльцевъ промышленныхъ заведеній налогомъ".

При такой поддержкѣ со стороны власти, при такомъ попустительствѣ нарушенію закона, было бы странно если бы предприниматели создали иную фабричную медицину, чѣмъ ту, которую они создали и которая нашла себѣ справедливую оцѣнку въ трудахъ министерства финансовъ.

III.

Какъ мы видѣли уже, на протяженіи десятилѣтій у насъ не было создано никакихъ нормъ для санитарнаго устройства фабрикъ и заводовъ. Правительство стѣснялось предъявить къ хозяевамъ какія-либо требованія относительно охраны жизни и здоровья трудящихся. Рабочіе проводятъ лучшіе часы въ затхлой атмосферѣ фабричныхъ помѣщеній, насыщенной часто вредными парами и побочными продуктами производства,—никто не обязываетъ хозяевъ устраивать совершенную вентиляцію. Рабочіе скучены въ тѣсныхъ жилищахъ, подрывающихъ физическія и духовныя силы,—законъ равнодушенъ къ этому и не заставляетъ фабрикантовъ отводить на каждаго трудящагося требуемое количество воздуха. Рабочіе постоянно имѣютъ дѣло съ опасными меха-

низмами и аппаратами, имъ на каждомъ шагу угрожаетъ увѣчье. Но не было создано никакихъ узаконеній, которыя заставили бы хозяевъ устанавливать предохранительные приборы. Можно думать, глядя на наши фабрики, что наука стоитъ на мѣстѣ, что противъ вредныхъ газовъ и органической пыли не придумано никакихъ спеціальныхъ средствъ, что люди должны умирать около машинъ, такъ какъ нѣтъ мѣръ для предупрежденія несчастій.

Между тѣмъ, Западъ показываетъ намъ, какъ много можно сдѣлать въ смыслѣ оздоровленія труда. Развитіе на Западѣ фабричной санитаріи и предохранительной техники находится въ тѣсной связи съ дѣйствующими тамъ на этотъ счетъ узаконеніями [1]). Такъ, по ст. 18 германскаго промышленнаго устава „при разрѣшеніи устройства промышленныхъ заведеній, подлежащее учрежденіе должно войти въ разсужденіе, не причинитъ ли производство опасности, вреда или существенныхъ неудобствъ съ общественной точки зрѣнія. По обсужденіи сего вопроса, между прочимъ, и со стороны строительныхъ, пожарныхъ и санитарныхъ требованій, въ разрѣшеніи отказывается, или таковое дается безусловно, или съ предписаніемъ тѣхъ условій, которыя окажутся нужными“. Требованія, предъявляемыя къ фабрикантамъ по части охраны здоровья и жизни рабочихъ, германскій уставъ о промышленности формулируетъ слѣдующимъ образомъ [1]). „Предприниматели обязаны такъ устраивать и содержать мастерскія, аппараты, машины и орудія и вести все производство, чтобы здоровье и жизнь рабочихъ были ограждены отъ техническихъ опасностей настолько, насколько это только возможно по существу производства. Особенно должно заботиться о достаточномъ освѣщеніи, о чистотѣ воздуха, о вентиляціи, объ удаленіи пыли, паровъ, вредныхъ газовъ и различныхъ отбросовъ. Необходимо также устраивать предохранительныя приспособленія, ограждающія рабочихъ отъ повреждений, которыя могутъ быть причинены машинами и ихъ движущимися частями и отъ другихъ опасностей, обусловленныхъ особенностями производства или рабочаго помѣщенія, а также отъ пожара. Должны быть составлены и объявлены рабочимъ правила о порядкѣ производства и о поведеніи рабочихъ, соблюденіе которыхъ обязательно требуется въ видахъ безопасности“. Кромѣ этихъ общихъ требованій существуютъ еще отдѣльныя правила для различныхъ отраслей производства, предусматривающія предупрежденіе болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Кромѣ того право изданія обязательныхъ санитарныхъ постановленій принадлежитъ еще промысловымъ страховымъ товариществамъ, разработавшимъ до мельчайшихъ деталей требованія, которыя должны быть выполнены въ цѣляхъ обезпеченія безопасности работъ.

---

[1]) J. H. von Zanten. Die Arbeitergesetzgebung in den Europäischen Ländern. Iena. 1902.

[1]) А. Н. Быковъ. „Фабричное законодательство“. Спб. 1909.

Кн. П. П. Трубецкой. Памятникъ Императору Александру III

на Знаменской площади въ С.-Петербургѣ.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

14

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III

Такія же узаконенія существуютъ въ Англіи. „Фабрики и мастерскія,—гласитъ статья третья извѣстнаго акта 1878 года [1]),—должны содержаться въ чистотѣ; воздухъ въ нихъ долженъ быть свободенъ отъ всякихъ испареній и зловонныхъ газовъ, происходящихъ отъ стоковъ для нечистотъ, отъ ретирадовъ и т. п. Онѣ не должны быть переполнены народомъ настолько, чтобы тѣснота могла вредно отражаться на здоровьѣ рабочихъ. Онѣ должны быть вентилируемы такъ, чтобы сдѣлать безвредными газы, пары, пыль и т. п. выдѣленія, вредныя для здоровья".

Весьма строгія санитарныя правила относительно промышленныхъ заведеній дѣйствуютъ въ Швейцаріи. Согласно закону 21 марта 1877 года, правительство имѣетъ право закрыть фабрику, если окажется, что „она представляетъ неудобства, угрожающія здоровью и жизни рабочихъ или сосѣдняго населенія".

Наша бюрократія никогда не проявляла особенной заботливости о жизни и здоровьѣ рабочихъ. „Наше законодательство,—говоритъ г. Литвиновъ-Фалинскій [2]),—котораго отнюдь нельзя обвинить въ излишней преданности рабочему классу,—не содержитъ никакихъ указаній въ отношеніи условій, обязательныхъ при сооруженіи промышленныхъ заведеній, ни въ отношеніи содержанія ихъ и производства въ нихъ работъ. Отсутствіе въ законѣ какихъ либо требованій санитаріи имѣетъ слѣдствіемъ то, что устройство большинства нашихъ промышленныхъ заведеній не удовлетворяетъ элементарнымъ условіямъ безопасности и правиламъ гигіены, способствуя значительному числу несчастій и заболѣваній рабочихъ. Точно такой же пробѣлъ въ законодательствѣ замѣчается и въ отношеніи мѣръ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни и здоровья рабочихъ во время производства ими работъ и при нахожденіи ихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ".

Дѣйствительно, состояніе фабрикъ и заводовъ всегда представляло собой нѣчто невозможное съ точки зрѣнія санитарныхъ требованій. Въ этомъ отношеніи за долгіе годы существованія нашей фабрики не произошло, за весьма немногими исключеніями, никакихъ перемѣнъ. И въ семидесятыхъ, и въ восьмидесятыхъ годахъ, и въ началѣ новаго вѣка все время раздавались однѣ и тѣ же жалобы на неустройство нашихъ промышленныхъ заведеній, на полное пренебреженіе здоровьемъ и жизнью рабочихъ.

Въ 1879 году московское губернское земство предприняло изученіе санитарнаго положенія фабрикъ и заводовъ во всѣхъ уѣздахъ губерніи. Матеріалы этого изслѣдованія, закончившагося лишь въ 1885 году, представляютъ собой въ высшей степени цѣнный матеріалъ, проливающій свѣтъ на положеніе рабочаго класса въ Россіи. Неприглядная обстановка русской фабрики развернулась во всѣхъ мелочахъ подъ руками такихъ опытныхъ изслѣдова-

---

1) Ibidem.

2) В. П Литвиновъ-Фалинскій. „Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи". Спб. 1900.

телей, какъ Эрисманъ, Дементьевъ, Погожевъ и др.

Что же представляла собой русская фабрика въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XIX вѣка? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ послужить описаніе мастерскихъ, приведенное въ общей сводкѣ данныхъ по санитарному изслѣдованію фабричныхъ заведеній московской губерніи[1]). „Одно изъ больныхъ мѣстъ нашихъ фабрикъ, — читаемъ мы здѣсь,—это полное отсутствіе заботы о чистотѣ содержанія мастерскихъ и даже самаго пониманія всей ея гигіенической важности. Надо сознаться, что грязному содержанію способствуетъ самое устройство мастерскихъ. Оштукатуренныя стѣны въ каменныхъ зданіяхъ встрѣчаются въ высшей степени рѣдко, обыкновенно же голые кирпичи лишь побѣлены, едва ли не разъ навсегда послѣ отстройки зданія, и затѣмъ, если побѣлка и возобновляется, то развѣ по прошествіи многихъ и многихъ лѣтъ, ибо почти вездѣ при осмотрѣ фабрикъ такія стѣны были найдены грязными, запыленными и засаленными. Стѣны бревенчатыхъ домовъ вездѣ и всегда голыя; оштукатуренныхъ или обшитыхъ тесомъ не встрѣчается нигдѣ. Полы вездѣ грязны. Они метутся только тамъ, гдѣ сметье представляетъ извѣстную цѣнность. Періодическое мытье половъ найдено только на трехъ фабрикахъ. Нужно ли говорить, что эта крайняя небрежность содержанія рабочихъ служитъ, между прочимъ, одной изъ серьезнѣйшихъ причинъ порчи воздуха? Безопасность рабочихъ, предупрежденіе несчастій съ ними на машинахъ, проводахъ и проч. также не даетъ владѣльцамъ фабрикъ особыхъ заботъ; даже разстановка машинъ, не регулируемая никакими правилами, дѣлается кому какъ вздумается, стараясь наивозможно больше использовать всякое свободное мѣсто и не обращая никакого вниманія на удобства и безопасность рабочихъ“.

Въ 1881 году проф. Эрисманъ взывалъ къ обществу, указывая на разрушительное вліяніе антисанитарнаго устройства фабрикъ. „Даже въ первомъ поколѣніи,—говорилъ Эрисманъ [1]),—ясно обнаруживается подрывающее организмъ вліяніе продолжительной и неустанной работы на фабрикахъ: кромѣ личныхъ наблюденій, на каждомъ шагу подтверждающихъ этотъ фактъ, намъ нерѣдко приходится слышать отъ фабричныхъ рабочихъ изреченія вродѣ слѣдующихъ: „вотъ я хожу лѣтъ 20 по фабрикамъ, да развѣ я теперь годенъ пахать землю!“

Въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ за 1886 годъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ жалобъ на антисанитарное устройство и содержаніе рабочихъ помѣщеній и жилищъ, на недостаточность принимаемыхъ мѣръ по обезпеченію рабочихъ отъ увѣчій. „Устройство рабочихъ помѣщеній, — говоритъ фабричный инспекторъ казанскаго округа [2]),— въ большинствѣ осмотрѣнныхъ мною

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по москов. губ., томъ IV, часть II. Москва. 1893.

[1]) Труды пятаго губернскаго съѣзда врачей московскаго земства. Москва. 1881.

[2]) А. В. Шидловскій. „Казанскій фабричный округъ“. Спб. 1886.

промышленныхъ заведенiй приспособлено почти исключительно къ требованiямъ производства для успѣшнаго его хода; удобства же рабочихъ, а тѣмъ болѣе санитарныя требованiя не приняты вовсе въ расчетъ. Мастерскiя почти всегда или темны, или грязны, или отличаются полнымъ отсутствiемъ вентиляцiи, или слишкомъ высокой температурой, а нерѣдко соединяютъ въ себѣ всѣ эти неблагопрiятныя условiя". Столь же безотрадныя данныя мы находимъ въ упомянутомъ отчетѣ о жилыхъ помѣщенiяхъ рабочихъ. „Въ большинствѣ осмотрѣнныхъ мною промышленныхъ заведенiй жилыя помѣщенiя для рабочихъ устроены безъ соблюденiя какихъ бы то ни было правилъ гигiены. Тѣснота этихъ помѣщенiй, въ которыя обыкновенно впускается для ночлега столько рабочихъ, сколько ихъ въ данную минуту нуждается въ ночлегѣ и сколько ихъ можетъ помѣститься на нарахъ и на полу комнаты, составляетъ почти общее явленiе, по крайней мѣрѣ, въ такъ называемыхъ казарменныхъ или общихъ помѣщенiяхъ".

Не отступаетъ отъ приведенной картины и санитарная обстановка въ промышленныхъ заведенiяхъ виленскаго округа [1]. „Полъ фабричныхъ помѣщенiй,—пишетъ д-ръ Городковъ,—покрытъ слоемъ грязи, стѣны запылены, потолки закопчены, окна, вслѣдствiе покрывающаго ихъ толстаго слоя пыли извнутри, слабо пропускаютъ дневной свѣтъ. Причина постоянной копоти въ укупорочныхъ отдѣленiяхъ табачныхъ фабрикъ зависитъ отъ употребляемыхъ для освѣщенiя и растапливанiя сургуча керосиновыхъ лампъ безъ стеколъ".

Въ другихъ отчетахъ констатируется недостаточное огражденiе опасныхъ механизмовъ и настойчиво указывается на необходимость изданiя по этому поводу соотвѣтствующихъ правилъ. „Представляется полезнымъ,—говоритъ В. И. Миропольскiй [1],—изданiе правилъ относительно освѣщенiя заводскихъ и фабричныхъ зданiй, дабы сдѣлать невозможными случаи освѣщенiя, вродѣ вышеуказаннаго на одномъ изъ заводовъ воронежской губернiи, гдѣ освѣщенiе производится въ лампахъ безъ стеколъ, отчего воздухъ дѣлается вреднымъ для рабочихъ".

Что говорить о жилыхъ помѣщенiяхъ для рабочихъ? Въ цитированномъ уже нами сборникѣ статистическихъ данныхъ по московской губ. мы находимъ о жилищахъ рабочихъ прямо ужасающiя данныя. Ни на одной фабрикѣ не имѣется никакихъ нормъ, по которымъ распредѣлялись бы жильцы по каморкамъ. Единственнымъ предѣломъ разселенiя служитъ лишь физическая невозможность втиснуть еще семью или одинокаго. „Заурядная непомѣрная грязь стѣнъ, потолковъ, половъ и наръ, какая почти всегда встрѣчается въ общихъ спальняхъ, мирiады клоповъ и прусаковъ, покрывающихъ потолки и верхнюю часть стѣнъ иногда буквально

[1] Г. И. Городковъ. „Виленскiй фабричный округъ". Спб. 1886.

[1] В. И. Миропольскiй. „Воронежскiй фабричный округъ". Спб. 1886.

сплошь,—такая грязь непосредственно зависитъ прежде всего отъ слабаго надзора, нерѣдко даже полнаго отсутствія всякой заботы со стороны фабричной администраціи".

Справедливый голосъ фабричныхъ инспекторовъ, поднятый ими въ защиту труда, не былъ услышанъ. Въ правящихъ кругахъ подробныя описанія фабрикъ вызывали явное раздраженіе (отчего печатаніе отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ и было прекращено), фабриканты же проявляли поразительное равнодушіе къ дѣятельности инспекціи по вскрытію вреднаго вліянія промышленныхъ предпріятій. Они знали очень хорошо, что правительство не дастъ ихъ въ обиду, не нарушитъ ихъ кровныхъ интересовъ. Когда Янжулъ опубликовалъ свой первый отчетъ о состояніи фабрикъ въ московской губерніи, въ сферахъ обнаружилось явное недовольство авторомъ. Большинство придерживалось того мнѣнія, что авторъ зараженъ „соціализмомъ" и что его необходимо было бы „сократить" [1]).

Равнодушіе фабрикантовъ къ фабричному законодательству вообще и къ проектировавшимся санитарнымъ мѣропріятіямъ отмѣчено проф. Янжуломъ [2]). „Къ сожалѣнію, — писалъ фабричный инспекторъ Янжулъ въ 1883 году,—долженъ сказать правду: насколько мнѣ извѣстно, большинство фабрикантовъ относится съ полнѣйшимъ индиферентизмомъ ко всему фабричному законодательству. Главныхъ причинъ такому равнодушію двѣ: во-первыхъ, вѣковая привычка видѣть законы невыполняемыми на дѣлѣ, во-вторыхъ, малообразованность и даже невѣжество многихъ изъ здѣшнихъ промышленниковъ. Непривычка къ дѣятельному вмѣшательству со стороны правительства въ ихъ отношенія къ рабочимъ и полный произволъ пріучили ихъ къ мысли, что благія предначертанія его всегда останутся лишь одними пожеланіями и что никогда и ни въ малѣйшемъ правительство не захочетъ въ чемъ-нибудь стѣснить или ограничить промышленниковъ. Нѣкоторые фабриканты мнѣ прямо и рѣшительно заявили, что законъ 1 іюня—де пустая затѣя, которую чиновники въ С.-Петербургѣ выдумали, но до конца довести ее не посмѣютъ".

Выводъ, къ которому пришелъ И. И. Янжулъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы въ фабричныхъ инспекторахъ, отличается безнадежностью. Отнюдь не зараженный соціалистическими тенденціями проф. Янжулъ вынужденъ былъ покинуть службу отчасти изъ-за того, чтобы не навлечь на себя еще большаго недовольства въ сферахъ, отчасти потому, что дѣятельность фабричнаго инспектора не давала ему никакого удовлетворенія. „Дѣятельность фабричныхъ присутствій, — пишетъ И. Янжулъ, — удовлетворяла меня все менѣе и менѣе: обвинительные приговоры, которые мнѣ удалось провести въ нихъ съ большой борьбой за злоупотребленія нѣкоторыхъ крупныхъ фабрикантовъ, вызвали апелляціи и были въ министерствѣ финансовъ положены подъ сукно.

[1]) И. И. Янжулъ. „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва". Спб. 1907.

[2]) Ibidem.

В. К. Сютаевъ,

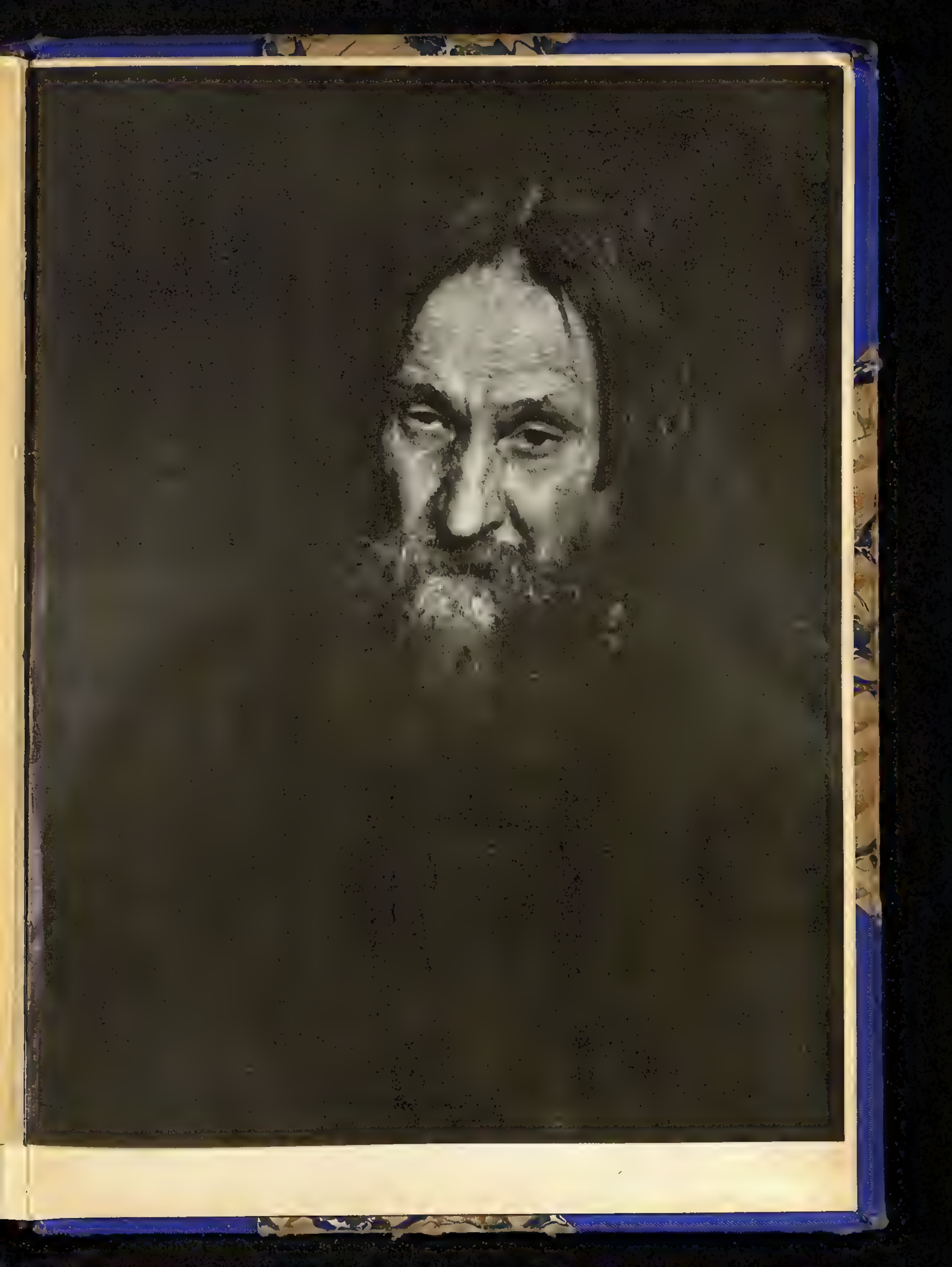
основатель новой евангельской секты въ Тверской губ.

Съ портрета, писаннаго И. Е. Рѣпинымъ. 1882 г.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

15

Фабричное присутствіе постановляло свои рѣшенія, а министерство какъ бы ихъ молчаливо отмѣняло, и дѣло не двигалось съ мѣста, происходило какъ бы повтореніе извѣстной басни: „Лебедь, ракъ и щука". Послѣ долгихъ колебаній и сомнѣній я пришелъ, наконецъ, къ заключенію о безполезности и даже невозможности своей дальнѣйшей инспекторской службы: никакого просвѣта въ будущемъ не предвидѣлось, и только одна мрачная сила давила и портила все сдѣланное".

Ясное дѣло, что никакія измѣненія къ лучшему въ бытѣ трудящихся не могли имѣть мѣста при такомъ отношеніи со стороны правительства и фабрикантовъ. Санитарія на фабрикахъ мало подвигалась впередъ. Въ началѣ двадцатаго вѣка мы видимъ тѣ же безотрадныя картины антисанитарнаго состоянія фабрикъ и заводовъ. Такъ, изъ доклада В. А. Левицкаго [1]) о санитарныхъ условіяхъ шляпнаго производства въ подольскомъ уѣздѣ, прочитаннаго имъ на пятнадцатомъ съѣздѣ земскихъ врачей московской губ., мы видимъ, что въ мастерскихъ шляпныхъ фабрикъ царятъ тѣ же безобразія, которыя были отмѣчены еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. „Воздухъ въ мастерскихъ,—читаемъ мы въ докладѣ,—во время работъ насыщенъ парами, которымъ, за отсутствіемъ вытяжекъ, нѣтъ выхода; пары имѣютъ специфическій запахъ и кислую реакцію отъ испаренія изъ котловъ сѣрной кислоты. Зимой тамъ, несмотря на постоянно подтапливаемую печь, очень холодно, особенно ногамъ, стоящимъ на земляномъ полу".

Другой авторъ д-ръ Дементьевъ [1]) жалуется на крайне антисанитарное состояніе фабрикъ и заводовъ, приписывая ему, какъ основной причинѣ, физическое вырожденіе рабочихъ, ихъ преждевременную старость и смерть. „Вездѣ, на всѣхъ фабрикахъ, говоритъ этотъ авторъ, встрѣчаемъ мы одно и то же: испорченный дыханіемъ (вѣрнѣе, отравленный выдыхаемыми органическими ядами и углекислотой) воздухъ и чрезмѣрно повышенная температура вслѣдствіе непомѣрнаго скопленія людей въ ограниченныхъ замкнутыхъ пространствахъ мастерскихъ". „Рабочіе,—говоритъ далѣе д-ръ Дементьевъ, — вовсе лишены свободы движеній не только на чистомъ, но и хоть сколько-нибудь сносномъ воздухѣ. Превращенные въ автоматовъ при машинахъ, въ простѣйшій механизмъ съ крайне простыми, легкими и однообразными движеніями, работая большей частью въ двѣ смѣны день и ночь, они обыкновенно не имѣютъ надлежащаго числа часовъ непрерывнаго сна, почти всегда лишены возможности вести сколько-нибубь правильную жизнь и почти никогда не отдыхаютъ, какъ слѣдуетъ". „На нашихъ фабрикахъ помимо своей болѣзнетворности въ обычномъ смыслѣ этого слова гораздо болѣе серьезное значеніе имѣетъ дѣйствіе воздуха, какъ никому незамѣтнаго, медленнаго, безболѣзненнаго яда, отравля-

[1]) Труды пятнадцатаго съѣзда. Москва. 1903.

[1]) Е. М. Дементьевъ. „Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ". Спб. 1899.

ющаго тысячи людей, понижая во всѣхъ отношеніяхъ ихъ физическія качества".

Неудивительно, если при такихъ условіяхъ рабочіе расплачиваются высокими цифрами заболѣваемости и смертности. Д-ръ Дементьевъ приводитъ несомнѣнный фактъ ничтожнаго количества рабочихъ старше 40 лѣтъ на фабрикахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Куда же уходятъ рабочіе послѣ 40 лѣтъ? На кладбище, — таковъ отвѣтъ. „Но лишь немногіе изъ нихъ умираютъ на фабрикахъ. Нашъ рабочій идетъ умирать на родину. Сплошь и рядомъ онъ знаетъ свою деревню лишь по наслышкѣ отъ отца, да изъ своего паспорта, но достаточно, если онъ знаетъ о существованіи тамъ какого-нибудь родственника, — онъ идетъ „на родину". Земскіе врачи, знающіе населеніе своихъ участковъ и ведущіе по собственной иниціативѣ посемейные списки заболѣваемости и смертности, знаютъ истинную причину высокой смертности въ деревнѣ: городъ и фабрику. Они знаютъ, что на другой же день по пріѣздѣ на „родину" вернувшіяся съ фабрики рабочіе будутъ сидѣть въ ихъ амбулаторіи со всѣми признаками различныхъ неизлѣчимыхъ легочныхъ страданій и по прошествіи очень короткаго времени будетъ отмѣченъ въ ихъ спискахъ, „умеръ отъ чахотки".

Не малую дань несетъ нашъ рабочій ежегодно травматизму. Въ наукѣ давно уже установился взглядъ, что число несчастныхъ случаевъ находится въ прямой зависимости отъ санитарныхъ условій работы. Россія же даетъ наибольшее число тяжкихъ поврежденій, часто кончающихся смертью. Вотъ таблица, составленная Кеппеномъ, показывающая цифры убитыхъ отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ. Число убитыхъ на 1000 человѣкъ рабочихъ составляло:

Годы:	Франція.	Бельгія.	Великобританія.	Пруссія.	Россія.
1890—1895	0,563	0,730	0,792	1,203	1,401
1896—1900	0,610	0,649	0,784	1,180	1,523

Изъ этой таблицы видно, что Россія занимаетъ первое мѣсто среди другихъ странъ Европы по количеству несчастныхъ случаевъ съ рабочими, оканчивающихся смертью, превосходя, напримѣръ, Францію въ $2^1/_2$ раза.

Тяжелое наслѣдіе оставилъ девятнадцатый вѣкъ двадцатому въ области санитаріи. Здоровье народныхъ массъ подорвано, и этому способствовала вся обстановка русской жизни, всѣ печальныя условія русской дѣйствительности. Оздоровленія народа,—эта насущная нужда современности—стала вопросомъ дня, который долженъ быть рѣшенъ такъ или иначе, чтобы спасти массы отъ угрожающаго имъ физическаго и духовнаго вырожденія.

